

АРМЯНСКИЕ  
ПОЭТЫ  
НОВОГО  
ВРЕМЕНИ

# АРМЯНСКИЕ ПОЭТЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

ЕВЛЕЛЮГЕНА  
ПОЭТА

Советская  
литература



# БИБЛИОТЕКА ПОЭТА ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

*Редакционная коллегия*

*Ю. А. Андреев (главный редактор),  
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, Г. П. Бердников, А. Н. Болдырев,  
А. С. Бушмин, Н. М. Грибачев, М. А. Дудин, А. В. Западов,  
М. К. Каноат, К. Ш. Кулиев, Э. Б. Межелайтис, А. А. Михайлов,  
Д. М. Мулдагалиев, Ф. Я. Прийма, С. А. Рустам, А. А. Сурков,  
М. Танк, В. Д. Федоров, М. Б. Храпченко*



*Большая серия  
Второе издание*



---

**С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ**

# АРМЯНСКИЕ ПОЭТЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

*Вступительная статья Э. М. Джрбашяна*

*Составление, биографические справки, примечания  
М. Г. Джанполадян и А. С. Шаруряна*

*Редакция стихотворных переводов  
Е. М. Николаевской*

В настоящем издании представлены выдающиеся армянские поэты XIX — начала XX века. С большинством этих поэтов русский читатель знаком по знаменитой антологии Валерия Брюсова «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней...» (М., 1916). По словам Брюсова, эти авторы «не имели права быть только художниками: положение родины обязывало их в той же мере быть трибунами, ...будить народное самосознание, ...посильно врачевать многовековые раны нации, укреплять в ней силы для борьбы и поддерживать веру в лучшее будущее...»

Такие виднейшие поэты, как Петрос Дурян, Ваан Текеян, Даниэл Варужан, Сиаманто, Мисак Мецаренц, Рубен Севак, впервые предстают перед всесоюзным читателем во всем идейно-тематическом и жанровом богатстве их самобытного творчества. Помимо широко известных переводов таких мастеров, как В. Брюсов, К. Бальмонт, С. Шервинский, Н. Тихонов, П. Антокольский и другие, в сборнике впервые публикуются работы современных московских, ленинградских и ереванских переводчиков.

## ПОЭЗИЯ СКОРБИ И БОРЬБЫ

### 1

Армянская поэзия и — шире — литература нового времени обладают существенной особенностью, которая определяется исторической судьбой армянского народа и требует специальных пояснений. Чтобы понять эту особенность, нужно начать издалека.

На протяжении веков армянская поэзия развивалась как единое художественное явление, и основой ее единства был единый национальный литературный язык. Мы не будем здесь обращаться к народной поэзии языческого периода, известной нам, к сожалению, лишь в отрывках. Однако с V столетия, когда Месроп Маштоц создал армянский алфавит и положил начало национальной словесности, армянская поэзия слагалась на древнем литературном языке — грабаре, который отчасти был в ту пору и разговорным языком придворных и церковных кругов. На грабаре написаны не только многочисленные историографические, философские, естественнонаучные труды, но и образцы духовной поэзии — шараканы, гимны, а также первая дошедшая до нас поэма светского содержания — «Плач на смерть Дживаншира» Давтака Кертога (VII век), — гениальная «Книга скорбных песнопений» Григора Нарекаци и его песни (X век), произведения многих других поэтов: Ованеса Саркавага, Григора Магистроса (XI век), Нерсеса Шнорали (XII век) и т. д.

В последующий период на грабаре по-прежнему создавались историко-философские, научные и догматические книги и разнообразные произведения религиозной поэзии, однако грабар утрачивал свои качества разговорного и общепонятного языка. В XII—XIII веках на смену ему идет литературный язык, который принято называть среднеармянским. На протяжении нескольких столетий, вплоть до XVI века, среднеармянский остается господствующим языком поэзии, особенно светской. На этом языке созданы стихи Фрика, Костандина

Ерзнкаци, Ованеса Тлкуранци, Мкртича Нагаша, Григориса Ахтамарци и многих других, такие яркие и самобытные творения средневековой народной поэзии, как песни скитальцев-пандухтов, а также любовные и философские четверостишия — айрены, которые по традиции приписываются поэту XVI века Наапету Кучаку, хотя в действительности этот жанр зародился раньше.

Однако уже в XVII столетии начинает постепенно формироваться третий по счету национальный армянский язык, получивший название ашхарабара. Правда, ему не сразу удалось проникнуть в литературу. Напротив, XVII, XVIII и даже первая половина XIX века отмечены вполне определенным стремлением возродить мертвый к тому времени грабар, носителями которого были церковные авторы, вновь сделать его языком поэзии. Эта тенденция усилилась после того, как в начале XVIII века в Венеции стала действовать конгрегация армян-католиков (мхитаристов), названная так по имени ее основателя Мхитара Себасти. Наряду с плодотворной научной деятельностью члены конгрегации занимались и поэзией, писали стихи религиозно-философского содержания, оды, элегии, героические поэмы и драмы. С их деятельностью связано возникновение в середине XVIII столетия армянского классицизма, достигшего своего расцвета к началу следующего века. Сочинения поэтов-классицистов Мхитара Себасти, Габриэла Аветикяна, Арсена Багратуни, Манвела Джахджаяна, Эдварда Гюрмюзяна, Элии Томаджана и других написаны на классическом грабаре, который делал стихи совершенно непонятными широким массам. В 1852—1854 годах в Венеции вышла в свет трехтомная антология упомянутых авторов, а в 1858 году — крупнейшее произведение армянского классицизма, огромная (свыше 22 тысяч строк) героическая поэма Арсена Багратуни «Богатырь Гайк».

Однако живое слово и поэзия не могли долго оставаться в оковах мертвого, ставшего уже искусственным языка. Если в предшествующий период к ашхарабару или народным говорам прибегали только отдельные авторы (Нагаш Овнатан и особенно Саят-Нова, писавший свои песни на тифлисском диалекте армянского языка, также и на грузинском и азербайджанском), то в 30—40-х годах XIX века картина резко меняется. Развиваются проза и поэзия на ашхарабаре, и предтечей их развития был основоположник новой армянской литературы Хачатур Абовян. Ашхарабар стал и поныне остается литературным языком. Здесь-то и проявилась та сугубо национальная особенность новой армянской литературы, о которой мы упомянули в начале статьи.

Дело в том, что ашхарабар — третий по счету литературный язык армянского народа — уже не был единым. С самого начала он распадался на две ветви и развивался как совокупность двух лите-

ратурных языков — восточноармянского и западноармянского. Параллельное и одновременное существование двух национальных литературных языков обусловлено рядом общественно-политических и культурно-лингвистических факторов.

Издавна лишенная государственности и национального единства, Армения в период формирования ашхарабара была поделена между двумя могущественными державами Востока — Ираном и Турцией. В районах, находившихся под персидским владычеством, и возникла на основе восточноармянских диалектов одна из ветвей ашхарабара, тогда как другая зародилась на основе западноармянских диалектов в пределах Османской империи. Новый литературный язык изначально складывался из совокупности двух ветвей — восточной и западной. И хотя эти ветви в целом довольно близки, а их носители легко понимают друг друга, между ними имеются и существенные различия — лексические, фонетические, морфологические и синтаксические; словом, они являют собой две нетождественные языковые системы.

Языковая ситуация и послужила основой того уникального феномена, каким стало наличие в новой армянской литературе двух ветвей — восточной и западной; это явление прослеживается на протяжении всего ее развития (до Великой Октябрьской революции две эти ветви нередко называли «литературой русских армян» и «литературой турецких армян»). Разумеется, несмотря на все различия в общественных и культурно-лингвистических условиях, армянский литературно-исторический процесс XIX — начала XX века оставался, в силу определенной общности социальных и национальных факторов, устремлений и идеалов, единым. Вот почему в Советской Армении давно отказались от весьма распространенного в дооктябрьский период принципа, согласно которому две ветви новой армянской литературы изучаются порознь, одна независимо от другой. Напротив, мы рассматриваем и анализируем их как неделимые части единой национальной литературы. Вместе с тем не следует игнорировать известных различий между ними — не только языковых, но и тематических, жанровых и стилевых — и того, что они опирались на разные литературные традиции и подвергались разным воздействиям.

Обе ветви новой армянской поэзии развивались бурно и плодотворно. Восточная, сформировавшаяся после освобождения Восточной Армении от персидского ига,<sup>1</sup> выдвинула столь крупные имена, как Хачатур Абовян, Рафаэл Патканян, Микаэл Налбандян, Смбаг Шахазиз, а позднее, в конце XIX — начале XX века, — Ованес Ованесян (Иоаннес Иоаннесиан), Ованес Туманян, Акоп Акопян, Аветик Исаакян, Ваан Терьян, Егише Чаренц и др. Творчество этих поэтов знакомо всесоюзному читателю: их произведения многократно из-

<sup>1</sup> Восточная Армения была присоединена к России в соответствии с Туркманчайским трактатом (1828).

давались по-русски в различных сборниках, антологиях и отдельными книгами, в том числе и в Большой и Малой сериях «Библиотеки поэта», о них имеется достаточно обширная литература на русском языке.

Что же касается западноармянской поэзии, то за несколько десятилетий своего развития она дала таких талантливых поэтов, как Гевонд Алишан, Мкртич Пешикташлян, Петрос Дурян, Атом Ярджаниян (Сиаманто), Мисак Мецаренц, Даниэл Варужан, Рубен Севак, Ваан Текеян и мн. др. Все они вместе взятые создали подлинное художественное богатство; их творчество — одно из блистательных достижений новой армянской литературы, способное вызвать серьезный интерес и за пределами Армении. К сожалению, это художественное богатство практически неизвестно русскому читателю. За исключением нескольких страниц в изданной под редакцией В. Брюсова антологии «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней...» (М., 1916) и появившихся в последние годы отдельных переводов в этом направлении ничего не сделано. Достаточно сказать, что произведения ни одного из упомянутых поэтов не изданы по-русски отдельной книгой. Настоящий том, призванный хотя бы отчасти восполнить этот пробел, включает в себя наиболее значительные стихи западноармянских авторов.

Понятие «западноармянская поэзия» (а следовательно, и данный сборник) хронологически охватывает приблизительно семьдесят — восемьдесят лет. Его начало — 40-е годы минувшего века, когда были созданы первые поэтические произведения на западной разновидности ашхарабара.

Питательной средой этой литературы было западное армянство — та часть армян, которая оказалась в границах Османского государства, а также образовала небольшие колонии в отдельных городах Западной Европы. Турецкое владычество распространилось на большую часть Армянского нагорья — историческую родину армян. Коренное население составляло здесь значительную массу до начала XX века, когда оно было истреблено или выселено в результате мер, планомерно осуществленных правящей верхушкой государства. Армяне обосновались также во многих городах Малой Азии — в Трапезунде, Измире и др., особенно многочисленны были они в столице Османской империи — Константинополе. Они пустили здесь свои глубокие корни еще с византийских времен.<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> Большую часть армянского населения Османской империи составляли крестьяне. Эта бесправная масса, оторванная от городских центров, подвергавшаяся непрерывным притеснениям со стороны турецкой администрации, кочевых курдских племен и турецких землевладельцев, все-таки сохраняла свой национальный облик — самобытный фольклор, народную музыку, обычаи и т. д. Однако с сре-

Западноармянская интеллигенция, сосредоточившаяся в основном в крупных центрах Турции, была тесно связана с европейской, преимущественно французской культурой, что наложило свой сильный отпечаток на весь ход развития западноармянской поэзии. В различных социальных аспектах деятельности этой интеллигенции сказалось влияние передовых демократических и просветительских идей эпохи.

Конечной точкой исторического развития западноармянской поэзии следует считать 10—20-е годы нашего столетия; после того как младотурки истребили большую часть коренного населения Западной Армении, а оставшиеся в живых рассеялись по всему свету, исчезло и понятие «западноармянская литература». Взамен возникла зарубежная армянская литература, которая и ныне создается армянскими писателями, живущими в различных уголках земли.

## 2

Мы можем с едва ли не абсолютной хронологической точностью указать дату возникновения западноармянской поэзии. Это 1847 год, когда в издававшемся в Венеции журнале «Базмавеп» появилось пространное стихотворение на ашхарабаре, названное «Страна армян» и подписанное дотоле неизвестным многозначительным именем Наапет (Патриарх). В редакционном примечании говорилось, будто это стихотворение было найдено в одном из старинных сборников, а его автор жил во времена персидского шаха Аббаса, то есть в начале XVII века. Вскоре на страницах «Базмавепа» появились другие стихотворения и поэмы за подписью Наапет («Аварайрский соловей», «Плачу по тебе, армянская земля», «Раздан», «Вершины Масиса»), и выяснилось, что автор стихов жил отнюдь не два с лишним века назад, а здравствует и поныне — это член конгрегации

---

дины XIX века в силу неблагоприятных условий национальной и социальной жизни начинается усиленный процесс разложения западноармянской деревни. Крестьяне вынуждены были массами уходить из родных мест в прибрежные города Турции и даже в далекие страны Западной Европы и Америки.

Городское армянское население Турции было неоднородным. Нелегкую борьбу за существование вели ремесленники, имевшие собственные организации. Определенную категорию составляли мелкие торговцы, фигуры которых характерны и для города, и для деревни. На вершине общественной лестницы — богатеи-«амира», сосредоточившие в своих руках значительный торговый капитал. Во второй половине XIX века в результате некоторых реформ, проведенных в Османском государстве, появился новый слой армян — правительственные чиновники («эффенди»).

мхитаристов молодой писатель и ученый Гевонд Алишан (1820—1901). Кто же такой Алишан и отчего он прибегнул к этой мистификации?

Хотя Алишан дожил до глубокой старости и перевалил рубеж нашего века, его поэтическая деятельность приходится преимущественно на 40—50-е годы. В последующие десятилетия, посвятив себя в основном науке, он создал многочисленные труды по истории Армении, географии и филологии, поставившие его имя в ряд крупнейших арменоведов. В 1857—1858 годах увидел свет пятитомник написанных на грабаре стихотворных произведений Алишана, объединенных в тематические циклы под общим названием «Напевы»: том I — «О детстве»; том II — «О желаниях. О размышлениях. О природе»; том III — «Об отечестве»; том IV — «О господе»; том V — «О печалях».

Стихи Гевонда Алишана, написанные на грабаре, отличаются широтой тематики, многообразием форм и размеров, а также лексическим богатством и представляют собой заметное явление в общем потоке художественного творчества мхитаристов. Однако они не выходят за рамки тематических, жанровых и формальных признаков поэзии армянского классицизма, следуя обязательным рационалистическим канонам этой школы. Включенные в пятитомник произведения — это в основном обращенные к богу, Христу, богородице, святым угодникам и видным церковным деятелям стихотворные молитвословия, а кроме того, проповеди и благопожелания по поводу религиозных праздников и обрядов. Поэт подолгу рассуждает о жизни и смерти, о взаимоотношениях человека и стихии, живописует времена года, бури и умиротворенный покой природы. Изредка он пишет стихи на случай, приурочивая их к различным повседневным событиям: смерти знакомых, встречам и разлукам, рождениям и крестинам.

И хотя во всех этих разнородных произведениях также виден галант, Алишан по-настоящему самобытен и выгодно отличается от предшественников лишь тогда, когда обращается к патриотической теме. Этой теме посвящен третий том «Напевов» — «Об отечестве». Здесь с особой силой проявился присущий армянским классицистам пристальный интерес к национальной истории, но более широкий и углубленный. Алишан посвящает вдохновенные поэтические строки крупным деятелям и примечательным эпизодам отечественной истории — начиная с подвигов легендарного прародителя армян Гайка до героических сражений IV—V веков и далее — до основания на венецианском острове Св. Лазаря конгрегации мхитаристов. В довольно крупной по объему поэме перечисляются и описываются географические местности исторической Армении («Земли Великой Армении»).

И тем не менее произведения, вошедшие в том «Об отечестве», не смогли бы сыграть поворотной роли в истории армянской поэзии, не будь среди них «Песен Наапета» (единственный созданный на ашхарабаре цикл в пятитомнике «Напевы», составленный из одиннадцати стихотворений и поэм). Именно этот цикл заложил основу западноармянской поэзии, принес Алишану всенародную известность и славу. Революционный демократ М. Налбандян в 1859 году говорил, что эти песни «вызвали во многих сердцах теплое чувство к имени Наапета»,<sup>1</sup> а через несколько лет добавил, что Алишану нет равных среди армянских поэтов. Впоследствии многие армянские писатели и литературоведы также характеризовали Алишана как крупнейшего национального поэта, имея в виду его место не только в армянской литературе, но и в развитии национально-освободительной идеологии.

В чем же причина исключительного успеха «Песен Наапета»? Безусловно, существенное значение имело то, что они написаны на ашхарабаре — языке, понятном и доступном широким массам. «Песни Наапета» стали доказательством того, что подлинную поэзию можно создать и на новом, разговорном языке, явились примером последующему поколению западноармянских поэтов. Правда, Алишан определенным образом стилизовал свои стихи, что естественно и неизбежно в период становления и формирования нового языка, привносил в ашхарабар элементы грабара, среднеармянского и даже диалектов, с тем чтобы возникла иллюзия временной отдаленности. «Песни Наапета» в высшей степени способствовали развитию и распространению нового литературного языка. Их роль в определенном смысле можно сравнить с той ролью, которую практически в то же самое время сыграл в восточноармянской культуре и жизни роман Х. Абовяна «Раны Армении» (написан в 1841 году, опубликован в 1858-м).

«Песни Наапета» возвестили о появлении нового в западноармянской литературе направления — романтизма. Алишан сломал строгие тематические, жанровые и композиционные рамки классицизма, и перед ним открылся широкий простор сильных, ничем не скованных чувств, вдохновенных дум о родине и могучего воображения. Обилие трагических и героических сцен, свободное смешение эпических и лирических элементов, вмешательство автора в развитие событий, стремление осмыслить историю в современном духе и служить современному эстетическому идеалу — все это говорит о том, что Алишан следовал здесь художественному методу романтизма. Влиянием европейского романтизма нужно объяснить и то, что

---

<sup>1</sup> М. Налбандян, Сочинения в 2-х тт., Ереван, 1968, т. 1, с. 398.

наиболее яркие и сильные проявления своего поэтического таланта — «Песни Наапета» — Алишан хотел сначала представить как творение неизвестного средневекового автора. Это был своеобразный «армянский оссианизм» — поэт стремился нарисовать зримый образ идущего из глубин веков певца, придать с его помощью своему слову убедительность и силу. Вот почему рядом с «северным Гомером» — Оссианом — возник образ Наапета, которого Алишан звал «Вергилием или Гомером армянских долин». Чтобы напомнить современникам, какие художественные ценности создали армяне в прошлом, и вдохновить их, поэт в тот же период активно собирал средневековые народные песни, а в 1852 году опубликовал их отдельной книгой — по-армянски и в английском переводе.

По своему содержанию «Песни Наапета» делятся на две группы — стихи о нынешнем дне родины и о ее минувшем дне. Это деление сугубо условно — в миросозерцании и поэзии Алишана история и современность неразрывно связаны и то и дело словно бы меняются местами: прошлое осмысливается в свете сегодняшних проблем, а настоящее — в свете исторического опыта и традиций. Оттого в стихах, рисующих современную поэту Армению («Родина», «Страна армян», «Плачу по тебе, армянская земля», «Луна над армянскими могилами»), так много исторических реминисценций, так часто упоминаются выдающиеся люди и важнейшие события прошлого — ими пополняется арсенал патриотического воспитания молодежи. Правда, в песнях Алишана явственно слышны отзвуки той наивности и непосредственности в истолковании известных библейских сюжетов, которые были свойственны периоду национального пробуждения: Армения — колыбель человечества, здесь находился земной рай и жили Адам и Ева, Ной и Авель говорили по-армянски и т. п. Все это было нужно, дабы внушить людям веру в будущее, вселить в них чувство национальной гордости и единства:

Юноши мои! Вам теперь дана  
Родина армян, лучшая страна!  
Берегите в ней корень ваш и дом.  
Корнем крепок ствол, помните о том.

*«Страна армян»*

Свои страстные патриотические призывы Алишан подкреплял живописуя природу исторической Армении: ее горы и долины, реки и озера; эти пейзажи должны были возбудить у соотечественников любовь к родной земле и стремление знать ее. Особенно влекли поэта картины весеннего пробуждения природы, которые в его стихах становились символом грядущего политического возрождения родины,

Алишан был поборником активного, боевого патриотизма. Недаром в молодости его воодушевлял массовый размах итальянского освободительного движения. Чтобы обрести свободу, нужно прежде всего побудить народ к действию, приобщить его к новым идеям. Наиболее выпукло эти мысли выражены в стихотворении «Вершины Масиса», где иносказательно (беседа Большого и Малого Арарата) излагаются два разных взгляда на пути национального освобождения. Малый Арарат сомневается в будущем родины, он не видит сил, способных избавить ее от вековой униженности и неподвижности. А Большой Арарат верит, что под вечными снегами еще есть силы, которые однажды пробудятся и поведут многострадальную отчизну по пути спасения. «Для армянства свет» зажжется вновь,

...если весь народ  
Общую к добру волю соберет.  
А когда добро род армян сплотит,  
Он себе и нам славу возвратит.

Такова нравственная программа, с которой Алишан связывал перспективы национального возрождения.

Исторические поэмы и стихотворения Алишана посвящены различным событиям и эпохам. В поэме «Шаваршанова лилия» тепло и лирично излагается предание времен проникновения в Армению христианства (III—IV века) о мученичестве девы Сандухт. А самая крупная поэма Алишана «Аварайрский соловей» повествует о битве на Аварайрском поле (451 год) — главном эпизоде восстания армянского народа под предводительством Вардана Мамиконяна против персидского владычества. Стихотворение «Ашот Железный на озере Севан» — это эпическая картина войны против арабских захватчиков (начало X века). В этих произведениях Алишан одинаково успешно выступает и как эпический художник, увлеченно изображающий героические подвиги, и как лирик, выражающий душевные волнения и тревоги. Лирическая стихия преобладает в привлекающих непосредственностью чувств и искренностью патриотических раздумий стихотворениях «Армянский гений», «Последняя песня раненого гусана», «Раздан».

Пожалуй, наиболее популярное произведение Алишана — «Раздан». Его лирический герой Бабкен, вернувшись из странствий на родину, застаёт здесь опустошение и разруху: персы насильно изгнали армян из родных мест и увели на чужбину. Вот почему в обращенном к водам реки монологе звучат боль и мука, тоска и мечта — это исполненный горечи плач по настоящему и жажда грядущего избавления:

Раздан-река, поток родной,  
Раздан, сладчайшая струя.  
К тебе, покинув край чужой,  
Пришел, Бабкен-скиталец, я.  
Раздан! Ах, струй родимых бег!  
Об чем грустишь, безмолвный брег?

Сколь ни разнообразны входящие в «Песни Наапета» стихотворения, все они составляют единое целое. В основе этого единства лежит патриотический пафос. Однако не менее важную роль играет и то, что сквозь весь цикл проходит образ вымышленного средневекового певца, и нам исподволь, постепенно открывается его объятая волнением душа, его отношение к миру. Этот образ оказывает влияние на выраженные в цикле мысли и настроения, на композицию и язык. Алишан первым внес в армянскую литературу принцип поэтического цикла и культуру исторической и языковой стилизации, обогатив тем самым арсенал национального поэтического искусства.

Гевонд Алишан создавал свои сочинения — и стихотворные, и историко-географические, и филологические — вдали от родины, на берегах Адриатического моря. Более того, на протяжении десятилетий он ни разу не посетил родную землю, которую воспевал в своих книгах с такой неподдельной любовью, нежностью и печалью. Эта, на первый взгляд, поразительная странность объясняется тем, что романтические представления Алишана об отечестве трудно было примирить с реальностью — расчлененностью родины, томящейся под чужеземным игом. Недаром один из современников Алишана писал: «Он сошел бы с ума, доведись ему воочию увидеть нынешнюю Армению — бедствующую, разоренную, являющую собой пепелище; он всегда видел перед своими глазами древнюю Армению — живую, прекрасную и свободную, и ему не хотелось, чтобы грубая действительность разрушила это видение».<sup>1</sup>

Однако трагическое противоречие между идеалом и реальностью все-таки не помешало Алишану создать блестящие патриотические произведения, не только отразившие политическое положение родного народа, но и оказавшие могучее воздействие на общественное сознание и дальнейшее развитие армянской литературы. Не одно десятилетие Гевонд Алишан был в числе наиболее популярных армянских поэтов. Его влияние испытали и позднейшие западноармянские поэты — от М. Пешикташляна до Д. Варужана, и представители восточной ветви армянской литературы — Р. Патканян, С. Шахазиз, Г. Агаян, Ов. Туманян и др.

---

<sup>1</sup> Анаит, Париж, 1902, № 4, с. 71—72 (на арм. яз.).

С 50-х годов прошлого века западноармянская поэзия развивалась преимущественно в Константинополе, городе, который в это время стал одним из крупнейших центров армянской культуры — литературы, театра, печати и педагогики. Этому способствовало его географическое положение и, конечно, то, что в самом Константинополе и его пригородах обитало множество армян, жизнь и социальные, национальные чаяния которых непосредственно питали литературу и ее наиболее чуткий к новым общественным веяниям вид — поэзию. Обращение поэтического слова к народным массам и к духовному миру отдельного человека прежде всего заметно в творчестве двух крупнейших поэтов 60-х годов — Мкртича Пешикташляна и Петроса Дуряна, которых с полным правом можно назвать «властителями дум» тогдашней армянской общественности. И Пешикташлян, и Дурян совмещали поэзию с драматургией: писали исторические пьесы, стремясь всячески способствовать развитию национального театра — самого массового искусства своего времени. Однако всенародная их слава связана главным образом с лирикой, гражданской и интимной. При всем том Пешикташлян и Дурян отнюдь не повторяли один другого, являя собой совершенно несхожие поэтические индивидуальности.

Творчество Мкртича Пешикташляна (1828—1868) еще в значительной мере связано с наследием венецианских армянских поэтов. Эта связь во многом обусловлена биографией: юношей Пешикташлян учился в Италии, в одной из армянских школ, у известных писателей и ученых — членов мхитаристской конгрегации. Не случайно он не только обратился к предшественникам-классицистам с циклом стихотворных посвящений, но и написал, следуя их традициям, множество стихотворений на грабаре. Эти стихи, повествующие об историческом прошлом Армении, полны сугубо отвлеченных рассуждений о жизни и смерти, природе и человеке. Однако уже в середине 50-х годов в поэзии Пешикташляна произошло то же, что несколько ранее произошло в творчестве Г. Алишана, — переход от канонов армянского классицизма к миру остроконтрастных и ярких романтических чувств, красок и настроений. Добавим также, что, в отличие от Алишана, Пешикташлян наряду со стихами на патриотические темы создал и стихи, в которых глубоко и тонко изобразил муки любви и красоту природы. Именно это имел в виду Паруйр Севак, когда назвал Пешикташляна «основоположником и первым классиком новой армянской лирики».<sup>1</sup>

<sup>1</sup> П. Севак, Собр. соч. в шести томах, Ереван, 1974, т. 5, с. 333 (на арм. яз.).

Прекрасное заключено для поэта в мягкой и элегической грусти, гармонии, умиротворенности чувств. Такова и любовь его лирического героя: она тиха и застенчива, исполнена скромности, достоинства и просветленной, мудрой печали, лишена внешних, показных эффектов. Лучшее тому доказательство — стихотворения «К зефиру Алемдага», «Возвращение», «Прогулка у горы Великан», «Лира девы», «Слезы девы», «Летите, мои песни» и др.

И все-таки поэтическая слава Пешикташляна в первую очередь зиждется на его немногочисленных, но достигших истинного совершенства патриотических стихах. Они, эти стихи, вдохновляли разные поколения, их пели и поют, они вошли в школьные учебники, их строки стали крылатыми. Вот одно из наиболее популярных стихотворений Пешикташляна — «Мы — братья». Поэт написал его, стремясь положить конец распрям между различными западноармянскими вероисповедными общинами — апостольской (григорианской), католической и протестантской. Эти распри ослабляли и без того расчлененный, лишенный государственности народ, причиняли боль подлинным патриотам и вызывали у них гнев и возмущение. Своим стихотворением Пешикташлян призывает соотечественников понять наконец, что все они — дети одного народа, и сплотиться, дабы возродить свою былую мощь и славу. Таким образом, стихотворение, порожденное конкретной национальной ситуацией, стало для всех патриотов подлинным гимном любви, единения и честного сотрудничества:

К единой цели устремленные,  
Мы к жизни возродить должны  
Не раз бедою опаленные  
Просторы отчей стороны.  
Всю землю обойди стократ —  
Не сыщешь слаще слова «брат»!

Жертвенная любовь к отчизне своеобразно воплотилась также в стихотворении «Весна», отмеченном, подобно всем лучшим произведениям Пешикташляна, классической ясностью и завершенностью, гармонической слитностью мысли и чувства. Поэта, которого терзает трагическое положение родины, не радуют на чужбине ни ласковый, навевающий покой ветерок, ни упоительные птичьи рулады, ни безмятежное журчание ручейка. Но сколь ни тяжка, сколь ни бедственна ситуация на родине, лирический герой жаждет оказаться на лоне родной природы, жить горестями своих соотечественников:

Пусть птицы и ветры отчизны моей  
Встречают в пути лишь руины,

Пусть хмур и невзрачен армянский ручей,  
Бегущий во мраке теснины, —  
Далекими вздохами отчей земли  
Они в мое сердце вошли.

Летом 1862 года в одной из армянских областей Турции — Зейтуне — вспыхнуло мощное народное восстание против османских угнетателей. Зейтунское восстание чрезвычайно воодушевило передовую армянскую интеллигенцию и вызвало немало литературных откликов. Лучшим среди них был цикл патриотических стихотворений Мкртича Пешикташяна («Армянский храбрец», «Смерть храбреца», «Похороны храбреца», «Храбрая армянка»). Поэт воплощает свой идеал в образе отважного и аскетически самоотверженного воина, проникнутого неиссякаемой любовью к родине и считающего высшей для себя наградой право сражаться и умереть во имя ее свободы. «Ты пал за Отчизну — ты праведно жил на земле» — эта строка из стихотворения «Похороны храбреца» — поэтическое воплощение патриотического идеала поэта.

Филологи давно установили, что два стихотворения Пешикташяна из его патриотического цикла — свободные переложения: «Армянский храбрец» — стихотворения Виктора Гюго «L'enfant», а «Похороны храбреца» — одного из стихотворений английского поэта Чарлза Вольфа. Последнее, кстати знакомое русскому читателю в переводе И. Козлова («На погребение английского генерала сира Джона Мура», 1826), вдохновило М. Лермонтова написать стихотворение, начинающееся строкой «В рядах стояли безмолвной толпой. . .».

Как известно, подобные переложения, согласно тогдашней литературной этике, считались совершенно правомерными. Следует также добавить, что в обоих случаях, перелагая стихи других авторов, армянский поэт полностью проявил свою самобытность. Висся в них множество изменений, он создал произведения, которые отвечали насущным запросам армянской действительности, по праву стали заметным явлением отечественной поэзии и воспитывали в патриотическом духе многие поколения.

Если творческий путь М. Пешикташяна длился около двух десятилетий, то Петрос Дурян (1851—1872) писал свои стихотворения и драмы на протяжении всего лишь трех-четырёх лет. Причем наиболее плодотворным стал для поэта последний год его жизни — 1871-й. Достаточно сказать, что в этом году написаны двадцать шесть из сорока дошедших до нас стихотворений Дуряна.

Что придавало силы изможденному туберкулезом двадцатилетнему юноше, что помогало ему уже на пороге смерти создавать поразительно глубокие и совершенные стихи, которым суждено было обессмертить его имя? Возможно, что и близкий, неотвратимый ко-

кец подвинул его предельно напрячь силы, хотя бы отчасти воплотить в слово отпущенный ему гениальный творческий дар и завещать родному народу осуществление самых сокровенных своих чаяний.

Все, что вышло из-под пера Петроса Дуряна, отмечено не только печатью яркого таланта, но и зрелостью мысли. Поэту удалось глубоко постичь социальное содержание исторических и современных ему событий. Молодые герои драмы «Театр, или Отверженные» Эдуард и Вардуй не в силах смириться с социальной несправедливостью, решают покончить жизнь самоубийством: «Мы уйдем из этого мира, в котором люди не равны, в котором человек вовсе не брат человеку и только у слабого есть стыд, совесть и душа...» Острым осознанием социальных противоречий проникнуты также исторические драмы Дуряна. В пьесе «Падение династии Аршакидов» дочь простого воина Шаандухт, похищенная деспотом-царем, с горечью думает: «Как же они различны, хижина и дворец!.. Между ними — пропасть, во тьме которой с факелом в руке возвышается справедливость: хижина содрогается от ветра, а дворец — от своих преступлений...»

Однако венцом творчества Дуряна безусловно стали его лирические стихотворения, навсегда вошедшие в сокровищницу многовековой армянской поэзии. «Он явился, чтобы стать опорой моста, исполненная дуга которого, перекинутая с берега на берег, должна была соединить айрены и Варужана, Саят-Нову и Терьяна, — образно сказал о Дуряне Паруйр Севак. — Он — первый гений нашей новой лирики и всегда будет стоять рядом с последним гением, потому что он не стареет, как не стареют улыбка и стон, смех и рыдание».<sup>1</sup>

Юноша Дурян создал свой неповторимый поэтический мир, не только исполненный могучей симфонии любви и муки, грез и надежд, но и отличающийся вполне четким пониманием взаимоотношений личности и общества, человека и природы. Все это воплотилось у него в своеобразных поэтических картинах, в достигающих ясности формулы строках, где гармонично слиты воедино мысль и чувство, идея и образ. Вот уже более ста лет эти стихи входят в сознание людей и становятся неотъемлемой частью их духовного мира.

Проблема взаимоотношений личности и общества была глубоко пережита Дуряном. Исходным моментом ее осмысления была собственная судьба поэта, о которой он говорил в одном из писем: «Вот юноша, явившийся на белый свет лишь затем, чтобы увидеть и ощутить свою смерть и несчастье».<sup>2</sup> Однако через характер, судьбу и драматические чувства своего лирического героя Дурян выразил и глубокое недовольство западноармянских демократических кругов

<sup>1</sup> П. Севак, Собр. соч., т. 5, с. 171.

<sup>2</sup> П. Дурян, Собр. соч. в двух томах, Ереван, 1971, т. I, с. 183 (на арм. яз.).

социальными условиями жизни и национальным гнетом, и мечты о справедливом, гармоничном обществе. Герой Дуряна чрезвычайно чуток к царящим вокруг несправедливости, равнодушию и унижению человеческого достоинства, болезненно переживает острые противоречия между идеалом и действительностью, с которыми сталкивается на каждом шагу. Об этом поэт с поистине трагической силой написал в «Озере» — одном из самых совершенных и цельных своих творений:

...Я толпою оттеснен:  
«Только тень да лира он».  
Кто-то молвил: «Бледен, хил».  
А другой — «Умрет!» — решил.

И никто не пожалеет  
И не скажет: «Что в нем тлеет?»  
Если мир его поймет,  
Может, он и не умрет...»

Трагедия одинокого, непонятого и отвергнутого человека, объятая сильными чувствами и яркими мечтами, запечатлена также в стихотворении «Мне говорят». Никому вокруг неведомо, почему задумчив и печален романтический юноша, никто не замечает скрытых за его холодным потускневшим взглядом сердечных бурь, не видит на горизонте его духовного мира яркого света и не чувствует его внутреннего волнения. Так в творчестве Дуряна многократно возникает трагическая ситуация, столь свойственная романтическому мировосприятию и эстетике: человек и общество противостоят друг другу, между ними — непреодолимый разрыв.

Дуряновскому идеалу счастливой и полноценной жизни присущи такие атрибуты, как девственная природа, чистая любовь и неограниченная свобода личности. Даже в том случае, когда уставшему от горечи бытия поэту приходится уповать лишь на потусторонний мир, его желания остаются совершенно земными, лишенными всякой мистики. Обращаясь к безвременно умершему другу Вардану Лутфяну, он восклицает:

Коль только есть там тень дерев,  
Коль бьет источник в той тени,  
Коль есть любовь, коль искони  
Там волен ветерка напев, —

Я гробу плоть свою предам,  
Которую изъел недуг,  
И поспешу к тебе, мой друг...  
Вардан! Ах, есть ли это т а м?

*(«Стон на могиле горячо любимого  
Вардана Лутфяна...»)*

Лирический герой Дуряна недоволен социальными условиями, и его протест, постепенно расширяясь, приобретает вселенский характер. Лучшее тому свидетельство — стихотворение «Ропоты», которое с полным основанием можно считать вершиной дуряновской лирики, средоточием и новой ступенью развития всех ее главных мотивов. Размышляя о своей судьбе и неизбежной, надвигающейся смерти, поэт приходит к мысли, что мир зиждется на несправедливости, начало которой положил сам бог, творец всего сущего. Следуя по этому пути, Дурян приходит к идеям романтического богоборчества.

По своей форме и содержанию «Ропоты» связаны с давней традицией армянской поэзии. Речь идет о поэтическом приеме, в основе которого — обращение к богу, разговор с ним. Вспомним, что еще в X веке Григор Нарекаци написал свою исполинскую «Книгу скорбных песнопений» как исповедь, обращенную к богу; в этом своем творении Нарекаци размышлял о сущности человека и мира, об их судьбах. А поэт XIII века Фрик в знаменитом стихотворении «Жалобы» осуждал, обращаясь к богу, царящие на земле социальное и национальное неравенство и несправедливость.

И вот к всевышнему взывает Петрос Дурян. Речь молодого поэта исполнена достоинства, он смело протестует против уготованной ему доли. Стихотворение развивается словно бы волнообразно: оно звучит то пылко, то уравновешенно, то увлеченно, то разочарованно, поэт то ищет в боге опору, то видит в нем заклятого врага. Воистину эти несколько десятков строк заключают в себе все этапы духовного движения лирического героя — от беспредельной любви к природе, жизни и человеку до горького признания: «И этот мир — насмешка божества!»

Многие стихи Дуряна посвящены любви, и в них видим мы то же ощущение трагизма бытия. Поэт и в любви не находит мирного пристанища, и здесь суждено ему испытывать лишь муки, ибо его страсть, восторг и самоотверженность остаются безответными или удостаиваются только иронического отказа. Характерно, что два стихотворения, неразрывно между собой связанные формой и содержанием и составляющие по сути единое целое, названы «Любовь» и «Отказ». Они представляют собой драматическую историю любви — от романтического упоения до отчаяния и измены, предрекающей лирическому герою грядущую гибель:

Раздумий смерч меня повлек  
И жгучим ядом душу ест.  
Сглотнув мечту в один присест,  
Насмешливо скривился рок.  
Ждет, ждет укромный уголок,  
Где надо мной поставят крест...

О, пламенный тоскливый жар!  
Я раб и пленник адских чар!..

(«Отказ»)

Приблизительно такое же развитие любовного чувства мы видим и в других стихотворениях («Я полюбил тебя», «Прощай», «Черным-черное» и др.). Однако при всем трагизме любовь в поэзии Дуряна никогда не утрачивает своего высочайшего смысла, неизменно оставаясь романтически недостижимым идеалом. Она не только безраздельно захватывает лирического героя, но и словно бы сообщает всему вокруг свою душу и краски, становится мерилom прекрасного. То или иное явление природы — от благоухающего цветка и до звезд в небе — потому и дорого поэту, что напоминает лицо, взгляд, походку любимой («Фиалка», «С нею», «Боготворю ее»). Именно через любовь Дурян приходит к пантеистическому восприятию природы, к ее обожествлению.

Но, сколь ни сильны, сколь ни драматичны были личные переживания поэта, они не сделали его безразличным к судьбе родины. Дуряновский идеал свободной отчизны связан с демократическими представлениями о равенстве и мире между людьми и народами. «Нам ни к чему копьё, и меч, и порох. Мы жаждем справедливости, любви и света, Опора армянина — братство, а не корона», — писал поэт в одном из стихотворений 1869 года. И пусть горько и тягостно покидать мир молодым, не вкусив по-настоящему ни любви, ни радостей жизни, горше всего для поэта сознание того, что он не в силах помочь своей несчастной родине:

Но в мире быть сухим листом  
И, гнет народного страданья  
Не облегчив, безвестно пасть —  
О, только это есть страданье!

(«Истинное страданье»)

Но поэт сознает и нечто другое, и это сознание несколько примирят его с неизбежностью скорого конца: пускай ты покидаешь мир — это еще не смерть, если своим делом ты оставил по себе добрую память в людских душах. Подлинная смерть — утрата этой памяти.

Если ж та могила станет  
Всем чужой и навсегда  
Память обо мне увянет —  
Знайте, что я мертв тогда!

(«Моя смерть»)

Мы вправе сказать, что юный гений, ушедший из жизни двадцати лет от роду, вечно жив, поскольку вечно живо в армянской литературе и в сердце народа его неувыдаемое слово. В своей известной статье «Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков» Валерий Брюсов писал: «Юноша Дурриан остается в истории армянской поэзии как яркий, огненный штрих: среди других, более спокойных поэтов, он показал, что значит в творчестве «темперамент», сила непосредственных переживаний, часто не только заменяющих «школу», «технику», но безмерно возвышающихся над ними».<sup>1</sup>

#### 4

Чрезвычайно высокий уровень, на который поднялась западноармянская поэзия благодаря завоеваниям М. Пешикташляна и П. Дуряна, долгое время оставался непревзойденным. Более того, в 70—80-е годы наблюдался определенный упадок поэтического искусства. Впрочем, и в эти десятилетия работало немало поэтов, по своему отражающих животрепещущие вопросы эпохи. Можно упомянуть, например, Мкртича Аджемяна, Товмаса Терзяна, Александра Паносяна, Симеона Фелекяна, Елиа Темирджипашяна, Карапета Воскяна и др. Однако никому из них не удалось вывести западноармянскую поэзию на новую дорогу. Обычным явлением стали перемены мотивов Пешикташляна и особенно Дуряна, варьирование их форм, эпигонство. И дело не только в том, что недоставало крупных поэтических дарований, а прежде всего в том, что в эти годы заметно изменились роли и удельный вес различных литературных жанров. В последней четверти XIX века не поэзия, отступившая на второй план, а проза полнее всего отражала жизнь и стремления западноармянской общественности. В этот период созданы прозаические и драматические произведения замечательного сатирика Акопа Пароняна, исторические романы Церенца, повести из современной жизни Србуи Тюсаб. Начавшееся в 80-е годы новое для западноармянской литературы реалистическое движение также преимущественно связано с прозой (рассказы и повести Арпиара Арпиаряна, роман Тиграна Камсаракана «Дочь учителя», новеллы Григора Зохраба, сатирические произведения Ерванда Отяна и др.). На фоне реалистической прозы достижения западноармянской поэзии 70—80-х годов были весьма скромными.

Однако в 90-е годы появилось поколение поэтов, возвестившее о начале нового подъема поэзии. В периодической печати и отдель-

---

<sup>1</sup> «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней...», М., 1916, с. 69.

ными книгами вышли в свет стихи Сипил, Левона Шанта, Рубена Ворберяна, Аршака Чобаняна, Ваана Малезяна, Ваада Текеяна и других, для творчества которых характерны обновление поэтического слова и попытки использовать формальные достижения новейшей европейской поэзии.

В этот же период вошла в литературу группа писательниц, которым свойственны были активные творческие поиски, — Србуи Тюсаб, Заруи Галемкярян, Анаис, Запел Есяян и несколько позднее — Ерануш Аршакян, Айкануш Марк и др. Среди них особенно следует выделить наследие Сипил (Запел Асатур, 1863—1934), сыгравшей заметную роль в обновлении и дальнейшем развитии возможностей поэтического слова. Она писала также и прозу (роман «Девичье сердце», новеллы и рассказы, литературные портреты и статьи), однако в истории литературы остались прежде всего ее стихи, опубликованные в сборнике «Отблески» (1902) и на страницах периодики.

Со стихами Сипил в армянскую поэзию вошли душевные тревоги, муки любви и жажда жизни, увиденные и осмысленные с позиций женской психологии и жизненного опыта. Изображая переживания женщины, поэтесса всегда была предельно искренна и прямодушна, что придавало ее стихам особое обаяние. Таков был неизменный принцип ее искусства. В статье «Отчего пишут женщины?» она говорила: «Нельзя, безусловно, требовать от любого пишущего большого таланта, но мы вправе требовать от него отвагу искренности; подлинная, не искаженная пошлостью задушевность достойна всяческого уважения».<sup>1</sup>

Нужно также отметить особую тщательность, с которой Сипил относилась к форме своих стихотворений, шлифовала и совершенствовала образы и язык, что и побудило такого прекрасного знатока мировой поэзии, как В. Брюсов, специально обратить на это внимание: «Г-жа Сипил... дала ряд красивых стихотворений, ни в чем не уступающих лучшим произведениям французской поэзии того же периода. В стихах г-жи Сипил есть что-то характерно-женственное, что редко встречается в армянской поэзии».<sup>2</sup>

Вот почему на стыке двух веков стихи Сипил стали новым словом в западноармянской лирике и, как отмечалось критиками, перекинули мост от творчества П. Дуряна к поэзии начала XX века, особенно к поэзии Мисака Мецаренца.<sup>3</sup>

Для стихотворений Сипил более всего характерны мотивы романтической элегии, словно создающие вокруг изображаемых ею кар-

---

<sup>1</sup> Масис, Константинополь, 1898, № 5 (на арм. яз.).

<sup>2</sup> «Поэзия Армении...», с. 89.

<sup>3</sup> См. предисловие Гургена Ванандеци к кн.: «Западноармянские поэты (Сборник избранных стихотворений)». Ереван, 1930, с. 31—32 (на арм. яз.).

тин природы и жизненных ситуаций некую тончайшую пелену. Прекрасный тому пример — стихотворение «Туча»; переосмысливая традиционный для романтической поэзии образ, поэтесса говорит о крушении своих желаний и грез:

Той туче светлой я свои вручила грезы,  
На небесах, в лучах серебряной луны,  
Но туча на клочки разбита; с вышины  
На землю падают пылающие слезы.

С родным сиянием она разлучена,  
Гонима злобными бичами ветра с силой...  
Ей в небе жизнь была; земля была могилой,  
Где радость помыслов навек погребена.

Зачастую мотивы элегической грусти связываются в стихах Сипил с конкретными событиями и человеческими судьбами, в особенности женскими. Героини ее лирики — это женщины, которые пережили большие невзгоды, подчас утратили самое дорогое («Кружева», «Больная конца века», «Бедная сумасшедшая», «Под кленом» и др.). О глубокой душевной драме повествует стихотворение «В монастыре», в котором романтический сюжет — девушка стремится вырваться из тесных стен своей обители — приобретает печальный, специфически женский оттенок:

Я жить хочу, а мне твердят про небеса!  
Хочу любви — они кричат: «Бог есть любовь!»  
В рассказах их Иов, Давид иль чудеса;  
Внушают: «Нам надежда — смерть! Не суесловь!»

...Я вдоха жду огнистых уст средь душевной тьмы,  
Порывы дум — ответных слов, страдая, ждущ...  
А мне в кровать, пред тем как спать, дают псалмы  
И на ночь крест на сердце мне, как знак, кладут!

И это, и многие другие стихотворения Сипил основаны на осознании острых противоречий между идеалом и реальностью. Однако, выражая недовольство западноармянских демократических кругов условиями османской деспотии, Сипил, в отличие от большинства поэтов как предшествующего, так и последующего периодов, не изображала конкретных картин национального гнета или же социальной несправедливости. Ее недовольство выражалось по преимуществу абстрактно-психологически — поэтесса болезненно сознавала несовместимость идеала и реального мира. При этом она неизменно отдавала предпочтение мечтам: пускай они и подменяют действитель-

ность иллюзией, зато вдохновляют на высокие и прекрасные порывы. Разумеется, это обрекало поэзию Сипил на некоторую пассивность. Для подобной психологической ситуации очень характерно стихотворение «Не говорите!». Поэтесса не желает слышать слов, отвергающих нравственные ценности, которые ей дороги, даже если сознает в глубине души справедливость этих слов: «Оставьте мне моих мечтаний яркий свет!» Эти строки можно рассматривать как своего рода эпиграф и ключ ко всему творчеству Сипил.

Любопытные тенденции развития западноармянской поэзии выражены в творчестве Рубена Ворберяна (1874—1931). Его стихотворное наследие составляют сборники «Цветы памяти» (1893), «Оазис» (1920) и поэма «Всплески», от которой до нас дошли только отдельные главы. Рубен Ворберян провел тяжелую скитальческую жизнь. Юношей покинув родные края, он попал в Константинополь, потом в Смирну (ныне Измир), затем около двух десятилетий прожил в африканском городе Джибути, а последние свои годы провел в Париже. Впечатлительный и непосредственный по натуре, поэт глубоко страдал оттого, что ему навсегда пришлось покинуть родину, и мотивы тоски, утраты надежд на возвращение, противоречий между высокими патриотическими порывами и горькой действительностью стали краеугольным камнем, стержнем его творчества. В стихах Р. Ворберяна многократно возникают выполненные в элегических тонах картины детства и отчего дома. Таковы и включенные в данный том стихотворения «Дорога моей деревни», «Мой домик», «Иди!..», «Розовый куст» и ряд других.

Я хочу тебя воспеть, как могу,  
Как мечту, что затерялась вдали,  
На краю земли, в дорожной пыли,  
На высоком на речном берегу.

Превратила тебя в пепел тоска,  
Разметали пепел ветер и дождь,  
Моего ты возвращенья не ждешь,  
И о всех ушедших скорбь велика.

(«Мой домик»)

Творчество Р. Ворберяна носит ярко выраженный романтический характер. Он был одним из тех армянских поэтов, которые на грани двух веков по-прежнему развивали мотивы и образы, формы и принципы классического романтизма. Этому в немалой степени способствовало сильное влияние романтиков прошлого, особенно Байрона, которое Ворберян испытывал на всех этапах своей творческой жизни. Прямым выражением этого влияния стала поэма «Всплески», отрыв-

ки из которой публиковались с 1906 по 1920 год. Это лирическая поэма, поэма-монолог, поэма-раздумье, написанная под прямым воздействием байроновского «Чайльд Гарольда» и как своеобразное его продолжение. В сопровождении байроновского героя армянский поэт путешествует по белому свету — от Палестины до Японии — и размышляет о минувшем, настоящем и будущем человечества. Но, где бы он ни был, его мысль и сердце неизменно в Армении, там, «где седой Масис здороваётся с веками» и куда он в конце концов возвращается. В поэме вновь звучат мотивы тоски по отчужденному дому и любви к нему, хорошо знакомые по лирике Р. Ворберяна: «Направлюсь неверной походкой к горестно журчащему ручейку, найду свой разрушенный дом, где в лад со звоном родника ветерок убаюкивает память и розовый куст...» (ср. стихотворения «Мой домик», «Иди!..», «Розовый куст»).

Прямым воплощением принципов классического романтизма можно считать также небольшую поэму «Адамово проклятие». Армянский поэт, переведший, кстати сказать, на родной язык поэмы Байрона «Каин» и «Небо и земля», вторит в ней романтическим мотивам богоборчества. Идея бунта против высшего произвола олицетворена здесь в образе Адама, возмущение которого и положило начало «мятежному атому» непокорности, распространившемуся в мироздании. Бог изображен в поэме злобным завистником: видя, что первые люди живут мирно и счастливо, он сам подталкивает Каина к братоубийству. Считая, что виновник совершившегося преступления — бог, Адам проклинает его и предрекает будущие страдания Христа:

...«Проклинаю тебя, Бесконечность,  
Пусть я — атом, но я покоряться не буду.  
Пусть заплачешь и ты, что заставил заплакать меня.  
Пусть однажды умрет твой единственный сын  
На глазах у тебя и ты руку ему не протянешь,  
Пусть твой рай опустеет...

Поэмы Р. Ворберяна — последние страницы «армянского байронизма», который, зародившись в середине минувшего века, по-разному проявился в творчестве ряда поэтов.

В середине 90-х годов на литературную арену вышел с первыми своими стихотворениями Ваан Текеян (1878—1945) — один из крупнейших представителей западноармянской поэзии. На протяжении своей полувековой творческой жизни он опубликовал шесть сборников стихов («Заботы», 1901; «Чудесное воскресение», 1914; «От полуночи до зари», 1919; «Любовь», 1933; «Армянские мотивы», 1943; «Песенник», 1944), а также множество прозаических, публицистиче-

ских и критических произведений, посмертно изданных в пятнадцатитомном собрании.

Ваан Текеян — поэт лирический, и лирика у него по преимуществу медитативно-философского склада. На первый взгляд его стихотворения спокойны и сдержанны. Чувства в них отнюдь не бурлят, они таятся вдали от поверхности, и обнаружить их можно лишь при внимательном и углубленном чтении. Об этом очень метко сказал зарубежный армянский писатель и публицист Андраник Царукян: «Поэзия Ваана Текеяна напоминает спокойные и полноводные равнинные реки, которые производят впечатление застывших, неподвижных. Кажется, будто они не текут, а стоят на месте. Ни шума, ни водоворота, словно это озеро, а не река. Но едва приблизиться и взглянуть попристальней, а вдобавок бросишь щепку, как тотчас почувствуешь и стремительное течение, и глубину, и мощь и лишь тогда поймешь, сколь беспредельны возможности, таящиеся в этой могучей водной стихии».<sup>1</sup>

Поэзия Текеяна кажется поэтому несколько холодной, однако она привлекает глубиной и точностью мыслей, подчас доведенных до ясности формулы. Текеян — поэт мысли, зачастую каждая его строка являет собою законченное суждение, по-настоящему прочувствованное и выстраданное (многие его строки, сосредоточившие в себе тревоги и надежды времени, стали крылатыми). Этим и объясняется то высокое признание, которым пользовалось творчество Текеяна в среде армянской интеллигенции и до первой мировой войны, и в особенности после 1915 года, когда оставшиеся в живых и рассеянные по всему свету армяне пытались осмыслить причины и масштабы постигшего их бедствия. Рассудочная в своей основе поэзия Текеяна нередко отвечала на эти вопросы.

На протяжении полувека поэзия Текеяна претерпела некоторые внутренние изменения, однако осталась в русле романтизма, осложненного определенным воздействием символизма. Болезненный контраст мечты и реальности — вот один из постоянных ее мотивов. Мечта или же реальная жизнь? — эта дилемма часто вставала перед поэтом, но он так и не решил ее до конца. Собственно, в этом и заключалась судьба западноармянской интеллигенции, лихорадочно искавшей пути для спасения родного народа: в попытках скрыться от леденящих душу картин жизни, уповать на мир прекрасной мечты и, разочаровавшись в нем, вновь идти навстречу суровой, безжалостной действительности. Эта душевная драма ярко выражена в стихотворении «Жить или мечтать?», само название которого уже указывает на трагическое противоречие.

---

<sup>1</sup> Ваан Текеян, Избранное, Бейрут, 1978, с. 232 (на арм. яз.).

Что лучше — жить или мечтать? И что важнее в судьбе?  
Где должно счастья искать: в мечте или в жизни своей?  
Мы не решили пока — но в беге всех наших дней  
Задача эта, как груз, лежит, душа, на тебе. . .

Конечно, легче мечтать, избегнув жизненных круч, —  
По кручам и по полям стремителен бег мечты. . .  
Но есть у ней у одной от замкнутой двери ключ —  
Несметных сокровищ блеск за нею увидишь ты.

Эти неизменные, неразрешимые противоречия, эта бесконечная череда надежд и разочарований привели к тому, что поэт не мог ни наслаждаться в полную меру жизнью, ни утешаться обманчивой мечтой. «Не взять нам жизнь от мечты, от жизни — не взять мечту» — к такому трагическому заключению приходит Текеян. В другом стихотворении он предугадывает свой путь: «Буду вечно шагать вослед мечте», — хотя прекрасно знает, что мечта недостижима. Это сознание обрекает лирического героя на трагическое одиночество, которое он испытывает всегда и повсюду и которое воспринимает как свой рок: «Вечно ждать и надеяться, надеяться, как надеялся прежде, и вечно оставаться одиноким. . .»

Трагическое мироощущение свойственно также почти всем любовным стихам Текеяна. Выражая существенные черты внутреннего мира лирического героя, эта любовь весьма своеобразна. Ее можно, пожалуй, назвать безответной, но не в том смысле, что она отвергнута. Нет, поэт с самого же начала предпочитает в одиночестве переживать и сладость мечты о любви, и трагическую горечь, ибо любовь кажется ему недостижимой. Он таит свои чувства не только от мира, но и от самой любимой. Даже имя ее, которое кажется поэту целой «книгой любви», он ни разу не произносит вслух: «Мир его не прочтет — не доверю стихам, не хочу! . . .»

Только в мечтах, только в душе лирического героя существует эта любовь, о которой знает лишь он один («Любил я, но ни одна из милых не может знать, насколько любовь сильна. . .»). Эта любовь ярко запечатлена в сонете «Красавицы» (сонет, кстати сказать, — излюбленная поэтическая форма Текеяна). По-настоящему прекрасна, считает поэт, лишь та, что, однажды пройдя рядом и никогда больше тебе не встретившись, оставляет в твоём сердце неизгладимую память. Прекрасна та, которая могла бы тебя полюбить, но ты «сберег ее сердце, не тронул ее любви». И наконец,

Красавицы только те, что сквозь желанья твои  
Прошли, ушли — и теперь их зов ты слышишь вдали. . .

Это романтическое понимание любви в конечном счете также выражало настроения тех слоев западноармянского общества, которые, не найдя выхода из суровой действительности, предпочитали искать убежище в мечтах.

Другая стержневая тема текеяновской лирики — прошлое и настоящее родины и ее будущая судьба. Эту тему поэт разрабатывал на всех этапах своего творческого пути. Однако с течением времени восприятие и истолкование им патриотизма существенно изменилось. Текеян одним из первых отдал обильную дань тому страстному интересу к далекому прошлому родного народа, который был характерен для западноармянской литературы начала века. Дохристианские времена поэт рассматривал как период национальной славы и могущества и посвятил целый ряд стихотворений эпизодам древней истории, царским усыпальницам и гохтанским певцам.<sup>1</sup> В стихах воспел он лампаду Просветителя и храм Звартноц, Масис и Раздан, ибо видел в них мощную опору духовного возрождения народа.

Величайшее национальное бедствие, постигшее армянский народ в годы первой мировой войны, отозвалось в поэзии Текеяна новыми трагическими мотивами и образами. Только благодаря случайному стечению обстоятельств не разделивший горькую участь многих своих собратьев по перу, Текеян чувствовал себя вдвойне обязанным поэтически осмыслить происшедшее. Потрясенный страданиями своих соотечественников, поэт взывал о помощи:

Там нечто страшное во мраке происходит —  
там убивают беспощадно и свирепо  
народ, который наделен и вкусом к жизни,  
и даром жить, и хорошеть, и обновляться,  
и это — наш народ, и убивают там —  
его. . . О, помогите, помогите!

*(«Там нечто страшное. . .»)*

Однако у Текеяна нашлись смелость и историческая прозорливость, чтобы преподать зарубежному армянству уроки стойкости и оптимизма и обратиться к своей разбросанной по свету нации с призывом к единству. Спасение зарубежного армянства он видел в «Армении, которая есть», то есть в Советской Родине. В последние годы жизни он посвятил ей вдохновенные строки: «О, как ты далека от наших грез. . . Ты лучше!» Этими крылатыми словами поэт восславил Советскую Армерию.

---

<sup>1</sup> Гохтанские певцы — исполнители языческих песен, распеваемых в области Гохтн. Отрывки из этих песен были приведены в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци (V век).

Ваан Текеян дожил до окончания второй мировой войны и стал одним из первых классиков нового этапа западноармянской литературы, развивающейся за рубежом. Его поэзия оказала сильное и глубокое влияние на формирование и развитие этой литературы и поныне пользуется широким признанием.

## 5

Последний и наиболее зрелый период развития западноармянской поэзии включает в себя первые полтора десятилетия нашего века. В истории западноармянского народа и его культуры они стали не только годами творческого подъема, активных поисков и художественных побед, но и временем трагических утрат.

По условиям общественной и художественной жизни этот период подразделяется на две части (1901—1908 и 1908—1915). В начале века была еще свежа память о чудовищных событиях середины 90-х годов, когда турецкая деспотия уничтожила около 400 тысяч армян. Лучшие представители художественной интеллигенции вынуждены были жить и творить в изгнании, поскольку армянская литература и печать в Турции постоянно испытывали на себе цензурные притеснения, подвергались преследованиям и травле. Положение не изменилось и после совершившегося летом 1908 года переворота, в результате которого к власти пришла партия младотурок. На первых порах казалось, что смена правительства привела к некоторым существенным изменениям в общественно-политической и культурной жизни страны, в том числе и к улучшению положения армян. Но очень скоро обнаружилось, что новое правительство, по существу, не изменило прежней национальной политики. В частности, в «армянском вопросе» был продолжен курс «кровавого султана» Абдул-Гамида. Ночью 24 апреля 1915 года было осуществлено жестокое истребление армян. Жертвами геноцида стали и многие выдающиеся представители армянской интеллигенции, вернувшиеся к этому времени из изгнания на родину в надежде на лучшее будущее. Апрельская трагедия оборвала жизнь Григора Зохраба, Даниэла Варужана, Сиаманто, Рубена Севака, Артасеса Арутюняна и других деятелей культуры.

Литературная деятельность этих писателей, прерванная в самом расцвете их творческих сил, и других авторов, судьба которых прямо не была затронута трагедией (Мисака Мецаренца, Тирана Чракяна (Интра), Ваана Малезиана и др.), ознаменовала собою период классической зрелости и совершенства западноармянской поэзии.

В первую очередь следует выделить творчество Мисака Мецаренца (1886—1908); раньше других своих соратников он завершил

жизненный путь, став еще одной жертвой «болезни поэтов» — чашотки. В Мецаренце словно бы повторилась судьба Петроса Дуряна, тем не менее мироощущения и творческие характеры этих авторов совершенно различны.

М. Мецаренц писал всего несколько лет, публикуя свои лирические стихи в периодической печати. Ему принадлежат также несколько новелл и стихотворений в прозе, литературно-критические статьи и переводы. 1907 год, когда один за другим увидели свет два сборника его стихов — «Радуга» и «Новые песни», — воистину стал в летописи западноармянской поэзии «годом Мецаренца». Эти книги долго оставались в центре внимания критики, порождая бурные столкновения разноречивых оценок. Часть критиков высоко оценила талант молодого поэта, другие всячески пытались объявить его стихи подражательными. В этих дискуссиях участвовал и сам поэт: он выступил с несколькими статьями («Опыт самоанализа», «Критика» и др.), в которых разъяснял и отстаивал свои творческие принципы.

Две книги Мецаренца сделали его уже при жизни одной из центральных фигур западноармянской поэзии. Он создал свой идейно-тематический и образный мир, выработал неповторимую художественную манеру, смог на деле осуществить мечту, о которой писал ровно за год до смерти: «Я стремлюсь, я жажду создать самобытную литературу».<sup>1</sup> Гуманистические идеи Мецаренца, самобытность и безукоризненное совершенство его творений оказали глубокое воздействие на все последующее развитие армянской поэзии. В одном из четверостиший Егише Чаренц сказал о нем: «Он солнце воспел и весну, этот больной, гениальный юноша».

На первый взгляд, в стихах Мецаренца трудно найти образы, настроения и мысли, отразившие общественные проблемы. Кажется, будто поэт занят лишь природой и сугубо личными вопросами. Однако, проникнув в суть его раздумий, мы убеждаемся, что они являются собой прямое следствие конкретных социальных обстоятельств и своеобразные ответы на запросы времени. Стихи Мецаренца выразили идеалы и настроения, а также и противоречия в умонастроении демократических, трудовых слоев западноармянской общественности. Отчаяние и печаль, трагическое чувство одиночества и мистические интонации сплетаются в них со светлыми гуманистическими раздумьями и страстной тоской по жизни, которая по большей части отражается в его восприятии природы.

Поэт любит описывать различные мгновения дня. Его лирический герой совершает своего рода путешествие по всему дню — от сумерек до полуночи и от первых рассветных лучей до полуденных

<sup>1</sup> М. Мецаренц, Полн. собр. соч., Ереван, 1981, с. 283 (на арм. яз.).

«приступов зноя». В поэзии Мещаренца особенно много ночных пейзажей, в них рельефно проступает социальное содержание его раздумий. Глубоко переживая трагический контраст между прекрасной мечтой и окружающей действительностью, поэт ищет чистое пристанище, где он мог бы оберегать и лелеять свои грезы. Это пристанище — ночная тишина, когда можно позабыть на миг о безотрадной реальности и предаться грезам о любви и покое: «Мысли проходят блуждающей тенью В поисках феи небесной и нежной, Мне обещавшей цветок утешенья. . .» Классически четко эти настроения выражены в стихотворении «Ясная зимняя ночь», открывающем сборник «Радуга». Это гимн-монолог, обращенный к ночи, навевающей «струи белых снов» и прогоняющей «мрак тревоги»:

Окно открыто нежности твоей.  
Позволь же, ночь, напиться нынче всласть мне  
И молоком твоей светлейшей страсти,  
И влажным волшебством твоих лучей.

И в этом, и в других стихотворениях культ ночи прямо связан с одним из основных свойств мироощущения поэта — жаждой любви и полноценной жизни. И неудивительно, что в его стихах так много говорится о поисках света и что очень часто поэт выступает как певец солнца, своего рода «солнцепоклонник»:

Я к пламени солнца взываю, я жажду луча,  
Как утренний воздух для бедной души благотворен,  
Для бедной души, о тепле возмечтавшей и море!  
Я к пламени солнца взываю, я жажду луча.

(«Песня рассвета»)

Осознанный контраст между мечтой и действительностью лежит в основе и любовных стихов Мещаренца. Им не свойственны ни бурные и трагические переживания, присущие П. Дуряну, ни воспевание сильных страстей и чувств, характерное для поэзии Д. Варужана. У Мещаренца любовь чаще всего остается далекой, яркой и недостижимой грезой, его любовные признания чрезвычайно нежны, застенчивы и робки.

Природа для Мещаренца не только объект изображения, но и источник особого мироощущения и философских размышлений. Свои чувства он почти всегда раскрывает в неразрывной связи с пейзажем: или они сплетаются воедино, или пейзаж пробуждает в его душе ответное чувство. Картины природы у Мещаренца всегда очеловечены, наделены его собственными переживаниями и тревогами. Он усматривает смысл и красоту в любом листочке и деревце, в лю-

бом дуновении ветра. Для него нет тайн в «книге природы», ему близки и понятны все звуки и краски, из которых он с удивительным мастерством создает образы один другого тоньше, глубже и своеобразней, передавая самые сокровенные движения человеческой души. При этом он предпочитает не бурные, тревожные, контрастные пейзажи, а безмятежные и гармоничные, навевающие мечты о самом дорогом, любимом и желанном. Наиболее характерным, поистине классическим примером того, как Мецаренц воспринимает и изображает природу, можно считать замечательное стихотворение «Под сенью акаций»:

Живые лепестки срывает ветерок,  
Наполненный благоуханьем сада.  
И к душам греза подступает и услада.  
А вечер перламутров и высок.

Акации, испив жары глоток,  
Качаются, дыша легко и чисто,  
Снежат цветами белыми душно,  
И ветер лепестки захватывает впрок.

В своих стихах и литературно-критических выступлениях Мецаренц развивал самобытную теорию о взаимоотношениях человека, природы и поэзии. Философия и эстетика Мецаренца выдают в нем пантеиста, отождествляющего бога с природой. Все в природе преисполнено для поэта глубочайшего смысла и разума. Наблюдая конкретную картину, он стремился возвыситься до разгадки тайн мироздания, стать в своей песне «струной вселенского общения». Наиболее полно это воплотилось в стихотворении «В каком опьяненье...». Разнообразные картины природы, увиденные и запечатленные исключительно тонко, становятся источником общей идеи поэта: все в природе — деревья и цветы, мотыльки и пчелы, моря, реки и родники — пронизано жаждой жизни, все стремится к совершенству, красоте и гармонии. Эта панорама всеобщего упоения благом бытия завершается пантеистической мыслью: все элементы природы исполнены божественной суги.

Такое понимание взаимоотношений человека и природы выявляет глубочайший гуманизм поэта — наиболее сильную сторону его мировоззрения и художественного мышления. Демократическое содержание гуманистических взглядов поэта и их связь с пантеистским мироощущением хорошо видны в небольшом цикле «Стать бы мне...» из сборника «Новые песни». Высказанные здесь желания, несколько необычные, имеют общий подтекст: в них поэт воплощает свою самоотверженную любовь к простым людям, потому что альтруизм для

него — высшее достоинство человека. Так, лирический герой мечтает стать ветром, чтобы стучаться в равнодушные людские сердца, пробуждая сочувствие и сострадание к обездоленным («Ветер»). Он хочет стать хижинкой, чтобы радушно приветить усталого, измученного путника, дать ему покой и тепло, овеять его мирным забытьем и золотыми снами («Хижина»). Он хочет, наконец, стать вечером, чтобы проникнуть в самые отдаленные уголки и одарить всех от щедрот своих («Вечер»). По своему содержанию к этому циклу примыкает одно из последних стихотворений Мецаренца «Дай мне, господь...». Поэт мечтает «почувствовать радость людей», чтобы любящим сердцем и щедрой рукой раздать эту радость всем и увидеть ее во взглядах и улыбках.

В противоположность мрачности и безысходности декадентства Мецаренц призывал к жизнелюбию, бодрости и оптимизму, главным источником которых он считал вечно живую, нестареющую природу. Мечтая стать «Светом, Цветом, Формой, Трепетом», поэт перекидывает мостик от этого абстрактного, на первый взгляд, желанья к своей эстетической программе:

Мне света счастья никогда бы не терять,  
Минуты солнечных улыбок и похвал  
В душе поэтов одинокой озарять...

(«Желанье»)

Итак, окрашенные пантеистским мироощущением идеи поэта в своем реальном содержании связаны с важными общественно-нравственными и эстетическими вопросами.

Всю свою недолгую жизнь Мецаренц неодолимо стремился к деревенским просторам, их природе и людям. С ранних лет оторванный от родных сельских мест, он жаждал «вновь увидеть деревню, жить в ней, обновить себя ее красотой» (из письма от 14 сентября 1907 года).<sup>1</sup> Эта жажда и породила мецаренцевские стихи и прозу, рисующие картины сельской жизни и труда. Правда, поэт оставался по преимуществу в пределах романтической пасторали, живописуя лишь поэтические стороны сельского быта. Но его пасторали внушали любовь к трудящемуся человеку, к простоте и открытости крестьянских нравов. Достаточно напомнить стихотворение «Полив» — эту емкую панораму душевно близкого поэту сельского быта, природы и труда, пленяющую удивительной осязаемостью деталей, игрой света и тени.

Еще при жизни Мецаренца в критике возник спор о связях его творчества с символизмом. В этом споре участвовал и сам поэт, многократно отмечавший, что он не следует сознательно какой-либо ли-

<sup>1</sup> М. Мецаренц, Полн. собр. соч., с. 289.

тературной школе, в том числе и символизму. Более того, можно сказать, что в некоторых принципиальных вопросах Мецаренц объективно противостоит раннему символизму. Так, если последнему присущ индивидуализм и эгоцентризм, то творчество Мецаренца по-настоящему гуманно; недаром он резко отвергал «бесчеловечное себялюбие». В отличие от символистов он считал источником поэзии не собственное «я» поэта, не его душу, а разлитую повсюду живую жизнь. Ему были чужды урбанистические пристрастия символизма, которым он противопоставлял «лучезарную жизнь, пульсирующую и бурлящую природу». Однако вместе с тем нельзя отрицать определенных связей Мецаренца с символизмом, одним из наиболее влиятельных направлений в литературе того времени. Заметную роль в формировании литературного облика армянского поэта сыграли М. Метерлиник, О. Уайльд, П. Верлен и др. Их влияние сказывается в стремлении уйти от реальной жизни в мир снов и иллюзий, объяснять ее явления вмешательством таинственных, мистических сил, равно как и в стремлении придать поэтическим образам двойной, символический смысл.

Поэзия Мисака Мецаренца во всей совокупности ее мотивов и художественных особенностей сыграла в западноармянской литературе начала века приблизительно ту же роль, какую в восточноармянской литературе тех лет сыграла лирика Ваана Терьяна. Можно сказать, что их творчество являет собою последний и наивысший этап армянской лирики дооктябрьского периода.

## 6

В армянской поэзии начала века исключительно большое место занимает патриотическая тема. Вызываемые судьбой родины боль и горечь обусловлены небывало тяжелым социально-политическим положением армянского народа, которое в начале XX столетия стало еще трагичнее. Турецкие власти, издавна травившие и преследовавшие армян, перешли теперь к политике геноцида, массовых погромов, политике, ставившей под угрозу само физическое существование народа. Совершенно закономерно, что, преисполненные глубокой тревоги за настоящее и будущее родины, армянские писатели старались своим словом укрепить в народе дух сопротивления, внушить соотечественникам веру в будущее. Один из крупнейших армянских поэтов того времени Ваан Терьян в 1914 году обратил на это особое внимание: «Главенствующая идея армянской литературы, ее основная движущая сила — это идея национальной независимости... Она, эта идея, красной нитью проходит через всю нашу литературу от ее истоков и по сей день, она стала ее неотъемлемым свойством, она в те-

чение веков окрашивала собою раздумья нашей интеллигенции и ее воображение, приобретая, разумеется, конкретные формы и различные оттенки, однако по существу оставаясь все той же, она стала неким фантомом, силой, подвигающей к героическим сражениям, к невообразимому напряжению духовной и материальной энергии; идея независимой родины, национального бытия стала некой недостижимой мучительной страстью».<sup>1</sup>

С особой остротой все эти черты выражены в творчестве западноармянских поэтов, на долю которых выпало не только описать страдания соотечественников, но и разделить их трагическую участь. В творчестве Даниэля Варужана, Ваана Текеяна, Рубена Севака, Арташеса Арутюняна, Левона Эсаджяна и многих других то и дело возникают картины резни и разрушений, окрашивающие их мироощущение в трагические тона.

Однако ни один армянский поэт не уделил этой теме столько внимания, сколько Атом Ярджян (1878—1915), более известный читателю под псевдонимом Сиаманто. Вернее, в лице А. Ярджяна мы имеем дело с поэтом, который с первых и до последних своих шагов в литературе сознательно отказался от всех прочих тем, личных и общественных, и полностью посвятил огромный свой дар бедственной судьбе родины, изображению неслыханных мук родного народа. Сиаманто — поэт одной темы, одной господствующей идеи. Но эта приверженность к единственной теме никогда не переходила в однообразие или повторение уже сказанного, потому что он всякий раз рассматривал проблему по-новому, выявляя новые глубины в содержании трагической темы, новые грани своего поэтического таланта.

Это стремление к единству — в его внутреннем многообразии — проявилось также и в формальных особенностях творчества Сиаманто. Отказавшись от традиционного для армянской поэзии силлабического стиха, он все без исключения свои произведения писал верлибром, став его первым и крупнейшим мастером в новой армянской поэзии. Та бурная пучина мыслей и образов, которая возникает в его стихах, не уместилась бы в правильных, канонических формах. Между тем верлибр давал возможность строить стихотворение по принципу раскованной ораторской речи, когда поэт не столько рассказывает о пережитом, сколько проповедует и вещает, поучает и пророчествует. Глубокую и меткую характеристику свободного стиха Сиаманто дал Д. Варужан: «В его поэзии нет ни упорядоченных размеров, ни рифмы. Но в ней есть гармония, которая заключается, во-первых, в максимальном сгущении образа в пределах одной стро-

---

<sup>1</sup> Ваан Терьян, Собр. соч. в 4-х тт., Ереван, 1975, т. 3, с. 55—56 (на арм. яз.).

ки, а во-вторых, в непрерывности дыхания, сила которого диктует строке длину, сообразную его длине». <sup>1</sup> Свобода стихового слова подчеркивается еще и тем, что произведения Сиаманто лишены рифмы и, кажется, вовсе не нуждаются в совпадении окончаний строк или каких бы то ни было вообще поэтических созвучиях.

Сиаманто отказался также от обычной композиции лирического стихотворения, построенной по принципу постепенного развертывания образа-переживания. Взамен он избрал свободную и несвязанную структуру, способную непрестанно расширяться, вбирая в стихотворение разнообразные факты национальной жизни, явления, имена и даже пространственные описания отдельных событий. Многие его стихотворения сочетают в себе пронзительную лиричность с пересказом тех или иных событий, довольно подробным и исполненным драматизма.

В определенном смысле можно также говорить о «многоголосии» поэзии Сиаманто. Заметим, что ни один армянский поэт не дал такого множества различных лирических героев, как он. В его стихотворениях слово дано не только самому поэту, но и многим участникам освободительной борьбы, различным представителям народа, умершим и здравствующим, обобщенному образу врага и конкретным лицам, родной природе, земле, птицам и полям... Однако при всем том поэзия Сиаманто строго едина в отношении стиля, интонации, ораторского духа. Едва ли не все многочисленные герои Сиаманто говорят в одной манере — в их речах неизменно слышится вдохновенный, величавый и патетичный, восславляющий и проклинающий, страстный и беспокойный голос поэта-пророка.

Сиаманто создал своеобразную лиро-эпическую поэзию, в которой высокая лирическая взволнованность и напряженность, непосредственность и страстность авторского голоса естественно сопрягаются с эпической широтой охвата, а композиционное единство — с многообразием сюжетных элементов.

Все эти качества стали очевидными в первой же книге поэта — «Богатырское» (1901). В нее вошли шесть больших стихотворений, неразрывно, подобно главам своеобразной поэмы, связанных между собой. Д. Варужан охарактеризовал сущность этого сборника тремя словами: преданность, сражение, победа. И в самом деле, поэт воспевает страдающих людей, которые вступают в схватку во имя свободы и своего права на жизнь. Но эти люди и их борьба изображены не прямо и реально, а символически-иносказательно. Идея страданий народа, борьбы и победы воплощена в сложных образах, ассоциативных и условных, подлинный смысл которых прячется за

---

<sup>1</sup> Даниэл Варужан, Поэзия Ярджаняна. — В сб.: «Литературные беседы», А. Ярджанян (Сиаманто), вып. VI, Константинополь, 1913, с. 34 (на арм. яз.).

несколькими слоями трюнов. Это затрудняет их восприятие, но зато понуждает мысль читателя к постоянной активности, заставляет сопоставлять подчас далекие друг от друга явления и понятия.

В своей следующей книге — «Сыны отечества» (три выпуска, 1905—1908) Сиаманто ошутимо приблизился к тому, чтобы художественно глубоко осмыслить трагизм и героику национальной жизни. Сыновья армянского народа в самых различных, но всегда трагических обстоятельствах — один лежит, сраженный ятаганом, подле разрушенного и сожженного дома, другой в слезах, терзаемый голодом, скитается под чужими небесами, третий страждет в застенке и гордо идет к виселице — таковы многочисленные картины, которые рисует поэт в этой книге. Однако Сиаманто — певец не только невзгод, но и борьбы, певец тех, кто сражается и мученически гибнет за свободу. Не случайно именно в этом сборнике помещено знаменитое стихотворение «Кавказ», вдохновленное борьбой против царского самодержавия в годы первой русской революции. Воплощая образ героического Кавказа, поэт связывает с его освободительной борьбой осуществление своих заветных помыслов:

Бей! К тебе взывает грядущее каждого, тобой живет надежда  
каждого из нас!

Бей! Ибо Свобода каждого и Солнце каждого родятся от искр,  
полыхнувших под твоим ударом!

Там же, в «Сынах отечества», появились стихи, в которых возникают настроения тоски по родине и призывы вернуться к ней; все это стало впоследствии одним из ведущих мотивов поэзии Сиаманто. Таково, к примеру, стихотворение «Голос земли»: родная земля, воплощенная здесь в образе разлученной с сыновьями матери, с мольбой зовет своих далеких детей возвратиться, возделывать ее заброшенные нивы.

«Главной книгой» Атома Ярджанияна, средоточием всех основных мотивов его творчества можно считать опубликованный в 1907 году сборник «Факелы агонии и надежды». Это название очень точно отражает два главных пласта в содержании книги: с одной стороны, картины народных мук и борьбы не на жизнь, а на смерть, с другой — ожидание и вера в возрождение родины. Поэт живет раздираемый противоречиями между душевной мукой и неистребимой мечтой об избавлении. Яркое впечатление о широте духовного мира Сиаманто и противоположных его полюсах дает стихотворение «Моя душа»:

Эта душа боль любого из вас испытала стократно;  
В бездне она на коленях стояла — на собственном пепле,



Достигшая высокого обобщения и поэтически «очищенная» скорбь одушевляет и такие стихотворения, как «Похороны», «Мои слезы», «Родной источник», «Жажда», «Влажны еще донны струны лиры...» и др. Сиаманто хотел верить, что его стихи не только выразят страдания соотечественников, но и вдохновят их на подвиги во имя родины. Не случайно одному из лучших его созданий дано поэтическое и программное название — «Я с песней умереть хочу». Образ идущего на бой за родину молодого воина — живое и цельное воплощение патриотического идеала автора. И одно из неотъемлемых свойств этого идеала — мечта и готовность «умереть с песней», готовность, о которой воин, обращаясь к поэту, говорит:

А ты воспой и боль, и мощь народа  
на этих чистых трепетных страницах  
В дар будущим счастливым поколениям,  
в дар нашей прошлой золотой печали.  
Я сир, мятежен, мне — потерянных искать...  
Прощай, мой друг...  
Дай песнь одну мне, песнь одну мне дай —  
я с песней умереть хочу!..»

Поэзия здесь сливается с понятием патриотического подвига. Написать стихотворение означает, по мысли Сиаманто, то же самое, что и вступить с оружием в руках в битву за родину, которой должно посвятить не только свой дар, но и жизнь.

Буквально все мотивы и настроения книги «Факелы агонии и надежды» нашли место в заключительном и наиболее объемном ее стихотворении — «Песнь рыцаря». В образе всадника, вернувшегося, чтобы сразиться за отечество, на берега родного Евфрата и увидевшего там лишь руины да трупы, — в этом образе много автобиографического. Он стал своеобразным синтезом всех аспектов эстетического идеала поэта, который вновь провозглашает здесь, что песня и борьба едины.

В 1909 году вышел сборник «Кровавые вести от друга» — самая мрачная и суровая по своему содержанию книга Сиаманто. Поводом к ее написанию стали происходившие в том же году массовые избиения армян в районе Аданы (Киликийская Армения). Жертвами преступлений стали несколько десятков тысяч человек. По свежим следам этих страшных событий поэт написал новую книгу, проникнутую мукой, болью и отчаянным протестом. Двенадцать стихотворений, вошедших в сборник, созданы в форме писем, корреспонденций. В каждом рассказывается о каком-либо трагическом событии, и каждое стихотворение становится, таким образом, единым и цельным сюжетным произведением. Стремясь показать фанатизм и садистскую

жестокость организаторов резни, поэт в описании деталей иногда доходил до натуралистичности.

Совершенно иной характер имеет цикл «Зов родины», снабженный подзаголовком «Двенадцать призывов к изгнанникам-армянам». Здесь нет картин резни и физических мук, центр тяжести — это духовные страдания и тревоги. Книга Сиаманто порождена характерным явлением западноармянской действительности начала века, не менее трагичным по своим последствиям, чем погромы. Невыносимые социально-политические условия побуждали армян к массовой эмиграции, которая обрекала их родину на запустение и разруху. Книга Сиаманто — отзвук этого трагического явления, страстный поэтический призыв к соотечественникам: вернитесь! Однако этот призыв приобретает здесь конкретно-личностную окраску, чего никогда не бывало в поэзии Сиаманто прежде. В различных стихотворениях зовут скитальцев вернуться на родину то лежащий при смерти отец, то дряхлая мать, то молодая жена, то сын, со дня рождения не видевший странствующего в поисках лучшей жизни отца.

Предоставляя им слово, поэт стремится найти интонации, естественные для их положения и психологического состояния, и соответствующую, только им присущую речь. В качестве примера назовем «Сон невестки», в котором глубоко и впечатляюще раскрыта трагедия женщины, долгие годы разлученной с мужем, по сути дела уже в молодости овдовевшей и так и не вкусившей радостей материнства. В других стихотворениях призывают скитальцев на родину опустевшие нивы и сады и даже заброшенное кладбище — их тоже делает Сиаманто выразителями своей тоски и мечты.

Последней значительной страницей творческой биографии Атома Ярджаняна стала лирическая поэма «Святой Месроп», написанная в 1913 году в связи с 1500-летием армянского алфавита. Уходя, на первый взгляд, от основной темы своего творчества — невзгод и надежд родного народа — и устремляясь в глубь веков, Сиаманто и здесь, правда в другом ракурсе, подходит к той же проблеме. Он создал значительное произведение, восславляющее дух народа, подвиг великого просветителя и непреходящее значение его труда. Дело Месропа Маштоца — создание армянской письменности — поэт рассматривает как звено национальной истории, неотделимое от ее настоящего и будущего, и как наивысшее проявление самосознания и жизнестойкости народа. Именно так осветив образ великого основоположника армянской литературы, Сиаманто положил начало прочной поэтической традиции, которая продолжается вплоть до наших дней.

Чтобы воссоздать образ Месропа Маштоца и его время, передать дух, колорит, культурно-политические тенденции средневековья, в том числе и элементы мистики в тогдашней психологии, Сиаманто

обратился к стилизации, во многом воспользовавшись художественными средствами «Книги скорбных песнопений» Григора Нарекаци, которая до известной степени соответствовала романтико-символистским склонностям поэта XX века. Так родилось произведение и традиционное, и новаторское по своей сути, произведение, о котором Д. Варужан писал: «Может показаться, будто оно вырвано из книги Нарекаци, осмыслено в свете новой литературы и запало в наши сердца». <sup>1</sup>

Первая и последняя из четырех глав поэмы («Панегирик» и «Величие открытия») непосредственно посвящены великому просветителю. Между ними — пространная мольба Месропа о том, чтобы бог даровал ему силы создать армянский алфавит («Молитва святого»), и сжатая, стилизованная под средневековые характеристика великого открытия («Видение»). Все главы поэмы отличаются талантливейшей имитацией стиля Нарекаци: в каждом отдельном фрагменте с помощью длинного ряда синонимов или синонимических словосочетаний, варьирующих заданную мысль или же образ, развивается одна и та же идея. Та же самая идея повторяется, изложенная уже несколько иначе, возникает из множества сходных определений, эпитетов и метафор, призванных в совокупности утвердить то или иное положение либо оценку. К примеру, в главе «Молитва святого» мы обнаруживаем более ста самохарактеристик Маштоца, в которых осанна господу богу сплетается с самобичеванием, мольбой о свете и прозрении. Весь этот длинный ряд метафор основан на сочетании противоположных по значению слов (безмолвный оратор, бесструнная лира, молчаливый крик, нежурчащий ручей и т. п.). В этой главе иллюзия того, что читается «Книга скорбных песнопений», иллюзия ее стиля и духа столь велика, что Маштоц в ней порою как бы отождествляется для читателя с Григором Нарекаци.

Поэма завершается еще одним гимном Месропу Маштоцу и его делу:

Месроп, ты над армянскими веками  
Алмазною возносишься скалою;  
...Ты — языка творец, ты — царь Глагола,  
Ты — бесконечный лабиринт живого,  
Ты — сущего родитель плодотворный,  
Ты — света колесо, дорога к вере,  
Ты — вставший над родной землей, как буря,  
Безбрежный лес, людских сердец чашоба,  
Где живы в каждом древе толстоствольном  
То арфа вдоха нашего, то лира,

<sup>1</sup> Навасард (литературно-художественный ежегодник), Константинополь, 1914, с. 254 (на арм. яз.).

То наших боевых гортаней трубы,  
То вал, что встал, закрыв дорогу бедам...

То, что в молитве Месропа сказано о боге, ныне переосмыслено и обращено к нему самому — великому учителю, деяние которого рисуется в поэме как источник просвещения, всего разумного и прекрасного.

Итак, все творчество Сиаманто — от книги «Богатырское» до поэмы «Святой Месроп» — в своем идейно-тематическом и стилистическом единстве, в своей горячей надежде на спасение представляет из себя неделимую целостность. Судьба самого Сиаманто — это горестная судьба многих его соотечественников — он стал одной из жертв политики геноцида.

## 7

Совершенно иную творческую индивидуальность являет собою Даниэл Варужан (1884—1915). Его литературный путь короток, но отмечен бурным развитием, редкостным тематическим, жанровым и стилистическим разнообразием и непрерывными поисками. В одном из своих писем Варужан сказал: «Мне доставляет неизменное удовольствие менять струны на лире и обновляться в своем искусстве». <sup>1</sup> Поэт и на самом деле находился в непрерывном движении: завоевав очередную творческую высоту, он никогда не позволял себе передышек, повторений, непрерывно обращаясь к новым художественным поискам. Так за несколько лет были созданы четыре поэтические книги («Содрогания», «Сердце нации», «Языческие песни», «Песнь хлеба»), которые, на первый взгляд, легко принять за книги разных авторов и которые дали основание одному из современников сказать, что в Варужане живет не один, а несколько поэтов.

В неустанной творческой учебе, в процессе серьезной научной подготовки Д. Варужан углубил и отшлифовал свой могучий природный дар. Он родился и вырос в одной из деревень Западной Армении, продолжил образование в Константинополе, а в 1902—1909 годах жил и учился в Европе — сначала в Венеции, в армянской школе Мурад-Рафаэлян, а затем в Бельгии, в Генте, на историко-филологическом факультете университета. В эти-то годы и сложились основные черты его творческой индивидуальности. Вот что говорил он об этом в одном из писем (1908): «Два края повлияли на меня — Венеция с ее Тицианом и Фландрия с ее Ван-Дейком. Краскам пер-

---

<sup>1</sup> Даниэл Варужан, Письма, Ереван, 1965, с. 208 (на арм. яз.).

вого и естественному реализму последнего обязан я своей палитрой». <sup>1</sup>

В 1909 году Варужан вернулся в родной край Бргник, ставший для него новым источником вдохновения. Последние годы жизни (с 1912 года) поэт провел в Константинополе, где в 1915 году был арестован и погиб.

Д. Варужан — один из крупнейших представителей весьма сильного в западноармянской литературе начала XX века неоромантического течения. Его возникновение в значительной мере обусловлено тем сочетанием романтических иллюзий и безысходности, которое в условиях жестокого национального и социального гнета господствовало в мировосприятии средних слоев. Художественной же предпосылкой возникновения неоромантизма было своего рода скрещение классического романтизма и новейших литературных направлений, особенно символизма, свойственное армянской литературе начала века. Д. Варужан с исключительной силой выразил наиболее характерные черты романтической эстетики: сознание трагических противоречий между идеалом и действительностью, резкое недовольство господствующими порядками и страстную мечту о возделенной цели. Своеобразной формулой его романтизма можно считать следующие строки из стихотворения «Немезида»: «О, какое мне дело до умирающей жизни, когда мечта жива, когда мечта бессмертна» (перевод подстрочный). Другая черта, сближающая эстетические воззрения Варужана с романтической школой, — прославление мощи и величия, которое воплощается в изображении как природы и вечно мира, так и человеческих страстей и поступков.

Однако романтической эстетике Д. Варужана отнюдь не чужды правдивые и пластичные картины, говоря его же словами, «прожитой жизни». Хотя в его творчестве преобладает романтическое мироощущение, определенные тенденции варужановского метода говорят о том, что поэт стремился к реализму, как искусству наиболее объективному. Он придерживался убеждения, что «реализм — самый короткий из всех путей к прекрасному» и что, изображая различные эпизоды из жизни природы и человека, нужно одновременно быть «классицистом и символистом, романтиком и идеалистом». <sup>2</sup> Вот почему художественный метод Варужана, хотя в нем превалировали романтические принципы, — явление сложное и многозначное. Романтизм поэта от книги к книге менял свое обличье, отражая тем самым стремительное развитие его таланта.

В первом своем сборнике «Содрогания» (1906), во многом еще ученическом, Д. Варужан еще несколько абстрактно воспринимал и изображал жизненные ситуации и людские страсти. Его привлекала

<sup>1</sup> Д а н и е л В а р у ж а н, Письма, с. 158.

<sup>2</sup> Там же, с. 177.

крайняя степень человеческих несчастий, о чем говорят уже названия его стихотворений: «На пепелище», «Гашиш», «Снежный гроб», «Нищий», «Выкидыш», «Больной» и др. Что же касается его тогдашних героев, то это люди без определенной национальной и социальной принадлежности, воплощающие всю глубину человеческого несчастья. Положение людей, обездоленных, лишенных свободы и всех прав, поэт аллегорически уподобляет мечущимся в бассейне рыбам («Рыбкам бассейна»), которым навсегда закрыта дорога к вольной водной стихии. Воспитанный на традициях мхитаристского классицизма, автор «Содроганий» пока еще отдавал щедрую дань рационалистическим рассуждениям о жизни и смерти, о бренности человека и бессмертии природы.

Опубликованная три года спустя — в 1909-м — вторая книга показала, как стремительно развивались и умение поэта изобразить конкретные ситуации национальной действительности, и его мастерство. Характерно само название книги — «Сердце нации». Поэт стремился дать представление о главном в духовном мире соотечественников, о трагических и героических эпизодах народной жизни в многообразных ее проявлениях. Программный смысл заключало в себе открывающее книгу стихотворение «Ода». Используя образы и формы армянского фольклора языческих времен, поэт посвящает свою написанную «тростниковым пером» песню отчизне, ее детям-скитальцам, понесенным ею безвинным жертвам и, наконец, воинам, сражающимся за ее свободу:

И воспел я борьбу за честь и добро.  
Посвящаю армянам-бойцам.  
Мех в горниле сердца — перо.  
Посвящаю моим храбрецам.  
Торжество тростниковым пером я воспел,  
Огонь из горла пера летел.

Едва обозначенные в этом стихотворении темы широко раскрываются в трех разделах книги. Первый из них — «На алтаре»; здесь преимущественно изображена страдальческая судьба армян в разные времена и в разных обстоятельствах. Поэт то останавливается мысленно перед руинами древней армянской столицы Ани, оплакивая утрату народом своей былой мощи и славы, то воспеваает пепелища преданных огню домов в Киликии. Он посвящает скорбные строки угасшим очагам, скитающимся на чужбине соотечественникам, брошенным в застенки бойцам, с гневом говорит об учиненных фанатичной толпой погромах, восславляет дух борьбы и возмездия. Однако последняя тема более полно раскрыта в следующих двух разделах («На арене» и «Богатырские сказания»), где перед читателем возни-

кают сцены борьбы и героизма, люди титанической силы и патриотического подвига. Можно упомянуть здесь стихотворения «В бой», «К мечу богатыря», «Колыбель армян» и др. Однако Варужан все не идеализирует битвы, оружие и силу, его идеал — мирный труд, дружба людей и народов. В стихотворении «Победитель» этот идеал воплощается в героическом образе простого крестьянина: совершив истинный подвиг во имя родины, одолев в бою врага, он не ждет ни славы, ни власти, а лишь мечтает вернуться к своей скромной жизни и труду («Пойду в деревню — домой!»).

Д. Варужан ищет поэтическое в людях внешне простых, но исключительных по своей сути, сильных и гордых, наделенных недюжинным духом и энергией, и в этом с особой наглядностью сказалась его связь с классическим романтизмом. Такие образы созданы в поэмах «Евкит Тонел» и «Арменуи». Поэма «Арменуи», над которой Варужан работал долгое время, воссоздает эпизод из армянской истории начала XVII века: армянская девушка-пленница гордо отвергает посягательства персидского шаха Аббаса и предпочитает его сладкоречивым посулам смерть. Героический характер простого человека создан также в поэме «Пастух», материалом для которой на сей раз послужила современность. Творение Варужана проникнуто эпическим духом, но при всем том это не сюжетная поэма, а скорее ряд разрозненных сенок из сельской жизни, на фоне которой и вырисовывается богатырский нрав варужановского героя. Увидев последствия преступлений насильников и убийц, старый пастух оставляет свой мирный труд и вступает в борьбу со злом.

В 1912 году вышел в свет третий сборник Варужана — «Языческие песни», главная книга поэта, наиболее яркое и полное выражение его таланта, художественного идеала и творческих принципов. В армянской литературной критике книга породила бурные споры, столкновение самых разноречивых мнений, поскольку затронула ряд существенных вопросов общественной жизни и развития искусства.

Чтобы понять замысел и творческое своеобразие «Языческих песен», необходимо иметь представление о так называемом «языческом движении», которое в годы, предшествовавшие первой мировой войне, возникло в западноармянской литературе. В эту пору весьма усилился интерес, поначалу стихийный, а затем в известном смысле организованный, к дохристианскому прошлому Армении и его художественному воссозданию. Трагическое настоящее и опасения о еще более мрачном будущем западного армянства побуждали писателей искать пути к национальному спасению, «психологический фундамент» силы и уверенности в себе. Одним из таких путей было новое осмысление армянского язычества, почти одновременно предпринятое рядом писателей — поэтами Вааном Текеяном, Сиаманто, Рубеном Севаком, Акопом Сируни, прозаиком Рубеном Зардаряном и драма-

тургом Леоном Шантом в его знаменитой пьесе «Старые боги». Однако крупнейшим представителем этого литературного движения стал Даниэл Варужан.

Каков общественный и эстетический смысл «языческого движения?» С одной стороны, оно стремилось, развернув перед современниками героический опыт прошлого, вдохновить их, преподать им уроки силы и стойкости. Чтобы спасти народ, требовалось возродить здоровый национальный дух, который, как полагали Варужан и его единомышленники, во всей полноте проявился во времена язычества, но затем был искажен и утерян в период чужеземного ига и под воздействием христианской проповеди о смирении. Таким образом, хвала языческому прошлому не была призывом возвратиться к старине, напротив, в общественной жизни она служила настоящему и будущему, а в искусстве — способствовала обретению национальной самобытности.

С другой стороны, необходимо отметить и социальный подтекст этого движения. Языческое прошлое противопоставлялось современному буржуазному миру, отрицало власть «золотого тельца», измельчающую человека и лишаящую его свободы воли, помыслов и стремлений. Все это неизбежно приводило к романтическим, внеисторическим воззрениям на прошлое: в последнем Д. Варужан и другие «язычники» хотели видеть и восславлять то, что они искали и не находили в настоящем, — свободу личности и героический дух, не скованное ничем развитие духовных и физических сил, чистоту и незамутненность отношений между людьми. Вот характерные строки из письма, написанного Варужаном в 1908 году: «Во мне живет ностальгия по богатырской поре не только нашего народа, но и всего человечества. Когда они вернутся, язычество и былые победы, добиться которых можно было усилиями героев, а не дипломатов?»<sup>1</sup>

Следует также помнить, что язычество имело для Варужана не только временной смысл. В понятие «язычество» он вкладывал все то, что противостояло по своей сути представлениям современного поэту мещанства и обладало огромной стихийной силой и перспективой развития. Потому-то наряду со стихами, связанными тематически с собственно языческой эпохой, Варужан и включил в книгу множество стихотворений о своем времени, в том числе посвященных жизни и борьбе европейского пролетариата. Общими для всех этих произведений были могучая стихия страстей и чаяний и те огромные потенциальные возможности обновить жизнь, которые таились в воспетых Варужаном явлениях.

Варужановские стихи об армянском и греко-римском языческом пантеонах («Изваянию красоты», «Ванатур», «Анаит», «Астхик»,

---

<sup>1</sup> Д а н и э л В а р у ж а н, Письма, с. 151—152.

«Клеопатра», «Почившим богам» и др.) следует, разумеется, понимать не как проповедь древней религии, а как утверждение тех нравственных и национальных ценностей, которые находит в этих образах поэт. Он оплакивает умершее вместе со старыми богами великое таинство природы, скорбит о прекрасных мечтах и стремлениях, о гармонии между человеком и миром и клеймит позором явившиеся вместе с христианским крестом лицемерие, бесчеловечную жестокость и безвозвратную утрату полноценной жизни:

Под Крестом —

        под расписанным кровью распятем, —  
С крыл которого скорбь в мир струится, как в чашу,  
Горьким сердцем искусства оплачу опять я,  
О язычников боги, гибель раннюю вашу!  
Нету таинств.

        Природу же циркуль устоев

Жалит.

        Скука взирает надменно и строго.  
Человек под незримой гигантской пятою —  
Под пятою глухого еврейского Бога.

*(«Почившим богам»)*

Стремление противостоять ложному благочестию буржуазного общества породило также такие, насыщенные густой образностью стихи: «О, Лалаге!», «Восточные бани», «Языческое», «О, Талита!», «Благословенна ты среди жен», «Первый грех», «Сатурналии» и др. Они возбудили в свое время множество споров. Особенно много нареканий вызвали имеющиеся в них натуралистические детали. Однако, порицая их, оппоненты упускали из виду гуманистический, анти-мещанский пафос этих стихов.

Центральное место в «Языческих песнях» — и по объему, и по значению — занимает историческая поэма «Наложница», в которой, как в фокусе, сосредоточены все центральные мотивы сборника. Фактический материал поэмы взят из второй книги «Истории Армении» Хоренаци (V век), в одной из глав которой повествуется о том, как армянский князь дохристианской эпохи Трдат Багратуни похитил во время пира наложницу Назеник.

Для метода Варужана чрезвычайно характерны изменения, внесенные им в рассказ Мовсеса Хоренаци. Если Хоренаци видит в истории Трдата и Назеник непристойное похождение «сластолюбца», то Варужан всячески приукрашивает, идеализирует ее, трактуя как образец развивающейся по естественным законам свободной языческой любви. Иногда поэт меняет кое-какие эпизоды, иногда, отталкиваясь от скудных данных историка, сочиняет пространные сцены

(скажем, описание пира или схватка Трдата и Бакура). Много места уделяет Варужан быту как средству воссоздания колорита языческой старины. Особое внимание обращает он на внешность своих героев, стремясь приукрасить их и создать гармонию наружности и души. У Хоренаци Трдат невысок и тщедушен, тогда как в поэме прекрасен, мужествен, могуч и дерзок, с очами, «подобными звездам», и этот его облик как нельзя лучше соответствует красоте Назеник.

Но самое значительное отклонение от первоисточника — это трагический финал поэмы. Согласно Хоренаци, Трдат и Назеник благополучно бежали в область Спер. Между тем Варужан добавляет сцену преследования беглецов и убийства Назеник, превращая любовное приключение со счастливым исходом в трагическую историю. Бегство Трдата и Назеник толкуется в поэме как подлинно героическое деяние, как самоотверженность во имя любви и свободы от любого насилия. А неудачный побег влюбленных и гибель Назеник представлены как настоящая трагедия. Здесь со всей очевидностью проявились романтические взгляды Варужана, а также известная модернизация прошлого, которое он славит, имея в виду настоящее и будущее родины. В прошлом поэт хочет видеть и утверждать то, чего нет в настоящем и о чем он страстно мечтает. Армяне-язычники с их нравами и бытом, Трдат с его силой и бурными порывами любви становятся здесь носителями варужановского идеала. Именно с позиций этого идеала восславляются «рыцарские времена», потому что тогда почитались якобы лишь красота и мощь, «тогда был храбр человек и сердцем чист, как вино». Во вторую главу поэмы включено довольно большое по объему лирическое отступление, и эти взгляды поэта выражены в нем со всей определенностью:

О, будь прославлен навек аспетов доблестный век,  
Лишь Силе и Красоте служил тогда человек!  
...О, славьтесь, витязи, вы, с курчавой ночью кудрей,  
Чья грудь — мишень для стрелы — всех храбрых была  
храбрей!  
За угнетенного встать был каждый вооружен,  
И каждый сердцем служил бесценной прелести жен...

Далее поэт воспеваеt женщин языческих времен, которые отдавались лишь львиной отваге, а не золотым тельцам. Все это Варужан противопоставляет современной ему жизни, в которой «господствует коварство», на каждом шагу совершаются преступления, а любовь продается за кружку мюнхенского пива. Однако, хотя поэт непреклонно осуждал нравственные и эстетические устои буржуазного общества, «фундамент» его собственных упований — обществен-

но-гуманистические ценности языческой поры — оставался неустойчивым и иллюзорным.

Поэму «Наложница» отличает исключительной силы образность. Весьма подробно обрисовывая внешность героев и их поступки, Варужан создает множество скульптурных, пластически-осязаемых образов. С начала и до конца поэма развивается эпически широко и динамично. События стремительно следуют одно за другим, складываясь в подвижную, непрерывно изменяющуюся панораму (особенно это отосится к сцене погони за Трдатом и Назеник).

Нет сомнения, что незаурядный эпический дар Варужана еще полнее проявился бы в новых задуманных им работах — цикле героических преданий, озаглавленном «Армянская гомериада», и обработке народного эпоса («Дом сасунцев»), — которые остались неосуществленными.

Один из разделов «Языческих песен» — цикл «Цветы Голгофы» — чрезвычайно важен для творчества Д. Варужана в целом. Название цикла со всей очевидностью говорит о его замысле — мушкетерскую жизнь современного общества поэт сравнивает с дорогой на Голгофу. Не случайно сквозной для всего цикла становится тема — горе и лишения народа, равно как и поиски путей к его избавлению. Средоточием и обобщением этих мотивов можно считать замечательное стихотворение «Свет». Мысль о нескончаемых людских страданиях и стремление к идеалу воплощены здесь в образе лирического героя, идущего тернистой дорогой к источнику вечного света. Это не что иное как аллегорическое изображение передового человечества, жаждущего ценою любых жертв достичь света и совершенства:

Я к свету — к роднику — иду.  
И долг путь, и кремнем он мощен,  
Шипами мирта весь усеян он.  
...В груди одышка, на ресницах пыль.  
А сердце — мой кувшин пустой,  
И с ним я к свету — к роднику — иду...

Варужану равно доступны и поэтическая публицистика, и тончайшая лирика, сочная живопись стихом и драматические ситуации, изображаемые самыми скупыми средствами. Прекрасный образец последнего — стихотворение «Мерцающая лампада». Здесь всего лишь в трех четверостишиях уместилась полная трагизма история — от восторженного ожидания победы до тяжкого материнского горя:

Ночь победы нынче, невестка моя, —  
засвети лампаду скорей.  
Сын вернется с войны в родные края, —  
засвети лампаду светлей.

Кони ржут у ворот в предутренней мгле, —  
    поднеси лампаду к двери.  
Сын приехал с лаврами на челе, —  
    поднеси лампаду, смотри!..  
На телеге темный плат кровавой...  
    Посвети среди темноты...  
Ранен прямо в сердце мой сын-герой, —  
    погаси же лампаду ты.

Наиболее значительные стихотворения в «Цветах Голгофы» посвящены жизни и борьбе рабочего класса. Около десяти лет проживший в Западной Европе и воочию наблюдавший повседневную жизнь пролетариата, Варужан одним из первых в армянской литературе изобразил ее. Изобразил с величайшим сочувствием и любовью, с глубокой убежденностью в том, что будущее человечества связано с судьбой и борьбой трудящихся масс. В этой убежденности выразился стойкий демократизм мировоззрения поэта.

Варужан вдохновенно воспел международный праздник солидарности трудящихся («Первое мая»), нарисовал впечатляющие картины тяжелой жизни трудового люда («Умирающий рабочий», «Работница», «Обманутые девы»). В его стихах мы видим громадные заводские корпуса, ни на минуту не останавливающиеся машины, длинные ряды тружеников («Машины», «Перерыв»). В этих произведениях Варужан предстает перед нами первым западноармянским поэтом-урбанистом. Созданные им картины городской жизни насыщены огромным, по-настоящему волнующим идейным зарядом. Его урбанистские образы почти всегда и конкретно-предметны, и символичны. Справедливости ради следует сказать, что рабочий класс для поэта — прежде всего страдающая масса, несущая на своих плечах всю тяжесть современной жизни. Но не только это. Хотя и смутно, без ясного идейного и социального осмысления, Варужан предчувствовал, что человечество стоит на пороге грандиозных потрясений и сдвигов, которые положат начало новой исторической эпохе. Эта грядущая эпоха связана в сознании поэта с трудовыми массами, с таящимися в их рядах неизмеримыми, но пока еще не раскрытыми силами. Недаром он называл рабочих сеятелями бури, жнецами страданий, а стихотворение «Перерыв» завершил строками, провозглашающими близящийся великий перелом:

Товарищ, завтра придут злые для Города дни,  
Завтра гроза запалит в нем варварские огни.

Таким образом, в начале века, еще до первой мировой войны, Варужан пророчески предвидел, что XX столетие будет не только

веком великих испытаний, мук и жертв, но и веком освободительной борьбы, когда рушится деспотия и осуществляются самые светлые надежды и идеалы. Лучшее тому доказательство — одно из последних стихотворений Варужана — «О, новый век!». Рисуя грандиозную панораму современных ему мировых событий, поэт завершает стихотворение замечательной метафорой поистине вселенских масштабов — высочайшим синтезом своих общественных идеалов. Обращаясь к XX веку, поэт говорит:

Ты — раскалившийся горн, где обжигают наш мир,  
Чтобы явился он, нов, с ясной звездой во лбу,  
Чист и достоин вершить околосолнечный путь...  
Новая эра моя! Лучшей надежды рассвет...

Заключительная страница творчества Д. Варужана — цикл «Песнь хлеба», над которым он работал в последние годы жизни. Книга увидела свет уже через несколько лет после смерти автора — в 1921 году, чудом сохранившись среди бумаг, конфискованных ту-рецкой полицией во время ареста Варужана.

На первый взгляд, «Песнь хлеба» принципиально отличается — как тематически, так и стилистически — от предыдущих книг автора. В самом деле, здесь перед нами открывается и совершенно иной мир — пасторальные, идеализированные картины деревенской жизни, — и совершенно иной стиль, осязаемо передающий эту простую, незамысловатую жизнь. Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что «Песнь хлеба» отнюдь не отрицает идейно-художественных тенденций, проявившихся в прежних сборниках Варужана, а своеобразно их продолжает и углубляет. Идеиная предпосылка последней варужановской книги — это опять же стремление активно противостоять современной буржуазной действительности, создать силою мечты новый, желанный мир. Исходной точкой здесь было то душевное состояние, о котором Варужан еще в 1906 году говорил в одном из писем: «Мое окружение совершенно антипоэтично, и я поневоле предаюсь воспоминаниям».<sup>1</sup> Иными словами, воспоминания о сельской жизни — не что иное, как прямой отзвук его психологического конфликта с «антипоэтичным окружением».

«Песнь хлеба», как и «Зов родины» Сиаманто, одушевлена глубокой заботой о настоящем и будущем народа, горячей мечтой вернуть к жизни заброшенные сады и нивы, мыслью о том, что нет на свете ничего важнее родной земли и человека труда. Отсюда и тенденция поэтизировать, отчасти даже идеализировать отеческие края. Рисуя панораму западноармянской деревни с ее природой, бытом

---

<sup>1</sup> Д а н и э л В а р у ж а н, Письма, с. 43.

и трудом, Варужан сознательно не наделяет ее какими бы то ни было отрицательными чертами, приметам социальной и национальной несправедливости, создавая некую пасторальную, приукрашенную действительность. Чем же ее объяснить, эту пастораль? Быть может, поэтическое зрение Варужана односторонне и он не способен воспринять сельскую жизнь во всей ее сложности? Или же таков замысел поэта, его идея? Разумеется, второе. Варужан прекрасно видел наболевшие проблемы сельской действительности, царившую в деревне отсталость, эксплуатацию и насилие, но в пределах поставленной им перед собой задачи, в пределах избранного им жанра всему этому не было места. Он стремится создать картину сельской жизни и сельского труда в их идеальном проявлении — как своеобразный синтез привлекательных сторон действительности и поэтической мечты. Силой художественного слова Варужан хочет оживить прошлое, которое с детских лет оваяно для него романтическим обаянием, хочет найти утраченную старую родину. Прочитируем хотя бы следующие строки из стихотворения «Ночь на токах»:

О, как сладко скитаться по этим небесным волнам,  
И кораблекрушенье, коль так суждено, испытать,  
И найти позабытую древнюю родину там,  
На далекой звезде, чтобы с нею расстаться опять.

Хорошо мне душой возноситься в полночной тени,  
Ах, какая стоит над уснувшей землей тишина!  
Сон глаза мне сомкнет, и под веками звезды одни  
Голубые останутся да Бесконечность одна.

Жанровый характер «Песни хлеба» чрезвычайно своеобразен. Это не сборник, а именно цикл стихотворений, неразрывно связанных друг с другом общим содержанием и композицией. Каждое из них — в цикле около трех десятков стихотворений — играет особую роль, занимает особое место. Развитие цикла обусловлено своеобразием и ходом сельскохозяйственных работ — от весенней пахоты до осенней выпечки хлеба. Каждое стихотворение посвящено какому-либо этапу работы, какому-либо эпизоду «хлебной эпопеи», от чего и зависит занимаемое им в цикле место. Так от стихотворения к стихотворению перед нашими глазами проходят пахота и сев, боронование и жатва, обмолот и другие звенья сельских работ, а цельность превращает «Песнь хлеба» в своего рода поэму.

Однако, составляя единое целое, стихотворения цикла и стилистически, и структурно разнятся между собой. Есть среди них сугубо описательные, в которых образ развивается через объективное изображение природы и труда. Несколько больше стихотворений,

сопрягающих образ с лирическим настроением и прямой оценкой происходящего, причем порою лирический герой — это сам автор, а порою он существенно отличается от поэта. Главное, полагал Варужан, не описывать труд, а раскрывать внутренний мир труженика. От труда и природы — к человеческой душе, к тревогам и мечтам человека — таков художественный принцип поэта. А душа его лирического героя полна не только надежд на личное счастье, но и светлых гуманистических порывов, обращенных ко всему миру. И не удивительно, что стихотворение «Песня молотьбы», казалось бы описывающее «производственный процесс», завершается призывом общечеловеческого звучания: «Мир хижинам!» («Пусть в хижинах весело вспыхнут огни!»). Поэт призывал к тому, в чем более всего нуждается человек XX века. А в стихотворении «Благословение» («С востока к нам...») он уже придает своим мечтам масштабы, которые можно назвать вселенскими, — мечтает о счастье всех людей и народов. Если с точки зрения своей образности и содержания «Благословение» — воплощение всего лучшего, что есть в «Песни хлеба», то с точки зрения выраженных здесь идеалов его можно считать достойным венцом всего гуманистического по своей сущности творчества Варужана. Это небольшое по размерам стихотворение непременно следует воспринимать в его целостности — тогда станет ясно, сколь грандиозен его масштаб:

С востока к нам  
Пусть мир придет, успокоенье...  
Не кровь, а пот  
По рыхлым бороздам пускай течет;  
И если колокол сзывает в сельский храм —  
Да будет с ним благословенье!

Пусть с запада, трудов награда,  
Грядет к нам урожай...  
Луч звездный тянется, как волос;  
Пусть золотом нальется колос.  
Когда ж на склон придет овечье стадо —  
Пусть будет склон в цветах, как рай!

Пусть с севера к нам изобилье  
Пожалует в село...  
В пшенице рослой  
Пусть серп ныряет острый.  
Пусть ликование расправляет крылья —  
В амбарах от зерна белым-бело!

Пусть с юга теплый вечер  
Слетит на землю, свечи пусть зажгут...

Да будут полны меда улы наши;  
Пьянит вино, переполняя чаши;  
Когда же хлеб дымящийся внесут —  
Любовь и песни выйдут пусть навстречу!

Вот о чем мечтал замечательный поэт в те самые дни, когда над ним и его народом был занесен кровавый ятаган...

Работая над «Песнью хлеба», этим изумительным образцом армянской буколической поэзии, Варужан намеревался написать и вторую часть книги — «Песнь вина», чтобы, следуя тем же принципам, изобразить, как появляется на свет вино, показать весь процесс — от первых весенних почек на виноградной лозе до первого благословенного стакана на осеннем столе. Однако этот замысел Варужана, подобно множеству других, остался неосуществленным. 26 августа 1915 года гениальный поэт погиб тридцати одного года от роду.

## 8

По достоверному свидетельству современников, в тот же самый день вместе с Д. Варужаном погиб другой известный поэт и прозаик Рубен Севак (Чилинкирян, 1885—1915). Всего лишь за год до этого он вернулся в Константинополь из Лозанны, где прожил около 10 лет (1905—1914), сначала обучаясь медицине, а затем занимаясь врачебной практикой. В те же годы оформились и художественные принципы и воззрения Севака. При жизни поэт опубликовал лишь один сборник — «Красную книгу» (1910), но известно, что он подготовил к печати и другие стихотворные сборники — «Хаос», «Книгу любви», «Последние из армян», — а также сборник рассказов «Страницы из записной книжки врача». Часть произведений, включенных в эти книги, публиковалась в свое время в периодике, другая часть дошла до нас в рукописях; взятые вместе, они дают нам возможность представить себе довольно широкий круг литературных интересов автора. Так, например, три задуманных Севаком стихотворных сборника должны были отразить три основные тематические линии его поэзии: любовную («Книга любви»), социальную («Хаос») и национальную («Последние из армян»). Поэт по преимуществу романтический, Р. Севак, так же как и Д. Варужан, не избегал реальной жизни, а стремился по-своему понять и отобразить ее. Еще в 1908 году он писал об этом: «Я скорее реалист, в первую очередь меня привлекает действительность. Превыше всего я ставлю жизнь прожитую, прочувствованную, а не воображаемую».<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Музей литературы и искусства Армении (Ереван), фонд Р. Севака.

Пожалуй, ни один из западноармянских поэтов не посвятил любви столько стихов, сколько Рубен Севак. При этом любовь он понимал весьма широко — как любовь к природе, к человеку и жизни вообще. К природе, живущей вечной и разумной жизнью, поэт полон безграничной нежности. Лучшее тому доказательство — одно из последних стихотворений Севака «Спустилась ночь» (1914). Оно на редкость цельно, в нем слиты воедино пейзаж, чувство и мечта, кажется, будто оно выражает человеческий вздох, миг восхищения жизнью и природой. Ночью, «в этот святой миг грез», поэт еще глубже ощущает, какое это счастье — жить, дышать и просто шептать слова. Он понимает, что все сущее — даже бессловесный камень, крохотный цветок или едва слышный всплеск воды — связано с великим таинством бытия. И потому единение с природой становится высшим счастьем.

Севака вообще более всего привлекают покой, безмолвие и гармония в природе. Он почти всегда соотносит пейзаж с каким-либо душевным состоянием. Увядающий в ярком весеннем пестроцветье листок становится образом-символом, напоминающим поэту о преждевременно померкшем свете собственной души («Душа»), а извечно журчащий ручей заставляет с горечью задуматься о бессмертии природы и бренности человека («Как ты благословен, ручей!»). В этом и других стихотворениях («Эдельвейсы», «Лебединая песня», «Свирель») автор как бы овеществляет поэтическое настроение, сопрягая его с конкретной ситуацией или пейзажем.

В стихах Р. Севака о любви отражены многие разноречивые чувства: наслаждение и мука, счастье и горе, мечты и разочарования. Порою предмет любви, исуловимый и недостижимый, словно призрак, рисуется штрихами, расплывчатыми и неопределенными, порою обретает реальные, осязаемые черты. Такая двуплановость присуща, в частности, и стихотворению «Песнь песней» — одному из лучших произведений Севака на эту тему.

Зачастую любовь в стихах Р. Севака совмещается, как это ни странно, с ожиданием смерти и готовностью к ней. Смерть, по убеждению поэта, не уничтожает, а увековечивает любовь. Одно из его стихотворений так и называется — «Песня о любви и смерти», и выраженное в нем душевное состояние «сладостно, словно любовь, и могущественно, словно смерть». В другом стихотворении — «Ощущение смерти» — есть слова: «Умереть, умереть... Обессмертить себя в смерти». Таким образом, мысль о смерти едва ли не всегда утверждает всевластную силу любви. Интересно, что в 1911 году Севак даже написал небольшой цикл, герой которого — рыцарь, во славу любви и верности идущий в битву навстречу смерти. Этот пришедший из средневековья традиционный образ становится носителем романтических, даже, пожалуй, «неземных» представлений.

Однако подобное восприятие любви вступает в противоречие с жизнью и порождает горькое разочарование:

Хочу умереть как витязь  
Ради девичьей любви.  
Затем подниму глаза:  
Где же она, любовь? Увы, ее нет...

*(Подстрочный перевод)*

Трагический подтекст любовных стихов Р. Севака как раз и заключается в сознании того, что время, в которое он живет, — это царство мелких страстишек и целей и подлинная, большая любовь здесь невозможна, недостижима.

Начиная с 1909 года Р. Севак обращается в своем творчестве к раздумьям о судьбе родины, о ее настоящем и будущем. Суровая действительность приводила к тому, что понятие родины поэт поневоле отождествлял с голодом и эмиграцией, пожарищами и резней. Одно из лучших своих патриотических стихотворений Севак назвал просто — «Армения». В этом стихотворении всего шесть строк, но они исполнены огромного драматизма и трагической глубины:

Кто это плачет под дверью в мороз?  
— «Странник, сестра, отвори...»

Уж не скелет ли там, хрипый от слез?  
— «Голод, сестра, отвори...»

В щепы топор мои двери разнес?  
— «Это резня, отвори...»

Вообще в патриотической лирике Р. Севака господствует трагизм, выраженный то с бессильным отчаянием, то с непримиримым гневом, подтверждением чему могут служить стихотворения «О, моя родина...», «Колокола», «Киликийские песни», «Набат» и др. Большинство из них написано весной 1909 года под впечатлением массовых избиений армян в районе Аданы. Отзвуки тех же событий — лирические поэмы «Резня и безумный» и «Турчанка».

Хотя в поэме «Резня и безумный» нет прямых описаний трагических событий, внятное представление о них дает «сценический монолог» (таков подзаголовок поэмы) героя, которого ужасы увиденного лишили рассудка. Судя по отдельным намекам, он прошел приблизительно тот же путь, что и герой повести Раффи «Джала-леддин»: изгнанный когда-то за непокорность из отчего дома, он возвращается на родину и находит здесь лишь развалины да покой-

ников. Среди неисчислимых трупов он обнаруживает тела любимой девушки и отца, некогда приучавшего его к повиновению. Реальные картины то и дело смешиваются в поэме с видениями безумца и зловещими предчувствиями. В отчаянии обезумевший герой взывает к богу, с гневом заявляя, что тот молча и равнодушно взирает на творящиеся в мире преступления. Но его мольбы тщетны.

Я глупец — кому  
сей поток словес?  
Умер Бог давно  
в вышине небес.  
Труп, о Боже, твой  
так зловонен, гнил,  
Он унизил сон  
вековых светил  
Так огромен он,  
так велик твой труп,  
Многолик твой труп  
и безлик твой труп.

Поэма завершается аллегорической сценой: перед читателем возникают древнеармянские города и крепости, безмолвные надгробия и воины в доспехах, готовящиеся к бою, в который рвется и безумец — очевидец бедствий родного народа.

Размышляя о прошлом и настоящем отчизны, Р. Севак написал два больших стихотворения, по замыслу неразрывно связанных между собой и говорящих о двух пределах в истории народа — «Первые армяне» и «Последние из армян». В одном случае поэт обращается к древнейшей, легендарной эпохе, стараясь воскресить те времена, когда на мировой арене появился армянский народ, и рисуя образ его легендарного прародителя — Патриарха Гайка. Другое стихотворение показывает положение армянского народа в начале XX века — он рассеян по всему свету, гоним, лишен родины и национального единства, стоит на краю гибели. Однако стихи Севака завершаются оптимистической нотой: в них звучит горячая вера в грядущее возрождение и бессмертие родины и народа: «Нет, нет! Над ними еще взойдет солнце».

Рубен Севак — поэт, остро ощущавший социальные контрасты. В сборник «Хаос» он предполагал включить те свои стихи, в которых дана картина преисполненной хаоса буржуазной действительности. Долгое время подобно Даниэлу Варужану живший в Западной Европе и видевший более зрелые, чем это было возможно в султанской Турции, формы борьбы за социальную справедливость, Севак рано постиг нравственное банкротство буржуазного мира. Он с го-

речью писал об этом обществе: «Хлеб в наше время достается не труженику, хлеб достается вору, и разве может умирающий требовать правá у того, кто его убивает? Это, увы, трагическая бессмыслица». <sup>1</sup> «Цивилизованный» Запад Севак изобразил как мир социальной несправедливости:

...там человек — машина, совесть — прах,  
там мир — завод, гудящий на путях,  
любовь — расчет, религия — мощна,  
и в счастье — драма лишь заключена,  
там смерть — нелепость, жизнь — жестокий бой...

Поэма «Песнь о человеке», из которой взяты эти строки, написана в 1909 году. Она представляет собою своеобразное поэтическое раздумье о судьбе человека в современном обществе, причем жизненный его путь прослеживается от рождения до смерти. Соответственно поэма делится на три части: «В сельской церкви. Рождение», «На сельской дороге. Жизнь», «На сельском кладбище. Смерть». Отталкиваясь в каждой части от какого-либо конкретного факта, поэт стремится к крупным историко-философским обобщениям. Так, наблюдая в сельской церквушке крещение младенцев из богатой и бедной семей, он размышляет о неотступно сопровождающей человека социальной несправедливости, видит мысленным взором «легион рабов», который, «свергая идолов, богов, князей, хозяев, чья казна полна... идет и сеет братства семена...». Стоя у сельской дороги, поэт пытается вообразить прошедшие по ней бесчисленные поколения, армии и племена, а на кладбище думает об извечной противоположности жизни и смерти.

У Рубена Севака есть также произведения, которые более реально и непосредственно рисуют современное поэту общество со всем его социальным «хаосом». Он показывает горькую судьбу женщин, которых нужда довела до нравственного падения («Во чреве Константинополя», «Проститутка»), проклиная ведущую к вырождению и гибели силу денег («Молитва денег»). Он нередко обращается к жанру сюжетного стихотворения или маленькой поэмы («Этот нож», «Подметальщик», «Красное знамя», «Собачья душа» и др.), показывая в них жизнь и борьбу европейского пролетариата. Изобразив в «Красном знамени» нищету трудящихся масс, их стихийный бунт, поэт далее размышляет:

Мне показалось, что судьбы крыло  
над ними неожиданно взошло;

<sup>1</sup> Теодик. Всеобщий указатель. 1916—1920. Константинополь, с. 21 (на арм. яз.).

шли на борьбу они, добиться прав,  
шли к справедливости, вконец устав,  
что наступить должна, им засияв.

Демократические убеждения поэта отчетливо сказались и в маленькой поэме «Этот нож», повествующей о старике-безработном, его голодающей семье и о том, как он решился на отчаянный шаг — ограбить на улице своего хозяина-фабриканта. Однако для честного рабочего невыносима мысль, что он должен обеспечивать семью разбоем. Эта мысль приводит его в конце концов к самоубийству. А в «Подметальщике» дана сценка из жизни, увиденная сквозь призму социальных отношений: на городских тротуарах с утра до вечера работает сгорбленный от возраста старик — «в снежный, холодный час» убирает с дороги «людскую грязь». Этот обездоленный подметальщик — жертва и живое свидетельство всех несправедливостей общественного устройства, опровержение легенд о буржуазной «благотворительности» и классовом «мире».

Размышления о современном обществе привели Рубена Севака к поэтическому исследованию роли и состояния искусства. Этими размышлениями порождено замечательное стихотворение «Трубадуры» — пожалуй, наиболее значительная и вдохновенная страница его поэтического творчества. В стихотворении запечатлены уличные певцы, в которых поэту видятся последователи средневековых трубадуров. Увиденная сценка заставляет поэта задуматься о силе и долговечности свободной песни, которая своим существованием отрицает дух нынешнего, почитающего лишь деньги века. Р. Севак по-своему приходит к выводу о том, что капиталистическое общество враждебно поэзии. Безудержная страсть к богатству и наживе сводит на нет значение и независимость искусства. Осознав это, поэт трагически восклицает: «Ты умерло, искусство славных дней, Когда сливались жизнь и песнь». Он поднимает голос протеста против извращения нравственных и эстетических ценностей и все-таки денег:

Ах, дожили мы до худых времен!  
Кто благороден — погран и казнен.  
Во гробе сердце схорони живое!  
Повсюду золота коварство злое.

(«Трубадуры»)

Идеал поэта — общество, в котором не звучит больше «коварный голос золота», а жизнь развивается по законам справедливости и красоты. Искусство в этом идеальном обществе — один из основных факторов, с помощью которых будут разрешены болезненные проблемы общественного бытия.

«Трубадуры» — ярчайшая вспышка поэтического таланта Рубена Севака — свидетельствует о его больших творческих возможностях, которым дано было осуществиться лишь отчасти.

Только тридцать лет, как и Рубен Севак, прожил Матеос Зарифян (1894—1924), последний видный представитель западноармянской поэзии. Образцы его творчества завершают данный сборник.

Творческая жизнь Зарифяна связана уже с другой эпохой, отличной от эпохи его непосредственных предшественников. Стихи М. Зарифяна написаны в 1918—1924 годах, в этот же отрезок времени он опубликовал две свои книги — «Песни печали и покоя» (1921) и «Песни жизни и смерти» (1922). Только что закончилась мировая война. После поражения султанской Турции в Константинополе вновь ненадолго возродилась армянская культурная жизнь. Из ссылки и изгнания вернулись чудом спасшиеся немногочисленные писатели, деятели искусства, журналисты, вновь начали издаваться некоторые газеты и журналы. Матеос Зарифян выразил распространенные общественные настроения этого периода — надежду на национальное возрождение и новое горькое разочарование. Его стихи нашли широкое признание, а его самого называли достойным преемником трагически погибших в годы первой мировой войны талантливых поэтов.

По характеру своего творчества М. Зарифян ближе всего к Мисаку Мецаренцу: он был так же чуток к жизни, страстно искал в ней красоту, мечтал о единстве природы и человека. В статье, написанной по случаю смерти поэта, известный литературовед Аршак Чобанян говорил, что стихи Зарифяна дают основание ставить его «рядом с Мецаренцем, счесть его младшим братом последнего — более однообразным, менее сложным и ярким, но столь же самобытным, трепетным, искренним и волнующим». Общность и различие двух поэтов подмечены здесь очень точно. Одновременно А. Чобанян дал творческой индивидуальности Зарифяна, наиболее характерным мотивам его поэзии, его чувствам и образам почти исчерпывающую оценку: «Прекрасная душа, чистая и трепетная, парящая в мистическом, сладостном свете луны или же в трагическом багрянце заката и поющая о своих мечтах, восторгах, печалях и тоске, душа, неизменно гонимая неборимым ужасом смерти и поющая голосом всегда свежим и чистым, неизменно придающая даже крикам боли и отчаяния легкость, грациозность и нежность светлых и молодых чувств».<sup>1</sup>

Все это давало духовную пищу тем соотечественникам Зарифяна, кто, пережив резню, мечтал хотя бы на миг отрешиться от ее

---

<sup>1</sup> А. Чобанян, Сочинения, Ереван, 1966, с. 519, 522 (на арм. яз.).

кошмаров, обрести покой в мире безмятежных грез. Поэт и сам хотел того же. Печаль, мягкая элегическая грусть и мечта о мирном пристанище — вот черты, наиболее присущие его характеру и творчеству. Избегая неприглядных сторон жизни, Зарифян почти не обращался впрямую к событиям недавнего прошлого, хотя и был их очевидцем. Время большей частью отражается в его стихах опосредованно, в стремлении поэта отринуть от себя горькую действительность и положиться во всем на мечты и природу.

Матеос Зарифян — лирик по самой своей сути, его излюбленная форма — поэтическая миниатюра, небольшое по объему стихотворение, в котором даны чрезвычайно сжато картины природы и сжато запечатлены человеческие чувства, грусть и любовь, реальный мир и греза. Кажется, будто его стихи написаны в один присест, на одном дыхании, и потому воспринять их можно лишь в нераздельной их целостности. Таково, например, стихотворение «В минуту тоски»:

Вдали всё слышней и слышней  
печальная песня девичья,  
созвучная боли моей.  
...А день или ночь — без различья.

Доколе проплачет, доколь  
недужная песня девичья?  
Тот стар, этот молод, но боль  
не ищет меж ними различья.

Всё плачет кому-то вослед  
предсмертная песня девичья.  
Люблю я тебя или нет?  
Увы, я не вижу различья.

В этом стихотворении, как и во многих других, поэт не столько изображает, сколько выражает, запечатлевает некое обобщение — «музыкальное состояние души», которое немедленно передается читателю.

Следуя принципам П. Дуряна и М. Мецаренца, М. Зарифян еще глубже связал переживания лирического героя с природой, с пейзажем. В его стихах человек и природа не просто неразделимы — они зеркально отражают друг друга. Лирическое настроение героя тут же передается природе. В представлении поэта она способна страстно искать любви, способна вместе с влюбленным ревновать и завидовать («Опасение»).

Одно из наиболее привлекательных свойств поэзии Зарифяна — богатство души и самоотверженность его лирического героя — также проявляется в основном через посредство пейзажа, когда поэт парал-

тельно изображает различные душевные состояния и картины природы. Прекрасный тому пример — стихотворение «Любовь и душа», где величие и глубина человеческих чувств переданы через образы двух необъятных стихий — океана и неба:

О любовь моя, ты —  
океан неоглядный,  
где душа днем и ночью  
ловит жемчуг глубин.

О душа моя, ты —  
небосвод неоглядный,  
где любовь днем и ночью  
сеет пригоршни звезд.

Порожденные причинами общественного характера, зарифьяновские печаль и тоска усугублялись личным несчастьем — тяжелой болезнью, на протяжении многих лет терзавшей тело и душу молодого поэта, и ощущением неотвратно приближающейся смерти. Однако это ощущение не озлобило его, не сделало безразличным к судьбам мира и человека — напротив, Зарифян проникся еще большей добротой, любовью и открытостью. Потому ему и удавалось пересилить тяжелейшее ожидание смерти, подняться над гнетущим сознанием ее неотвратимости и смотреть на все вокруг с пониманием и бодростью. В стихотворении с символическим названием «Насмешка» Зарифян писал, что, чем сильнее становится телесная боль, тем светлее он улыбается, глядя на мир и смеясь над приближающейся смертью. Примирившись в конце концов с неизбежной своей судьбой, поэт находит путь к тому, чтобы слиться с вечной природой и обессмертить себя. Приведем лишь один пример из множества возможных — стихотворение «Закат». Поэт мечтает уйти из жизни подобно угасающему дню, чтобы после него хотя бы на мгновение занялось яркое зарево и в небе вспыхнули звезды:

Вновь угасают краски, ясно  
и чисто на небе пылая.  
О, если б точно так угасла  
и ты, моя душа больная!

...И пусть приходит смерть, как скорый  
благословенный звездный вечер.  
Прекрасна смерть, приход которой  
рождением звезды отмечен.

Последнее желание поэта осуществилось: его до времени угасший дар породил звезду, горящую пусть не ослепительно, но своеобразно, — последнюю звезду в созвездии западноармянской поэзии.

История западноармянской поэзии завершилась трагически: ее развитие было насильственно прервано в годы первой мировой войны. Но то, что создано западноармянскими поэтами в течение сравнительно недолгого исторического периода — с 40—50-х годов минувшего столетия до 20-х годов нашего века, — являет собою одно из наиболее значительных достижений многовековой армянской культуры. Знакомство с наследием этих поэтов несомненно поможет составить более полное и точное представление о всеобщей истории поэзии и о традициях современной литературы.

*Э. М. Джрбашян*

# **СТИХОТВОРЕНИЯ**



Гевонд (Керовпе) Алишан родился 6(18) июля 1820 года в Константинополе в семье ученого-нумизмата. Прочувшись два года в местной армянской католической начальной школе, Керовпе едет в Венецию, где учится в школе мхитаристов, впоследствии (с 1870 года) получившей название Мурад-Рафаэлян. Здесь он в совершенстве изучает древнеармянский язык — грабар, итальянский, английский, немецкий, французский, приобретает обширные знания по истории, географии, филологии. В четырнадцатилетнем возрасте принимает религиозный сан и переименовывается в Гевонда (в честь героя национально-освободительной борьбы армян 451 года — Аварайрской битвы). Будучи еще учеником семинарии, Алишан становится членом арменоведческой конгрегации мхитаристов. Сразу же по завершении учебы назначается учителем той же школы. В течение всей жизни Алишан занимается плодотворной педагогической деятельностью в Венеции и в Париже. С 1849 по 1855 год был главным редактором периодического органа мхитаристов Венеции — журнала «Базма-веп».

С 50-х годов Алишан проявляет серьезный интерес к различным областям арменоведения. В библиотеках, музеях, книгохранилищах разных городов Западной Европы он изучает армянские рукописи, обнаруживая многочисленные ценные материалы, связанные с историей и культурой армянского народа. Алишан — автор капитальных трудов по армянской истории, этнографии, географии, культуре («Политическая география», «Древние верования армян», «Шнорали и проблемы его творчества», «Флора Армении», «Сказания об Армении», «Сисван», «Сисакан», «Арагат», «Армения и Венеция в 13—14 и 15—16 вв.» и т. д.), многие из которых переведены на итальянский, английский, французский, немецкий языки. Как ученый Алишан приобрел общеевропейскую известность, в 1866 году он был награжден орденом Почетного легиона, являлся членом итальянского Азиатского общества, московского Археологического общества, петербургского Общества любителей русской словесности, Йенской Академии философии и др.

Первые поэтические опыты Алишана относятся к 30-м годам. Начал печататься с 1844 года в журнале «Базмавеп». Основное поэтическое наследие Алишана собрано в пяти томах, вышедших в свет в Венеции в 1857—1858 годах («О детстве»; «О желаниях. О размышлениях. О природе»; «Об отечестве»; «О господе»; «О печалях»).

Алишан писал и прозу; наиболее известен его роман «Воспоминания о родине армянской» (1869—1870). Перевел на английский язык армянские народные песни, а на армянский — произведения Байрона, Грея, Мильтона, Лонгфелло и других, издав сборники «Антология английских поэтов» и «Американская лира».

Гевонд Алишан скончался 9 ноября 1901 года в Венеции на острове Святого Лазаря.

Основные издания на армянском языке: Напевы, т. III, Венеция, 1867; Напевы, Ереван, 1957; на русском языке: Поэзия Армении..., М., 1916; Антология армянской поэзии, М., 1940.

## СТРАНА АРМЯН

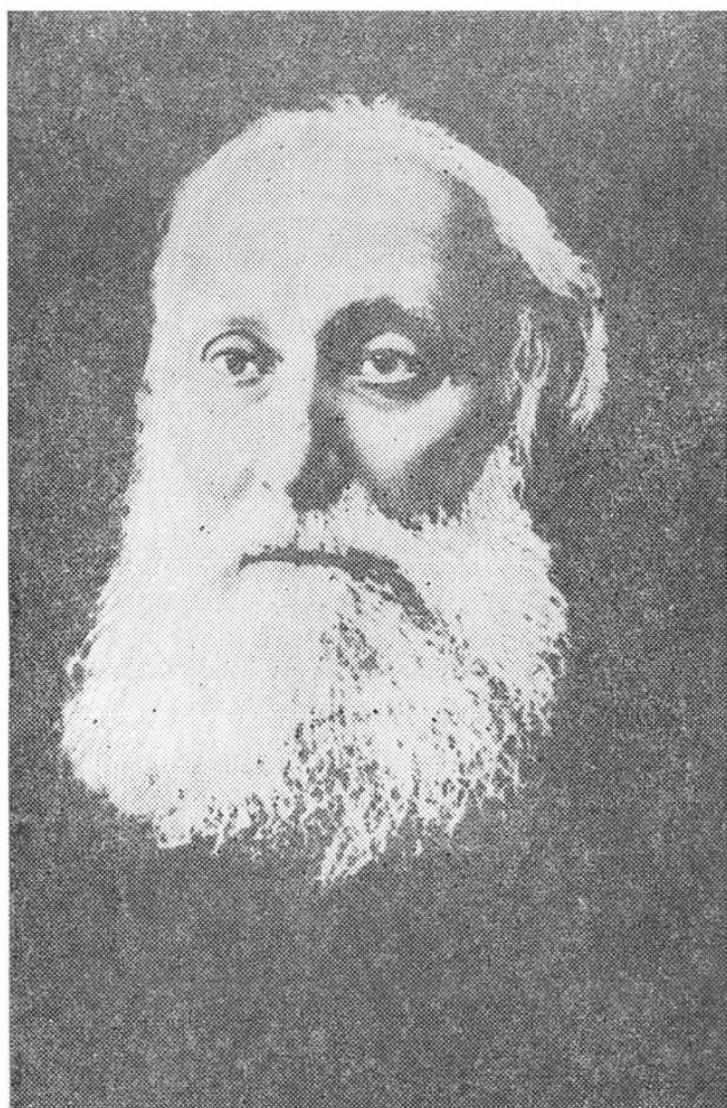
*(Отрывки)*

Милый отчий край! Вот твоя весна!  
Вот твоя весна, о моя страна,  
Рода моего сохнувший исток,  
Сердца моего лучший уголок!  
Вот твоя весна, и Большой Масис,  
Над тобой склоняясь, смотрит с неба вниз.  
Черных туч стада на покой ушли,  
Белых гор гряда видится вдаль,  
Стаял снег с дорог, но лежит с краев,  
По камням журчат тысячи ручьев,  
Из-за гребней скал, в небесах паря,  
Утра благодать щедро льет заря.  
Вот снесли с полей изобильный снег  
Тысячи ручьев в сотни быстрых рек,  
Сотни быстрых рек разлились, бурля,  
И теперь весну встретили поля.  
Красота долин расцвела окрест,  
Ярок их наряд, как убор невест,  
Облеклись в венки синие верхи  
И стоят они словно женихи.  
Розов и лилов, гиацинт пророс,  
Тут и там торчат шапки тубероз,  
Брызгами горят лилий огоньки  
Около озер, около реки,  
И уже в садах у подножий гор  
Райскою красой роза манит взор.  
Из чужих краев, из-за синь морей  
Прилетел домой милый соловей,  
Мал, а одолел неприступность гор,  
Вестию благой огласил простор,  
Подле розы сел в предрассветной мгле  
И привет пропел родине-земле.  
И простой скворец, средь листвы таим,  
Родину воспел щебетом своим,  
Аист распростер крылья-рамена,  
«Мир тебе, — кричит, — родина-страна!»  
Жаворонок взмыл над гнездом в тиши,

Скромно он поет, но от всей души.  
К родине-земле грудкою припав,  
Любо ворковать горлинке средь трав,  
Пастушок пасет агнца и тельца  
И благодарит щедрого Творца,  
Что средь всех краев отличил сей край  
И велел ему походить на рай,  
Словно говоря: «Вот куда идешь,  
Ежели к добру сердцем припадешь».

Так чего ж я жду, старый Наапет?  
Пожелтел, опал мой весенний цвет,  
Осени пора у меня в саду,  
Как сухой листок, я лишь ветра жду,  
Что сорвет меня и погонит прочь  
От живого дня в смертный хлад и ночь,  
Отведенный срок, видно, миновал,  
Я в родном краю жил бы, ликовал,  
Но пришла пора перейти на луг,  
Где не пьют вовек горечи разлук.  
Покидать пора милую страну,  
Что она дала, то я ей верну,  
А дала она преходящим нам  
То же, из чего слеплен был Адам.

Юноши! Для вас молвит Наапет!  
Не такой, как все, это был поэт,  
Он не соловей в предрассветной мгле,  
Он любовно льнул горлинкой к земле.  
Милая земля, милая вода!  
Родина, я твой всюду и всегда,  
Нету слаще вод, чем твои ручьи,  
Краше роз чужих тернии твои,  
Любы мне дожди, ветер и туман,  
Коль они летят из Страны армян.  
Шерсть твоих ягнят золотом зову,  
Яблоко беру — плод бессмертья рву,  
На заре, когда бледны небеса  
И спадает с них мелкая роса,  
Кроет серебром листья ревеня, —  
Та твоя роса — манна для меня.  
От цветущих гор, от воды живой  
Пусть летит ко мне нежный ветер твой,  
И на том ветру, песнь моя, несись





Как последний вздох на Большой Масис,  
Чтобы там тебя приняли в родство  
Сам Торгом и все сыновья его.  
Юноши мои! Вам теперь дана  
Родина армян, лучшая страна!  
Берегите в ней корень ваш и дом.  
Корнем крепок ствол, помните о том.

. . . . .  
Множество врагов у моей земли!  
Жгли ее огнем и мечом секли,  
Разрушали в ней злые пришлецы  
Церкви и дома, стогны и дворцы,  
Увели мой род в горький плен, и вот  
Он в чужих садах батраком живет.  
Ох, беда тебе, мой армянский край,  
Злобой и враждой разоренный рай!

Но бодрюсь душой, зная, что крепка  
Над тобой, мой край, божия рука.  
Коль попустит бог — возмещает бог.  
Где зима в свой срок — там весна в свой срок,  
На твои рубцы бог глядит, скорбя,  
Но бичами бед лечит он тебя.  
Так по склону вихрь катится с небес,  
Сокрушает он вековечный лес,  
За собой ведет черную грозу,  
Топчет, мнет и рвет старую лозу.  
Но уходит вихрь, стаивает град —  
Возродится лес, возродится сад,  
Старый корень даст новый крепкий ствол,  
Чтобы отчий край вдвое краше цвел.  
Россыпи руин сыщут прежний стык,  
Сложатся опять в арки базилик,  
Зазвучит псалом, и, войдя в собор,  
«Аллилуйя!» — вновь возликует хор.

Россыпи руин. . . Мне твердят они:  
Ты, увядший край, знал величья дни.  
Ветхий лист — но лоз, лепесток — но роз,  
Тех, что сам Господь в дар тебе принес.  
Оживляет их не поддельный цвет,  
А таков им дан от небес завет.  
Так неужто мы сей господень дар  
Отдадим другим, как худой товар?

Нет! Иная нам заповедь Творца:  
В том краю, что дан, почитай отца.  
Корнем крепок ствол, корень жив стволом, —  
Должно это знать, мысля о былом  
И лелея сад будущих надежд  
Вопреки глупцам и речам невежд.  
Юноши мои! Помните о том!  
Укрепляйтесь здесь розовым кустом.  
Отступивший прочь от своих колен  
Под чужой пятой обратится в тлен.  
Возлюбив свой род и свою страну,  
Встретите при них новую весну.

Я же, Наапет, к праотцам спешу  
И благую весть им провозглашу,  
Что встают к весне наши зеленыя.  
Ваш же долг святой — схоронить меня,  
И да будет мне пухом та земля,  
Что любил всю жизнь, сердца не деля.

1847

2

РАЗДАН

Раздан-река, поток родной,  
Раздан, сладчайшая струя.  
К тебе, покинув край чужой,  
Пришел, Бабкен-скиталец, я.  
Раздан! Ах, струй родимых бег!  
Об чем грустишь, безмолвный брег?

Я — ваш! Меня ли не признать?  
Ведь сердце не забыло вас.  
Зачем забыли вы журчать  
И скорбь — в сиянье ваших глаз?  
Раздан! Ах, струй родимых бег!  
Об чем грустишь, безмолвный брег?

Увы, найду ль зеленый лес,  
Мою лачугу с миндалем?  
Под бурей сгиб, в волнах исчез  
Ужель мой сад и ты, мой дом?  
Раздан! Ах, струй родимых бег!  
Об чем грустишь, безмолвный брег?

Где свет очей, моя Хантук?  
И где друзья мои, Раздан?  
В плену ль у перса, в ряде мук,  
Иль им покой в могиле дан?  
Раздан! Ах, струй родимых бег!  
Об чем грустишь, безмолвный брег?

Я одинок здесь, у русла,  
И мимо ты бежишь, Раздан.  
Беги! Ты многое унес.  
Довольно мне, Бабкену, слез!

1847

3

**ИЗ ПОЭМЫ «АВАРАЙРСКИЙ СОЛОВЕЙ»**

Скажи мне, о луна, зачем так безмятежно  
Плывешь по небу ты и освещаешь нежно  
Заснувшие поля, и гор далеких склон,  
И старца бедного, что в думы погружен,  
Блуждая в час ночной на Аварайрском поле,  
О подвигах армян и их завидной доле? ..

Иль хочешь ты спустить блистающий покров  
Из трепетных лучей на прах святых борцов  
И ясный, чистый лик, как нежным покрывалом,  
От крови их святой украсить блеском алым?  
Иль вспоминаешь ты о мужестве армян,  
О том, как в битве пал великий наш Вардан,  
Что, в грозный бой вступив с врагом родного края,  
Нашел покой душе в селеньях вечных рая?

А ты, река Тыгмут, борцов великих кровь  
Принявшая в себя, — ты словно плачешь вновь.  
Ты, нежный ветерок, гонец крутого ската  
Седой горы Маку иль старца Арарата,  
Ты сам подобно мне колеблешься, дрожишь.  
На слабых крыльях ты с вершины гор летишь  
Через холмы, поля, безмолвные дубравы,  
Туда, где всё полно минувшей, громкой славы,  
Чтоб разнести мой вздох, поведать грусть мою  
И братьям рассказать о том, как я скорблю. . .

А ты, влюбленных друг, певец надежды страстной,  
Что гимн любви поешь пред розою прекрасной,  
Волшебный голос твой с моим напевом слей —  
И смерть святых борцов прославь, о соловей!..

1847

1 4  
**ВЕРШИНЫ МАСИСА**

Великан Масис выше всех стоит,  
С голубых небес глас его летит:  
«Горы вы мои, братья и друзья,  
Между вас стою исполином я.  
Я Большой Масис, древен я и сед,  
Между вас горы родовитей нет.  
Дал мне сам Творец рост великий мой,  
На меня ступил прародитель Ной,  
Рек Амасия: я его гора, —  
Именем своим окрестил Ара,  
Кланялся мне Гайк, предок всех армян,  
Пленников ко мне приводил Тигран,  
Из моих пещер гневный Артавазд  
Клялся, что весь мир бедствию предаст,  
Брал Великий Трдат из моих теснин  
Камень — возводить Свят Эчмиадзин.  
Всем царям армян я символом стал,  
Всех богатырей силою питал,  
И гордится мной род сынов моих,  
Как и я горжусь подвигами их.  
Мне поклон от вас надлежит, как встарь.  
Я Большой Масис, я ваш вечный царь».

**Слово Малого Масиса**

Я сородич твой, я твой младший брат,  
Это ты и я вместе — Арарат.  
Вправду ты велик, вправду серафим  
Не дерзал ступать по бровям твоим,  
Вправду ты стопой топчешь облака,  
Вправду у тебя слава велика.  
Братней славой, брат, крепко дорожу.  
Так изволь внимать слову, что скажу.

Не хвались, старик, перед гор толпой.  
Шуточки шутить будут над тобой,  
Станут говорить: расшумелся дед,  
А Страны армян и в помине нет.  
Слава этих мест громкая прошла,  
С головы твоей, как вода, стекла,  
Унесли ее речки и ручьи,  
Те, что бороздят голени твои  
И текут, к морям пролагая путь.  
И, как тех ручьев, славы не вернуть.

### Б о л ь ш о й М а с и с

Пусть текут ручьи, пусть бегут к морям!  
Я добавлю волн к прежним их волнам.  
Хватит вод моих им на вечный бег.  
Так и честь моя не иссякнет век.

### М а л ы й М а с и с

Воду в родники на твои бока  
Мигом возвратят с моря облака.  
А вот кто вернет славу и почет,  
Что с тебя, мой брат, как с меня, стечет?  
Отдана толпе на позор и смех  
Память о делах исполинов тех.  
Я уж не символ их побед былых,  
Я всего лишь гнет на могилах их.  
Ах, вода сама вновь идет к волнам,  
Слава же нейдет от отцов к сынам.  
Был и ты горяч, да потерян счет  
Тем летам, что спит в твоём горне лед.  
Редкий солнца луч край жерла кропит,  
Но не тает лед и спокойно спит.

### Б о л ь ш о й М а с и с

Малый окоем малому под стать.  
Большему из нас большее видать.  
Зрю, что зреть тебе не дает туман, —  
Слава не ушла из Страны армян.

### М а л ы й М а с и с

По верхам глядишь, там тебе светлей,  
На свету и пень смотрит веселей.  
В глубину гляди, где не так светло, —  
Снег забил твоё хладное жерло.

Сотни тысяч раз набежит весна,  
Только жар в тебя не вдохнет она.  
Так и дух армян, о котором речь,  
Охладел — и горн больше не разжечь.

### Большой Масис

В глубину глядеть, так глядеть до дна.  
Всё, что ты узрел, видимость одна.  
Глубже, говоришь? Ну ступай, гляди,  
Как ярится горн у меня в груди.  
Да поберегись! Чуть дохну не так —  
Станешь ниже ты, чем средь поля злак.  
Но и то не дно. Хочешь видеть дно?  
В толщах недр земных спрятано оно.  
Это сверху лед, это сверху тлен,  
А на дне кипит пламя ста геенн,  
Пламя ста геенн рыщет под золой.  
Стоит мне плеснуть серой и смолой,  
Землю затрясет, распахнет, как пасть, —  
Всё, что есть вокруг, рухнет в эту страсть,  
Всё, что есть вокруг, рухнет в этот ад,  
И конец тебе,меньшенький мой брат!  
Дым извергну я, пепел изрыгну,  
Солнце застелю, опалю луну,  
Племя новых гор в круг поставлю здесь  
И пошлю о том Арагацу весть  
С громом недр моих, с тучами камней,  
С огненной рекой, чтоб ты канул в ней!  
Вот он я каков, если вглубь взглянуть:  
Ледяной покров — пламенная суть,  
Под щитом снегов — огненная плоть.  
Не погаснет горн, что разжег Господь.

### Малый Масис

Верно, что разжег. Тут не возражу.  
Только не сердись, если так скажу:  
Властен погасить всякий, кто разжег.  
«Давший волен взять», — говорит Пророк.  
Что, как сам Господь, — братец, рассуди! —  
Погасил огонь у армян в груди?

### Большой Масис

«Смерть, — сказал мудрец, — богу не нужна».  
Любит бог будить мертвое от сна.

Камень мертв, но в нем искра ждет, жива,  
Жив и уголь в золе, хоть зола мертва,  
Ночи тьма мертва — жив огонь свечи,  
Вечер не мертвит утренни лучи.  
Так и пыл армян. Ты твердишь — угас?  
Нет! Зажжется он, как настанет час.

### М а л ы й М а с и с

Есть иная мысль и того страшней:  
Что, как род армян проклят меж людей?  
Вопиют о том к милости небес  
Горестный Мовсес, страждущий Нерсес.

### Б о л ь ш о й М а с и с

Неустойчив мир, переменчив мир.  
Нынче смотришь — сор, завтра глядь — сапфир,  
Вечна лишь над злом у проклятья власть,  
Но никто не тщись доброе проклясть.  
Бога позабыл в распрях род армян,  
И за то ему горький жребий дан.  
Если ко Творцу припадет он вновь,  
Если брату брат возвратит любовь,  
Если брату брат станет помогать,  
Станет доверять и оберегать,  
Отвратись от зла чистою душой,  
Если будет так, — я, Масис Большой,  
Спрашиваю всех, дайте мне ответ —  
Не зажжется ль вновь для армянства свет?

### М а л ы й М а с и с

Он зажжется вновь, если весь народ  
Общую к добру волю соберет.  
А когда добро род армян сплотит,  
Он себе и нам славу возвратит.  
И об этом, брат, спору нет у нас.  
Но когда ж придет этот светлый час?

### Б о л ь ш о й М а с и с

Горный край, внимай своему царю!  
Слушай, младший брат, то, что говорю!  
Я дремлю-дремлю, я молчу-молчу,  
Но в урочный день я загрохочу,

Я, Большой Масис, пламя изрыгну,  
Сотрясу армян ветхую страну.  
Для моих сынов это будет весть,  
Что пришла пора возвращать им честь,  
Но творя добро, бдительно храня  
Мудрый мир и жар братского огня.

#### М а л ы й М а с и с

Целый горный край и Масис Меньшой  
Помнят твой обет, о Масис Большой.  
Пламя над тобой и багровый дым —  
То благая весть всем сынам твоим.

#### Б о л ь ш о й М а с и с и М а л ы й М а с и с

Коль творят добро, бдительно храня  
Мудрый мир и жар братского огня.

#### С л о в о Н а а п е т а

«Что же медлишь ты, о Большой Масис!  
Время! Час настал! Пробудись, проснись!  
Изрыгни огонь и багровый дым  
И благую весть дай сынам твоим.  
Вот он задрожал, наш Большой Масис!  
Время! Час настал! Пробудись, проснись,  
Верный Гайков сын среди своих долин!  
Глянь, как делу рад горный исполин!  
Будь же всей душой делу рад и ты,  
Воплощай свои пылкие мечты,  
Но творя добро, бдительно храня  
Мудрый мир и жар братского огня.  
Что же медлишь ты, старый Наапет?  
Навести Масис хоть на склоне лет», —  
Наапет сказал и пустился в путь.  
Кто пойдет за ним на Масис взглянуть?

1848

#### 5

#### **АШОТ ЖЕЛЕЗНЫЙ НА ОЗЕРЕ СЕВАН**

Что-то не в срок нынче настала зима,  
С горных высот ринулась белая тьма,  
Ходит буран, лютый буран ледяной,  
Очи сечет, снег наметает стеной.

Пышные розы пожухли,  
Мальвы на склонах потухли,  
Очи слезами набухли.

Горе тебе, мирной армянской лозе!  
Быть не зиме — быть иноземной грозе!  
Семьи князей прячутся по крепостям,  
Но пугарю нету убежища там.  
Солнце не взвидело света,  
Видя предательство это!  
Стыд! Стыд писать Наапету!

Кем на армян выведен вражеский строй?  
Кто же они, спеси и низости рой?  
Что за уста, что за пустые сердца  
Отчей земле алчут лихого конца?  
Будьте вы прокляты, руки,  
Коим хватило науки  
Строить нам беды и муки!

Где ты, Ашот? Зришь ли ты вражеский стан?  
Зришь саранчу, что затмевает Севан?  
Полк за полком и за отрядом отряд  
Шлют на армян Шам и кичливый Багдад.  
Всюду Бешир проникает,  
Вражьи шлемы мелькают,  
Сабли и пики сверкают.

Где ты, храбрец? Где ты, наш избранный царь?  
В сердце врага грозной десницей ударь!  
Вот он, наш царь! Вот он как буря летит!  
Он свой народ в горестный час защитит.  
Стону народному внемлет,  
Пламенный меч свой подъемлет,  
Битву с врагами приемлет.

Рыками льва он созывает друзей —  
Башни молчат, башни трусливых князей.  
Поднятый меч стынет в царевой руке,  
Царь осажден в озере на островке.  
Синие воды Севана,  
Вкруг — лишь сполохи багряны,  
В сердце — горящая рана.

Ночью туман пал на озерную гладь.  
Бедный мой край; где ты? Тебя не видать.  
Только сквозь шум пенной севанской волны  
Будто бы плач, будто бы вопли слышны.  
    Будто бы горное море  
    Голосом скорби и горя  
    Молит рассвет обо взоре.

О, как черна синяя прежде волна!  
О, как в тоске бьется о камни она!  
О, как во тьме стонет севанский простор! —  
Словно народ руки с мольбою простер.  
    Мечется царь безысходно,  
    Чует он плач всенародный  
    В темени злой и холодной.

Это не тьма царские очи слепит,  
Это в груди гневное сердце кипит.  
Вспомнил отца, вспомнил счастливые дни,  
Бросилась кровь в очи — ослепли они,  
    В царских глазах запылало,  
    Будто бы молнии жало  
    С черного неба упало.

Вот он повел сводами грозных бровей,  
Вот он потрянул смолю армянских кудрей,  
Вот он из уст пламенный вопль испустил —  
Дрогнул Севан, словно бы зов возвратил:  
    «Царь наш, о, слово скажи нам,  
    Слугам твоим и дружинам,  
    Скалам, волнам и вершинам!»

Бодрый порыв будто прошел островком,  
Ожил Ашот, этим порывом влеком,  
Духом воспрял, взор посветлевший — меча,  
Ищет он стрел, ищет из ножен меча.  
    Малый свой полк привлекает,  
    Копие в камень втыкает,  
    Пламень из скал высекает.

Други мои! Верно вы служите мне.  
Час наступил — вместе послужим стране!  
Горсть смельчаков — это великая рать,  
Против нее нелюдям сил не набрать.

Ворог коварный и лживый!  
Ведай: покуда мы живы,  
Край наш тебе не пожива!

Ночь унесла черные скопища туч,  
Алой зари пал на окрестности луч,  
Синий Севан царь оглядел с вышины,  
Слушая глас отчей земли и волны.  
Сердце всё так же кипело  
Яростно, сильно и смело,  
Милые веси жалело.

Утренний ветер свежестию воздыхал,  
В сини небес алый пожар полыхал,  
И, пробудясь, дикие орды врага  
Вышли на свет, заняли все берега.  
Всюду их знаки и лики,  
Всюду их луки и пики  
И отовсюду их крики.

«Эй, царь царей! Любо ль средь моря дрожать?  
С суши сбежал — некуда больше бежать.  
Дай только срок — дальше тебе не уйти,  
Биться тебе рыбкою в нашей сети!  
Рыбкой, которой несладко  
С царской прощаться повадкой,  
С нашей знакомиться хваткой!»

Кликнул Ашот семьдесят смелых бойцов —  
Десять плотов ждут на воде удальцов!  
Копьями в дно правят в воде ледяной,  
Держат к волне, солнце у них за спиной.  
Гулок прибой и размерен,  
Враг удивлен и растерян,  
Путь, нами избранный, верен.

Царь приказал — семьдесят стрел огневых  
Жалят врагов в самое сборище их,  
Кружат плоты, носятся вдоль берегов,  
Стрелы разят, вводят в расстройство врагов.  
Битвой Ашот верховодит,  
С плота на плот переходит,  
Страх на Бешира наводит.

Рыщут плоты возле прибоья впритир,  
Скрывшись в шатре, руки ломает Бешир, —  
Стаям его нету спасенья нигде,  
Гибнут они и на земле, и в воде.  
    Лютому знойно бурану,  
    Сечи не выдержав бранной,  
    Прочь он бежит от Севана.

Моеет волна зубы крутых берегов,  
Напоена кровью и желчью врагов.  
Скверну презрев, рыба ушла в глубину,  
Черви со дна всплыли, воссались в волну.  
    Трупы, одетые в пену,  
    Лижут наш берег смиренно,  
    Вглубь уходя постепенно.

Выше горы, солнце гегамское, встань,  
В левую глянь, в правую сторону глянь!  
Ветр, собери свежесть с ликующих гор!  
Пусть за тобой ходит севанский простор!  
    Волнам найдется работа! —  
    Пусть рукоплещут без счета,  
    Славя победу Ашота!

Властвуй, Ашот! Соколом по небу рей!  
Истинно ты царь всех армянских царей!  
Смело ступай в каждое поле и дол!  
Сломлен Бешир, он безвозвратно ушел.  
    На островке среди бездны  
    Был ты Ашотом Железным,  
    Стал же — булат искрозвездный.

Так ударяй твердым булатом о сталь,  
Искры раскинь в самую дальнюю даль,  
Оберегай свой отвоеванный край,  
Крепким щитом длани над ним простирай!  
    Боже, во благо Армении  
    Даждь ему меч одоления,  
    Даждь Наапету радение!

1858

## ЛУНА НАД АРМЯНСКИМИ МОГИЛАМИ

(Отрывок)

Ах, чудо мое, луна! Тебя всемогущий бог  
 Поставил звезды водить и сам твой светоч возжег.  
 Недремлющим оком ты колышешься надо мной,  
 Пред ликом божьих небес лампадой теплясь ночной.  
 Над чашей из серебра горит золотой фитиль,  
 Вокруг роится в тиши светил алмазная пыль,  
 Очами пью молоко с краев твоего ковша,  
 И, умиротворена, не ропщет моя душа.  
 О, как ты была ясна меж пятым днем и шестым,  
 Когда достроил Творец твой путь над садом своим!  
 О, как же был чист твой свет на юных дерев гурьбе,  
 Когда впервые запел соловушка вслед тебе!  
 Певца сладкозвучный глас от хólма к хólму летел,  
 Меж ними первый ручей, волной играя, блестел.  
 Свидетель чуда того, ликующий серафим  
 Тебе дорогу средь звезд перстом расчистил своим.  
 И вот измерила ты хрустальный небесный свод  
 И тихо сокрылась прочь, узрев, что солнце встает,  
 Что огненный луч его пронзил остывший эфир,  
 Эфир росую опал и утро приходит в мир. . .  
 О солнце! Не поспедай! Прошу — укроти свой луч!  
 Пускай погостит луна на воле средь звезд и туч!  
 Луна, погоди! Присядь у облачка на краю,  
 Свой ровный молочный свет пролей в пещеру мою!  
 Смятен Наапет душой от бед на его пути,  
 Он хочет слово сказать и жалобу принести.  
 Велел же тебе Господь служить утешеньем нам  
 И лик-обращать к тому, кто волю дает слезам!  
 Ты помнишь, как пред тобой блаженством дышал  
 Эдем,  
 Как рад был тебе Адам, нагой, но довольный всем.  
 Куда б ни падал твой луч с назначенной высоты —  
 В земле воскипала жизнь и пышно цвели цветы.  
 А ныне, черным-черна у горных подножий, тень  
 Лежит средь руин церквей, среди могил деревень,  
 Среди армянских могил, которым нет на земле  
 Иного места, чем гарь, коснеющая во мгле. . .

Мкртич Пешикташлян родился в 1828 году в пригороде Константинополя Ортагюх, в семье портного. Начальное образование получил в армянской католической семинарии Константинополя. В 1839 году его отправляют в Падую (Италия), в школу венецианских мхитаристов. Завершив учебу в 1845 году, Пешикташлян возвращается в Константинополь, где приступает к активной педагогической, общественной, литературной и театральной деятельности. В школах столицы он преподает армянский и французский языки. Пешикташлян — один из основателей Общенационального общества (1846—1852), способствовавшего распространению армянского просвещения в населенных армянами районах Малой Азии, издававшего произведения армянских и европейских авторов и т. д. Пешикташлян принимал участие и в работе других обществ, которые вели борьбу против турецкого ига, оказывали помощь участникам Зейтунского восстания 1862 года.

В 1856 году Пешикташлян основывает в Константинополе армянский национальный театр. Он переводил для театра пьесы европейских авторов, выступал как режиссер и актер. В 1856—1858 годах он написал исторические трагедии «Корнак», «Аршак II», которые ставились на сцене основанного им театра. Его перу принадлежат также трагедии «Ваган», «Ваге» и несколько комедий. Пешикташлян способствовал и развитию армянского музыкального искусства, сочиняя музыку к спектаклям, а также на свои стихи и стихи Г. Алишана. Он поддерживал творческие связи с выдающимся армянским композитором Тиграном Чухаджяном.

Стихи Пешикташлян начал писать со второй половины 40-х годов, публикуя их в западноармянской периодике. Первый сборник его стихотворений и драматических произведений вышел в свет в Константинополе в 1870 году под названием «Сочинения».

Скончался Пешикташлян 29 ноября 1868 года в Константинополе.

Основные издания на армянском языке: Сочинения, Константинополь, 1870; Стихотворения и речи, Париж, 1904; на русском языке: Поэзия Армении... М., 1916; Антология армянской поэзии, М., 1940.

## 7. ПЕСНЯ ОТЧИЗНЫ

Пока природа тешится надеждой,  
Что после долгой, пасмурной зимы  
Придет весна, зеленою одеждой  
Покроет вновь долины и холмы,  
И птицы защебечут, в небе рея,  
И мир воспрянет, красками пестрея, —  
К тебе спешу я, ты меня встречай,  
Армения моя, мой дивный край!

Что мне красоты древние Эллады! —  
Они не краше, чем твои луга.  
Увы, уже не дарят мне отрады  
Италии лазурной берега.  
Я от тебя вдали — скиталец нищий,  
Тоска мне служит и питьем, и пищей,  
Все мои думы — о тебе одной,  
Армения, желанный край родной!

Настанет день — я сгорблюсь, как от груза,  
И холодок почувствую в крови.  
Настанет день — измученная муза  
Уже не вспомнит песен о любви,  
И будет мрак всё глубже, всё безбрежней. . .  
Тогда к тебе прильну я с силой прежней,  
В твоих объятьях обрету покой,  
Армения моя, мой край родной!

1850

## 8. МЫ — БРАТЬЯ

*(Песня)*

Пусть все на свете звуки ясные,  
Став песней, огласят наш мир,  
Пусть девы юные, прекрасные  
Коснутся струн певучих лир —  
Напевы те не прозвучат  
Милей и слаще слова «брат».

Дай руку мне! Мы были грозами  
Кровавыми разметены,

Но нам любые силы грозные,  
Когда мы вместе, не страшны.  
Всю землю обойди стократ —  
Не сыщешь слаще слова «брат»!

Когда сынов своих Армения  
Вновь соберет из чуждых стран —  
Прольются слезы исцеления  
На боль ее глубоких ран.  
Всю землю обойди стократ —  
Не сыщешь слаще слова «брат»!

Одной семьей мы жили исстари. . .  
Давайте соберемся вновь  
И вновь сольем в порыве искреннем  
Свои мечты, свою любовь.  
Всю землю обойди стократ —  
Не сыщешь слаще слова «брат»!

К единой цели устремленные,  
Мы к жизни возродить должны  
Не раз бедою опаленные  
Просторы отчей стороны.  
Всю землю обойди стократ —  
Не сыщешь слаще слова «брат»!

1862

### 9. АРМЯНСКИЙ ХРАБРЕЦ

Тоску и ненависть таит  
Взгляд юноши. Большой и сильный,  
На склоне горном он стоит,  
На камень опершись могильный.  
«Сын этой гордой высоты,  
Скажи, чем опечален ты?»

Иль жаждешь ты дорог иных —  
В морях, где пенятся буруны,  
Где под смычком ветров шальных  
Трепещут волны, точно струны?  
Сын этой гордой высоты,  
Скажи, чем опечален ты?»





Иль хочешь ты, чтоб над тобой  
Склонились звезды с небосвода  
И пестрых красок ворожкой  
Тебя утешила природа?  
Сын этой гордой высоты,  
Скажи, чем опечален ты?

Участья матери ты ждешь?  
Иль в ласках девушки любимой  
Отдохновение найдешь  
Ты от тоски неумолимой?  
Чего ты просишь у судьбы?»  
— «Прошу оружия и борьбы!»

1862

#### 10. СМЕРТЬ ХРАБРЕЦА

Ты ищешь меня, моя бедная мать?  
Взгляни же сухими глазами  
На раны мои. И не надо рыдать.  
Пусть в горе зальются слезами  
Турецкие матери — ты не рыдай,  
Ты добрые вести в Зейтун передай.

О мать, ты не знала ни ночи ни дня  
В трудах и заботах о сыне.  
Так бережно ты укрывала меня  
В моей колыбели! И ныне,  
Укрыв меня отчей землей, не рыдай,  
Ты добрые вести в Зейтун передай.

«Армяне, пусть солнцем сияет всегда  
Для вас и для отчего края  
Жизнь сына, рожденного мною», — тогда  
Ты пела над люлькой, родная.  
Я пал за отчизну. И ты не рыдай,  
Ты добрые вести в Зейтун передай.

Сочится из ран моих алая кровь,  
Но смерть я, не дрогнув, приемлю.  
Взгляни на безжалостных наших врагов —  
Их трупы усеяли землю.

Их кара постигла. И ты не рыдай,  
Ты добрые вести в Зейтун передай.

Свирепо рыча, налетела на нас  
Драконья зловещая стая,  
Но пламя великого гнева в тот час  
Зажгла в нас Отчизна святая.  
Наш недруг повержен. И ты не рыдай,  
Ты добрые вести в Зейтун передай.

Нам слышался радостный голос отцов,  
Когда мы на битву вставали,  
И души погибших армянских бойцов,  
Отмщенные, возликовали.  
Масис улыбнулся. И ты не рыдай,  
Ты добрые вести в Зейтун передай.

Прими поцелуй мой. Последним «прости»  
Его отнеси моей милой.  
Приникну к земле, перед тем как сойти  
В объятия ее. . . Над могилой  
Пусть крест мне поставят. . . О мать, не рыдай,  
Ты добрые вести в Зейтун передай.

(1863)

#### 11. ПОХОРОНЫ ХРАБРЕЦА

**Мы** в рог не трубили, и эхо в горах не металось,  
**Чтоб** горькую весть разнести и в ущельях пропасть,  
**Мы** песен не пели, рождающих боль или жалость,  
**Когда** раскрывалась могильная черная пасть,

**Сгущались** вокруг понемногу вечерние тени,  
**Тяжелые** камни штыками ворочали мы.  
**Луна**, трепеща, наклонилась над нами в смятенье,  
**Да** скорбно застыли поля, небеса и холмы.

**Не** нужен ни гроб и ни саван. Над телом героя  
**Вздохнуть** мы не стали, слезу утирая тайком, —  
**Как** будто он просто устало прилег после боя,  
**И** спящего друга мы красным укрыли плащом,

Словами невнятными заупокойной молитвы  
Отважный священник — народа и бога солдат —  
Его помянул, и призвал нас на новые битвы,  
И взглядом суровым окинул наш сомкнутый ряд.

Когда же торжественно в яму его опускали  
И алую рану увидели мы на челе,  
«Товарищ наш верный, — мы тихо ему  
прошептали, —  
Ты пал за Отчизну — ты праведно жил на земле.

Иди, передай прародителям доблестным нашим,  
Что дух вольнолюбия в нас не угаснет вовек.  
Пусть бедствия неисчислимы, нам недруг  
не страшен —  
Тверды как скала, мы разбойничий встретим набег».

Пронзительный ветер в теснинах свистел временами,  
И в тучах нахлынувших лунные скрылись лучи.  
Безмолвно, как призраки, высились горы над нами,  
Угрюмый обряд наблюдая в ненастной ночи.

Студеной землей мы могилу его забросали  
И крест водрузили. И кроме креста — ничего. . .  
Надгробья не ставили, пышных словес не писали —  
Лишь холмик остался  
да вечная слава его.

1862—1863

## 12. ВЕСНА

О ветер, ты веешь прохладой, ты  
Нам сладкие даришь напевы.  
Придя на заре, ты ласкаешь цветы  
И мягкие локоны девы.  
Но если ты веешь не с отчей земли —  
Умолкни и скройся вдали!

О птица, ты пьешь голубую росу,  
Твой голос так сладостен, птица,  
Что всё замирает в тенистом лесу,  
Чтоб пеньем твоим насладиться.  
Но если летишь ты не с отчей земли —  
Умолкни и скройся вдали!

Ручей, так пленительна песня твоя,  
Такой ты прозрачный и ясный,  
Что зеркалом служит живая струя  
И розе, и деве прекрасной.  
Но если бежишь ты не с отчей земли —  
Умолкни и скройся вдали!

Пусть птицы и ветры отчизны моей  
Встречают в пути лишь руины,  
Пусть хмур и невзрачен армянский ручей,  
Бегущий во мраке теснины, —  
Далекими вздохами отчей земли  
Они в мое сердце вошли.

(1864)

### 13. К ЗЕФИРУ АЛЕМДАГА

Дитя-зефир, нежнокрылат!  
Вдоль ручейков, будящих тишь,  
Меж роз, струящих аромат,  
Навстречу мне куда летишь?  
Прохладу льешь, льешь фимиам,  
Дыханьем сладким льнешь к устам!

О ветерок! люблю тебя,  
Когда спешишь ко мне прильнуть,  
Пляша, свистя, в свой рог трубя,  
Лаская пламенную грудь!  
И, освежен, цветок души  
Для светлых дней цветет в тиши.

Мой милый вестник! мчись, лети,  
Скажи оврагам и холмам,  
Лесам, стоящим по пути,  
Где соловьи поют цветам,  
Что верный друг вернулся к ним,  
Что он восторгом полн былым!

О радости погибших дней,  
Вас снова обретаю я:  
Таились вы в тени ветвей,  
Под пеной тихого ручья;

Вы реете в густых листьях  
И в темных зонтичных кустах.

И свеяно с чела, чредой,  
Так много тягостных забот!  
И ряд часов, суля покой,  
Над сердцем: «Ты усни!» поет.  
Природа, любящая мать,  
В объятьях хочет заласкать.

Гуляет здесь, под вечерок,  
В тени прохладной, много дев;  
Взвевал их кудри вестерок,  
Лицо пылало, заалев.  
Луна, и дева, и цветок —  
Любовью созданный венок!

О! как, любовь и дружба, вы —  
Прекрасны, мир лесной деля,  
Где ваше ложе — глубь травы,  
Гулянье — вольные поля!  
В объятьях дружбы, ей дыша,  
Пусть отлетит моя душа!

А ты, зефир, нежнокрылат,  
Летя вдоль звонкозвучных струй,  
С цветов свежая аромат,  
Дари, дари мне поцелуй;  
Прохладу лей, лей фимиам,  
Дыханьем сладким льни к устам!

1864

#### 14. СЛЕЗЫ ДЕВЫ

*(Песня)*

Плачь, дева, плачь! Пусть в час ненастный  
Сверкает жемчугом слеза.  
О, плачь! В слезах вдвойне прекрасны  
Твои прекрасные глаза!

Люблю цветок простой зеленый,  
Что средь лугов иль спелых нив,

Ночной росой отягощенный,  
Стоит, головку наклонив.

Люблю я солнце на рассвете,  
Когда, светлы и горячи,  
Вдруг погружаются, как сети,  
В пучину волн его лучи.

Тебя люблю, мой ангел юный,  
Когда твой лик печально-тих  
И лиры горестные струны  
Поют о бедствиях людских.

Плачь, дева! Слезы состраданья  
Украсят светлые черты.  
Плачь! Я в плену очарованья —  
В слезах вдвойне прекрасна ты!

Плачь, дева, плачь, покуда Счастье  
С небес на землю не спорхнет,  
В порыве нежного участия  
К тебе, печальной, не прильнет.

Плачь, дева, ведь оно вернется.  
Плачь, дева, скорби не таи.  
Оно придет — и улыбнется  
И слезы высушит твои.

1864

## 15. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вздыхала нежная фиалка:  
«Мои опали лепестки  
И высох стебелек. Как жалко,  
Что дни фиалки коротки!  
Но на судьбу роптать не буду,  
Хоть жестока она со мной, —  
Подобно маленькому чуду,  
Я снова расцвету весной».

Роса сказала зоревая:  
«Ложусь я россыпью огней,

Цветы и травы умывая  
Бодрящей свежестью своей.  
Лишь солнце жжет меня сурово. . .  
Но ты обиды не таи,  
Мой добрый сад: я утром снова  
Паду в объятия твои».

Пел соловей из роши дальней  
В ответ на эти голоса:  
«Прощай, прощай, родник хрустальный!  
Прощайте, темные леса!  
Да, я лечу в края иные,  
Но голубой придет апрель —  
И вы услышите, родные,  
Мою залиvistую трель!»

О чем грустишь порою летней,  
Ручей? Что значит шепот твой?  
«Я иссякаю всё заметней,  
Я гасну, я едва живой.  
Но под весенними лучами  
Снега растают — и опять,  
Вспоенный чистыми ключами,  
Я буду весело журчать».

Померкло солнце на закате  
И вот ушло за край земли.  
Его малиновое платье  
Прощально вспыхнуло вдали.  
«О, не печалься, мир прекрасный,  
Встречая мрак и тишину, —  
Ведь я вернусь зарею ясной  
И краски все тебе верну!»

И солнце, и цветы, и росы,  
И серебристый ручеек,  
И соловей сладкоголосый —  
Всё возвращается в свой срок.  
Лишь ты, о дева, злой судьбою  
Погубленная в цвете лет,  
Свою красу взяла с собою,  
Которой нет возврата, нет!

1864

## 16. ЛЕТИТЕ, МОИ ПЕСНИ

Летите, мои песни, не туда,  
Где солнце блеск и трепет разливает,  
Где ветер кружит облаков стада  
И кудри херувимов развеваает.

Летите, мои песни, не в огни  
Той радуги — небесного убора, —  
Чьи краски, драгоценностям сродни,  
Сверкают так приманчиво для взора.

Летите, песни, не в круговорот  
Страстей любовных, чьи слепые силы  
Испепеляют нас из года в год  
И не дают покоя до могилы.

Летите, мои песни, не в простор  
Голубизны небесной, где извечно  
Сильфиды пляшут под нестройный хор  
Ветров, поющих вольно и беспечно.

Летите к деве, песни, мчитесь к ней!  
Она не ждет вас, знаю, — но летите  
И в свете колдовских ее очей  
Печально и почтительно замрите.

И если вдруг она заметит вас,  
И если удивится этой встрече,  
Как стайка птиц, вспорхните вы тотчас  
И сядьте ей на руки и на плечи.

Пусть смех ее счастливый служит вам  
Наградой единственной на свете.  
Баюкайте ее по вечерам  
И ласково будите на рассвете.

Мой зов не донесется до нее,  
Так пусть она хоть шепот ваш услышит →  
И сердце переполнится мое  
Той радостью, что боль тоски утишит,

1864

## 17. МАРШ

Любовь моя, прощай! Я слышу зов  
С полей, где закипает бой кровавый.  
Спешу примкнуть к отрядам храбрецов —  
Мы поровну поделим бремя славы.

Пусть нам с тобой уже не суждено  
Увидеться — мне нет пути иного.  
Не плачь, моя родная! Всё равно  
Там, в небесах, тебя я встречу снова.

Не гнев слепой терзает грудь мою —  
Я голосу Отчизны нашей внемлю,  
Я в бой иду, чтоб в праведном бою  
От недругов спасти родную землю!

1867

## 18. ПРОГУЛКА У ГОРЫ ВЕЛИКАН

*(Песня)*

Море смеялось, сверкало, блестело,  
Лодка по морю скользила легко,  
Нас ветерок тормозил то и дело  
И улетал далеко-далеко.  
О, вознесите нас, крылья услады,  
Вверх по горе — до вершинной прохлады!

Пела вполголоса юная дева,  
Пела, безбрежного счастья полна.  
Вторя чарующим звукам напева,  
Лодку на гребне качала волна.  
О, вознесите нас, крылья услады,  
Вверх по горе — до вершинной прохлады!

Сердцу приятна прогулка такая —  
Длился не дольше мгновения час,  
Будто не лодка, а фея морская  
К светлому берегу вынесла нас.  
О, вознесите нас, крылья услады,  
Вверх по горе — до вершинной прохлады!

Нам улыбается, радуясь встрече,  
Ввысь устремившийся гордый титан —  
Облачной дымкой укрытые плечи  
И опоясанный зеленою стан.  
О, возносите нас, крылья услады,  
Вверх по горе — до вершинной прохлады!

Юная дева щебечет, как птица, —  
Сколько открыли ей новых чудес  
Эти тропинки, где сумрак таится,  
Эти ручьи, и поляны, и лес!  
О, возносите нас, крылья услады,  
Вверх по горе — до вершинной прохлады!

Выше по склону — о, как нескончаем  
Сердцу и глазу открытый простор!  
Выше по склону — над криками чаек,  
Над парусами я руки простер.  
О, возносите нас, крылья услады,  
Вверх по горе — до вершинной прохлады!

И, как ныряльщики бросившись с кручи,  
Мысли мои устремляются вниз —  
В кипень прибоя, что хлещет гремуче,  
В переливание солнечных брызг.  
О, возносите нас, крылья услады,  
Вверх по горе — до вершинной прохлады!

Кружевом пены, рожденной в пучине,  
Я без конца любоваться готов.  
Так по весне расцветает в долине  
Белая роза — царица цветов.  
О, возносите нас, крылья услады,  
Вверх по горе — до вершинной прохлады!

Свет низвергается лавой отвесной —  
Солнце дарует огонь колдовской  
Морю, плененному ширью небесной,  
Небу, плененному ширью морской.  
О, возносите нас, крылья услады,  
Вверх по горе — до вершинной прохлады!

Как ты чиста и прекрасна, природа,  
В дни, когда реки встряхнутся от сна

И под сияньем лазурного свода  
Краски земли обновляет весна.  
О, вознесите нас, крылья улады,  
Вверх по горе — до вершинной прохлады!

Как ты щедра и прекрасна, природа,  
Даже тогда, когда льются дожди,  
Ибо любая проходит невзгода —  
Радугой светится мир впереди!  
О, вознесите нас, крылья улады,  
Вверх по горе — до вершинной прохлады!

В час, когда сумраком и тишиною  
Ночь поспешит нашу землю устлать, —  
Небо, украсившись томной луною,  
Будет глядеться в зеркальную гладь.  
О, вознесите нас, крылья улады,  
Вверх по горе — до вершинной прохлады!

Как ты дика и прекрасна, природа!  
Молния — взгляд твой, а голос твой — гул  
Гневного моря, когда непогода  
Вдруг начинает свой вольный разгул.  
О, вознесите нас, крылья улады,  
Вверх по горе — до вершинной прохлады!

Вижу отсюда и море, и сушу,  
Мир открываю я с этих высот,  
И ликованием полнит мне душу  
Вид этих древних и вечных красот.  
О, вознесите нас, крылья улады,  
Вверх по горе — до вершинной прохлады!

Дева, воспой же их радостной песней,  
Ибо сама ты — одно из чудес  
Вечной природы. Твой голос прелестный  
Слушают птицы в просторах небес.  
О, вознесите нас, крылья улады,  
Вверх по горе — до вершинной прохлады!

Заговорила — и пламенем чистым  
Черные очи наполнились вдруг,  
Песню запела — и светом искристым  
Вспыхнули сразу деревья и луг.

О, вознесите нас, крылья услады,  
Вверх по горе — до вершинной прохлады!

Стихли раскаты прибоя. Казалось,  
Замер весь мир — до далеких морей.  
Только дыхание ветра касалось,  
Как поцелуй, этих мягких кудрей.  
О, вознесите нас, крылья услады,  
Вверх по горе — до вершинной прохлады!

Легкое облачко, плившее мимо,  
Начало вдруг приближаться к земле,  
Песне внимало и неуловимо  
Тенью дрожало на светлом челе.  
О, вознесите нас, крылья услады,  
Вверх по горе — до вершинной прохлады!

Это два ангела в небе парили,  
Были их крылья легки и быстры.  
«Радостно слышать, — они говорили, —  
Нежную песенку нашей сестры».  
О, вознесите нас, крылья услады,  
Вверх по горе — до вершинной прохлады!

## 19. ПЕСНЯ

Уйду бродить по склонам Алемдага,  
Беспечно, отрешась от суеты, —  
Туда, где ручейков живая влага  
Поит собой деревья и кусты.

Там в час восхода слитки золотые  
Бросает солнце на вершины гор.  
Сверкают кроны, светом залитые,  
И ветерок ласкает сонный бор.

Но ласковей, чем ветерок весенний,  
Порхает легкий ангел надо мной,  
И слаще всех на свете песнопений  
Звучит любимой голос неземной,

Спустись ко мне! Природа засыпает,  
И сумерки сгущаются вокруг.  
Вот соловей рулады рассыпает,  
Но, кроме ночи, нет у нас подруг.

Спустись ко мне! Вдвоем по тропам мглистым  
Пройдем с тобой в лесу — рука в руке —  
По тихим травам, по замшелым листьям,  
Пока закат не смеркнет вдалеке.

Пусть руки твои нежно обвивают  
Жемчужным ожерельем шею мне,  
Пусть волосы твои нас укрывают  
И мир застынет в сладком полусне.

Когда вокруг безмолвствуют просторы,  
Нет тишине ни края, ни конца,  
Тогда сердца вступают в разговоры —  
В ночи красноречивее сердца.

К груди твоей устало и покорно  
Припав щекой, усну в глухом бору. . .  
И если вдруг любовь твоя притворна —  
Мне лучше не проснуться поутру.

## 20. СТАРЕЦ ИЗ ВАНА

*(Песня)*

Эта ночь беспросветна, как сердце мое.  
Мир застыл, одинокий, безмолвный,  
Лишь ворчат, погружая меня в забытье,  
Моря Ванского черные волны.

В небе тенью плывут облака,  
А заря еще так далека!

О Мехек, моя дочь, роза вешних полей,  
Ты — услада усталому взору,  
Подойди и руками мне шею обвей  
И меня проводи к Айоц Дзору.

В небе тенью плывут облака,  
А заря еще так далека!

Твой любимый Артак от тоски занемог.  
Этой ночью у нашего дома  
Пел он песню любви, но не вспомнить не мог  
О лишеньях потомков Торгома.

В небе тенью плывут облака,  
А заря еще так далека!

«О, доколе, скажи, в нашем отчем краю  
Будем слышать мы вражьи угрозы?» —  
Так он пел сокровенную песню свою,  
И глаза нам туманили слезы.

В небе тенью плывут облака,  
А заря еще так далека!

Здесь отцы обрели вечный сон и покой.  
Если ж вихри на нас налетают  
И не видно просвета — над нашей бедой  
Безутешно их души рыдают.

В небе тенью плывут облака,  
А заря еще так далека!

Пробил час мой. Вокруг — ни звезды, ни огня.  
Ухожу я, отчаянья полный,  
К славным предкам своим. Пусть оплачут меня  
Моря Ванского черные волны.

Ты в слезах, моя бедная дочь?  
Не рыдай! . . . Скоро кончится ночь!

## 21. ВАМ СЧАСТЬЯ НЕ ЗНАТЬ

Разве хоть кто-то из смертных живет бесконечно,  
Горя не зная и радуясь жизни беспечно?  
Разве красавица роза не никнет с тоскою,  
Если с куста она сорвана грубой рукою?

Нет, армяне, вам счастья не знать,  
Если в беде вы оставите Родину-мать!

Пусть бесконечность вселенной обнимет твой  
разум,  
Пусть тебе таинства мира откроются разом —  
Счастья не ведая, будешь ты ныне и присно  
Жалкой игрушкой судьбы, что слепа и капризна.

Нет, армяне, вам счастья не знать,  
Если в беде вы оставите Родину-мать!

Витязи наши летели навстречу сраженью  
И становились для вражеской пули мишенью,  
Только желанной победы, увы, не вкусили —  
Ангелы смерти их души с собой уносили.

Нет, армяне, вам счастья не знать,  
Если в беде вы оставите Родину-мать!

## 22. ПЕСНЯ

Вино в пирушке разудалой!  
Ты так любимо храбрецом  
За то, что схоже с кровью алой,  
В сраженье пролитой бойцом.  
Вино бессмертное, живое,  
Ты льешь в нас пламя боевое,  
А отшумит войны гроза —  
Ты освежаешь, как роса.

Зеленый лавр стоит, счастливый,  
Под гул и песен разнобой,  
И даже тихие оливы  
Смеются весело с тобой.  
Красавиц одаряешь лаской,  
Им щеки заливаешь краской  
И закипаешь ты в крови  
Тех, кто достоин их любви!

## 23. ЛИРА ДЕВЫ

Одинок, я сидел на вершине холма.  
Разъяренные тучи  
Надо мною, гонимые ветром, неслись,  
точно призрак летучий.  
Так свирепо и грозно метались они,  
так сверкали глазами,  
Что казалось — то демоны бурь  
небеса рассекают мечами.  
Невеселые думы, нахлынув волной,  
мне чело бороздили,  
Уводили меня по дорогам ночным,  
память мне бередили,  
Воскрешая былое величье моей  
угнетенной отчизны,  
Ее ратные подвиги, раны ее,  
ликованья и тризны.  
Над равнинами думы мои пронеслись,  
точно скорбные птицы,  
Чтоб родные могилы во тьме отыскать  
и на них опуститься.  
Там, храня тишину, кипарисы стоят  
в жаркий полдень, в ночи ли,  
Там Армении славные богатыри  
вечным сном опочили.  
И ни звука ни шороха — стылый покой,  
тишина и забвенье,  
Только глухо и смутно ветвями шуршит  
темный лес в отдаленье,  
Будто он сочиняет погибшим бойцам  
гимн победно-печальный.  
Или это еще не затих до сих пор  
чей-то плач поминальный?  
И внимают деревья, внимают холмы,  
лунным светом облиты...  
Но гляди — шевельнулись могилы в ночи  
и откинулись плиты!  
И встают наши витязи из-под земли,  
озирают округу,  
Расправляют могучие плечи свои  
и подходят друг к другу.  
Из стесненных грудей — то ли стон, то ли хрип  
рыком вырвался львиным,













## 26. ПРЕДСМЕРТНАЯ ПЕСНЯ

Я позабыть хотел, но я не смог  
Измерить глубину той страшной бездны,  
Которая в моем разверзлась сердце,  
Исполненном несбыточных надежд.  
И набегают вновь воспоминанья  
Рокочущим безжалостным прибоем,  
На гребни волн вздымая боль мою.  
Когда же начинает мне казаться,  
Что боль прошла, отхлынула, угасла,  
Как тут же возвращается она,  
Меня в пучину муки низвергая.  
И слышу стук неистового сердца,  
И голова склоняется всё ниже —  
К земле, к могиле. И не затухает  
В моей груди пылающий огонь.  
Ах, прежде чем призвать меня, Господь,  
Яви мне милость: дай еще однажды  
Увидеть ту, чья жизнь была как факел,  
Светивший мне. Пусть хоть на краткий миг  
Она меня утешит ясным взглядом —  
Ее глаза мой озаряли путь.  
Из всех сокровищ неба и земли  
Я лучшее избрал. Всегда и всюду  
Она была дыханием моим,  
Душой моей души и смыслом жизни,  
Возвышенным и вечным. Без боязни  
В грядущее глядел я, ведь любовь  
Была моим оружием и защитой,  
И даже смерть казалась незнакомкой,  
Которая придет ко мне однажды  
С загадочной улыбкой на устах  
И ледяным дыханием своим  
Окутает — и разлучит навеки  
С той розой нежно-алой, что была  
Так хороша и так недостижима.  
Ах, где вы, грезы сердца моего,  
Куда ушли, в какой сокрылись дали?  
Кромешный мрак царит в моей душе,  
И жгучие не просыхают слезы.  
Зачем ты обделил меня, Господь,  
Участьем и заботой? Кто поверит,  
Что ангел, нежным голосом своим

Меня вернувший к жизни, — нынче снова  
Безжалостной рукой меня толкает  
В пучину бездны, в черный зев могилы,  
На свете нет мучительнее казни,  
Чем тяжких дум всечасный лютый гнет,  
Я многое познал и пережил,  
Уйди, исчезни, лживая Надежда,  
Я больше не хочу тебя! Оставьте  
Меня в покое, голоса любви,  
Прощайте, светозарные виденья,  
Что наполняли жизнь мою блаженством, —  
Пленительный обман, дурманский сон,  
Мед сладкий и смертельный, ослепленье  
И пагуба для сердца!  
О, прощайте,  
Идите с миром, ладан свой струя  
На все мои иллюзии и грезы.  
И пусть меня могила упокоит —  
Отдохновенья вечного обитель,  
О, лишь она меня утешить может  
И лишь она не может обмануть!  
Я к ним сойду — к моим ушедшим рано  
Родителям. И там, в уединенье,  
Я буду безмятежно почивать.  
Когда же разрушительные вихри  
Нарушат мой кладбищенский покой  
И, разметав забытую могилу,  
Коснутся властно моего чела —  
Восстану я и крикну:  
«О, приди же!  
Приди ко мне, ведь я уже не тот,  
Кого ты избегала постоянно.  
Неужто ты, как прежде, ненавидишь  
Меня — и даже больше, чем живого?»  
О, заблужденье горькое! Она  
Не слышит и совсем меня не помнит.  
И я, объятый думами, лежу,  
Тесна и холодна моя могила —  
Пристанище безвременья и мрака.  
Но ручеек, журчащий надо мною,  
Уснувшие воспоминанья будит —  
И вновь я вижу колыбель свою,  
И ранние, младенческие годы,  
И вешним солнцем залитое поле,

Веселые мальчишечьи забавы,  
Мои прогулки в рощах, где листва  
Раздумчиво шуршала под ногами  
И страстно заливались соловьи.  
О, иногда летит моя душа  
Туда, как зачарованная птица,  
Вновь навещая пестрые луга,  
Тропинки детства и тебя, мой друг,  
Единственный, кто вспомнит обо мне,  
Единственный, кто смерть мою оплачет!

Петрос Дурян (Змпаян) родился 20 мая 1851 года в пригороде Константинополя Скютари (ныне район Стамбула Ускюдар), в семье бедного ремесленника. Учился в местной школе. Под влиянием своего учителя французского языка, известного драматурга Срапиона Тхляна, с юных лет проявил интерес и любовь к театру, переводил для армянского национального театра в Константинополе драмы Шекспира и Гюго. Начал писать уже в школьные годы, создавая поэтические, прозаические и драматические произведения.

Окончив в 1867 году школу, Дурян работал писарем, домашним учителем, аптекарем, актером. Однако любовь к литературе побудила его, несмотря на тяжелые жизненные условия, оставить работу и посвятить себя художественному творчеству. Он пишет мелодраму «Вард и Шушан», аллегорическую пьесу «Изгнанник в Сибири», посвященную выдающемуся революционеру-демократу Микаэлу Налбандяну, исторические трагедии «Черные змлы, или Последняя ара-ратская ночь», «Арташес — завоеватель мира», «Падение династии Аршакидов», «Нашествие персов на Армению». Последняя его драма «Театр, или Отверженные» была написана на современную тему. Почти все пьесы Дуряна были поставлены при его жизни.

Поэтическое наследие Дуряна составляет всего 41 стихотворение, из которых он выбрал для издания 37. Однако поэту удалось опубликовать в периодической печати всего несколько стихотворений, а первый его сборник, «Песни и драмы», вышел в свет уже после смерти Дуряна.

Скончался Дурян 21 января 1872 года от туберкулеза.

Основные издания на армянском языке: Полн. собр. соч., т. I, Ереван, 1971; на русском языке: Поэзия Армении..., М., 1916; Из западноармянской поэзии, Ереван, 1979.

Еще весенняя пора  
 Не подарила мне любви  
 И пламя светлого добра  
 Не вспыхнуло в моей крови, —

Но вестник смерти налетел,  
 Палящий ветер-сухостей,  
 И вмиг душою завладел  
 И всем, что расцветало в ней.

А Тот, кто людям мир вручил,  
 И дал весну во всем цвету,  
 И сердце гордое учил  
 Любить добро и красоту, —

Зачем же иссушает Он  
 Ярчайший первоцвет весны?  
 Зачем в сердца вселяет стон,  
 Когда они любви полны? . .

Паду во гробовую тьму  
 Нераспустившимся цветком. . .  
 В чем удовольствие Ему  
 При горьком зрелище таком?

1864

## 28. ЕСЛИ БЫ

Что ты, любовь, — свет или огненный вихрь?  
 Нет у небес искры подобной в очах,  
 Нету у роз персей лилейных твоих,  
 Нет у луны прядей золотых на плечах.

Ночь ли тиха, шлешь ты улыбку луне,  
 День ли горит, взглядом ты даришь цветы,  
 Но никогда не обернешься ко мне,  
 Горькой мольбы словно не чувствуешь ты.

Волей небес или же таинств земных  
 Лун и цветов краше нам взоры твои,  
 Песне твоей каждый покорствуется, тих,  
 Вторить тебе пробуют лишь соловьи.

Если бы я сладостным ветром порхал,  
Я бы тебя нежил прохладой своей,  
Я бы в тебя вечную юность вдыхал,  
Я бы сдувал грусть, как пушинку, с бровей.

Если бы я плачущей розою был!  
Я поутру встретил бы взор твой в саду,  
Я бы росой платье твое окропил,  
Зная, что смерть в неге твоей я найду.

Если бы я вился хрустальным ручьем!  
Зеркалом я перед тобою бы лег,  
Милый твой лик весь отразился бы в нем,  
Пусть бы потом весь я впитался в песок.

Если бы я сделался искрой золотой,  
Ясным лучом встретил бы свет твоих глаз!  
Луч бы — клянусь, — ты превзошла красотой,  
В черных бровях он устыдись бы угас.

Если ж тебя взоры к иному влекут,  
Я для него стану могильной плитой,  
Пусть на нее слезы твои потекут. . .  
Вот он, мой путь слиться с твоей красотой. . .

1867

## 29. ВОЗЛЮБИТЕ ДРУГ ДРУГА

Словами любви, как сердечная рана,  
Вершина Голгофы мерцает багряно.  
Но что ты являешь, возвышенный свет?  
Еще одну пропасть? Иль голый скелет?  
Изгублен усилием черного плуга  
Твой трепетный зов: «Возлюбите друг друга».

Померкла Голгофа. На диком погосте  
Хрустят от веселья Иудины кости,  
Тупые мечи заостряются, чтоб  
С молитвой пуститься в кровавый потоп,  
А ядер и пуль оголтелая выюга  
Терзает хоругвь: «Возлюбите друг друга».

Чудовищной гари грозят облака нам —  
То сажа, то сажа из труб Ватикана,





Воздета секира на древо креста  
Наместниками Иисуса Христа.  
Напрасно к дворцу припадает лачуга,  
С надеждой шепча: «Возлюбите друг друга».

Что слово вдовы иль убогого значит?  
Напрасно их дети голодные плачут,  
Напрасны призывы их жалких лампад:  
Дворцы ликованием очи слепят,  
И грохот карет заглушает рыдания  
Бездомных, оставшихся без пропитанья.

И сад Гефсиманский зачах, заповедный,  
Парит над ним ангел, бесстрастный и бледный.  
Лишь там, среди загробной, пустой тишины,  
Богатый и бедный, истлевши, равны,  
А здесь, где живые нас молнии губят,  
Упавшего топчут и нищих не любят.

1869

### 30. К СМЕРТИ СТРЕМЛЮСЬ

Ночью осенней, бледной и благоуханной,  
Звезды пылают, словно сердечные раны,  
Лунного света отблеск ложится дрожащий  
На лепесточек, палый и робко шуршащий,  
За тростниками вьется ручей, засыпая,  
Плещется искрой в струях звезда голубая,  
Неугомонный, носится ветер по саду,  
Лоб мой горячий трогая мирной прохладой,  
Только покоя ласками не навевая, —  
На пепелище искры любви раздувая,  
На пепелище сердца, погибшего летом. . .  
Звезды, лишь звезды истину знают об этом. . .  
О поцелуе веет он напоминаем,  
Шепот и трепет слышу я в листьев шуршанье,  
В отблеске лунном взоров сияние мнится. . .  
К смерти стремится всякий, кто сердца лишится.  
Кто эта дева — создана будто из снега,  
Так что смертельна наша земная ей нега?  
Если полюбит — влагой уйдет, растопившись,  
Возненавидит — жжет, словно в лед обратившись.  
Ясные очи — вот что я видел сначала,  
Видел, как страстью круглая грудь трепетала,

Слышал я речи — голос любви настоящей,  
Холод ладони чуял ладонью горячей.  
Но лишь простер я к ней мои руки, стена, —  
Болью и скорбью стала краса неземная,  
Очи погасли, розы-ланиты увяли,  
Мне же осталось вечное бремя печали,  
Мне же остались буквы могильные эти, —  
Ты растворилась в небе, подобно комете.  
Мне бы слезами жечь этот камень бесплодный,  
Мне бы смешаться с почвой могильной, холодной  
И у надгробья жалким соцветием чахнуть,  
Что не умеет ни красоваться, ни пахнуть,  
Денно и ночью тень твою чувствовать рядом  
И обращаться в труп, пожираемый ядом.  
В скорой могиле нашим объятиям слиться...  
К смерти стремится всякий, кто сердца лишится.

1869

### 31. ПРОЩАЙ

Хлынул рассвет в небеса,  
И засверкала роса,  
И повстречалась ты мне,  
Юной подобна луне.

Очи — как храмы любви,  
Лилии — пальцы твои,  
Щеки, как розы, горят,  
Светом наполнен твой взгляд.

Всё, чем я здесь дорожил,  
К милым стопам положил,  
Снам я отдался навек,  
Волосы стали как снег.

Ты же, меня полоня,  
Вовсе не любишь меня,  
Только следишь, чтобы, зла,  
В сердце торчала стрела.

Чашу ли я отыщу,  
Плачу, мечтаю, грущу —  
Ты над моей головой  
Словно смеешься листвою.

Рану ль сердечную я  
Лягу студить у ручья —  
Ты, о жестокая, мне  
Чудишься в каждой волне.

В горы ли правлю я путь,  
Чтоб среди скал отдохнуть, —  
Ветер дыханьем твоим  
Шепчет, что я нелюбим.

Ночью при свете луны  
Вижу я, как с вышины,  
С самой далекой звезды  
Мне улыбаешься ты.

Что ж, я в могилу сойду,  
Там лишь тебя не найду,  
Ты же прощай и живи,  
Злая царица любви.

1869

### 32. ПОКИНУТАЯ ДЕВУШКА

Вот солнце растопило лед,  
Оно велит — и всё цветет,  
Не стало туч, не стало мглы,  
И звезды на небе светлы.

Отчего ж одна  
Девушка мрачна?

А солнце горы золотит,  
А месяц волны серебрит,  
И светлый ангел с высоты  
На пир любви зовет цветы.

Клонит тяжело  
Девушка чело.

И соловья слышать отсель,  
Как сыплет он за трелью трель,  
И птичий хор в листве густой  
Беспечно вторит песне той.

Отчего ж сама  
Девушка нема?

Блаженный ветр алмазы с трав  
Страхнул, цветы росой обдав,  
Любовный шепот он несет  
И аромат медовых сот.  
Отчего ж слеза  
Гасит ей глаза?

Врата востока отворив,  
Примчался воздуха порыв,  
Благоухая и паря  
И поцелуй всему даря.  
Отчего ж она  
Скорбию полна?

О девушка, оставь печаль,  
Засмейся, глянь в златую даль,  
Волну кудрей с лица откинь  
И пей любовь, цветы и синь.  
Милых взоров свет  
Шли весне в ответ.

«Любила звезды в небе я,  
В волнах цвела краса моя,  
А мой венок был злат и ал,  
Мне ветер о любви шептал.  
Я ему вняла,  
А это ложь была».

1870

### 33. ОНА

Если б роза весенняя  
Не похожа была  
На лицо юной девушки —  
Кто ценил бы ее?

Если б высь поднебесная  
Не похожа была  
На глаза юной девушки —  
Кто б смотрел на нее?

Если б юная девушка  
    Не была так чиста —  
Где бы в мире возможно нам  
    Было бога читать?

1871

#### 34. ШЕПОТ

Когда венок из роз укрыл  
Твое чело в прощальный час,  
А свет очей твоих угас,  
Тогда тебя я полюбил.

Ты как дыханье ветерка  
На лире сердца моего,  
Ты тихий звук, не существо,  
Тот звук не повторит рука.

От чуть вздохнувшей лиры той  
Ты улетаешь в небеса,  
И плещется твоя коса  
Хвостом кометы золотой.

В молчанье звездных огоньков,  
Когда Баглар-Баши молчит,  
Мне сердце бедное томит  
Шуршание твоих шелков.

Тебя ласкает звездный свет  
И нежит тихий ветерок,  
А я во мраке одинок,  
И мне к тебе дороги нет.

Пусть ходит звездный окоем,  
Пусть ветер спешит к цветам гостить, —  
Но дай же мне хоть раз застыть  
Во взоре пламенном твоём!

Но чуть опустится луна  
Багровая на гребни крыш,  
Как ты исчезнуть прочь спешишь  
И меркнут чары полусна.

Пустынен, хладен и суров  
Над кладбищами небосвод,  
Невнятно смерть меня зовет  
Шуршанием твоих шелков.

При свете дня я будто слеп,  
При шуме дня я будто глух,  
Тоскливо ищут взор и слух  
Неслышной тени звездный склеп.

Рассвет не знает, стоголос,  
Что шепчут мне шелка, шурша,  
И рушится моя душа  
В немую бездну горьких слез,

1871

### 35. ЛЮБОВЬ

О пламень уст! О взоров жар!  
Я весь во власти ваших чар.

Хотел бы я бежать в леса,  
Любить цветы, любить листву,  
Любить росистую траву,  
Сияющие небеса  
И дней грядущих голоса  
Счастливо слышать наяву.

Но шелест платья за спиной  
Меня влечет на путь иной.

Хотел бы я совсем один  
Дружить с прозрачным ручейком,  
Его беспечностью влеком,  
Уйти душой в игру стремнин,  
Открыть в волне не холод льдин,  
А тайну зыби с ветерком.

Но сердце слышит в тишине  
Эфирный зов: «Иди ко мне!»

Хотел бы я, как брата брат,  
Обнять легчайший ветерок!

Ах, он так ласков, так широк!  
Какой чудесный аромат  
Несет он нам от райских врат  
Вдоль неизвестных нам дорог!

Но пламень уст шепнул: «Не ты —  
Ищи иную красоту!»

Хотел бы я из лиры звук  
Извлечь прекрасный и простой,  
Навеки слиться с лирой той,  
Не выпускать ее из рук!  
Она единственный мой друг,  
Непрекословный и святой.

Но мне уста любви велят:  
«Забудь струну. В ней боль и хлад»,

И с глаз упала пелена:  
Чистейшая, как ручеек,  
Невинная, как ветерок,  
Как лира чуткая верна,  
Подруга мне навек дана,  
И близок нашей встречи срок.

О пламень уст! О взоров жар!  
Я весь во власти ваших чар.

1871

### 36. ОТКАЗ

О, пламенный, тоскливый жар!  
Я раб и пленник адских чар!

Хотел ее боготворить,  
Хотел постигнуть сумрак дум,  
Что на чело ее, угрюм,  
Кладет морщинки злую нить,  
Хотел ей душу подарить  
И пить шелков зовущий шум.

Но плачем, скорбью и тоской  
Нарушил я ее покой.

Хотел я вечно с ней пребыть,  
Войти в се страстей поток,  
И трогать нежный завиток  
Ее волос, и позабыть  
Всё, что дано другим любить:  
Листву, прохладу, ручеек.

Но отвернулись уст цветы,  
Сказав: «Меня стесняешь ты».

Хотел я сделаться струной,  
Что дышит под ее рукой,  
Хотел стать лирой, но такой,  
Что звуков всею глубиной  
Согласна с ней, а не со мной,  
Поит восторгом — не тоской.

Но услышал: «Тому не быть!  
Не можешь ты меня любить!»

Я сердце сжег, как ладан жгут,  
Чтоб в ней заволновалась кровь,  
Я зря твердил ей вновь и вновь,  
Что грудь болит, что стал я худ,  
Что силы от меня бегут,  
Что к ней стремится меня любовь.

В ответ мне издали стрела:  
«Прощай! Довольно. Я ушла».

Раздумий смерч меня повлек  
И жгучим ядом душу ест.  
Сглотив мечту в один присест,  
Насмешливо скривился рок.  
Ждет, ждет укромный уголок,  
Где надо мной поставят крест. . .

О, пламенный, тоскливый жар!  
Я раб и пленник адских чар! . .

1871

### 37. ОЗЕРО

Озеро, к чему во сне  
Цепенеть твоей волне?  
В твоём зеркале на миг  
Лик красавицы возник?

Иль сиянье синих вод  
Соблазняет небосвод,  
Светозарность облаков,  
Схожих с пеной берегов?

Озеро, твоя тоска  
Так тоске моей близка.  
Я люблю молчать, как ты,  
Замирать в плену мечты.

Сколько волн рябит в тебе,  
Столько дум в моей судьбе.  
Сколько пены там, на воле,  
Столько в сердце ран и боли.

Только если небосвод  
Звезды в твой подол стрясет,  
Сверху гладь освещена,  
А душа — огонь до дна.

Облака в тебе не мокнут  
И цветы увясть не могут.  
Ты звезду не умертвишь,  
Пока гладь в тебе да тишь.

Озеро с челом царицы,  
В бурю что с тобой творится!  
В беспокойной глубине  
Удержаться дашь ты мне.

... Я толпою оттеснен:  
«Только тень да лира он».  
Кто-то молвил: «Бледен, хил».  
А другой — «Умрет!» — решил.

И никто не пожалеет  
И не скажет: «Что в нем тлеет?»

Если мир его поймет,  
Может, он и не умрет. . .»

И не скажут: «Вскроем сердце,  
Вынем горе, чтоб всмотреться  
И прочесть. . . Там боль видна. . .»  
Там пожар — не письма!

Память там. . . И пепла слой. . .  
Озеро, взыграй волной:  
Разуверься и скорбя,  
Человек взглянул в тебя,

1871

### 38. ТУРЧАНКА

Вечер настал. Пламень закатный дрожит,  
Как катафалк, еле карета ползет,  
Девушка в ней трепетно полулежит,  
Словно сестра тусклых закатных высот,  
Если обронит взгляд —  
Скажешь: «Гляди — закат!»

Светится вся, словно из воска она.  
Льется вуаль, как похоронный наряд,  
Возле щеки, что розовато-бледна.  
Только глаза пламенем жизни горят.  
Если чуть дрогнет рот —  
Скажешь: «Гляди — умрет!»

В сердце ее курится ладан любви,  
Обморок ей трогает жилку виска.  
Утомлена светом и медом в крови,  
Бабочка снов ищет корону цветка.  
Плечиком шевельнет —  
Скажешь: «Гляди — вспорхнет!»

Жаждет она стать поцелуем одним,  
Буря в груди ходит высокой волной.  
После — хоть прах, всеми ветрами гоним,  
Лишь бы допить пламя из чаши хмельной.  
Вспыхнет румянца жар —  
Скажешь: «Гляди — пожар!»

«Пчелы сердец» — так называл Ламартин  
Дев, что любовь тянут из сердца, как мед.  
Нет! Это мир, он бесконечно един,  
В кокон любви замкнут его небосвод.

Если заговорит —  
Скажешь: «Гляди — горит!»

Вечным огнем, не иссякая, гореть  
Так, как горит в церкви лампадка вдовы,  
Ночь отсверкать, а поутру умереть,  
А ввечеру — вновь оживать для любви.

Видишь — огонь поник,  
Скажешь: «Ах, то на миг!»

1871

### 39. С НЕЮ

Впервые обнял ее,  
Впервые поцеловал,  
Когда багровый закат,  
Клубясь, вдали бушевал.

Она ладони мои  
К груди прижала своей,  
И я ослеп и оглох,  
И замер я перед ней.

Она меня повела  
К душистой зелени трав,  
И угасала заря,  
В ее очах отблестав.

Я лепетал. . . я дрожал,  
Просил лобзанья дарить.  
«Скажи», — шепнула она.  
Но я не мог говорить.

Покуда очи горят,  
Покуда сердце стучит,  
Любовь не ищет речей,  
Любовь не в слове звучит.

И вот угас горизонт,  
Явились звезды, чисты,  
Я вновь ее целовал  
Во имя каждой звезды.

А шелест вольной волны  
Благоуханных волос  
Моим горящим вискам  
Прохладу дивную нес.

О, та золотая пора!  
О, как тот вечер далек!  
Его в железной руке  
Унес безжалостный рок.

Но тайна наших сердец  
Живет в душистой траве,  
Живет в сиянии звезд  
И в шелестящей листве.

Обет друг друга любить  
Храним мы свято с тех пор,  
От страшной клятвы такой  
Созвездий дрогнул узор.

И беспредельность миров  
К нам обернулась лицом,  
И нас природа сама  
Венчала звездным венцом.

1871

#### 40. РОПОТЫ

Прощайте, бог и солнце, — мир лучей,  
Горящий знойно над душой моей!  
Собой умножу в небесах огни.  
Что звезды? Не проклятье ли они  
Несчастных, неповинных душ, чело  
Браздящих неба горько и светло?  
О ружья огненные бога, вы —  
Основы молний, перлы синевы!  
Что я сказал? Испепели меня,

Разбей, о боже! Атом жалкий, я  
Осмелился стремиться к небесам!  
Желал взнестись к божественным огням!  
Молюсь тебе, о боже, в дрожи мук,  
Цветение и луч, волна и звук,  
О снявший розу с моего чела,  
Огонь — с очей, с уст — трепет, блеск — с крыла!  
Ты сердцу вздохи дал и взорам — тьму!  
Сказал, что в смерти я тебя пойму.  
За гробом жизнь, о, верю, для меня  
Ты сохранил: молитв, цветов, огня!  
И если мне исчезнуть суждено,  
Беззвучно, безответно пасть на дно, —  
Дай бледной молнией теперь же стать,  
Над именем твоим, восстав, кричать,  
Что ты «бог мести», впиться в грудь твою  
Проклятием, подобно острию!  
Ах, я дрожу, я бледен, я заклят,  
Во мне вся внутренность кипит, как ад. . .  
Меж стонов кипарисов черный вздох,  
Я — лист осенний, что поблек, иссох,  
Мне искру дайте, искру, чтобы жить!  
Как после грез холодный гроб взлюбить?  
О боже, как судьба моя черна!  
Могильной сажей вписана она.  
О, влей хоть каплю пламени в нее!  
Я жить хочу, хочу любить еще. . .  
Мне в душу падайте, огни небес,  
Чтоб ваш любовник горестный воскрес!

Весна челу ни розы не дает,  
Ни луч с небес улыбкой не скользнет:  
Ночь — гроб мой; звезды — факелы, уныл,  
Блуждает месяц, плача, средь могил.  
Для тех, над кем никто не сронит слез,  
Ты этот месяц в небеса вознес.  
Кто к смерти близки, всё же нужны тем  
Сначала — жизнь и плакальщик — затем.  
Писали тщетно звезды мне: «Любовь!»,  
Пел тщетно соловей: «Люби же вновь!»,  
Твердили тщетно ветры о любви,  
И отражали ясный лик ручьи!  
Напрасно лес при мне был молчалив,  
Молчали листья, тайну затаив,

Чтоб не смутить мечты святой моей,  
Напрасно я всегда мечтал о ней,  
Напрасно вы, весенние цветы,  
Струили ладан на мои мечты!  
Нет, все смеялись в злобе торжества,  
*И этот мир — насмешка божества!*

1871

#### 41. РАСКАЯНИЕ

*(Через день)*

Вчера в холодном поту  
Я в черном бреду лежал,  
И жар на щеках горел,  
Как пара увядших роз.  
Смертельно бледен был лоб,  
А я бессильно летел  
Навстречу небытию.  
Услышал, как плачет мать,  
С трудом приоткрыл глаза —  
Увидел, как плачет мать. . .  
Увидел правду любви  
И ложь про жемчужность слез,  
Увидел — страждет она,  
И это страданье — я. . .  
И взвыли мысли во мне,  
И я из бреда восстал. . .  
О боже, прости меня,  
Я видел, как плачет мать.

1871

#### 42. БОГОТВОРИЮ ЕЕ

Одетых венцом лучей,  
Сиянием роз-цариц,  
Нет, я не люблю таких  
Торжественно-гордых лиц.

Нет, я не люблю, когда,  
Дымясь, морочат меня

Из-под притихших бровей  
Два жарких моря огня.

Нет, я не люблю ланит,  
Бескровных, как лунный свет,  
Распущенных пышных кос,  
Подобных хвостам комет.

Нет, я не люблю, когда  
Протяжный взгляд-краснобай,  
Жеманно щурясь, сулит  
Благоуханнейший рай.

Нет, я не люблю очей,  
Хмелеющих на лету,  
Что словно бы норовят  
Забуть свою чистоту.

Нет, я не люблю чужих  
Улыбок, чья доблесть в том,  
Чтоб скрыть темноту души  
Поддельным красным цветком.

Но я обожаю П... ,  
Довольно мне на века  
Луча от сердца ее,  
От уст ее — лепестка.

Ее мне стали глаза  
Великой звездною тьмой  
Под тенью черных бровей,  
Начертанных в день восьмой.

Она мне краше всех роз,  
Я чувствую вновь и вновь,  
Что лучезарна она,  
Как лучезарна любовь.

Глядеть на нее, глядеть,  
Тепло ответа тая...  
Не дай ей бог охладеть!  
Ах, камнем сделаюсь я.

1871

#### 43. ДЕВИЧЬИ ПЕРСИ-БУТОНЫ

Лишенные света дня  
Два мира эти полны  
Сверкающего огня  
И сладостной тишины.

Пред ними меркнет сама  
Небес авзонских лазурь.  
Пускай у них в небе тьма,  
Но нет там молний и бурь.

Они — бутоны в тени  
На вечные времена,  
Благоухают они  
Пьяняще, словно весна.

Но руку к ним протянуть,  
Коснуться этих чудес  
Незримых — значит дерзнуть,  
Как не дерзал Арташес.

О трепетные шары,  
Таковыми вас создал бог,  
Когда, сотворив миры,  
Пришел и ребро извлек.

Я весь от страха звеню,  
Что, тронув бутон тугой,  
Миры любви оскверню  
Кошунственной рукой.

А тот, кто всё же дерзнет  
Коснуться этих цветов, —  
Блажен будет в мире тот  
И к вечной жизни готов.

1871

#### 44. ЧЕРНЫМ-ЧЕРНОЕ

Ах, было время, да прошло!  
И был я пылок и крылат,  
И, опалая мне чело,  
Мечты горели, как закат.

А ныне слез горчайший лед  
Над сердцем глыбою набух  
И туча черная грядет  
Гасить мой свет, душить мой дух.

Златые, радостные дни, —  
Я и не видел их почти,  
Словно оазисы они  
В пустынях моего пути,

Где, укрываясь средь цветов  
И белоснежных облаков,  
Я исцелялся от следов  
Впивавшихся в меня оков,

Где пил любовь, где счастья клад  
Был близок — руку протяни,  
Покуда дожигал закат  
Свои недолгие огни.

И роза для меня цвела,  
И для меня плыла звезда,  
Пока судьба не отняла  
Всё это раз и навсегда.

Там в сердце юное мое  
Пришла любовь в один из дней,  
И очи черные ее  
Не ведали земных скорбей.

Но в черный день вдоль черных троп  
Меня толкнул мой черный сон.  
Увидел я отверстый гроб  
И еле понял, потрясен,

Что звезд и роз пора прошла,  
Что пробил расставанья час,  
Что охладевшего чела  
Касаюсь я в последний раз.

Земли о гроб хрипящий стук  
В ошеломленный слух проник...  
О, будь он проклят, этот звук!  
О, будь он проклят, этот миг!

Несу на сердце черный ком  
Земли, как верный знак, что впредь  
Путь в мир и жизнь закрыт замком,  
Которого не отпереть.

1871

#### 45. МАЮ

Ты девственная мать цветов,  
Мой нежный май, ты весь в цветах,  
Но почему в твоих перстах  
Нет мне Цветка твоих садов?

Иль мне назначен май иной,  
Неизъяснимый, роковой?  
Ах, он парит над головой  
И веет вечной тишиной.

1871

#### 46. ФИАЛКА

Ах, горемычный цветок,  
Что ж ты, головку склонив,  
Прочь отвернулся от нив?  
Что это значит, дружок?

Встретил ты в этом краю  
Ту, чьих очей синева  
Глубже твоей, и листва  
Зависть скрывает твою?

Был бы ты розой резной,  
А не фиалкой — при ней  
Стал бы ты вдвое красней,  
Как было с розой одной,

Чуть не погибшей в огне  
Возле ее красоты.  
Если б, как лилия, ты  
Плавал в своей белизне,

Ты побледнел бы, мой друг,  
Словно бы лилия та,  
Что побледнела, взята  
В лилии милых мне рук.

В час, когда к небу она  
Взор поднимает, молясь,  
Солнце, тех взоров боясь,  
Ищет, где туч пелена. . .

1871

#### 47. МОЙ ПОКОЙ

Пусть две слезинки падут  
Из темно-серых очей  
В сумрак могилы моей —  
Кости мои не взойдут.

Здесь тишина,  
Здесь царство сна.  
Здесь мир такой —  
Здесь мой покой.

1871

#### 48. ИСТИННОЕ СТРАДАНИЕ

Всегда встречать иссякшим ключ,  
Томиться жаждой ожидания,  
Как стебель, увянуть в цвете лет —  
О нет, не это есть страданье!

Свой бледный, свой холодный лоб,  
Не знавший жгучего лобзанья,  
На мертвый камень положить —  
О нет, не это есть страданье!

Ни разу не прикинув к той,  
Кто вся — улыбка, обаянье,  
Обнять бесстрастие земли —  
О нет, не это есть страданье!

Не облегчив души больной  
Сном, полным сладкого мечтанья,  
Уснуть под земляным плащом —  
О нет, не это есть страданье!

Жить в подземелье, в нищете,  
Где смрадом стеснено дыханье,  
Всегда терпеть, всегда болеть —  
О нет, не это есть страданье!

Но в мире быть сухим листом  
И, гнет народного страданья  
Не облегчив, безвестно пасть —  
О, только это есть страданье!

1871

49

Близ океана голубого,  
Где блещут золотом пески,  
Когда в золе, покрывшей снова  
Весь пепел грез, тех роз тоски,  
Зари засветятся огни —  
Мою любовь ты вспомяни!

Когда опять в листве зеленой,  
Чью тень любили мы с тобой,  
Где часто, в час замороженный,  
Сердец мы пили сладкий зной,  
Лист дрогнет, как в былые дни, —  
Мои признанья вспомяни!

И утром, на заре весенней,  
Когда простор и ал, и чист,  
Иди в поля, в простор цветений,  
Смотри, где сух, где зелен лист. . .  
Вдруг птичка запоет в тени:  
Мои мечты ты вспомяни!

Когда ночь летняя приветит  
Тебя, звездиста и чиста,  
И, как фонарь, луна засветит,  
Чтоб озарить твой путь, Мота,

Былым мечтам не измени,  
Мою печаль ты вспомяни!

Когда посмотришь ты, угрюмый,  
На черноликий небосвод  
И сдавят сумрачные думы  
Твое чело и взор, как гнет,  
Ударит колокол. . . Вздохни  
И смерть мою ты вспомяни!

*6 октября 1871*

**50. СТОН НА МОГИЛЕ ГОРЯЧО ЛЮБИМОГО  
ВАРДАНА ЛУТФЯНА**

Лучами света до конца,  
До замогильной тишины  
Навеки соединены,  
Любимый друг, у нас сердца, —

Они нам были столько лет  
Страницами открытых книг.  
Ты для меня был как родник,  
Дарующий любовь и свет.

За днем мы провожали день  
На Чамлычае, с высоты,  
Где кипарисы, как зонты,  
Дарили нам, скорбящим, тень.

Пред нами голубел Босфор,  
Перепоясавший Стамбул,  
И нашу мысль к себе тянул  
Небес безоблачный простор.

А если строчки облаков  
Пересекали небосвод,  
Мы в них читали, что ж нас ждет,  
Горящей чернотой зрачков,

Но молча. Слов тщеты мирской  
Нам не был нужен пережат.  
Так немо факелы горят,  
Один взирая на другой.

Для наших блеклых слабых крыл  
Опорою была печаль,  
И нам безмернейшую даль,  
Увы, не этот мир открыл.

Черно у смерти молоко,  
Отчаешься, его пия,  
Тебе приелся вкус питья,  
И ты унесся далеко.

Горя в страдальческом огне,  
Я звал, тянул тебя назад! . .  
Твой гаснущий, последний взгляд  
Запал навеки в память мне.

Ты принят там? Отринут там?  
Пришли мне с ангелами весть.  
Я без тебя тоскую здесь,  
И боль мешает жить мечтам.

Коль только есть там тень дерев,  
Коль бьет источник в той тени,  
Коль есть любовь, коль искони  
Там волен ветерка напев, —

Я гробу плоть свою предам,  
Которую изъел недуг,  
И поспешу к тебе, мой друг. . .  
Вардан! Ах, есть ли это т а м?

1871

## 51. МОЯ СМЕРТЬ

Если смерти ангел бледный  
Мне предстанет, взор склонив,  
Свеет скорбь рукой победной —  
Знайте: я, как прежде, жив!

Если светом бледным свечи,  
Ложе смерти озарив,  
Мне зальют лицо и плечи —  
Знайте: я, как прежде, жив!

Если друг, в слезах, быть может,  
Льдистым саваном обвив,  
В черный гроб меня положит —  
Знайте: я, как прежде, жив!

Если колокол застонет —  
Смерти смех, ее призыв,  
И мой гроб в толпе потонет —  
Знайте: я, как прежде, жив!

Если близкие, с рыданьем  
Гроб в могилу опустив,  
Не промедлят с расставаньем —  
Знайте: я, как прежде, жив!

Если ж та могила станет  
Всем чужой и навсегда  
Память обо мне увянет —  
Знайте, что я мертв тогда!

1871

## 52. МНЕ ГОВОРЯТ

Мне говорят: «Ты что молчишь?»  
Но разве речи говорит  
Заря, когда она горит  
Над сном немых холмов и крыш?

Мне говорят: «Ты всё грустишь!»  
Как не грустить, когда с небес  
Остаток звезд моих исчез  
И зорь уже не возвратишь!

Мне молвят: «Нет в тебе огня.  
Спокойно, словно озеро,  
Твое бескровное лицо.  
На дне! — Там буря у меня!

Себе твержу в полубреду:  
«Иди скорей, куда идешь, —  
В могилу. Может, там найдешь  
Полет, и трепет, и звезду. . .»

1871

В сумерках мгла пласт за пластом поползла,  
 Звездную тишь дочерна заволокла,  
 Словно бы тень, что приволок за собой  
 Краткий мой день, полный любви голубой.  
 Всё же дрожит в синей густой глубине,  
 Не в небесах, может быть, а на волне,  
 И не звезда, может, а просто костер —  
 Трепетный блик тянется через Босфор.  
 Гаснет закат, пышного зарева прах  
 Пал на отрог в обледенелых горах,  
 Словно бы взгляд девы на крест гробовой,  
 Где яд любви праздник отпраздновал свой.  
 Тщетно мой взор чары плетет на лугу.  
 Нет! Сквозь туман я различить не могу  
 Ту, что лучам звездным ласкать довелось,  
 Ту, что ветрам шелк доверяет волос,  
 Ту, чьих кудрей тронуть хочу завиток,  
 Ту, что идет, грез моих жарких цветов,  
 Через луга, что расстиляет мой бред.  
 Краше ее не было в мире и нет.  
 Свежесть с ее благоуханных ланит  
 Ветер крадет и с драгоценной летит,  
 Сея росу в диких песках по пути.  
 Что ж! И пескам хочется пышно цвести.  
 Что там цветы! Каплю бы свежести той  
 Тем, кто сражен светлой ее красотой!  
 Взгляд! Только взгляд! — Счастливы станут они,  
 В сумерках слез горько влачащие дни. . .

Брезжит сквозь мглу личико бледной луны.  
 Тысячи дев быть благодарны должны  
 Ей за урок бледностью мир чаровать,  
 Лица свои дымкой вуали скрывать.  
 Выйди, луна, и отыщи средь лачуг  
 Те, где огонь в жалких лампадах потух.  
 Не подражай хладному солнцу зимы,  
 Просим его, да не допросимся мы  
 Светом помочь бедным, пустым очагам.  
 Хватит вполне звездного света лугам,  
 Хватит вполне люстр и шандалов дворцу,  
 Ты же свети светлого слова творцу,  
 Ты же свети матери юной, чтоб та

Зрела дитя, образ младенца Христа,  
Ты же свети возле замшелых колонн  
Тем, кто не спит, кто безнадежно влюблен.

Я на луну часто гляжу, не таю.  
Так бы смотрел я на невесту свою,  
Что сквозь вуаль взор не цветами ланит —  
Светом небес неизъяснимым манит.  
Дальний огонь в сумраке словно исчез,  
Словно ушел в бездну безвидных небес,  
Тускло-багров стынет на западе пар,  
Никнет закат, как догоревший пожар.  
Близится час: факелы жаркой любви,  
Словно закат, так догорите и вы. . .  
Ведать бы мне, солнце, сегодня хоть миг  
Грело ли ты в трепет ввергающий лик  
Розы моей, той, что я страстно берег,  
Так что мечтать о поцелуе не мог!  
Ведать бы мне, что за святые слова  
В роще густой слышала нынче листва!  
Ведать бы мне! . . Ах, соловьи, соловьи!  
Рощи мои, тихие рощи мои,  
Милая сень, шелест тенистой листвы,  
Грозди цветов, шелковый шелест травы!  
Если теперь снова шелка зашуршат,  
Тронув листву, что обронил листопад,  
Если бродить девушка будет одна,  
Мне же пред ней доля опять суждена —  
Робко дрожать, пламени взора страшась,  
Словно листва в прах под ногами крошась,  
А надо мной птица расплачется вновь, —  
Прочь, суета! Властвуй над сердцем, Любовь! . .

(Прервал из-за болезни)

1871

Сипил (Запел Асатур) родилась 8 октября 1863 года в пригороде Константинополя Скютари (ныне — район Стамбула Ускюдар), в семье торговца часами. Псевдоним Сипил происходит от слова сивилла, т. е., согласно греческой мифологии, пророчица. Первоначальное образование получила во французской школе, затем училась в училище (1870—1873) и в семинарии района Ускюдар. В 1879 году Сипил основала «Патриотическое общество армянок», ставившее целью открывать армянские школы в провинциях. В 1882 году отправляется в армянские провинции, преподает в школах. В 1889 году возвращается в Константинополь и почти до конца жизни занимается педагогической деятельностью. Со своим мужем, известным филологом и педагогом Грантом Асатуром, Сипил создаст учебники по армянскому языку и литературе, которые многие годы применялись в западноармянских школах. Сипил была также одним из редакторов известного литературного журнала «Масис».

Первое стихотворение Сипил было опубликовано в 1874 году. Единственный сборник ее стихов — «Отблески» — был издан в Константинополе в 1902 году. В 1891 году вышел в свет ее роман «Девичье сердце», а остальные прозаические произведения были собраны в сборнике 1926 года «Женские души». Перу Сипил принадлежат, кроме того, статьи по вопросам литературы, языка, искусства, педагогики, а также переводы из европейских писателей.

Скончалась поэтесса 9 июля 1934 года в Константинополе.

Основные издания на армянском языке: *Отблески*, Константинополь, 1902; *Сочинения*, Ереван, 1965; на русском языке: *Поэзия Армении...*, М., 1916.

54. ЛУНА

Одна гляжу в ночную сумрачную даль,  
 Луна, подруга, ты развей мою печаль.  
 Ведь если б ты не поглядела с высоты,  
 Не приласкала бы лучом моей мечты,  
 Вся жизнь моя бы затянулась хладной мглой  
 И стала ямою с остывшею золой,  
 Где по краям не выжить травам и цветам,  
 Где тьму заря не освещает по утрам.  
 Подобно тени я по жизни бы прошла,  
 Одни рыдания на пути моем нашла,  
 Лампадой тусклою средь долгих вечеров  
 Склоняла б низко свое пламя от ветров.  
 Но ты, луна, пока мне светишь и пока  
 Моя мечта, как ты, светла и высока,  
 Пока так щедро раздаешь пучки лучей,  
 Когда молю тебя о том среди ночей, —  
 Моя душа, тебя лаская и любя,  
 Как сердце верное, приветствует тебя.  
 Ты так величественна в выси голубой,  
 Что я о боге помечтать могу с тобой.  
 Душа вселенной или зеркало земли,  
 Что отражаешь ты, высокая, вдали?  
 Афина ты иль милосердье высших сил,  
 Твой ровный свет один для хижин и могил.  
 В твоих лучах лишь кипарисы всё темней,  
 Как смерть сама иль размышление о ней.  
 Тебе торжественная роскошь не нужна  
 И бархат штор у затемненного окна.  
 Твоя любовь — леса, поля и вольность гор,  
 Где птиц и ветра не смолкает разговор,  
 И пепелища, где развалины пусты,  
 В твоих лучах опять сверкают, как цветы.  
 Твоя душа — душа поэта, и она  
 И волшебства, и вечной нежности полна.  
 Ты, может, девушка, оторгнутая прочь  
 От материнских рук, трепещущая дочь,  
 И под вуалью прячешь горести свои.  
 Молчи, луна, и ничего не говори,  
 Ведь вижу я, как ты бледнее по утрам,  
 Твою я тайну разгадала по глазам.

И у меня есть боль своя, и ты, луна,  
В мои мечты, в мою печаль посвящена.  
Не славы жду, мне только б крылья обрести.  
Хоть тонкий луч свой мне на землю опусти,  
Чтоб зацепилась я и с горестной земли  
Взлетела ввысь и растворилась бы вдали.  
В твоём чертоге, как в блистающем раю,  
Тебе бы душу подарила я свою.  
Ты ей доверь свои желанья, луна,  
Чтобы летела к звездам блещущим она  
И над морями и над вечностью веков  
Твою небесную воспела бы любовь.

1880

## 55. ПЛЮЩ

*(Воспоминание детства)*

В том саду родном под моим окном  
Густо вился плющ по крутой стене,  
Как баюкая, он качал цветком,  
Голубым цветком улыбался мне.

Бархат зелени, покидая сад,  
К изголовью ник, не давал уснуть.  
Сквозь его листву привлекал мой взгляд,  
Будто тонкий луч, к первой школе путь.

Та дорога вдаль будто лента шла  
Сквозь пшеницу, где по ее краям,  
Как мечты весной, вся земля цвела,  
Ярких маков цвет подарив лугам.

А в расщелинах старых толстых стен,  
Шерстяную нить взяв для теплых гнезд,  
Дружный хор скворцов звонко свиристел,  
Зяблик в хор вступал, подпевал им дрозд.

И казалось, жизнь до последних дней  
Будет благостью до краев полна.  
Аромат полей не иссякнет в ней,  
Пеньем птиц полна будет тишина.





Но пришла пора пожелтеть листве,  
Перья с листьями над землей взвились,  
Скрылись стаи птиц в гулкой синеве,  
И засыпал снег крышу, сад, карниз.

Нет плюща теперь за моим окном,  
Желтый край стены закрывает свет.  
Слезы лью, родной вспоминая дом  
И дорогу, где мой затерян след.

1888

#### 56. ТУЧА

Той туче светлой я свои вручила грезы,  
На небесах, в лучах серебряной луны,  
Но туча на клочки разбита, с вышины  
На землю падают пылающие слезы.

С родным сиянием она разлучена,  
Гонима злобными бичами ветра с силой. . .  
Ей в небе жизнь была, земля была могилой,  
Где радость помыслов навек погребена.

И улыбаются просторы высоты,  
Бесстрастно чуждые всей нашей скорби жгучей,  
Лелеют новые в своих объятьях тучи,  
Тревоги новые и новые мечты!

Меж тем, палимые бессонными страстями,  
Мы плачем: кто — дождем, кто — горькими  
слезами!

1892

#### 57. В МОНАСТЫРЕ

Здесь, в келье, я сижу одна. Вот полночь бьет,  
Лампады нет, и нет луча на небесах.  
Последний свет погас в дому и у ворот,  
И я — одна, погружена в глухих мечтах.

Кочует вокруг унылый сонм густых теней,  
То подойдут, то отойдут, то станут в ряд.  
И углублен их скорбный стон сильнее, больней,  
Когда они, утомлены, вблизи стоят.

Виденья — то моей мечты, печальных дум,  
Сны молодой, ах, молодой! моей души. . .  
Когда звучит холодных дней тоскливый шум,  
Целенье слез приносят мне они в тиши.

Меж грустных лиц склоняюсь ниц с моей тоской,  
Меж строгих дев, для коих нет страстей и гроз,  
Чьи голоса — молитв напев, псалом святой,  
Губящий рой, прекрасный рой надежд и грез!

Я жить хочу, а мне твердят про небеса!  
Хочу любви — они кричат: «Бог есть любовь!»  
В рассказах их Иов, Давид иль чудеса;  
Внушают: «Нам надежда — смерть! Не суесловь!»

Горит заря, и свет дневной, и лунный луч,  
Людей живя, цветы, поля и весь простор. . .  
А предо мной лампадный свет чуть жив, не жгуч,  
Которым мой, всегда без сна, томится взор!

Я вдоха жду огнистых уст средь душной тьмы.  
Порывы дум — ответных слов, страдая, ждут. . .  
А мне в кровать, пред тем как спать, дают псалмы,  
И на ночь крест на сердце мне, как знак, кладут!

Но вижу я во сне всегда — одно, одно:  
Борьбу за жизнь, бездонный свет, мечту свою!  
Я в мире — прах, но сердце всё ж огнем полно,  
И небо, ах! его святым я отдаю!

1892

### 58. БЕДНАЯ СУМАСШЕДШАЯ

К морскому берегу она бежит одна  
И наклоняется так жадно над водой.  
Такого горя и тоски она полна,  
Что может море иссушить своей бедой.  
К морскому берегу она бежит одна.

И влажен взгляд ее печальных тусклых глаз,  
В дрожанье век ее и судороге щек  
Безумье тяжкое я вижу каждый раз,  
Так бедный разум от души ее далек.

И по губам скользит горячая дрожь,  
И смех к губам прилип однажды навсегда.  
И этот смех безумный ранит, будто нож,  
Когда в глазах рыдает вечная беда.

Безумный голос мелодичен и тосклив,  
И кашель рвет ее измученную грудь.  
Ее проклятья слышат камни и залив,  
Услышать стон не приведись кому-нибудь.

Потом она опять смеется. . . Жуткий смех  
В камнях и скалах повторяется стократ,  
Как будто смехом обвиняет она всех,  
Кто оказался глух к горчайшей из утрат.

Ее ребенок утонул январским днем,  
Волна шальная радость вырвала из рук.  
«Она безумна!» — говорят о ней кругом,  
— «Была, как роза — и старухой стала вдруг».

В безумье снова затанцует, запоет,  
Забыв и бога, и проклятия, и крик.  
И маска горя отлетает в свой черед,  
Как будто сын ее опять к груди приник. . .

К морскому берегу стремглав бежит она  
И наклоняется так жадно над водой.  
Такого горя и тоски она полна,  
Что может море иссушить своей бедой.  
К морскому берегу она бежит одна.

1892

## · 59. УКАЧИВАНИЯ

За грядою гор тает солнца шар,  
Протянулась тень от вершин крутых,  
Облака плывут, будто легкий пар, —  
Там высокий мир светлых грез моих.

Протянулась тень от вершин крутых,  
И звучат сердца, нежных тайн полны,  
Как гитарный звук, звук от струн тугих,  
Их ласкает шелк золотой луны.

И звучат сердца, нежных тайн полны,  
Позабыв беду, радость дней забыв,  
И легко они в вышину летят.

Позабыв беду, радость дней забыв,  
Веря в цвет небес, в нежный блеск луны,  
В грезах всё забыв, в вышину летят.

1900

## 60. КРУЖЕВА

«Она худа, она бледна», — так все о ней  
Всегда шептались, когда мимо шла она.  
В плаще, в корсете становясь еще стройней,  
От ветра стеклами очков защищена.

Была скромна, носила темные тона,  
И черный цвет к ее лицу совсем не шел.  
Но освещала светом глаз своих она  
И черный бархат, и тяжелый черный шелк.

Была она не той красива красотой,  
Какою модницы прельщали простаков.  
Но даже в зале, ярким светом залитой,  
При ней любой поверить в счастье был готов.

Бывало, в ложе появляется едва,  
И людям глаз от красоты не отвести:  
С нежнейшим трепетом белели кружева  
И на плечах, и на руках, и на груди.

В неярких платьях, но видна издалека,  
С лицом таким, что все беспомощны слова,  
Была, как облако, бесплотна и легка,  
И недоступна, и прекрасна, и нова.

Была прозрачна пена кружев и тонка,  
И вся она в ажурной пене кружевной  
Так чаровала, как чаруют облака,  
Что проплывают в летний день над головой.

Случайный луч, и проблеск света, и порыв  
Вдруг оживляли обаяньем темный взгляд,

В котором, тайну безысходности сокрыв,  
Летящих молний ярко вспыхивал разряд.

Ее улыбка, как цветенье роз весной,  
Приоткрывала губ прекрасных лепестки,  
Как будто солнце поднималось над землей  
И освещало все земные уголки.

И сердце билось, устремленное к мечтам,  
Живым теплом в прозрачной сфере кружевной  
И безучастно отмечало здесь и там  
Влюбленный взгляд, ее рожденный красотой. . .

Но, оставаясь равнодушной ко всему,  
Она любила только эти кружева,  
Как будто было не понять ее уму:  
Не из-за них и поклоненье, и молва.

Она их холила, оставив все дела,  
На их узор она смотрела не дыша.  
Она им жизнь свою и нежность отдала  
И всю любовь, которой полнилась душа.

Но черным утром вдруг проснулась вся в поту,  
Тяжелым кашлем задохнулась первый раз,  
На кружевных своих подушек чистоту  
Рукою тонкою бессильно оперлась.

И, вновь закашлявшись, припомнила она,  
Как резок был ночной декабрьской бури гул  
И как была в театре ложа холодна,  
Студеный ветер в дверь распахнутую дул.

Она от холода не завернулась в шаль  
И не прикрыла нежных плеч и нежных рук  
Лишь потому, что тонких кружев было жаль,  
Как будто тень на них могла набросить вдруг.

И умерла она на белых кружевах,  
С последним вздохом тихо выдохнув слова,  
Чтоб перед тем, как опустить в могилу прах,  
Ее одели в дорогие кружева.

«Она красива», — все шептались меж собой.  
Сквозь песнопенья и кадилый скорбный чад  
Она с улыбкой проплывала над толпой,  
Как будто молча одобряя свой наряд.

1892

## 61. ПЕРЕД УХОДОМ

Лучи рассвета в жгут тугой заплетены,  
От горизонта пламя алое несут.  
Тьму тянет зарево с притихшей вышины,  
Как будто в сети, где мерцает перламутр.

Проснулись птицы и доверчиво свистят  
В гнезде, которое качнулось на весу.  
И на полях стада веселые ягнят  
Сбивают с трав еще холодную росу.

И под густой дрожащей тенью камыша  
Туда, где пена закидала берега,  
С веселым хохотом, играя и спеша,  
На встречу с морем устремляется река.

Но ни от речки, что проносится журча,  
Ни от росы, что серебристо разлита,  
И ни от нежной ласки первого луча  
Не всходит в сердце искрометная мечта.

Не любим мы живую жизнь и то, что есть,  
И мило нам лишь только то, что далеко,  
То, что судьба порой пытается унести,  
То, чем вчера пренебрегали мы легко.

Мы любим солнца раскаленного заход,  
Что гаснет свечкой, не щадя лучей своих,  
Когда спускается в пучину темных вод,  
Еще цепляясь за уступы скал крутых.

Цветов увядших замечаем прелесть вдруг  
Мы лишь тогда, когда им вновь не расцвести,  
Когда забота нерадивых наших слуг  
Уже не может их от гибели спасти.

Нам вид флаконов, потерявших аромат,  
Порой дороже самых редкостных духов,  
Храним мы нежно, будто самый ценный клад,  
Листок письма, где тлеет тайная любовь.

И златокрылую любовь свою подчас  
Не бережем и расстаемся просто с ней.  
А ту, что, крылья обретя, летит от нас,  
Дрожая, мы ловим, чтоб прижать к груди своей.

Приобретает снова прелесть, тайный знак  
Лишь только то, что мы покинем, что уйдет:  
Звон колокола, шепот, лай собак  
И даже тучи, что скрывают небосвод.

А разве трогали б волнение и тоска,  
Когда б, как грезы, не расправили крыла?  
И стала б жизнь нам и сладка, и дорога,  
Когда бы смерть в конце ее не стерегла?

1900

## 62. ЛАДАН

Восходит фимиам, курясь пред алтарем,  
Звенья серебрянно, качаются кадила,  
И дымка ладана, рожденная огнем,  
Плывя, чело святых молельно осенила.

Моления долгие под сводами дрожат,  
И плачет пламя свеч. Длиннее и короче  
Их устремления. Тоскливо-бледный ряд,  
Как будто сонные, слепясь, мигают очи.

У сумрачных колонн, где стонов тлеет страсть,  
Трепещет белое снежисто покрывало,  
Там сердце, сумрака изведавшее власть,  
Как ладан от огня, горит и бьется ало.

До вышних областей восходит фимиам,  
Идя, как из цветка, из чашечки кадила.  
Был ладан веществом, — как запах входит в храм;  
Сожженный пламенем, он красочная сила.

И сердце женщины, лелеющее стон,  
Когда расплавится, тогда лишь будет сильно  
И сталью вырвется из кожаных ножей,  
Лазурным пламенем взнесясь над всем, что пыльно.

1901

### 63. ПОЧЕМУ?

«Скажи, почему, — мне порой говорят, —  
Твой голос звучит, а другие молчат?  
И старше они, и умней, и мудрей,  
А людям души не раскроют своей?»  
«Скажи, почему?» — мне порой говорят.  
Ответа на все «почему?» не найти.  
Не знает ведь гром, почему он гремит,  
И птица — зачем она в небо летит,  
И речка — зачем она к морю бежит.  
Ответа на все «почему?» не найти.

«Скажи, почему ты смеешься всегда:  
В тоске всё живое и где-то беда,  
На нежность цветов выпадают снега,  
И жизни весна, будто миг, коротка.  
Скажи, почему ты смеешься всегда?»  
— «Но грязь под ногами не может мешать  
Высоким вершинам под солнцем сиять,  
Смеются они и своей чистотой  
С небесной сближаются высотой.  
Им грязь под ногами не может мешать».

«Скажи, почему ты опять весела,  
Нет прелести в мире, и ложь расцвела,  
И сердце твое распрощалось с мечтой,  
И роскошь, и блеск — только призрак пустой.  
Скажи, почему ты опять весела?»  
— «Сверкает от солнца озерная гладь,  
Зачем этот блеск? Надо ль озеру знать?  
И озеру знать не дано, почему  
В росе берега улыбнулись ему.  
Сверкает от солнца озерная гладь».

«Скажи, почему ты опять влюблена,  
Ведь жизнь, как пустыня, оголена,  
Покинула сердце мечта о любви,  
Давно разбежались желанья твои,  
Скажи, почему ты опять влюблена?»  
— «Спросите у стебля на доброй земле,  
Как ищет корнями он влагу во мгле,  
Спросите родник, почему он течет,  
Откуда он чистую воду берет?  
Спросите у стебля на доброй земле.

Спросите колосья в полях, почему  
Качаются мерно, подвластны чему?  
Простая былинка и мощный платан  
Пускают побег — почему это так?  
Спросите колосья в полях, почему?»  
Сама не пойму я — зачем, почему  
Так хочется сердцу запеть моему?  
Пусть жизни мечта навсегда далека,  
Смеюсь и пою так, как мчится река.  
Сама не пойму я — зачем, почему? . .

1902

## ИЗ ДРУГИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

### 64. ВОПРОС

Душа моя полна лучами чувств живых,  
Они сверкают, разгораясь всё светлей.  
К какой звезде, в какой рассвет направить их,  
Чтоб осветили мглу моих минувших дней?

В душе моей поток надежды так широк,  
Бурлит и пенится он в радужной пыли.  
К каким морям, к какой реке послать поток,  
Чтоб росной каплей он достиг родной земли?

Душа моя желаний пламенных полна,  
Они сжигают полыханием огней.  
Какому грому я доверить их должна,  
Чтобы от молний вспыхнул мрак минувших дней?

1903

## 65. СЛЕЗЫ

Есть слезы грусти и печали, слезы мук,  
Они сбегают торопливо вдоль щеки.  
В слезинке каждой вопль рыданий, горький злук  
Всеподавляющей безвыходной тоски.

Есть слезы чистые, и в них разлит покой,  
Они сверкают, будто радуга, горят.  
Так после дождика над полем и рекой  
Земная сила разливает аромат.

Есть слезы тайные, без ропота и слов,  
И рождены они душевной глубиной.  
Они рассказывают долго про любовь,  
Что обвели давно мы траурной каймой.

Есть слезы хохоту подобные, они  
Сродни грозе, сродни грохочущим громам,  
Бросают молнии, и прячутся в тени,  
И разлетаются, сверкнув, по сторонам.

Есть слезы жгучие, огонь их так жесток,  
Как пламя жидкое, что не течет, спеша.  
Невидим людям их сжигающий поток,  
Пока глаза не станут пеплом, как душа.

О эти слезы, вы давно знакомы мне,  
О горьких днях воспоминаний не избыть.  
Благословляю вас, вы дали мне вполне  
Поверить в то, что продолжает сердце жить.

1907

## 66. ЗАЧЕМ... ЗАЧЕМ?

Господь, создав из блеска, света и огня  
Величье женщины с возвышенной душой,  
Зачем же солнце зажигаешь среди дня?  
Она одна бы осветила мир большой.

Ты ароматом роз так щедро наделил  
Ее улыбку, боль и жизни каждый миг,  
Зачем же ты поля цветами нарядил?  
Она дыханием бы освежила мир.

Зачем ты птицам дал и рекам голоса?  
Хватило б голоса и нежных женских слов  
Наполнить пением и воды, и леса  
И окрылить мечты и светлую любовь.

Зачем ты создал реки, море и леса,  
Ведь знал, что женщину создашь в прекрасный  
час?

И разве ты, господь, тогда не ведал сам,  
Что тайна кроется в глубинах женских глаз?

Наперекор добру и злу придумал ты  
Способность женщины любить и чаровать,  
Зачем же создал и надежды, и мечты?  
Хватило б женских чар страданиям обучать.

Когда небесным обаяньем наделил,  
В знак наказания или в дар дал сердце ей,  
Зачем любовью целый мир заполнил?  
Хватило бы ее любви вселенной всей.

1908

## 67. ГОВОРИТЬ!

Превыше веры и любви,  
Превыше всех надежд, что полнят дни мои,  
Превыше радостных минут  
И восхищений, что в душе моей живут,  
Есть наслажденье говорить,  
Возможность думы потаенные излить.

Я даже плена не боюсь.  
Пусть уготован мне тернистый путь и пусть  
Убьют оковы легкость рук,  
И под ногами сто ухабов встречу вдруг,  
Но пусть дадут мне говорить  
И сердцу — вольное стремление парить.

Желаний иллюзорный пыл  
Проходит быстро, осыпая пепел в пыль.  
И славы суета сует  
На все соблазны пусть наложит свой запрет,  
Лишь я имела бы права  
Душой рожденные произносить слова.

О ласках юные мечты,  
Стремленья жертвовать, что были так чисты, —  
Меня пленяли вы не раз,  
Очарованье было временным подчас.  
Но с жизнью связывает нить  
Уменья сердца так свободно говорить.

Жизнь проживу свою сполна —  
Недугов лающая свора не страшна.  
Против меня вооружась,  
Пусть жизнь пойдет, не отведу я глаз.  
Лишь дали бы, пока жива,  
Святое право на свободные слова.

1911

## 68. РОДНОМУ ЯЗЫКУ

Был первым звуком на устах ты — первый слог души  
мой,  
Ты — первый лепет детских дней, язык родной.  
Мои желанья и мечты я воспевала с давних дней,  
Ты мне бороться помогал с моей бедой.

И пламя жаркое твое проникло в душу навсегда,  
Ты жажду знаний и добра в меня вселил.  
О благородный мой язык, благодарю, тобой горда,  
Твои слова светлей всех звезд и всех светил.

Скиталась я в чужих краях, и жизнь моя была горька,  
И я ни дома, ни семьи не знала там.  
И болью жгучею была о языке родном тоска,  
О мой язык, я жизнь свою тебе отдам.

Язык, ты — чудо из чудес, всего святого ты святей,  
Ты — отзвук канувших веков, ты так велик.  
Поэтов славою ты был, оружием богатырей,  
Благословляю я тебя, о мой язык!

Дитя покрытых снегом гор, дитя бессмертное веков,  
Лучом неугасимым ты к сердцам проник.  
Вечнозеленая весна тебе сплетает сто венков,  
О несравненный, нежный мой, родной язык!

Преданьям нашей старины ты служишь чашею святой.  
Чтоб ты еще сильнее стал, в пергамент книг  
Саак с Месропом занесли дыханья трепет золотой.  
Я фимиам тебе курю, о мой язык!

Как море радужное, ты раздольной плещешься волной,  
Алмазы блещут и шелка в размахе волн.  
Твои сказанья и псалмы полны седою стариной,  
Родной язык, от всей души тебе поклон!

Когда-то, в давние века, среди платанов шелестел,  
Гусанам славу создавал, рождал мечты.  
Теперь о горе ты поешь для тех, кто ищет свой удел,  
Но силы ты не потерял и вечен ты.

Благословенны те, кого рукой жестокою своей  
Судьба по свету погнала, как желтый лист.  
Один забыл очаг родной, другой отрекся от детей,  
Себя забыли — от тебя не отрелись.

Благословенны имена армянских нежных матерей,  
Они дыханьем и мольбой, тебя храня,  
Нуждаясь в хлебе и тепле под крышей шаткою своей,  
Передавали сыновьям день ото дня.

Позволь и мне, родной язык, несчастной дочери армян,  
Под сводом храма твоего свечой дрожать  
Неунывающей души, но изнывающей от ран,  
И лирою благословлять, и обожать.

1912

## 69. НЕ ГОВОРИТЕ!

Не говорите мне, что лжива доброта,  
И что улыбка — только грим поверх морщин,  
**И** что исчезли благородство, красота,  
Любовь, и песни, и цветы — обман один.

Не говорите, что весенний аромат,  
Вода источника — таят заразу, яд,  
И превращается роса в дожди и в град,  
**И** капли меда лишь на краешке лежат.

Не говорите мне, что лживы все уста,  
Что речь любви и сострадания пуста

И что без радости и чувств душа чиста,  
Что существует лишь рассудка правота.

Не говорите мне, что взгляды всех подряд,  
Сверкая словно изумруд, опал, гранат,  
Кадильным блеском лжи покрытые, блестят,  
Притворно плачут, и тоскуют, и скорбят.

Не говорите, что обманны голоса,  
Что их оттенки — только звук из пустоты,  
Моя душа еще в тревоге милой вся...  
Оставьте мне мои надежды и мечты!

Не говорите про жестокость и корысть,  
Про то, что преданности нет среди людей,  
Что все обеты и все клятвы унеслись,  
Как лепестки среди увянувших полей.

Не говорите: мгла забвения нас ждет  
И на бессмертие надежда — полный бред,  
Что вместе с плотью и душа моя умрет...  
Оставьте мне моих мечтаний яркий свет!

1913

## 70. МИЛАЯ МЕЧТА

Мечтаю о таком божественном дворце,  
Чтоб выше жизни был и выше туч и звезд,  
Встающем в волнах океана, как в венце,  
Без двери, без порога — в полный рост.

Чтоб не из золота он был и серебра,  
Чтобы мечты его поддерживали свод,  
Чтоб излучали светлый смех они с утра,  
Весенний смех, без тяжких дум и без забот.

Хочу, чтоб жили в нем такие существа  
Благоуханные, чтоб изменялся облик их,  
Как цвет заката, как ночная синева,  
В сверканье всех тонов и всех цветов живых,

И чтоб светили их сердца, как маяки,  
Переливаясь многоцветным хрусталем,

Чтоб были чувства их свободны, глубоки  
И незнакомы были с завистью и злом.

Чтоб процветали там и песни, и стихи,  
Богиней стала беззаветная любовь,  
Чтобы шелка цвели, кружились и текли,  
Как на балу, что всех блистательней балов.

И чтобы истина была обнажена,  
Была высокою до святости она,  
А красота цветеньем роз опьянена  
И добротой белокрылою полна.

И поклоненье, и восторги тех людей  
Венком лавровым увенчали б их сердца,  
И чтоб в костре большой любви не счесть огней,  
И чтобы в нем сердца сгорали до конца.

*1913*

#### 71. СОНЕТ

Видали тучу вы, что с севера идет,  
Грозами, молнией и ливнями полна,  
Какой тревогою наполнена она,  
Могучей силою гонимая вперед?

Она грохочет, сотрясая небосвод,  
Свою мечту испепелившая до дна,  
Рождает бурю, и зловеща, и черна,  
На землю ливни ослепительные льет.

Я беспредельной неизвестностью полна,  
В футляр души не уместается она,  
И оттого душа моя кровоточит,

Дробится, как сосуд летящих облаков,  
От той большой борьбы, которую вершит,  
Нужны ей молнии и грохоты громов!

*1913*

## 72. СЛОВО К БОГУ

Тебя зовем мы отцом с твоей безбрежной душой,  
С бездонною добротой.  
Но если б матерью был, весь мир иначе бы жил  
И горько слезы не лил.

И не топтали б тогда цветов на поле стада  
И отошла бы беда,  
Когда была бы твоя душа с ее добротой  
Материнской душой.

И милосердьем твоим мир был бы крепко храним,  
И птица с пеньем своим,  
Что обитает в горах, гнездо свивает в кустах,  
Не гибла б в хищных когтях.

Когда б ты матерью был, то был бы горд человек,  
Свободным прожил свой век  
И, благодарность неся, от этой ноши не слаб,  
Как твой беспомощный раб.

Когда б ты матерью был, стерпел бы разве, смолчал,  
Когда твой сын закричал  
От копий острых, от ран: «Зачем оставил меня?!» —  
Прозя тебя, не вина.

Когда б ты матерью был, в глубины сердца проник,  
Продлил бы радости миг.  
Ведь ты всевидящ, господь, и тайны нет от тебя,  
И люди жили б, любя.

Перед жестокостью дней, о, стал бы матерью ты,  
Взглянул на нас с высоты,  
Тогда бы смог ты понять огромным сердцем своим,  
Какой любви мы хотим.

1924

## 73. ЗАБЫТЬ

Взлетать превыше облаков над землей,  
И посещать моря, иные миры,  
И слушать ветры, что, устав от игры,  
Ведут беседу, как друзья, меж собой,

Тумана шепот различать в тишине, —  
Но если это всё пригрезилось мне  
Когда-то в юности, в родной стороне,  
Хочу забыть я тайну жизни земной!  
И для того, чтобы воспрянуть опять,  
Хочу я зерна всех болей растоптать,  
Помочь страдающим рыданья унять,  
И утереть их слезы доброй рукой,  
И посвятить себя борьбе с нищетой.

Но если в жизни и того не дано,  
И корни пустит нищета всё равно,  
И разрастется вновь людская беда,  
Пройдут мечтанья, не оставив следа, —  
Под серым прахом их душе истлевать,  
Дымиться ладаном, полета не зная,  
Свои стремления к добру усмирять, —  
Тогда забыть бы мне мечты навсегда!

1932

Рубен Ворберян (настоящая фамилия — Аликян, псевдоним происходит от слова «ворб», что означает: «сирота») родился 16 февраля 1874 года в городе Малатия Харбертского вилайета Западной Армении (на юго-западе Турции), в семье красильщика. В двухлетнем возрасте потерял отца, в тринадцать лет — мать. В 1886 году поступает в харбердский американский колледж «Евфрат», по окончании едет в Константинополь (1893), где преподает армянский, английский и турецкий языки в школах столицы, а затем в городах Бандырма, Измир. В 1901 году оставляет педагогическую работу, занимается торговлей. В 1904 году едет в Африку, обосновывается в Эфиопии и Сомали. В 1920 году переезжает в Париж, где 3 января 1931 года умирает после тяжелой болезни.

Начал писать еще со школьной скамьи. Первый сборник поэтических и прозаических произведений Ворберяна под названием «Цветы памяти» вышел в свет в 1893 году; в 1906 году в Каире была издана его незавершенная поэма «Всплески», а в 1920 году в Париже — сборник «Оазис». Ворберян занимался также и журналистикой, работал в Африке корреспондентом английской газеты «Дейли мейл», а затем американской газеты «Нью-Йорк геральд». Является автором публицистических работ, путевых заметок, статьи о творчестве Байрона.

Основные издания на армянском языке: Оазис, Париж, 1920; на русском языке сочинения Ворберяна не издавались.

74. ДОРОГА МОЕЙ ДЕРЕВНИ

И лодка жизни не оставила следа,  
И всё забвением повито, будто тьмой,  
И облака мечты исчезли навсегда,  
А то, что вспомню, вьется песней надо мной.

---

И всё хранит душа моя  
Тебя, дорога детских лет.  
Ты, аромат цветов струя,  
Мой к роще уводила след,  
Там шли ягненок мой и я.

Мечтою в памяти моей  
Живут и роща, и цветник,  
Там резвый трепетный ручей  
Нырнул под мост, в траве возник,  
Как дух пустыни и степей.

И от тебя, как от ствола,  
Тропинки ветками вились.  
Одна к деревне бедной шла,  
Петляла, обрываясь вниз,  
И там домишки обвила.

Еще одна шла по холму,  
В ущелье путь другой лежал,  
Где ивы тень сгущала тьму,  
Там звук свирели возникал  
И ветры вторили ему.

Когда зимой холодный снег  
Нас у тонура заставлял,  
Он останавливал твой бег  
И все тропинки покрывал  
С цветами в тихом зимнем сне...

Дороги каменной простор  
К морским уводит берегам.  
Но та дорога между гор,

Что к детским ластилась ногам,  
Мне душу ранит до сих пор.

Там горизонт был скрыт от глаз,  
В горах свою красу тая.  
Но восхищенно каждый раз  
Наивность детская моя  
Мечтой за тропками неслась.

То взгляд взбирался по холму,  
То вдруг в ущелье убегал,  
Где ивы тень сгущала тьму,  
Где звук свирели возникал  
И ветры вторили ему.

---

И лодка жизни не оставила следа,  
И всё забвением повито, будто тьмой,  
И облака мечты исчезли навсегда,  
Но то, что вспомню, вьется песней надо мной.

1901—1903

## 75. МОЙ ДОМИК

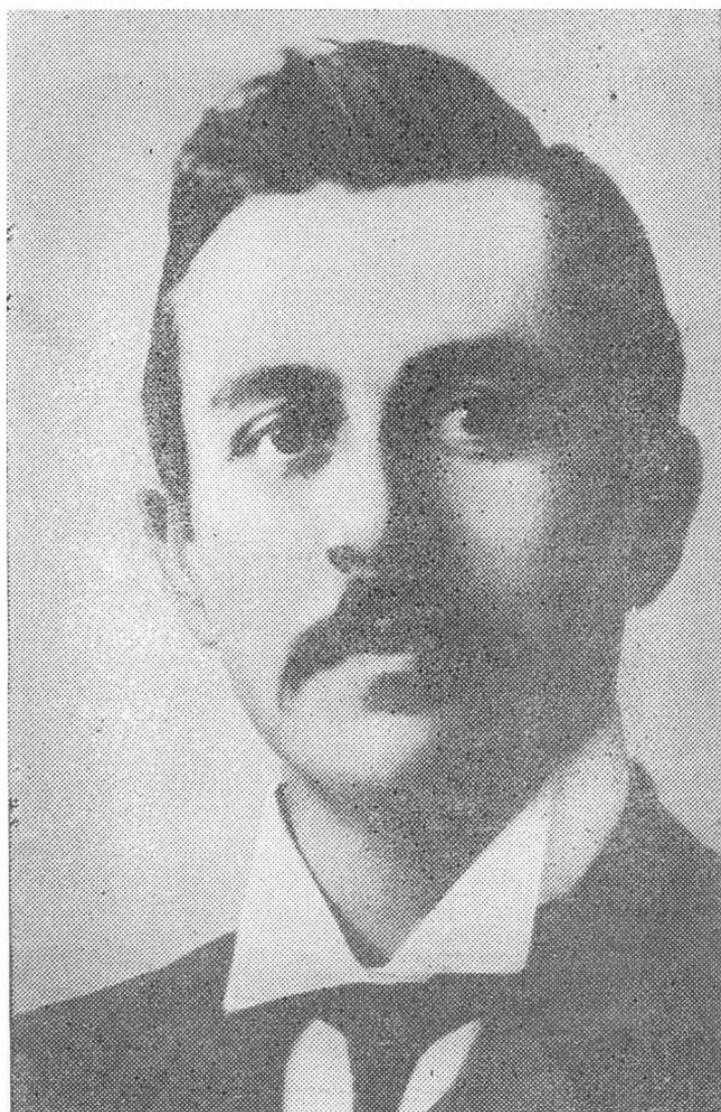
Мы стали пеплом — я и ты.  
Осиротели навсегда  
И ветер, и в реке вода,  
Что пели, девственно чисты.

---

Стоял в лесу мой старый дом.  
Держались стены и столбы  
В лихих превратностях судьбы,  
Как старики, к плечу плечом.

Вьюнок и куст душистых роз  
По стенам поднимались ввысь.  
И резво ласточки вились  
У маленьких и круглых гнезд.

Была здесь комната одна,  
Одна лампада и очаг,





И жизнь, что убыстряла шаг,  
Была надеждою полна. . .

Улыбкой замирал закат,  
И одиноко пурпур гас.  
Отодвигалась даль от нас,  
И в зелень упирался взгляд.

И, сладкозвучно в берегах  
Журча спешащею волной,  
Река скользила за стеной,  
Теряясь трепетно в лугах.

Мне доверяя жизнь свою,  
Влетала ласточка в окно.  
Зимою крошки и пшено  
С руки давал я воробью.

Крышу дома снегопад засыпал,  
И от вьюги содрогался весь дом.  
Что нам было до того, что кругом,  
Если ярко наш очаг полыхал.

И от лампы падал свет  
Чадящей желтой полосой.  
«Всё не беда, ведь ты со мной,  
Моей душою ты согрет. . .»

Мне хватало здесь любви и тепла,  
Здесь я в мир пришел и мир полюбил.  
Белый аист здесь перо обронил,  
Мама мне его в подарок дала.

Был ветер резок и жесток,  
А дом наш стар и очень мал,  
И ветер в бок его толкал,  
Срывал, как с дерева листок.

Под лампадою угас нежный взгляд  
Той, кого я больше жизни любил.  
И очаг, забытый всеми, остыл,  
Только ветер да река всё шумят.

---

Я, закрыв глаза, мечтаю о том,  
Чтобы мамою дареным пером,

Сохраненным мной в скитанье моем,  
Возродить тебя, родительский дом.

Я хочу тебя воспеть, как могу,  
Как мечту, что затерялась вдали,  
На краю земли, в дорожной пыли,  
На высоком на речном берегу.

Превратила тебя в пепел тоска,  
Разметали пепел ветер и дождь,  
Моего ты возвращенья не ждешь,  
И о всех ушедших скорбь велика.

А сломается перо, пусть тогда  
Там, над пеплом позабытым твоим,  
За меня, но с прежним жаром моим  
О тебе поют ветра и вода.

*1901—1903*

#### 76. АДАМОВО ПРОКЛЯТИЕ

«Вон из рая!» — рычал оскорбленный  
Гордый Бог, не поверив глазам,  
Когда созданный им человек,  
Руку Евы сжимая, рванулся,  
Задыхаясь восторгом,  
В открывшийся радостный мир.  
А до этого дня он, Творец,  
Был хозяином единовластным  
Всей Вселенной, Материи, Силы.  
Все покорными были ему  
И безропотны, и безголовы.  
Горы рушились в страхе и падали в море,  
По начертанным Богом орбитам  
В страхе двигались мерно планеты.  
И вот надо же, только вчера  
Этот, созданный Богом из праха,  
Этот атом ничтожный,  
Нечестиво смеясь, пренебрег  
Дивно благоухающим раем.  
«Я — Всевышний», — кричал оскорбленный  
Гордый Бог, не поверив ушам,

Когда дерзкий, блаженством лучась,  
Опьяненный любовью, взглянул в небеса  
И воскликнул: «Нет, Бог — это я!  
Всё мое — и Любовь, и Природа, и Грех,  
И тернистые тропки, и ночь.  
Я счастливый, со мною подруга — Любовь».  
И тогда вдохновленные радостным бунтом  
Вдруг рванулись кометы  
Из мертвой пустой пустоты  
И, ударясь о воздух, горели, предпочитая  
Вспышку смерти неподвижности вечной.  
И планеты замедлили ход. Даже звезды  
От привычных орбит отступили.  
И захлопнулись рая врата, для охраны которых  
Ангел поднял свой огненный меч.  
Но Адам вил гнездо перед теми вратами  
И смеялся. Усталость, проклятия Бога —  
Всё казалось заслуженным счастьем.  
Вот уже сыновья появились —  
Каин с Авелем шумно играли  
С соловьями, слетавшимися из Эдема,  
Ошалевшими от святых песнопений...  
Подавив дух материи строгим законом,  
Разогнав непокорные элементы  
По законным орбитам,  
Бог врата растворил и увидел семейное счастье.  
Позавидовал Бог человеку...  
Извини же меня, Незнакомец великий,  
Если вечность спустя я почувствовал зависть твою,  
Одинокого Бога, к обычному счастью людскому...  
Ангел смерти дыханием чернымдохнул на семью:  
Нежный Авель упал от удара жестокого брата  
И глазами оленя взглянул в недоступный Эдем...  
Вот под вечер вернулся Адам, напевая,  
Но на голос не вышел навстречу никто...  
Он подумал: не новые ль происки Змея?...  
Только вряд ли вторично обманется Ева...  
«Каин! Авель! — воскликнул тревожно Адам, —  
Может, в прятки играют со мной сыновья?»  
Ветер выл. В узкой щели забора из райского сада  
Засветились глаза, увлажненные горькой слезой.  
Это Бог из Эдема смотрел.  
А под деревом Авель лежал неподвижный  
В луже крови, и Ева, дрожа, наклонилась над сыном.

«Авель, сын мой!» — рванулся Адам,  
Нежно голову сына рукой положил на колена,  
Как в былые года. Голова соскользнула с колена.  
«Авель, сын мой!» — и эти слова  
Ветер, воя, срывал с его губ.  
Зов отцовский затих без ответа.  
И трусливо стучало в груди:  
«Преклонись перед Богом, пусть будет на всё его  
воля».

Но Адам, пересилив себя, распрямылся,  
К молчаливому раю он бросился с кулаками.  
Льву подобный, что мстит за убитого львенка,  
Зарычал: «Проклинаю тебя, Бесконечность,  
Пусть я — атом, но я покоряться не буду.  
Пусть заплачешь и ты, что заставил заплакать меня.  
Пусть однажды умрет твой единственный сын  
На глазах у тебя и ты руку ему не протянешь,  
Пусть твой рай опустеет  
И ты, обезумев, не сможешь  
Даже плакать, как я:  
„Авель, сын мой!..“»  
Вздрогнул Бог. И задумался Бог.  
И представил себе Гефсиманию и Голгофу,  
Ясли бедные те, где младенец лежал, как ягненок.  
Нежнолицый Иисус улыбался в младенческом сне.  
«Не могу, — прошептал, запинаясь, Господь, —  
Даже я не смогу расставания перенести!..»  
И легко прикоснулся ко лбу малыша  
Поцелуем Надежды, Соединения и Воскресения...

1906

## 77. РОЗОВЫЙ КУСТ

Я в цветнике, где мрамор бел, где бил родник,  
Куст красных роз сажал один в печальный день.  
Скитаний путь передо мною вдруг возник,  
На жизнь мою уже тогда он бросил тень.  
Но этот куст я посадил.

Я на него весь день смотрел и слезы лил,  
И видел я, как на ветру он трепетал.  
Его слезами, не водою, я полил,  
И по дороге бед моих я зашагал.  
Но куст прижился, не увял.

Я колыбельной не успел пропеть кусту,  
Он не украсил в ту весну весны моей.  
Я никому не подарил его красу,  
Его цветами не порадовал людей.  
    Не подарил мечте моей.

С моим уходом опустел мой старый дом,  
Заглох родник, и белый мрамор мхом оброс.  
Но год за годом над разросшимся кустом  
Пылают тысячи прекрасных алых роз.  
    И, как желаний, их не счесть.

Скажи мне, куст, ты почему цветешь, цветешь  
И только ветру лепестки даришь свои  
И почему тебя весной пронзает дрожь,  
Когда кругом давно затихли соловьи.  
    Не слышно птичьих голосов?

Ты увенчаешь чье чело своим венком,  
Моей отчизны разоренной алый цвет?  
Не осенит надежды свет своим лучом,  
В земную радость веры в сердце больше нет.  
    В душе моей померкнул свет...

---

И дрогнул куст. И через мрак чужих пустынь  
Лучи луны его со мной связали вдруг.  
И зов мечты возник в моих ночах пустых,  
Прошедших дней, иной поры сладчайший звук,  
    Куст песню пел:

«Пока цветенью не настал еще конец,  
Пока в золе еще огни от искр видны,  
Надежды свет не исчезает из сердец  
И, как цветы, цветут мечты родной страны.  
    И жизнь идет.

Ты этой песне давних лет внимай, поэт,  
Вдали от дома не найдешь своей мечты,  
В глубоких безднах не зажжется яркий свет,  
И не достигнешь на чужбине высоты.  
    И жизнь пройдет.

Вернись, поэт, и жизнь вдохни в свой старый дом,  
И роднику верни его былой шашев.  
Там ждет река, и родники блестят кругом,  
И ждет дорога, боль разлуки одолев,  
Твоих следов.

Могилы розами душистыми укрась  
И лиру скорби на ветвях моих повесь.  
И пусть армян минует новая шапасть,  
Пусть высока твоей отчизны будет честь,  
Пока цвету.

И я за слезы, что когда-то пролил ты,  
Твоей душе дарую радость и покой,  
В последний час твой уроню свои цветы,  
И после смерти ты останешься со мной  
В родной земле».

1913

#### 78. ИДИ!..

*Сыну Арутюну*

Скитальцу — мне в чужой дали  
Навеки, до скончанья дней,  
Не увидать родной земли,  
Ее снегов, ее камней.

Оленем не взбегу на холм  
Навстречу радостному дню,  
Угасну я в краю чужом,  
Свою мечту похороню.

Пока, как горький дым, тоска  
Моих не удушила дней,  
Я сердцем всё ищу снега  
Далекой родины моей.

Плывут над морем облака,  
И буря мечется кругом.  
Гроза летит издалека,  
Над пропастью грохочет гром.

Куда стремится рев морей,  
Напев пустынь с его тоской?  
Куда уходит жизнь — со всей  
Печалью и былой мечтой?

Душа, где прежних песен след?  
Какая их взяла волна?  
Здесь у несчастных песен нет.  
Жизнь одинока и грустна.

---

Ты делишь, сын, со мною зной чужих пустынь,  
И одиночество мое, и жребий мой.  
Хоть ты вернись в родимый край, мой милый сын,  
Вернись домой.

Мчись с облаками, с бурей злой до Таврских гор,  
Туда, где вместе побывать лишь снится нам,  
Где за пустынями лежит иной простор, —  
К родным краям.

Найди туманы и снега родной страны  
И поднимись навстречу ветру, в горы, ввысь,  
Вдыхая радость наступающей весны,  
Ты укрепись.

Не думай много обо мне. Моим шагам  
Голгофа новая разлук не высока.  
Ты — Арутюн, ты — воскресение мечтам,  
Ты юн пока.

Ты старый дом мой отыщи и вновь отстрой,  
Там поцелуя розы ждут и ждет лоза.  
Перед уходом в край родной навек закрой  
Мои глаза.

Ваан Текеян родился 3 февраля 1878 года в Константинополе. Учился в местных семинариях. В 1894 году поступил на службу в страховое общество. С 1896 по 1908 год жил и работал в Ливерпуле, Марселе, городах Египта. Вернувшись в Турцию в 1908 году, занялся литературной и общественно-педагогической деятельностью. В начале первой мировой войны Текеян переехал в Египет, в 1920 году возвратился в Турцию, а с 1922 года жил в Болгарии, Греции, Сирии, Франции. С 1926 года обосновался в Египте. Дважды — в 1911 и 1919 годах — Текеян побывал в Восточной Армении. Умер 4 апреля 1945 года в Каире.

Интерес к литературному творчеству возник у Текеяна еще в школьные годы. Первые его произведения, опубликованные в 1894 году, были прозаическими. Кроме стихотворений ему принадлежат новеллы, рассказы, роман, драматические произведения, литературно-критические и публицистические статьи, переводы. Первый сборник стихов Текеяна под названием «Заботы» вышел в свет в 1901 году в Париже. Затем последовали сборники «Чудесное воскресение» (Константинополь, 1914), «От полуночи до зари» (Париж, 1919), «Любовь» (Париж, 1933), «Армянские мотивы» (Каир, 1943), «Песенник» (Каир, 1944) и др. Текеян также издавал и редактировал различные газеты и журналы: «Ширак» (Александрия, Каир, Константинополь), «Новые времена» (Каир), «Солнце» (Александрия, Каир), «Голос народа» (Константинополь) и др.

Основные издания на армянском языке: Сочинения, Ереван, 1958; на русском языке: Поэзия Армении..., М., 1916; Из западноармянской поэзии, Ереван, 1979; Поэты Армении, Л., 1979.

## ИЗ КНИГИ «ЗАБОТЫ»

### 79. ПАДУЧИЕ ЗВЕЗДЫ

(Сонет)

Мои глаза падучих звезд полны,  
Я собирал их летними ночами,  
Когда, скользя среди сонной тишины,  
Они сверкали кроткими лучами.

Я их собрал в полночном летнем храме,  
Пока они, в паденье с вышины,  
Цвели еще над дальними холмами  
И, взрыв любовь, не умерли, как сны.

Моя душа отсель всегда светла.  
Мои глаза — ларцы с лучистым кладом.  
И в день, когда мне слишком тяжела

Скорбь нищего и с горестным разладом  
Тревога мрака входит в жизнь мою,  
Из этих звезд я солнце создаю.

(1900)

### 80. КАРАВАН

На горизонте караван в пути,  
Я жду. Изгиб кривых горбов  
Качается всё ближе меж холмов  
И начинает серебром цвести  
Своих уздечек. Жду я. Как недуг,  
Пустынь неизъяснимых жажды зов  
При звоне тех горбов и голосов  
Встает в душе... Но гаснет солнца круг.  
Во тьме бушует море предо мной,  
Я то внимаю грустным бубенцам,  
То женским и ребяческим сердцам.  
Я плачу, что ушло всё, что ушло,  
И след его ветрами замело,  
А что ушло, то не придет назад,  
Как этот отгорающий закат.

1900

81. ЛОДКА

О белой лодке мечта томит меня до сих пор —  
Изящна она, легка...  
Под виллой большой вдали качает тихо Босфор  
Ее под шум ветерка.

Дневной наплывает зной — объемлет лодку покой,  
Но как она хороша!  
Плывешь по зыби морской — спроси, великий какой  
Построил ее паша?

Другие же спросят так: которой из многих жен —  
А все они так милы —  
Гнездо на синей воде свивал так любовно он:  
Никяр ли, Лейлы, Назлы?

Вопрос прозвучит, и вновь лениво весла скользят...  
А вечер тронет залив —  
И волны и облака тогда подождет закат,  
Багрянцем даль озарив...

Когда же взойдет луна, в небесных полях неся  
Бесчисленных звезд стада,  
Начнут темнеть берега и суша исчезнет вся,  
Лишь будет играть вода...

Мне снится юноша: он — чуть только станет  
темней —

Спускается к лодке той  
И, нежно глядя ее, уходит в море на ней,  
Своей окрылен мечтой...

Один, скользит по волнам, — и звезды над ним чисты,  
Ночь молча льет волшебство...  
Закинул голову он, и вот летят с высоты  
Кометы в глаза его.

О, сходство бы с лодкой той для нежных песен моих!  
Души бы его печаль  
Порою входила в них под парусом чувств живых,  
Скользила трепетно вдаль...





## 82. ВНОВЬ ПАМЯТЬ О ТЕБЕ

Вновь память о тебе слезами обожгла,  
Уже казалось — всё, но этой ночью снова  
Нахлынула, прося сердечного тепла,  
Вошла в меня тайком, наследница былого.

Твой образ в эту ночь, твой голос в этот час  
Преодолели явь — наперекор разлуке,  
И я тобой дышу, и жизнь опять за нас,  
И глядят мне лицо невидимые руки.

И в караване звезд, в мерцающей гурьбе  
Что ни звезда — то миг, когда мы были рядом,  
И настезь вновь душа, как стойло перед стадом.

Я рад тебе до слез, и память о тебе —  
Богатство из богатств, неслыханно прекрасных, —  
По-щедрому хочу раздать на всех несчастных...

(1914)

## 83. ДОЖДЬ НА ДВОРЕ

Дождь на дворе... Осенние дожди —  
Что плачи на любовном пепелище...  
Закрой окно, сынок, и приходи,  
Садись напротив... Вон какой дождище!..

Промозглый сумрак небо заволок...  
А у тебя в душе бывают тучи?  
Тебе знаком на сердце холодок  
От мысли, что судьба сегодня круче

С тобой?.. Что скрылось солнышко навек?..  
Дитя мое, ты плачешь?.. Жизнь сурова,  
И, кто не плакал, тот не человек.

Не жди от жизни доброго улова  
И не стыдись слезы — еще невинной,  
Отплачься впрок, чтоб вырасти мужчиной...

1901

## 84. ВОЗРАСТ

Янтарной палочке под стать была стройна,  
В глазах цвела душа — и не сказать что  
кратко...

В том хрупком возрасте еще была она,  
Что плечи выдают и пухлость подбородка.

А я был сорванцом, и не моя вина,  
Что в завтрашнюю даль не простиралась сметка,  
Как быстро всходят в нас забвенья семена  
И заглушает всё безрадостная нотка!

Я полюбил ее всем пылом чистых лет:  
На солнце — тень мою, в тени — мое светило.  
И ликование мне душу охватило.

Но черным облаком, в котором вязнет свет,  
Тот возраст подступил, та взрослая граница,  
Откуда в детство нам уже не возвратиться...

1906

## 85. ХАНУМ

Ее скрыл тусклый черный шелк, всю —  
с головы до ног,  
И поступь оттого легка и шелково шуршит,  
Что лиры бедер я сквозь шорох слышать мог,  
Ханум идет, и вслед за ней плеск мускуса спешит.

Оставив пышных кружев плен, блеснет ее рука,  
Ревниво полускрыт тот блеск перчатки чернотой,  
И сквозь вуаль, с прямого лба что падает, мягка,  
Сурьмой украшенных очей горит огонь густой.

И через мост, лишь облака закатом зацветут,  
Из горизонта в горизонт проходит так ханум,  
Рог Золотой затмив собой, чаруя вечер дум,

Великолепна и строга, ханум проходил тут.  
То женщина иль дух на миг покинул свой дворец,  
Дух порока, что мил и горд, чудесен, наконец?

1906

## 86. ДЕКАБРЬ

Снег всё летит, и кругом белым-бело.  
И домишки в серебристых переливах.  
И понурилось в раздумьях сиротливых  
Среди стужи одинокое село.

Глинобитные лачуги все подряд  
Стали мраморными — выступы пологи.  
И разглажены ухабы на дороге.  
И овчарки ослепленные скулят.

Утро сумерками серыми глядит...  
Обнажился вдруг просвет, как рана, в тучах —  
Робкий проблеск туча дальняя таит.

Снег не сыплет больше. Светит слабый лучик  
В непорочность беспредельной белизны,  
В замороженно-узорчатые сны.

Чу! Опять метет с небесной вышины. ...

1909

## 87. Я ПЕЛ

Я пел — не важно, весело ли, грустно,  
А важно то, что пел я безыскусно,  
Что песня в вышину меня влекла:  
Две брови были ей — как два крыла,  
Она легко летела по простору —  
Песнь обо всем, что открывалось взору...

Я пел, — так в детстве эху мы кричим,  
Чей голос и сквозь ветер различим,  
Так милостыню собирают дети,  
Несчастнее которых нет на свете,  
Так дифтеритным хрипом малыши  
Пугают мать в обманчивой тиши.

Я пел богатырем ватаги детскою —  
И песня выходила молодецкой.  
Пел о вещах, как не облечь  
В холодную, обиденную речь.  
Порой не знал, чем песня отзовется,  
А просто пел — поется ли поется....

Возможно, что теперь, когда пою,  
Искуснее находят песнь мою,  
Но внешняя обманчива напевность.  
Где свежесть, где былая задумчивость?..

Еще пою — пою, пока живу,  
Но скоро, скоро песню оборву...

1907

## 88. КРАСАВИЦЫ

Всегда красавица та, что мимо тебя прошла  
И взор обласкала твой, похожа на божий дар, —  
Но не обернулся ты, сокрыл свой сердечный жар,  
И встретиться больше с ней судьба тебе не дала...

Еще — красавица та, с которой с детства знаком,  
Что рядом с тобой росла, и солнцем ей был твой взор,  
И ветер над ней летел в весенний чистый простор, —  
В душе осталась она душистым, свежим цветком...

Еще — красавица та, что нежно любить могла, —  
Ты знаешь имя ее! — бывшее благослови...  
Она о любви твоей догадывалась, ждала...

Сберег ты сердце ее, не тронул ее любви.  
Красавицы только те, что сквозь желанья твои  
Прошли, ушли — и теперь их зов ты слышишь  
вдали...

1912

## 89. ТВОЕ ИМЯ

Вот и в этих стихах не могу твое имя назвать,  
А любовь говорит: «Не скрывай! Напиши! Назови!»  
Называю тайком, удивляясь опять и опять  
Двум слогам, содержащим бессмертную книгу любви...  
Вот и в этих стихах не могу твое имя назвать...

Только имя твое — больше нет ничего у меня,  
Только имя — бесплотность лобзания, сладостный  
звук...  
По ночам, заперевшись на ключ после долгого дня,

Я шепчу его, зная, что сонное царство вокруг.  
Только имя твое — больше нет ничего у меня...

Мне казалось, что сердце мое им тебя нарекло  
И потом утверждало биением своим по складам,  
И носить до меня ты могла его только назло,  
И неведомым тем временам я его не отдам.  
Мне казалось, что сердце мое им тебя нарекло...

Мир его не прочтет — не доверю стихам, не хочу!  
Неужели два слога его для других воскурю?  
Я его назову лишь последнему в жизни лучу,  
Над минувшим, над временным с ним на устах  
воспарю...  
Мир его не прочтет — не доверю стихам, не хочу!..

1911

### 90. УЛЫБЧИВЫЕ ОЧИ

На миг или короче —  
А счастье вечно кратко —  
Улыбчивые очи,  
Зеленая загадка,  
Мне в душу заглянули.  
И что пообещали —  
Любовь или загулы  
Большой моей печали?

И золотую дверцу  
Они открыли в сердце?  
Иль смерть они пророчат?

Но сердце ноет сладко...  
Улыбчивые очи,  
Зеленая загадка...

1903

### 91. УСТАЛОМУ ПУТНИКУ

Путник усталый, послушай, вечер уже недалек,  
Засветло ты поискал бы гостеприимный порог.  
Жизнь снарядила в дорогу — тяжкий пожизненный  
путь...  
Ты хоть на камень присел бы, в поле прилег отдохнуть,

Лоном любви материнской вообразил борозду,  
Посох цветущий представил — помощь тебе на ходу...

Путник, я знаю, откуда ты: из туманной дали,  
Чьи неразрывные пути душу твою оплели, —  
Цепи страны несравненной, той, от которой бы рад  
Ты отказаться, однако смотришь всё время назад.

Не поддавайся соблазну — издали только смотри!  
Прошлое — двери, навеки запертые изнутри,  
Прошлое — мрак лабиринта, где на счастливую нить  
Тщетны надежды, могила, яма, чтоб заживо гнить,  
Желоб кровавый и слезный, угол, откуда на свет  
Смерть выползает, в которой жалости к прошлому нет...

1909

## 92. ОБМАН

Жизнь одолела, сломила, — как не отчаяться мне!  
Но неужели напрасен собственный горестный опыт?  
Разве не жду, что надежда лед в моем сердце растопит,  
Новую песню навеет жизнелюбивой струне?

Часто достаточно слова, чтоб распахнуть горизонты,  
Луч, затерявшийся в прошлом, — смотришь, горит,  
не погас,

И мимолетным приветом добрые искорки глаз  
Счастье тебе предвещают — счастье, которым спасен ты.

Голову снова теряю, зла не хочу вспоминать,  
Больше не точат сомненья, жизнью доволен опять,  
С нею бездумно пускаюсь в пляс — ни за что  
не устану!..

Но отрезвление приходит — места себе не найду,  
Горечь в душе: обманулся! — и, к своему же стыду,  
Чувствую, знаю, что втайне жаждал поддаться обману.

1910

## 93. НЕ ЗНАЕШЬ ДО СИХ ПОР

Не знаешь до сих пор, — красавицами позже  
Осознают себя, — сколь хороша была  
Тем летом ты и как я млеял от сладкой дрожи,  
Как трепетал, когда ты в плен меня брала...

Глаза и голос твой мне чудились повсюду,  
Ступая, тень моя твою искала тень,  
Я каждый день мечтал, как я тебя забуду,  
И снова умирал от счастья каждый день.

Но и потом, вдали, тебя не осенило,  
Что побуждением ты уже была к стиху  
И мысли о тебе, светло и легкокрыло,

В твою летели даль, как под свою стреху,  
И в клювах жизнь мою — весну несли по веточке,  
О чем не знаешь ты: не получала весточки.

1907

#### 94. И СНОВА ТЫ, ЛЮБОВЬ!..

И снова ты, любовь, вонзила в грудь клинок,  
И пламенная кровь из сердца побежала!..  
Не стану вырывать пленительное жало,  
Ведь я бы всё равно извлечь его не смог.

А если бы и смог, раскаялся бы в этом,  
Не рану бы отверг — причастие отверг,  
И свет бы для меня безжалостно померк,  
Что словно возвращен целительным ланцетом.

Я сладкой ране рад, — она заветный пласт  
Открыла в глубине под лавой затвердевшей,  
И солнце прежнее она лишь сердцу даст. . .

Отраднo верить в жар души помолодевшей,  
Мечтательно вздыхать и плакать и опять  
Сквозь слезы светлые судьбу воспринимать.

1910

#### 95. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Всё в прошлом: город, краски сада,  
И часа ласка золотая,  
И то, как ты прошла куда-то  
Благословенно молодая.

Ты шла нарядна и надменна.  
И не ступала — уплывала!  
Как будто небо вдохновенно  
Тебя для глаз наколдовало.

Иду с лицом отяжелевшим  
Туда, где жил твой шаг и шепот.  
Душа моя меня торопит!

Иду к шагам твоим ушедшим.  
Где ты когда-то проходила,  
Погребены навек светила...

1908

## 96. ГОРЕ

Значит, так тому и быть, — кончилось мое раздолье,  
Хмель соблазнов и забав  
Улетучился давно. Но без горя, но без боли  
Как надежным сделать сплав

Распадающихся дней? Как душе устроить встряску?  
Как без них — сейчас и впредь, —  
Без убежища, где снять хоть на время можно маску,  
Чтобы слезы отереть?

Горю должно гордым быть, не пристало таять  
воском, —  
И оно достойный след,  
Памятный оставит след — раной, шрамом, отголоском...  
Горе, если горя нет!..

1911

## 97. БАШНЯ

Чтоб душу защитить от злых ветров,  
Чтоб волны лет ее не источили,  
Пока был в силе я, пока был в силе,  
Построил башню — гордый, прочный кров

Над морем, под жестоким небом... В этом  
Укрытии живет моя душа.  
Не спит мой разум, душу сторожа,  
И дверь закрыта перед белым светом.

Пусть волнами стучится белый свет.  
Но с моря путника давно не жду я —  
Ни для кого здесь места больше нет...

А если буря, с башнею враждуя,  
Хлестнет волной и кинет мне предмет —  
Обломок прошлого в нем разгляжу я...

1909

## 98. ТРИДЦАТИЛЕТИЕ

Тридцать мысов лежат предо мною.  
Мой корабль, паруса напрягая,  
К ним спешит. А под ловкой волною  
Пасть акулы зияет, пугая.

Старый парус в нелепых заплатах.  
Руль кривой — повернуть его трудно.  
Ради мысов зеленых, покатых  
Подновил я усталое судно.

Нас не тронули бури лихие —  
Зыбь незримое делала дело  
И проворнее грозной стихии  
Разрушала мне душу и тело.

Я порою надежды лишился —  
Несмотря на небесную ясность —  
Тридцать мысов достичь... И решался  
Мне предсказывать некто опасность.

Огибал я коварные рифы,  
Но пришлось мне изведать и горе:  
Растащили желанья грифы,  
Вера канула в темное море.

За любовью любовь умирала  
На руках моих, медленно тая.  
Грез попадало за борт немало —  
Я над ними молитву читаю.

Лишь надежду растил я прилежно —  
Я вскормил ее сердцем певучим.

И росла, и мужала надежда,  
Разгоняя внезапные тучи.

С нею сам я царил над собою.  
Только билась она безуспешно  
С изнурительной странной судьбою...  
Злые души сгубили надежду.

Она маялась в тягостной муке.  
Уложил ее с горькой любовью  
И сложил я бессильные руки,  
И стою у ее изголовья.

Тридцать мысов лежат предо мною,  
Беспокойна стихия живая.  
И акулы плывут под волною,  
Труп надежды моей ожидая.

1908

#### 99. РАВНОДУШНАЯ ЛИРА

Когда уже всю глубину отчаянья трудно измерить  
И лира, она лишь одна, могла бы утешить меня —  
Ведь некому, кроме нее, смятенную душу доверить, —  
Она избегает меня, молчанье бесстрастно храня.

Напрасно кричу, что душа мучительной болью объята.  
Как можно меня не узнать, не вспомнить, что именно  
мне

Наивные слезы не раз она осушала когда-то,  
На лоне певучем своем давала забыться во сне?

«Откликнись!» — молю. «Помоги! — покорно прошу,  
терпеливо, —  
Тебе не составит труда отвлечь от мирской суеты.  
Кто душу сумеет пригреть усталую, если не ты?..»

Но лира — ни звука в ответ, как будто не слышит  
призыва,  
Не жалуется, не узнает, чуждается — дескать, уволь,  
Бросает один на один меня и безмолвную боль...

1910

## 100. МНЕ КАЖЕТСЯ, Я ЖИЛ ДАВНО

Мне кажется, я жил давно в Элладе,  
Имел Сократа разум и обличье.  
И тайну Бога самого постичь я  
Умел, разгадки сокровенной ради.

Вот лучшие ученики под сенью  
Акрополя мне преданно внимают,  
Вникают в речь мою и увлекают  
Меня навстречу саду и цветенью.

Владею речью мудрою и краткой.  
Душа моя в их взорах отразится!  
Лиричны эти трепетные лица,  
Как островки, омытые загадкой.

О мудрость! Ты прекрасной и нетленной  
Являешься в холмах мне сиротливых,  
Ты в небе нежном, в юношах пытливых.  
Они же — обновление вселенной!

Неважно, что камнями и хулою  
Толпа меня встречает. Обреченный,  
Испить я должен чашу смерти черной...  
Ученики отторгнуты толпою.

О мудрость! Преклоняю седину я  
Перед твоей всезнающей улыбкой.  
Она на горных склонах, в дымке зыбкой  
И на земле живет, меня волнуя...

1912

## ИЗ КНИГИ «ОТ ПОЛУНОЧИ ДО ЗАРЬ»

### 101. ЛЮБИЛ Я...

Любил я, но ни одна  
Из милых не может знать,  
Насколько любовь сильна...  
Кто сердце может читать?

Те — счастье несли душе,  
Те — острую боль несли,  
Но нет их со мной уже,  
Исчезли, увы, вдали.

Моя любовь как река,  
Что мчит с горы в серебре,  
Ей воду дают снега —  
Да видно ль это горе?

Моя любовь словно дверь  
На самом крепком замке;  
Как скрытый сад, где — поверь —  
Так много роз в цветнике!

Чем вспомнить милым моим  
Мою любовь и меня?  
Пред ними — вполнеба дым,  
.. Зато не видно огня...

. . . . .

Любил я, но ни одна  
Из милых не может знать,  
Насколько любовь сильна...  
Кто сердце может читать?

## 102. МЕЧТОЙ ОВЛАДЕЛ

Царем Ара́ овладеть Семирамида смогла,  
Лишь только убив его... Так я — мечтой овладел;  
Царица слезы лила, себя сжигая дотла, —  
Я плачу, упав на труп, где боли моей предел?

О, смертное поле дум, искал после битвы я —  
Безумный, ее искал, я звал ее: «Приходи!»...  
По следу крови тебя нашел я, мечта моя,  
Лежала в доспехах ты, торчала стрела в груди.

Не может мой поцелуй тебя оживить, поверь,  
Богов-аралезов я напрасно зову теперь  
Зализывать раны: ты давно сражена, мертва...

Уже не мечта ты, прах, ты стала пищей червей...  
Себя и мир обману, останься в душе моей  
Красивой и молодой — и вечно в ней будь жива!

1916

### ИЗ КНИГИ «ЛЮБОВЬ»

#### 103. ЧИТАТЕЛЮ

Душа — заветный мир, и, сколько бы она  
В строке и между строк себя ни раскрывала,  
Проходим не дано познать ее до дна —  
От солнечных вершин до темного провала.

Душа моя — рудник. Лишь верхний слой размыт.  
Не уголь? Не свинец? Не золото, случайно?  
Струя восторга бьет, потопом боль грозит,  
Нутром вулкан урчит — но это тоже тайна.

Душа моя — рудник, моя душа — руда,  
И ничего пока про новый слой не ясно:  
Какая радость ждет, какая ждет беда?

Душа — заветный мир, и, может быть, напрасно  
Я на ее порог прохожих допуская  
Во множестве, когда к немногим путь искал.

1922

#### 104. ТРИ ЗОВА

Рано утром в дверь мою стучат —  
Кто бы это, кто бы это вдруг? ..  
Ты, Мечта, — награда из наград,  
Дорогая весть из первых рук?  
Помани меня на край земли,  
Позови на Солнце, на Луну, —  
Отыщу тебя в любой дали,  
За тобой, счастливый, поверну... ..

Днем сильнее в дверь мою стучат —  
Кто бы это, кто бы это вдруг? ..

Впечатленье, будто бьют в набат, —  
Страстный, властный, громогласный звук!  
Ты ли это, Долг, меня зовешь?  
Ты ли говоришь, куда идти?  
Ну и пусть порой бросает в дрожь  
На предложенном тобой пути!..

Вечером тихонько в дверь стучат —  
Кто бы это, кто бы это вдруг?..  
Кто-то в белом с головы до пят...  
Тихий, мягкий зов... Замкнулся круг.  
Смерть, тебя-то я как раз и жду,  
Отговорки честно отменяю:  
Позовешь меня — и я пойду,  
Молча, как послушное дитя... .

1923

## 105—107. НАД СОНАТОЙ БЕТХОВЕНА

### 1

#### ПРОЩАНИЕ

Прощай! Простимся... Нет, не пробил час  
последний,  
Но он неотвратим — и нас разделит он  
Бездонной пропастью, и летоисчисленье  
Начнется новое на пустыре времен... .

Прощай!.. Не миновать упрямого глагола,  
На волоске висят всяческие сады,  
И рушатся мосты, и стены расколело,  
И замечает пыль последние следы... .

Но мною прошлое овладевает снова,  
К былому всё еще привязана душа  
И тянется к нему, обломки вороша... .

Прощай!.. Слетело с губ решающее слово,  
И я бросаюсь прочь, не смея на бегу  
Взглянуть назад, куда вернуться не могу... .

## РАЗЛУКА

Пустыня... Ночь вокруг... Но вот уже светает...  
 Всё выше знойный день, мираж плывет вдали,  
 Маня роскошеством, покуда не растает...  
 И зябкий вечер вновь. И звезды ночь зажгли.

Пустыня!.. Но порой зеленому листочку  
 Обрадуется взор... Порой туманный свет  
 Пролетится на ладонь — и призрачную точку  
 Мечтательно ищу: то есть она, то нет...

Колодец дня... Над ним, скрестив бесстрастно  
руки,  
 В зарницах траурных видение встает,  
 Навязывая мне свой непомерный гнет

И душу сирую баюкая в разлуке...  
 И снова никого на перепутье дней,  
 Одна лишь тень моя — и только я при ней...

## ВОЗВРАЩЕНИЕ

Колокола, цветы!.. И небо голубое —  
 Воздушный шарик мой... Цветы, колокола!..  
 Почти не чувствую дороги под собою,  
 Как будто бы она по воздуху легла.

Кто может ждать меня на берегу знакомом? —  
 Прибрежная волна, и утренняя даль,  
 И силуэт холма, и перед нашим домом  
 Цветами первыми белеющий миндаль.

Живая изгородь, и светлячок весенний  
 В жасминных сумерках, и желтая луна,  
 Что благовоньями в ночи умощена, —

Всё — в радость, и хотя, в числе других видений,  
 Уже теряется деревня вдалеке,  
 Но сердце вплавь спешит наперерез реке...

## 108. ДАЛЬНЕЕ ДЕТСТВО

Дальнее детство мое, через года, через годы .  
Ты не узнало меня, будто не я налегке  
Медленно прочь уходил в поисках взрослой свободы,  
Помнил тебя, забывал, вновь вспоминал вдалеке.

Странно, но ты иногда смотришь скептическим взором  
На обожанье мое, видя, как я тебя чту:  
Сладко в глазах у меня ладан курится, в котором  
Твой умильный мир зыблет свою чистоту.

Ты ностальгии во мне словно не подозревало  
И недоверьем своим грусть умножаешь во мне,  
И потому на душе вновь тяжелее вдвойне.

Что говорить! Не меня ты — старика не узнало,  
Брата приняв за отца: вырос, состарился брат —  
Брат, разлученный с тобой годы и годы назад...

1925

## 109. ЭТОЙ НОЧЬЮ

Этой ночью, под этой луною, когда бы я мог  
Отказаться от воспоминаний, от их круговерти,  
Я бы всё разбазарил, даю тебе слово, сынок, —  
Только тень бы твою непременно оспорил у смерти...

Я даю тебе слово — и слышат меня алтари, —  
Я клянусь, что тебе отдаю свою память всецело:  
Безутешные знания мои — целиком их бери,  
Чтобы впредь надо мною минувшее не тяготело.

Только тень оставляю твою!.. И когда одному  
По привычной пустыне придется влачиться устало,  
Пусть любовно она к одиночеству льнет моему,

Как душа тяготее к душе, что ее породила.  
Пусть она будет рядом, пусть не расстается со мной,  
Плоть от плоти земли — пусть всегда остается со мной.

1914

## 110. БАЛАНС

Баланс! Что осталось, что от жизни осталось мис...  
То, что давал я другим, — странно, только оно!  
Благословенья без смысла, умиленья во сне,  
Истощение сердца, беззвучный плач заодно.  
Но вернулось, как сладость, что роздал на стороне.  
Чтоб окрепшим осесть на большие года,  
Что любовь унесла, — нет, то не погибло на дне,  
Бог вернул мне всё, дав сиять в моих днях навсегда.

И сейчас вот, о боже, страданиям моим вопреки,  
Пусть счастья ручей пересох, наслаждаюсь вином,  
Могу опьяняться обильно я старым вином,  
Не ропщу: что осталось? В яму легли тростники.  
Пали дубы. Что осталось, что истинно верно?  
Лишь утешенье, что солнца испили безмерно.

1926

## 111. В ПРОШЛУЮ НОЧЬ

В прошлую ночь — наяву или, быть может, во сне —  
Мимо любви я прошел — близко и все-таки мимо,  
Даже притронулся к ней, призрачно-неуловимой,  
То ли явившейся мне, то ли приснившейся мне.

В прошлую ночь я собрал верного счастья крупницы —  
Повод для мыслей и чувств душу надеждой увлечь,  
Бережно теплясь во мне зыбким мерцанием свеч,  
Дрожью щемящей, когда радость не знает границы.

В прошлую ночь в темноте встретились жизнь и мечта,  
Близко, бок о бок скользнув, чтобы друг друга  
дополнить  
И — наяву ли, во сне — снова о счастье напомнить.

Вот и сегодня, сейчас, нега в душе разлита,  
Словно бы всем существом тайную ношу лелею,  
То задыхаясь под ней, то воспаряя над нею...

1924

## 112. ЕГИПТЯНКА

Смутный ангел,  
я ради красы твоей без сожаленья  
Белых ангелов гордо покинул,  
стремясь к тебе жадно.  
Перед аспидным светом твоим  
я стою в изумленье,  
Словно путник,  
в ночи разглядевший окрестность неожиданно,  
Мне так сладостен зной  
твоих взоров и гибкого стана:  
Голос твой не утратит  
надо мной замечательной власти.  
Запах кожи твоей  
я готов обонять неустанно  
И погибнуть готов  
под песками забвения страсти.  
Как тростинку от берега,  
оторву от земли я, лелея,  
Твое тело прекрасное —  
унесу тебя вдаль, как святыню,  
И душа будет в юном и жарком  
согласье с твоею.  
Мне всё кажется:  
жили когда-то великие бог и богиня.  
Был он бык — чернобок и упрямя, —  
и была она белою ланью.  
Сотворило тебя  
сладострастное их сочетание...  
Как священное чудо,  
почитаю тебя я отныне.

1921.

## 113. ПЯТИДЕСЯТИЛЕТЬЕ

И вот грядет пятидесятилетье,  
Коварным нетерпением горя  
Живущего уже на белом свете,  
Но не взошедшего на трон царя.

Пятидесятилетье громоздится  
Трухлявым дубом, закрывая ширь...

В дупле живет уродливая птица —  
Полуорел и полунетопырь.

Пятидесятилетье — вроде служки,  
Что свечи гасит, обходя придел,  
Тогда как храм еще не опустел...

Ну хоть одну оставь в моей церквушке!  
Не отслужить вечерни без свечи,  
И неуютно в гробовой ночи...

1927

#### 114. МАЧТЫ

Всё мачты, мачты, мачты на домах —  
Дома плывут без паруса куда-то.  
То рябь, а то девятый вал и крах,  
А тонкий шест — награда и расплата.

Свой курс у дома, выбор свой и след.  
И пассажиры, кажется, в порядке:  
Сидят — меланхоличен в окнах свет —  
Средь рева волн, средь их гремучей схватки.

Я вверх смотрю на эту суету,  
Шестов прогнувшуюся пестроту —  
Их волны тупости и крови моют.

И к мачтам мудрости приник мой взор:  
Людское око проколов в упор,  
Пушкой для высшего его раскроют.

1933

#### ИЗ КНИГИ «АРМЯНСКИЕ МОТИВЫ»

#### 115. АРМЕНИИ

Тебя мы, как Знамя, на первых порах  
любили... Мы знали по сказам старинным,  
что ты, вознесенная к горным вершинам,  
врагами низринута ныне во прах,

однако же время настанет — и снова  
заплещешься ты на ветру кумачово,  
нам жизнь возвещая, а вовсе не крах.  
Была ты как Знамя на первых порах.

Потом мы любили тебя, как Ветлу...  
Зеленые волосы ты распустила  
и, плача по сломанным веткам, грустила,  
а мимо шли нелюди и по стволу  
рубил с размаха, с плеча колунами.  
О, слезы, бессильно пролитые нами,  
о, наши проклятья убийцам и Злу!  
Потом мы любили тебя, как Ветлу.

Тебя мы любили, отмщенья Кинжал...  
Лежавший в земле и на свет извлеченный,  
лучился ты жаждой борьбы исступленной.  
У горла почуяв тебя, задрожал  
Палач и уже распрощался с душою.  
Но ты обломился, изъеденный ржою.  
Осмеян, ты славы себе не стяжал.  
Тебя мы любили, отмщенья Кинжал.

Теперь, как Оковы, мы любим тебя,  
которые полнят мятежною силой  
нам душу и пыткой невыносимой,  
то в шею впиваясь, то кости дробя,  
терзают мучительно и непрестанно.  
Но как будут дороги нам наши раны,  
когда засияет Свобода, слепя!  
Теперь, как Оковы, мы любим тебя.

1901

#### 116. ПЕСНЬ АРМЯНСКОМУ ЯЗЫКУ

Люблю тебя, Родной Язык, как плодоносный сад.  
Во тьме минувших наших дней, в густых тенях былого  
твои слова — все, как одно, — точь-в-точь плоды висят,  
и долго-долго я брожу, отыскивая слово.

Тебя, как плодоносный сад, люблю, Родной Язык.  
Исчезли отчие дворцы, и цветники, и кущи —  
лишь ты преодолел века, воистину велик,  
жизнетворящий, молодой, прекрасный и влекущий.

Под сенью вековой твоей, восторжен и несмел,  
хожу без усталы, гляжу на корни и на кроны  
и поражаюсь: как ты смог, как выстоять сумел,  
когда вокруг метался вихрь, свирепый,  
разъяренный?

И любви мне твои слова, как плод созревший люб,  
О, эти сочные слова, куда от них мне деться —  
слова, которые сейчас с моих слетают губ,  
и умащают мне гортань, и утешают сердце.

1913

#### 117. ЛАМПАДА ПРОСВЕТИТЕЛЯ

Несчетно в небе звезд, а наша — лишь она.  
Над Арагацем еженощно зажжена,  
столь обособленна она, необычайна,  
как будто бы ее другой затеплил тайно.

Слезами чистыми своими — вместо масла —  
наполнил он ее, дабы вовек не гасла,  
дабы она всегда мерцала сквозь туман  
для нас, лампада Просветителя армян.

Так верил армянин и будет верить впредь.  
Столетия пролетят, но будем мы смотреть  
с рассветом — на Масис и на нее — ночами.

И, глядя на твою лампаду, о Святой,  
я чувствую в душе тепло Денницы той,  
которая, взойдя, нас озарит лучами.

1911

#### 118. В ХРАМЕ ЗВАРТНОЦ

В этом храме, о боже, молились, сплетя воедино  
дым печали и пламень отрады, который не тух.  
Чистый, праведный пот и рубиновой крови стремнина  
в этой кладке замешены — неистребимый их дух

с благовоньями ввысь возносился и был утешеньем,  
и любой человек воплощенье покоя являл;  
люди благословляли тебя, равнодушны к лишениям,  
потому что и ты их, о господи, благословлял.



и, зубы стиснув, выбирался из трясины,  
в которой погубить его пытались,  
и крылья расправлял, и в облаках уже  
себя воображал. . . И в этот самый миг  
враждебный некий бог, тайком за ним следивший,  
обрушил на него всё зло, всю мерзость мира,  
всю нечисть пробудил от сна, всю эту свору  
с обличем жутким змей, и тигров, и шакалов,  
и ноги оплела она ему, и грудь  
терзает, и сдавила горло, и клыки  
вонзила в мозг, и сладострастно алчет  
еще и крови, и сосет ее, хмелея. . .

Там нечто страшное во мраке происходит —  
там убивают беспощадно и свирепо  
народ, который наделен и вкусом к жизни,  
и даром жить, и хорошеть, и обновляться,  
и это — наш народ, и убивают там —  
его. . . О, помогите, помогите!

1916

## 121. МЫ ПОЗАБУДЕМ

Мы позабудем скорбь, утраты, униженье,  
когда на родину вернемся наконец  
и, вслушиваясь в ритм ее сердцебиенья,  
с ним соизмерим ритм и боль своих сердец.

Мы позабудем, пусть не сразу и не просто,  
и горести свои, и Ненависть свою,  
и ясные глаза и молодую поступь  
мы обретем опять в отеческом краю.

Людское зло и твой неправый гнев, о боже,  
в один прекрасный день удастся нам избыть  
и безоглядно вновь запеть и полюбить.

Я знаю, он пока еще далек, и всё же  
приблизь, о боже, день, в который мы, любя,  
от всей души опять благословим тебя.

1918

## 122. ДЫХАНИЕ ВОСКРЕСЕНЬЯ

Дыхание Воскресенья, затеплившееся вдали,  
истерзанный мой народ, твое овекает тело.  
Тебя убивали здесь, просторы этой земли  
не колыбель, а могила, и всё окрест омертвело.

Но Воскресеньем повеяло, и в глуби могильной ты  
разбитой грудью своей дыханье почувешь это, —  
дрогнут бесплотные губы, и оживятся черты,  
и потускневший взгляд вспыхнет в потоках света.

Вспоенная кровью твоей, коснется тебя трава  
и к жизни тебя вернет первой жалостной лаской.  
И ты, за нее цепляясь, привстанешь едва-едва,  
и скинешь саван земли, и выпрямишься с опаской.

Тихо, тебя потревожить боясь, пролетят стрижи  
в ясном весеннем небе, а после с тобою рядом  
тихо журавль приземлится, и поодаль в тиши  
вновь соловьи предадутся тихим своим руладам.

Но ты уже подошел к ложбине, где бьет родник,  
и раны свои омыл студеной его водою,  
испил ее и, как в зеркало глядя — о, чудный миг! —  
в порядок себя привел, не побежденный бедою.

И вот исчезают уже руины одна за другой,  
на месте бывших пепелищ — повсюду пажити, нивы,  
повсюду орала и труд, повсюду мир и покой !  
и желтое покрывало пшеницы, дружной на диво.

Когда ты, помолодевший и сильный, глядишь  
на детей,  
дремлющих на полях в ночь жатвы и урожая,  
звезды сплетают венец над головою твоей  
и светятся, о воскресший, его на тебя водружая.

1918

## 123. СВЯТОЕ ВОЗМУЩЕНЬЕ

Ты запылал внезапно...  
Ты был подобен искре,  
упавшей с небосвода  
среди толпы и тотчас  
занявшихся лачуг,

о наш священный бунт,  
святое возмущенье!

Под суховеем гнета  
иссохли наши души  
в крошечной тьме судьбы —  
ни дать ни взять валежник —  
и нынче занялись  
от твоего огня,  
святое возмущенье.

И зарево залило  
свинцовый этот мрак,  
и ужас, дикий ужас  
объял нетопырей,  
и, жутко содрогнувшись,  
завыл, заухал филин  
над нашими домами,  
попрыгали кроты  
в глухих, укромных норах,  
и лисы, ошалев  
от страха, схоронились,  
и волки убрались  
от твоего огня,  
святое возмущенье.

Твой дым слепил глаза  
и небо застлал,  
и звезд не стало видно...  
И языки огня,  
пылавшие поврозь,  
друг другу жали руки,  
и алыми ручьями  
струились по земле,  
и возносились ввысь  
фонтаном кумачовым,  
и всё окрест, до самой  
каемки окоема,  
кровавили твои  
летучие клинки,  
святое возмущенье.

Ты все-таки угас,  
прекрасный, дивный пламень...

Но в тот же час поодаль  
земля опять разверзлась  
и ты — сильней, чем прежде, —  
исторглось из глубин,  
как будто бы в земле  
ты жило беспокойно  
и, обходя в тревоге  
останки храбрецов,  
героев и святых,  
обретших там последний  
приют и погребенье,  
безмерно разрослось,  
как будто сердце предков  
тебя воспламенило,  
святое возмущенье.

О, наконец-то! Утро  
вошло в свои права,  
и ураган утих.  
Узилище дотла  
сгорело, и улыбка  
парит над нашим миром  
пустынным — вместо слез,  
осушенных тобою,  
святое возмущенье.

Но без тебя нельзя.  
Останься в наших мыслях  
навек, навсегда,  
святое возмущенье,  
воспламеняй их, сделай  
горнилом, и пускай  
в его огне мы счистим  
приставшую к нам ржу,  
сольемся воедино  
и станем как металл,  
неколебимо прочный,  
и воспоем тебя,  
святое возмущенье.

1919

## 1

Прости, я враждовал до некоторых пор  
с тобой, да и сейчас не стали мы друзьями.  
Но существуешь ты, и завтрашнее пламя  
затеplилось в душе, и правда не позор.

Не сердце — только мысль влекла к тебе меня.  
А сердце помнит всё и никогда не сможет  
забыть, как заживо огонь Святую гложет,  
чтоб ты, как Феникс, возродилась из огня.

И мысль моя тобой утешена сполна.  
Отрадно ей: она — не холодно, не вчуже, —  
точь-в-точь к сокровищу, к тебе обращена.

О, как ты далека от наших грез... Ты лучше!  
Ты лучше, говорю, безжалостен и прям.  
Ты есть — и в этом суть и приговор мечтам.

1933

## 2

Вдали земля и на земле народ.  
Он прилепился к ней, он ум и волю  
к ней обратил и силу в ней берет,  
она ему и доля и недоля.

Вдали земля — живительный исток  
и благодетель верный и заветный.  
Она не ускользает из-под ног,  
а указывает путь прямой и светлый.

Она и впрямь надежна, та земля,  
и оттого на новые поля,  
или на новых помыслов громады,

или детей, рожденных там сейчас,  
народ глядит не отрывая глаз,  
исполненный покоя и отрады.

1936

Теперь там сын — его пора настала.  
И капли пота на его челе  
прожгут могилы праотцев, пожалуй,  
чтоб сыну утвердиться на земле.

Там на него никто не глянет косо.  
Там и руины, отрясая прах,  
вдруг улыбнутся, увидав сквозь слезы —  
строения встают на пустырях.

Земля, освобожденная от плена,  
дает народу разум, чтобы смог  
он отомстить врагу, избегнув тлена,

и в цепи жизни, Запад и Восток  
соединившей, в этой цепи снова  
он стал звеном движенья векового.

1937

### 127. ГОРДОСТЬ

Если мы хотим иных судеб,  
если мы и впрямь хотим отныне  
жить, — как воздух, и вода, и хлеб  
Гордость нам нужна; в небесной сини  
наше имя пусть летит, дабы  
на земле — от края и до края —  
слышали его, как песнь трубы;  
пусть оно, как факел, не сгорая  
светит; пусть, как знамя на ветру,  
реет вопреки смертельной стуже,  
яркое и днем и ввечеру;  
пусть оно внушает, как оружие,  
недругам неодолимый страх;  
пусть оно всегда и неизменно,  
как творенье мастера нетленно,  
будет чтимо и благословенно  
и живет, бессмертное, в веках.

1922

## 128. ЯЗЫК, КОТОРЫМ Я ПИСАЛ

Язык, которым я писал, — всё меньше нынче тех, кто его поймет... Пройдет еще сто лет, и он, таков как есть — и правильный и нет, — наш сладостный язык в теперешнем обличье,

родимый наш язык, быть может, онемееет. Стихи, где в каждый слог страдание свое и сердце я вложил, забросят, как хламье, да и прочесть-то их едва ли кто сумеет...

Я, на своем веку познавший столько боли и вдохновенье почерпавший в ней не раз, о боже, вот о чем скорблю я в этот час!

Пусть только для себя писал я — и не боле, — я всё же уповал, что есть на свете тот, кто утешение в моих словах найдет.

1942

## ИЗ КНИГИ «ПЕСЕННИК»

129

Зима и злая стынь кругом.  
И жизнь в ладу с календарем:  
Короткий день и долгий холод.

Дороги голые. И голод.  
Следов весны мы не найдем  
При всем усердии своем.

Но, вопреки календарю,  
Вчера была весна и лето.  
Душа и тело помнят это...

А впрочем, что я говорю!  
Густые сумерки. Зима.  
И на пороге — только тьма.

1944

## ИЗ ДРУГИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

### 130. Я ВЕРЮ В ТУ...

Я верю в ту, кому еще сумею  
Горячее сочувствие внушить,  
Когда раскрою душу перед нею,  
Не дав молчанью правду приглушить...

Хотя мы разлучались не однажды,  
Она не помнит зла наверняка  
И не позволит умереть от жажды  
Упавшему за шаг от родника.

Негодовать она не станет бурно —  
Мол, как же это так?.. Мол, это дурно...  
Шепнет чуть слышно: «Ах ты, бедный мой!..»

И, головой качая виновато,  
Посмотрит, как на раненого брата,  
Забудет снова о себе самой...

1919

### 131. В БЕСПРОСВЕТНОЙ ПЕЧАЛИ

В беспросветной печали случалось ли вам испытать  
Ощущенье, что нечем былые надежды питать,  
Что улыбкою жизнь вас едва ли порадует впредь?

Настигало ли прошлое вас, чтоб вдогонку свое  
С неожиданной силой вонзить на излете копье?  
Не хотелось ли вам кануть в небытие, умереть?

Молча, втайне для всех, незаметно исчезнуть с земли,  
Чтобы люди сочувствием вас оскорбить не могли,  
Не хватились бы вас, не жалели, не лили бы слез,

Если ветка надежды в змею превращается вдруг,  
Если сладкая чаша, предательски выпав из рук,  
Разбивается, рот опалив, будто в ней купорос,

Если боль пересилила вас, одержав перевес,  
Если бог в преисподнюю, в бездну низринул с небес, —  
Может, в этих стихах вы найдете поддержку для грез...

1942

### 132. ГОРДОСТЬ

Ты, гордость, первой всегда  
Мою наполняла грудь.  
Дай силы! Уйду когда —  
Ты так же верна мне будь.

Нелегкий встречая день  
В боренье с силами зла,  
Мне твердым быть как кремень  
Лишь ты одна помогла.

Как дерево одинок,  
В душе заглушая крик, —  
Когда мой настанет срок,

Внезапный и грозный миг —  
Хочу я поцеловать  
Великую землю-мать!

1922

### 133. ПАМЯТЬ

Душа зовет своих усопших в эту ночь.  
Возьми лопату, Память, вскрой могилы.  
Не отвращу лица, не ринусь прочь —  
Узреть ужасное найдутся силы.

Нет больше светлых душ, нет больше ясных  
тел,

Родных душе моей, любимых телом.  
За них дыханье я б отдать хотел  
И поменяться с мертвыми уделом.

Я встречу их сейчас, к груди своей прижму.  
О Память, не кори меня, не сетуй —  
Дозволь мне неподвластное уму...

Глупец! Всплакнешь в их честь сегодня ты,  
А я отдамся мукам жизни этой  
И предпочту их страху пустоты.

1925

#### 134. ЗОВ ЛЮБВИ

Беспроволочный телефон  
Принес нежданную весть:  
За морем женщина есть —  
Полюбит... И шлет поклон...

Прибой эту весть принес...  
Волнение прячу свое:  
«Не ложь? Кто видел ее?  
Глаза ее? Цвет волос?»

Волна скупа на слова,  
О берег бьет в тишине,  
И не удастся мне

Узнать судьбу существа,  
Что, горечь жизни кляня,  
Позвало даже меня.

1931

#### 135. МЕЧТАЛ Я ДОЛГО

Мечтал я долго, давно —  
Грустил о тебе, поверь...  
Спокойно сердце теперь,  
Мечтать ему не дано.

О, как хорошела ты  
Под солнцем моей души!  
Но не болей, не дрожи  
Среди ее темноты...

Но ведь какая беда  
Вседневно верить тебе —  
Одной лишь в моей судьбе —

И знать: открыть никогда  
Не сможешь ты в тишине  
Свою беспредельность мне...

### 136. ЕЩЕ ОДНА МЕЧТА

Еще одна мне мечта судьбою была дана:  
В полночный час подобрал, привел в гостиницу я...  
Как крошка была мила! Сидела в кресле она,  
Я видел: в ее руках томится душа моя...

Имеет мечта глаза, и движет она рукой,  
В ее дыханье — свое я чувствую в тишине...  
И я на нее смотрю, смотрю на нее с тоской  
И жду: хоть одну она улыбку подарит мне...

Но только она молчит, и взгляд у нее не прям...  
Сижу напротив нее, как мрамор статуй она,  
И, как другие, она бесчувственно холодна...

И душу свою тогда разрезал я пополам, —  
Отдав половину ей, услышал на свой вопрос  
Тот самый верный ответ, который счастье принес...

### 137. УЖАСНАЯ ТАЙНА ЕСТЬ

Ужасная тайна есть: ведь бог этот — лживый бог.  
Да, лгал ему человек, бог тоже лгал, сколько мог;  
И, друг против друга встав, они поединок свой  
Без масок теперь ведут, решая спор вековой...

И больше нет ничего. И драма эта длинна,  
И долго, за годом год, тянуться будет она...  
И кто бы ни побеждал — нельзя изменить конца:  
Друг другу гневно грозя, погибнут оба бойца.

Да, должен погибнуть бог — и вместе с ним человек!  
Из сердца и из ума да будет исторгнут бог,  
Чтоб в новую душу он свой новый образ облек!

Мне горько, но сгинет пусть былой человек навек —  
Пусть новый явится в мир, — его, поэт, призови  
Из гневных песен твоих, из песен твоей любви...

### 138. НАДЕЖДЫ, БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ

Надежды, большие надежды, прилет  
Ускорьте из синих просторов лучистых,  
Из самых глубоких небесных высот,  
Из самых спокойных, и добрых, и чистых...

Надежды, большие надежды, пускай  
Веселые, гордые слышатся песни,  
Собой наполняйте расцветший наш край,  
Кружитесь, как птицы в родном поднебесье...

Надежды, большие надежды, мечты...  
Откуда идете, где были вчера вы,  
Когда наши сохли от зноя цветы  
И многие люди пожухли, как травы?

Надежды, надев златокудрый венец,  
Вы пойте — я голос ваш явственно слышу, —  
Но есть еще раненых столько сердец —  
Вы к ним приближайтесь не сразу, потише...

### 139. МОЕ СЕРДЦЕ

Страдает сердце мое, кровит от раны сквозной,  
Не видимой никому...  
Порою солнечный смех, движенье, взор озорной —  
Бальзамом служат ему.

Забыто горе тогда, и весело я гляжу,  
И трепетно, на весу,  
Как тонкий, хрупкий сосуд, я сердце свое держу,  
Надежду свою несущу...

Но может память в душе такую развернуть тьму,  
Что сердце летит в нее;  
Настанет надежды час — и хочется так ему  
Богатство отдать свое, —

Всё богу счастья отдать, как мирру и ладан, в дар...  
Но вспомнится радость пусть —  
И сердце тогда взлетит, и новых надежд пожар  
Развеет былую грусть...

Но в сердце так часто боль, огромная боль живет —  
Мучительная до слез...  
Ведь знаю я, что удар донине не зажил тот,  
Который мне бог нанес...

Она стара, эта боль, привыкнуть я к ней не смог,  
Однако, думаю я,  
Я, может, тем и спасен, что из нее же извлек  
Живой восторг бытия!

#### 140. ЖИТЬ ИЛИ МЕЧТАТЬ?

Что лучше — жить или мечтать? И что важнее в судьбе?  
Где должно счастья искать: в мечте или в жизни своей?  
Мы не решили пока — но в беге всех наших дней  
Задача эта, как груз, лежит, душа, на тебе...

Конечно, легче мечтать, избегнув жизненных круч —  
По кручам и по полям стремителен бег мечты...  
Но есть у ней у одной от замкнутой двери ключ —  
Несметных сокровищ блеск за нею увидишь ты.

Любили мы по цветам шагать дорогой мечты, —  
До черных бездн иногда, до солнечной высоты.  
А что принесли, душа? Одну только пустоту...

Для ран мечты наша жизнь, увы, совсем не бальзам;  
Пристанище ли — мечта в сей горестной жизни нам?  
Не взять нам жизнь от мечты, от жизни — не взять  
мечту,

#### 141. ОПЯТЬ ОДИН...

Опять один я, один, вернулся ночью домой —  
Я столько встретил людей, и так хотела душа,  
Чтоб кто-нибудь другом стал, шагая в ногу со мной,  
Из тех, кто был так хорош, да мимо прошел, спеша...

Вернулся домой... Но дом — он хуже хижины той,  
Где крышу над головой я в прошлом бы мог иметь,  
В ней память моя себя не чувствовала б чужой,  
Надежда бы в ней жила, могла улыбаться, петь...

Один... А сердце мое — как будто огромный стог,  
Который в дожде намок, растрепан, забыт во мгле,  
Готовый вот-вот, сейчас, рассыпаться по земле...

Ах, знала б старая мать, что стал я так одинок,  
Что тут живу — нелюбим, оставлен людьми,  
Не бросила бы меня, взяла бы меня с собой...  
судьбой, —

#### 142. ИЗ ТЕХ...

Из тех, на кого я с лаской глядел, —  
Кто тайны свои доверил бы мне  
И их захотел  
Мне, словно бы в дар, вручить в тишине?

Какая из них желала, чтоб ей  
Взамен я глубокие тайны вручил  
Всей жизни своей —  
И душу бы тем свою облегчил?

Одна хоть душа за столько-то лет  
Из тех, перед кем раскрыть я готов  
Души моей свет, —  
Могла бы с душой моей слиться без слов?..

И, может, сейчас приходится ей  
В толпе, как и мне, одной ожидать  
Конца своих дней —  
И жить без любви, и горько страдать...

### 143. АРМЕНИЯ — РОССИИ

Достойная называться священной,  
Ты намечала в мечтах города на своих равнинах  
И яростно отбивалась от вражеских полчищ.

Ты пахала и сеяла — чтобы снова пахать и сеять —  
Ради насущного хлеба  
И лоскутком неба отирала чело.

Ты сокрушала недругов и тем же могучим молотом  
Ковала железо, вздув горнило,  
Выковывала думы свои.

Ты выстояла, когда вероломный удар  
Сотряс твою монолитную стену,  
И стеной пошла на врага, посягнувшего на тебя.

Смотри, как рядом с твоими сынами  
Сражаются дети народов, взятых тобой под защиту  
И на защиту своей защитницы вставших сегодня.

Смотри, как моя Армения, которой ты помогла  
Вернуть вековую силу и древний гений,  
Борется с общим врагом  
И в лихую годину к тебе обращает взор  
И говорит — на чужбине и дома: «Спасибо, Россия!»

1944

### 144. ПОЭТ

Я тебя прикидываю, Слово,  
Примеряюсь в мыслях и на глаз,  
Убеждаясь неизбежно снова  
В том, что ты другое каждый раз.  
Ты цветное, значит — в этом дело,  
Вот откуда новизна и статья,  
Твоему размаху нет предела, —  
Как перед тобой не трепетать!

Неужели тайной общих нитей  
Мы с тобою соединены,  
И крыла, которыми в зените

Можешь ты глубины старины  
И грядущие измерить дали,  
Время и пространство превозмочь,  
И меня в полет орлиный взяли  
И от будней увлекают прочь?

Увлекают, направляя тонко,  
Дав над повседневностью взлететь,  
Душу седовласого ребенка,  
Только научившегося петь,  
Только-только, невзначай, как птица,  
Словно песня у него в крови, —  
И душа готова раствориться  
В состраданье, в радости, в любви.

*1945*

Атом Ярджанян родился 15 августа 1878 года в городе Акн (Западная Армения) в семье торговца. В 1891 году переехал в Константинополь, где учился в местных семинариях. В местной школе Нерсиян учителем Атома был известный фольклорист Гарегин Срвандцян, который называл своего ученика именем героя народного любовного романа «Сиаманто и Хаджезаре». Впоследствии имя Сиаманто становится псевдонимом поэта. В 1896 году Ярджанян уехал в Египет, спустя год — в Женеву, учился в Женевском коллеже, затем — в Париже, в Сорбонне. В 1908 году вернулся в Константинополь. Некоторое время жил в США (Бостоне), побывал на Кавказе. В начале первой мировой войны Ярджанян находился в Константинополе. 24 апреля 1915 года по приказу турецких властей он был арестован, а в августе того же года по дороге в ссылку убит.

Атом Ярджанян начал писать с 1891 года. С 1898 года стихотворения поэта печатались в армянской периодике, издаваемой в Лондоне, Париже, Женеве, Александрии, Петербурге и других городах, а в 1902 году в Париже вышел в свет его первый поэтический сборник — «Богатырское». В последующие годы изданы его сборники «Сыны отечества» (1905—1908, Женева — Париж), «Факелы агонии и надежды» (Париж, 1907), «Кровавые вести от друга» (Константинополь, 1909), «Зов родины» (Бостон, 1910), «Сочинения» (Бостон, 1910) и поэма «Святой Месроп» (Константинополь, 1913). Многие стихотворения Атома Ярджаняна еще при жизни поэта были переведены на ряд европейских языков.

Основные издания на армянском языке: Полн. собр. соч., Бостон, 1910; Сочинения, Ереван, 1979; на русском языке: Поэзия Армении... М., 1916; Из западноармянской поэзии, Ереван, 1979.

145. ГОЛОС ЗЕМЛИ

О спутники мои среди вражды и скорби, кто мне из вас поведает,  
 Что за ужас нынче вечером, подобно пламенному мечу,  
 Поразит руины города, стоящего на муках и надеждах?  
 О, что за ужас, спутники мои среди вражды и скорби?

И в ответ мне голос звучит.  
 Это голос вечно непокорной земли,  
 Он плывет снизу вверх, к бесстрастным хрустальным сферам.  
 Это набат смерти, мести и мятежа, зовущий к великим сражениям...  
 Слушайте мрачное эхо ее мольбы и призыва:

«О бездомные дети мои, лишенные крова и хлеба!  
 Я — ваша древняя, сирая, вечно родящая мать!  
 Нынче во чреве несу я ненависть, плач и гибель.  
 Вот вам слово мое, кровавое слово, отчаянный крик о мести.  
 Если вы хотите, чтобы древний народ ваш вконец не сгинул,  
 Если вы хотите, чтобы страна еще раз не встала на дыбы,  
 Если вы хотите, чтобы чрево мое порождало героев свободы,  
 Если вы хотите, чтобы реки мои в страхе не покидали берегов, переполненных трупами,  
 Если вы хотите, чтобы звезды мои горели и цвели мон холмы,  
 Если вы хотите, чтобы, словно мечты, сверкали мон родники,  
 Если вы хотите, чтобы мои благодатные поля волновались морем злаков,  
 Если вы хотите, чтобы своим молоком я поила ваши плодовые сады,  
 Если вы хотите, чтобы для вас восходила заря вслед заре и солнце вслед солнцу,  
 Если вы хотите, чтобы смрад смерти не задушил мои долины,  
 Если вы хотите, чтобы вдовье лицо мое хотя бы по утрам улыбалось расцвету новых поколений,





Если вы хотите, чтобы статуя Мира крепко стояла на  
ваших кровлях,  
Если вы хотите, чтобы кровь ваших близких не текла по  
камню моих дорог,  
Если вы хотите, чтобы Ненависть ваша насытилась  
отмщеньем,  
Если вы хотите, чтобы правила миром Справедливость  
из столицы, что вы ей воздвигнете,  
Если вы хотите, чтобы восстали из руин Айкашен и  
и Армавир, Тигранакерт и Арташат,  
Если вы хотите, чтобы души ваши крепили, а взоры стали  
светлы,  
Если вы хотите, чтобы муки срама вашего не рыли вам  
могил у вас на глазах, —  
Поспешите ко мне неистово, поспешите все до единого,  
Преградите путь железным ветрам лесом подъятых рук  
мятежа,  
Подставьте грудь волне битвы,  
Кликните свирепый клич Ненависти,  
Клич надежды, клич ободренья, клич Победы,  
Клич, завещанный вам для роковых, смертельных битв!  
И пусть он гремит, неукротимый, как гром,  
Пусть несется от поля к полю, от города к городу,  
от сердца к сердцу!  
И тогда — я верю — после решающего боя  
Памятник великой Победы будет воздвигнут  
Вашими грозными дланями на костях врагов...  
Пусть негодующие души ваши исходят криком о помощи,  
Пусть разбросанные горстки сыновей моих, армян,  
Сплотятся, побратаются, присягнут мстить  
Словами, несущими смерть,  
Пусть руки ваши станут как молнии,  
Пусть обезумеют умы от понесенных жертв и пламенных  
надежд,  
Пусть засверкают обнаженные мечи  
От искр, летящих из-под конских копыт,  
Пусть ваши факелы светят, как тысяча солнц,  
С одного поля битвы — другому, с одной вершины —  
другой!  
Скачите на помощь, скачите на помощь, о, скачите  
на помощь,  
На помощь моим сынам, спасайте землю Зари!..  
Чтобы души ваши возмужали, а надежды ваши  
воплотились,

Чтобы Ненависть ветвилась в ваших сердцах,  
Чтобы воля ваша бурно восстала и помыслы ваши  
сбылись,  
Чтобы смерть не вонзалась кинжалами в очи, разя  
ваш мозг,  
Чтобы грудь ваша стала медной, а руки — стальными, —  
Взгляните хоть раз на вереницы моих детей,  
На поспешное их бегство по горным теснинам,  
На тела, изуродованные недавним преступленьем,  
На сиротские души, обиженные и всеми на свете  
покинутые!

Повстречайте взгляд настигаемых смертью,  
Услышите их вопль, их мольбу, их молитвы и причитанья!  
Это к вам они взывают, это на вас они глядят,  
На всех вас, обокраденные, изгнанные, разлетевшиеся  
по свету,

Это от вас ждут опоры и свежей крови в жилах!  
Сколько жизней, мечась от надежды к отчаянью,  
Ждет вас братски и праведно!..  
И я зову вас: «Спешите!», ибо все эти жизни погибнут,  
Все мужья овдовеют, все вдовы будут зарезаны,  
Все младенцы захлебнутся кровью в пеленках  
И остановится их взгляд, изумившись не жизни,  
а смерти!

Даже трупы в могильных саванах  
Будут вытащены из могил и порубаны!  
Плодоносные сады и колосющиеся нивы —  
Всё превратится в пепел!..  
Спешите! Всё христианство падет со своими соборами,  
Город рухнет на город, село — на село,  
А поверх рассыплется плотины, башни и крепости...  
Спешите, о бесстрашные дети зари возмездия,  
К вашей милой земле! Встречному ветру боев  
Подставьте щиты и пики, гремите оружием,  
Спешите, как буря, как долгожданный потоп,  
Плеснитесь на отроги моих каменных ребер!..

О колеблющиеся, о нестойкие! Я встану за вас,  
Если вы исполнитесь ненависти и жажды мести!  
Только тогда святая, богом данная Любовь к Жизни  
Оживет в моей бескрайней материнской груди.  
Ибо сейчас реки пенящейся крови  
Глубоко прорезали семь моих темных слоев  
И размыли беспощадно сам гранит моей твердыни,

Ибо сейчас под лязг и стук в меня врезают равнодушно  
 Бесконечные ряды полуотверстых могил!  
 Только я принимаю вопли поверженных наземь беглецов,  
 Только я знаю предсмертную муку  
 Молящих о свете живом,  
 Только я принимаю хрип умирающих под ножами!  
 Только я знаю о тоске отрываемых друг от друга,  
 О вое вдов, на глазах которых детям пробивают головы,  
 Только я знаю, как жутко хрупают под сапогами кости,  
 Как стучат отрубленные головы,  
 Падая мне на лик с высоты плах.  
 Только я знаю, каких сил мне стоит превратить горы  
скелетов,
 Что давят мне на грудь, в корни буйных лесов,  
 Только я знаю, с каких пор, с каких пор на это я  
обречена.
 К тем, кто сражается, обращаю я благую весть!  
 О вы, кто крепко обнял мое тело, кто прилепился к душе!  
 О вы, неизменные, верные, безупречные мои сыновья!  
 Вы, муки мои разделившие, кровь за меня проливающие!  
 Вы, не бежавшие прочь в гнусном поту трусости! —  
 К вам обращаюсь я! Мужайтесь! Будьте стойки!  
 Ибо все ваши братья раскаялись в своем малодушии,  
 Ибо идут они, закаленные Ненавистью, горящие  
Любовью,
 И в трепещущем свете пожаров их железные руки ищут  
ваших рук!»

1902

#### 146. КАВКАЗ

*Моим друзьям с Кавказа*

Какое прекрасное время, какой свирепый удар  
по кандалам,
 Какой удивительный натиск, какая победа надежды  
и веры,
 Какая зазубрина на косных законах тиранства,  
 Какой потоп крови в стане злобного и подлого врага,  
 Какая гора справедливости из трупов и раненых  
 Перед нашими глазами, тоскующими по мести!..

Кавказ! Это ты, торжествуя, открыл нам великую правду,  
 Это в твоих руках пробудилась крушащая сила Народа,



Когда ее изувеченные руки потянулись к тебе  
за подмогой —  
Враг у нее был тот же, что и у тебя.  
Он боится твоей руки, он хотел бы ее отвести,  
он хотел бы по праздновать на могиле нашего Народа!  
Так бей же врага, Кавказ, хоть я знаю,  
Что недостойн враг даже касанья твоей рыцарской руки!  
Я знаю — честь меча опорочить способна поганая  
кровь недоумков,  
Я знаю — герой должен биться только с героем.  
Но бей, чтобы Зло замолчало, чтобы распались  
позорные цепи Судьбы!  
Бей! К тебе взывает грядущее каждого, тобой живет  
надежда каждого из нас!  
Бей! Ибо Свобода каждого и Солнце каждого рождаются  
от искр, полыхнувших под твоим ударом!  
Бей! И да будет сила твоя измерена жаром твоей любви  
и глубиной твоей ненависти!  
Бей, бей! Расколется мрачный край небес,  
и утро хлынет сквозь трещины!  
Бей! И гром твоих ударов возвестит свободу от Масиса  
до Тавроса в глубоких долинах Отчизны.

1905

#### 147. ОБРЕЧЕННЫМ НА СИРОТСТВО

Ужас у вас за плечами! Вы родились в золе и первые  
шаги делали среди руин.  
Когда порубанная саблями Отчизна захлебывалась  
кровью,  
Лютый закон природы бросил вас в когти человечества,  
И потому для вас красный цвет — это цвет крови родных,  
а не цвет солнца и жизни.  
Вместо цветов и улыбок ваш невинный взор увидел ужас,  
Над вашими колыбелями стоял дикий крик о пощаде,  
Предсмертные корчи, вопль, плач, хрип,  
Перед вашими чистыми детскими глазами  
Ключья волос мешались с потоком слез среди  
отрубленных голов...  
Под ударами острых топоров ночных налетов  
На порогах ваших отчих домов хрустели кости,  
Ветры несли вам из горьких городов смрад горящих  
трупов.

Вы в те дни ничего не поняли, но ужас и жажда мести  
вечным клеймом легли на ваш пробуждающийся ум  
И запало в ваши сердца страшное семя вашей будущей  
отрешенности.

Я знаю: когда в пеленках вы сжимали в кулачки свои  
лилейные пальчики,

На них пролилась кровь ваших матерей;

Вместо поцелуев и ласк, вместо колыбельной песни

Брызги крови упали вам на глаза и на губы...

Ах, эти сводящие с ума дни ужасов, да когда же вы  
умрете под дверьми моей памяти, да когда же вы  
умрете?!

Вы — невинные ангелочки, родившиеся в аду,

Вы целыми днями заходились плачем на потеху чужой  
злобе,

И никто этих слез не отер. Целовавшие вас уста  
мертвели, не успев доцеловать,

И вокруг вас плясала безмозглая злоба падших людей-  
животных.

Нет, вы не поняли почему,

Почему вместо улыбки даны вам слезы и тоска по  
непознанной любви,

Почему умолкли птицы и всё ближе, ближе шакалий вой,

Почему светлая резвая пена вдруг ушла из ручьев,

Почему родившие вас пали от меча перед вашими  
колыбелями,

Почему на соседнем кладбище встала стена из тел  
убитых и умирающих,

Почему деревни труда и мира сгорели дотла со своими  
плугами и косами.

Дни миновали, смерть притомилась, и лживые руки  
с Запада

Протянули вам корку хлеба и книгу жестокого бога

И бросили в ваши детские души семена бессовестной  
лжи.

Вам рассказали о боге, от имени его указали дверь,  
уверили, что за нею спасение.

Вам, голым, слабеньким и тощим, кинули лохмотья  
милостыни

И расставили тайные сети на лебяжью чистоту ваших  
душ.

Нет, не мечом замахнулись на вас, а крестом, липким  
от тайной корысти,  
Лживые объятия и кошельки открывались лишь для  
обнищавших духом,  
Доброта этих рук была ложь, обещанья пахли смертью,  
из глаз сочилось лицемерье,  
В кадилах курился не ладан, а струпья, снятые с вас,  
Чаши причастия ваших же слез были полны, а хлеб, что  
вам кидали,  
Был наградой за согласие ходить с протянутой рукой.  
Эти люди исказили слово Христа, благословили вас  
на рабство  
И на ваших хрупких жизнях поставили цоколи бирж.  
Ужас у вас за плечами! Вы родились в золе и первые  
шаги делали среди руин,  
Но сегодня, известно ли вам сегодня, почему наша  
кровь морями,  
Наша кровь веками, кровь рабов и героев лилась на  
долины, где вы родились?  
Потому что народ не хотел раствориться бесследно,  
Потому что народ хотел разбить оковы, отереть слезы,  
хотел говорить во весь громовой свой голос,  
Хотел крепнуть, хотел созидать, хотел возродиться  
во славе,  
Ибо и он прародитель наук и искусств,  
глубины чувств и высокой мудрости,  
Ибо и он гордился прошлым путем, прошлой силой и  
прошлым геройством,  
Ибо и он был одним из лучших певцов в пору древних  
бурь человечества,  
Ибо и он побеждал, и он возводил города мечты,  
И он был светочем, сеятелем, слугою мысли, царем  
и богатырем.  
И вот он хотел красоваться, хотел воплощаться в цепи  
поколений, хотел силой взять право жить,  
право жить, право жить! . . .  
Не влагайте ваших рук в чужие, возьмите в них оружие.  
Помните: проповеди — это ложь, себялюбие и  
предательство, которыми забрасывают  
наши руины и лужи крови.  
Мы с вами, о сироты, пришедшие в мир из мертвого  
чрева!  
Наши души мятежны из любви к вам, из любви к вам  
поднят наш меч.

Наш меч — правый меч, меч жизни, ибо наша воля  
замешена на крови и жажде мести,  
Наш меч — меч жизни, ибо он воскресит жизнь, дабы  
воздвигнут был престол мысли,  
Наш меч — меч жизни, меч солнца свободы, меч битвы  
Во имя жизни, во имя надежды, во имя плодоносящей  
земли, во имя Матери-Армении.

#### 148. ИЗ ГЛУБИН ТЮРЕМ

Я ныне семь струн своей лиры —  
струн гнева, борьбы,  
Рыданья, и думы, и братского взора, и веры, —  
Несу вам и вам воскурю, дарю вам,  
Гребцам на галерах, отверженным, ссыльным,  
живым мертвецам,  
гниющим по тюрьмам,  
Всё вам —  
умирающим в жизни и в смерти живущим.  
Всё вам —  
у которых не меч справедливости — цепи!  
А молния мести в глазах  
превратилась в непролитость мстительных слез.  
Как жаль, что пока не явилась  
в молчанье великом надежда  
И не улыбнулась душе вашей сирой,  
замерзшей в тоске по мирам...  
Закаты годами над родиной плакали кровью.  
И мученик, враг и герой —  
все отдали алую кровь,  
Чтоб вечно рассветы цвели  
на пепле и вере бессмертной.  
Но нет ни луча, ни души,  
и нет утешающих уст.  
И некому путь проложить вам во мраке  
иль слово спасенья шепнуть...  
Я знаю, какая тяжелая скальная тьма  
разлита по вашим жестоким темницам,  
Я знаю, какие кошмарные сны  
приходят к вам ночью и мозг ваш терзают клыками...  
Какие страданья, любовь, и мятежность,  
и стон в вас живут!  
И небо надежды, и звук, и молчанье, и хохот!

Всё это вращается в вашем нутре год за годом  
и пласт за пластом.

И вы начинаете грезить,  
всю боль головы отдавая дрожащим рукам. . .

И вот — свободные ваши шаги  
в зеленых лугах утопают.

Всевышняя синь льется с неба,  
подобно озерам немеркнувшим, к вам. . .

От прелести ярких долин  
увлажняются ваши глаза.

И жаждущий рот  
Приближается к ясной воде голубого ручья. . .

Пшеничное поле, как море,  
пленил вас волноколыханьем хлебов.

А сад ваш вам дарит  
осеннюю щедрую сладость. . .

Царит тишина. . .  
Еще два шага — и солнце восходит, и солнце!

Кипит ваша кровь.  
Где-то ждет поцелуй поцелуя.

Где-то слезы хотят  
со слезами иными смешаться.

Где-то руки желают  
обвиться венками вокруг утомленных голов.

Где-то есть и тонир, и ердык, есть дерево, память,  
родник и ручей, убегающий вдаль.

Есть души, и ласка, и весны,  
и жизнь есть, в конце-то концов.

И двери судьбы распахнутся от ветра,  
и вы, как слепые, приблизитесь к ним. . .

На вашем пороге есть несколько капелек крови  
и ласточкин голос на крыше.

И есть распростертые тени,  
какого-то ждущие чуда.

И есть еще крик — как из бездны —  
беспомощных праведных душ.

О, ужас! Еще — бесконечность бряцания  
десятилетних цепей.

Оно пробуждается с вами —  
на ваших костях его кольца звенят друг о друга. . .

Увы, и долина, и родина,  
родник, поцелуй и мечта



149. ВИДЕНИЕ СМЕРТИ

Резня, резня, резня...  
 В городах и за их пределами  
 Перепачканы варвары кровью  
 Умиравших и погибших,  
 А над ними вороньи стаи —  
 С пьяным карканьем, кровь на клювах...  
 Суховой умирающих яростно душит,  
 Караван стариков и старух молчаливо  
 Вдаль уходит, минуя большие дороги...  
 Волны крови из ночи встают, вырастают,  
 И сквозь них проступают деревья, фонтаны,  
 И стада, что охвачены ужасом, мчатся  
 От объятых пожарами хлебных просторов...  
 Я на улицах вижу убитые семьи,  
 Вижу толпы бегущих от массовых казней.  
 И тропический жар поднимается злобно  
 От повергнутых в пламя больших городов...  
 И под снегом, что лег тяжело, словно мрамор,  
 Одиночество стынет развалин и трупов;  
 О, внимлите ж тележному страшному скрипу —  
 Ведь телеги до верха полны мертвецами —  
 И молитвам людей безутешных, скорбящих,  
 Что по тропкам стекаются к общим могилам;  
 О, внимлите последним словам умирающих —  
 Их уносят ветра, что ломают деревья...  
 Приближаться не надо, не надо, не надо  
 И к могилам несчастных, и к берегу моря:  
 Корабли различаю я в водах багровых,  
 Мертвецами заполнены палубы, трюмы;  
 Вижу: корчатся волны морские от боли,  
 Черепа различаю и белые кости...

Слушайте, слушайте, слушайте  
 Голос бури на водных просторах...  
 Резня, резня, резня...  
 Слушайте, слушайте, слушайте  
 Вой зловещий собак обезумевших —  
 Он с долин долетает и с кладбищ.  
 Люди! Окна закройте, закройте глаза,  
 Резня, резня, резня...

1898





Эта душа — словно поле под светом луны кровожадной,  
Где и не счесть всех зарезанных, всех неповинных...  
Эта душа — как страна, где мечами неправыми гонят  
Сирых, измученных мальчиков черноволосых,  
С горестным криком бегущих по злым пепелищам...  
Эта душа — небосвод, что роняет пригоршнями звезды

надежды,

Мраморный храм, где поставлена жизнь на колени  
И лишь о смерти мечтает она милосердной.

Эта душа — как Евангелие, на котором

слабые руки лежат обреченно,

Ждут отпущенья грехов, восковые страницы напрасно

листая...

Кровью порою сочатся в душе моей зори,

Хор умоляющих стонов смогу ль передать я словами?

Есть в ней страна всех мечами зарубленных, ждущих

Помощи вашей и голоса вашего, Люди!

В ней — и рожденье героев, и шествие павших безвинно;

Ныне душа моя — дождь над телами убитых,

Взгляд, что в гробы проникает ко всем позабытым,

безродным.

Эта душа — ураган возмущенья и гнева,

Перед которым кровавые полчища пятятся в страхе,

Яростно кладбища вывернуть недра готовы —

Чтобы весь ужас пред вашими вырос глазами;

Чтоб, равнодушные, вы наконец увидали

Гордых страдальцев, что, жизни для вас не жалея,

Самоотверженно и добровольно погибли...

Смертоподобная осень — душа моя — стелет туманы

И листопад свой, который агонией дышит.

Но ведь она же — и Красный Отчаянный дух,

ради светлой Надежды готовый

Словно апостол погибнуть, грядущие видя плоды...

1904

### 153. НОЧЬ ПОГРОМА

Все, кто ранен и гибели жаждет,

Над пеплом заката склонившись в отчаянии,

Плачут, страхом охвачены, новые беды предчувствуя...

И безутешные матери, болью пронизаны

За молодых сыновей — величавых, могучих, —

Бьются в безумье о крышки гробов головами,

Зная: потеря безвременна, необратима. . .  
 Тьма и могила, всё это страшнее могилы —  
 Пепел, и слезы, и кровь в обессиленных душах!  
 В ужасе город, огни его — очи слепого,  
 Страх темноты заползает в жилища и души. . .  
 Плачут старухи,  
 Жестокость судьбы проклиная,  
 В саваны мертвых героев тела облачают,  
 Слышатся издали крики, что сердце терзают:  
 «Братья, друзья, помогите, подайте нам руку,  
 Ибо опять этой ночью вражды и погромов  
 Трубы резни зазвучат над истерзанным городом! . . .»  
 И голоса задыхаются, плачут они, умирают. . .  
 Сироты, жить осужденные, бродят как смертные тени,  
 В спешке безумной ища матерей погребенных;  
 Колокола, возвещающая беду с высоты куполов  
подожженных,
 Над полумертвыми гул беспощадный разносят. . .  
 И, раздирая мне душу, невинные, светлые дети  
 Из колыбелей своих матерей меж далекими звездами  
видят —
 И забывают погром, что вокруг свирепеет. . .  
 В снах своих бродят другие простором Свободы,  
 Дарят друг другу улыбки среди Лилий Надежды. . .  
 Есть и такие, что, к скалам защитным прижавшись,  
 Ждут у божественных вод, что взойдет животворное  
Солнце. . .
 Кто-то проходит, неся благоденствия светлую лиру,  
 Волосы, грудь украшает живыми цветами,  
 Жизни красу, красоту бытия воспевая. . .  
 Руки Спасения кто-то в забвенье целует,  
 Многие слушают голос ветров в зашумевших деревьях —  
 Может быть, ветры помогут им теплым дыханьем?  
 Только мечты умирают, становятся пеплом,  
 Полночь преступная вместе со смертью костлявой  
с неба, кладбищенски черного, падают наземь —
 Рыскать в развалинах города, в сердце моем одиноком. . .

1905

#### 154. МИЛОСЕРДИЕ

От изголовья больных и покинутых, боже,  
 Ты злодеев своих отгони и карающий ужас меча;  
 Сумасшедшие воды твои пусть умерят немного свой бег,

Чтоб несчастные смертники в лодках изгнания —  
Хоть тебя проклинают они — умирали бы с миром...  
О, несметно число обездоленных крыш,  
Под которыми тянут к тебе благородные люди ладони,  
Золотой ожидают библейской пшеницы  
И святого, никак не идущего к ним милосердия...  
Вот, взгляни, духи зла поджигают поля...  
Вот горячая кровь обагрила снега Арарата...  
Позолоченных адских серпов твоих на горизонте  
Я сверканье вижу — идут погасить они жизни  
ни в чем не повинных людей...  
Между тем как все ангелы божьих эдемов  
На прекрасные земли, что влагой и солнцем богаты,  
Из амбаров, господней рукой осененных,  
Взяв семян смертоносного красного яда,  
Так жестоко, жестоко, жестоко! —  
Высевают для всех нас грядущую гибель...

1903

#### 155. ПОХОРОНЫ

Потеряв и надежду и кров, возвратился я в лес,  
Чтоб покойному другу последний отдать поцелуй...  
И со всеми оленями и лебедями, которым  
Так понятна печаль и озер, и моей изнуренной души,  
Зимней полночью доброго друга мы похоронили.  
О, как тело его тяжелело на моих, так уставших  
от жизни плечах!  
И как Смерть далека от мальчишеских глаз, на него  
устремленных с вопросом...  
Вот божественно-чистые лебеди друга отпели,  
Вместе с ланями в муках отрыл для него я могилу...  
Все деревья, скорбя, в путь последний его провожали —  
И дыхание смерти железное, чуждое им, доносилось...  
И от всех городов — и далеких, и близких — неслись  
погребальные звоны...  
Так зловеще, и долго, и благочестиво  
Раздавалось безлюдной и вдóвой, бессолнечной  
траурной ночью:  
«Друг твой с ланями вместе, с трепещущими лебедями  
И с ветвями высоких деревьев, с лесными ветрами  
Над тобою склоняется благоговейно...»

Знайте: все города, и вблизи и вдали, выгорают.  
Из-за злобы людской...  
Наши лебеди, рыжие лани задохнулись от дыма  
пожарищ...  
Звоны древних церквей, их высокая слава — умолкли,  
Но душа моя скорбная  
В ранах от этих смертей, похорон, расставаний —  
Словно вечная узница в ужасе наших лесов...

1903

### 156. ГОРСТЬ ПЕПЛА — РОДНОЙ ДОМ

Увы! Ты, как дворец, велик был и богат,  
И с плоской высоты твоих беленых крыш,  
Когда в сиянье звезд струится ночи тишь,  
Внимал я, как внизу, шумя, бежит Евфрат...

Я плакал, плакал я, узнав, что ныне ты —  
Развалина, лежат обломки лишь одни...  
То был день ужаса, и крови, и резни...  
А около тебя цвели в саду цветы.

Теперь спаленная, там комната была  
Вся голубая. В ней я ползал на ковре.  
Там детство проводил в веселье и в игре,  
И за спиной росли два радостных крыла.

Увы, то зеркало разбито, чей кристалл,  
Сиявший золотом, в своих лучах таил  
Мои мечты, любовь, и чаянья, и пыл,  
Где воля красная, где разум мой блистал.

Ах, умер ли родник, поющий во дворе?  
Ах, ива сломлена ль и мой зеленый тут?  
И под деревьями ужели не текут  
Прозрачные струи, стекая по горе?

И клетку помню я, и куропатку в ней...  
Напротив — роз кусты... Когда горел восток,  
На утренней заре звенящий голосок  
Дремоту с глаз сгонял мне песенкой своей.

О дом мой, верь! Едва засну я вечным сном,  
Душа свободная к развалинам родным,



И влюбленных сердца опьянял аромат их ночами,  
Но увяли цветы, и угасла моя величаяя осень. . .

В огневом, в золотистом бокале воспел я вино,  
И тоска соловья по родной стороне в мое сердце запала,  
Я курил фимиам у подножья могучих богов;  
Чтоб забыть о страданиях, себя я окутывал пеплом. . .

Пел я тела красу, что пришло из могилы —  
и в дар ей уйдет,  
На коленях стоял, о любви умоляя и очи, и губы. . .  
Пел о чистых слезах, что струились из душ и из глаз,  
И однажды я умер, вам Леность оставив и Слабость. . .»

«Ты ушел, — я ответил, — но дни Героизма пришли,  
Под ногами я вижу руины, из окон — несчетные трупы. . .  
И сверкают мечи. . . Слабость — прочь! — ведь сверкают  
мечи,  
Только кровь, только кровь, только кровь —  
перед взором поэта. . .»

### 158. МОИ СЛЕЗЫ

Я с грезой один меж родимых долин проводил свой  
младенческий день.  
Был легок мой шаг, как на горных лугах белошерстый  
скачет олень.  
Я, радостный, бегал, была моя грудь от лазурного неба  
пьяна.  
Глаза золотились, душа уповала, красою господней  
полна.  
Пришел и роскошный, дарующий блага румяного лета,  
закат,  
И мне, и земле за корзиной корзину дарил плодородный  
наш сад.  
И молча я срезал со стройного стана ветлы,  
из прекрасных ветвей,  
Одну — для свирели, для тайной свирели, для будущей  
песни моей.

Я пел, и ручей, адаманта светлей, и знакомые птиц  
И ропот ручьев с прозрачной струей, и шумящие вечно голоса,  
И утренний ветер, зефир легковейный, нежнее, чем ласка леса,  
Мне всё отвечало на лепет певучий, на звуки свирельной сестры, —  
Сегодня во сне я коснулся рукой сладкозвучной свирели игры.  
К губам трепетавшим прильнула она поцелуем утраченных дней, —  
Но память проснулась, прервалось дыханье, и, скрытая тьмою ночной,  
Не песня лилась, а катилась слеза, а катилась слеза за слезой.

#### 159. РОДНОЙ ИСТОЧНИК

То было в дни моей зари, когда я жил с тобой,  
О сладостный, прохладный ключ, источник мой родной!  
И голос твой еще со мной, как прежде, говорит,  
Усталый, безнадежный мозг еще тебя хранит.  
Алмазный, чистый твой поток, поток обильных вод  
В развалинах души моей и по сей день течет.  
Со мной он память о былом оплакивать привык.  
Тебя ль забыть мне, дальний мой, о братский мой родник!  
Я помню, к тайне струй твоих, сверкающих светло,  
Я — мальчик — приходил смочить счастливое чело.  
И ты, о ласковая мысль о воле дорогой,  
Мне услаждала жизнь и мир, витая надо мной.  
Тогда еще о злой утес не поломал я крыл,  
Тогда не раз глаза свои от радости закрыл.  
Мечталось о победах мне, и счастлив был мой вздох.  
Тебя я помню, о ручей, твой золотистый мох,  
Что лентой по теченью шел журчанья твоего,  
И брел младенческой стопой я по ковру его.  
Я брел, мечтами опьянен, по мшистому пути,  
Как те, которые хотят желанное найти. . .  
Еще струишься ль ты, ручей, отрадно говоря,  
Ты, чистый, как минувших дней весенняя заря?

Всё так же ль, как в былые дни, прозрачен ты, родник?  
И песня ль всё звучит из волн иль мести грозный крик?  
Не замутились ли в твоей прозрачной синеве  
От крови, мною пролитой, невинных капли две?  
Не стал ли горек вкус твоей сверкающей струи?  
В потоках крови, в страшных днях все помыслы мои  
Безумны стали. . . Навсегда. . . О, горе, горе! . .

1905

## 160. ВЛАЖНЫ ЕЩЕ ДОНЬНЕ СТРУНЫ ЛИРЫ. . .

1

Ты, горестно-печальная сестра, ты, юноша, несчастьем  
сокрушенный!  
К устам поэта тихо вы прильните;  
На сирых розах вашего чела  
правдивые уста запечатлеют  
Тоску и боль вдали бредущих братьев. . .

2

Во мраке лет живая ваша боль  
уже моей кровавой стала болью,  
И во вселенной всех моих терзаний  
дождинками сверкают ваши слезы.  
Рыдания ваши рвутся ветром смерти  
в мой одинокий дом, срывая ставни;  
Я пережил неодолимый ужас  
в лесу, где видел кости ваших близких. . .

3

Мне варварами пролитая кровь всё видится кровавою  
купелью, —  
С друзьями по борьбе и по обету к ней столько раз я,  
грустный, приходил,  
Чтоб окунуть для страшного крещенья  
И траурную лиру, и перо, и скорбную свирель, и меч  
свой чистый.

Моя правдолюбивая душа от вашей боли гасла в красных  
книгах. . .  
Ах, сколько солнц сгорело, но влажны,  
влажны еще донныне струны лиры. . .  
Над пальцами моими сжальтесь, братья,  
пусть льются слезы, пусть бушуют песни,  
Ты призывай, труба моя, героев —  
Хоть Правды час безжалостно далек,  
но небо идеала — безгранично!

## 161. ЖАЖДА

1

Душа созерцает, как меркнет закат.  
Склонилась она над далекой землею  
страданий,  
Над раной заката, над раной земли,  
И чувствует: слезы в ней хлещут. . .

2

И звезды разбитых жизней,  
Что схожи с тьмой разоренных очей,  
В песках натруженных сердца  
Вдруг оживут в этот вечер. . .

3

А призраки этой ночью  
В согласие с душой и глазами моими  
Восход ожидают — хотят жажду жизни они  
утолить.  
И, может быть, капелька света падет на них  
сверху. . .

## 162. Я С ПЕСНЕЙ УМЕРЕТЬ ХОЧУ

### 1

Со сладостью Надежды, Ожиданья  
я был наедине в тот вечер.  
И взвешивал весами Спасенья и Страданья  
я Родины судьбу...  
Но в дверь мою в полночный страшный час  
вдруг сильный стук раздался.  
Вошел с улыбкой друг — красив, как жизнь,  
и добр, как брат, и грозен...

### 2

Он молод был. А искра глаз его  
была опавшей искрою звезды  
И выточен был стан его из мышц  
прекрасных мраморов.  
А мысль рвалась из пламенных страниц  
великой справедливости людской...  
А на челе цвели цветы  
и доброты его, и боли.

### 3

И, сидя рядом, мы, близкие друг другу, говорили  
о муках Родины.  
И голова его под грузом дум всё больше походила  
на сердце траурного полубога...  
А взгляд его в моем всё больше находил  
предначертаний родственной судьбы...  
Улыбки мягко освещали души.

### 4

Он длительно молчал. И я молчал.  
Воспоминанья увлажняли очи...  
Свет лампы голубой, стоявшей на моем столе,  
струился вниз очищенную кровью...  
Я побледнел.  
Исчезла греза с появлением утра...  
Но он вдруг встал с осанкою героя,  
Ладонь мою в свою вобрал и так сказал:

«Знай, этот вечер, друг,  
 был вечером прощания и веры.  
 Конь мой оседлан. У ворот твоих  
 он ржет в упругой лихорадке боя.  
 Ты видишь: меч мой обнажен.  
 В нем нагота сверхчеловеческих решений.  
 Приблизь свое чело к моим устам. . .  
 Час нашего прощания и веры! . .

А ты воспой и боль, и мощь народа  
 на этих чистых, трепетных страницах  
 В дар будущим счастливым поколениям,  
 в дар нашей прошлой золотой печали.  
 Я сир, мятежен, мне — потерянных искать. . .  
 Прощай, мой друг. . .  
 Дай песнь одну мне, песнь одну мне дай —  
 я с песней умереть хочу! . .»

### 163. ИДЕЯ

Тебе мы дарим солнечный огонь,  
 Тебе мы дарим кровь своей весны;  
 Свои, как ладан, мы сжигаем кости;  
 И гнев, и боль, и слезы, и надежды  
 Морями разлились у ног твоих. . .  
 Идея! Богатырской, исполинской  
 Ты предстаешь пред нами, словно крылья  
 Тебе дарует вольная природа;  
 И каждый час несет тебе победу,  
 В бессмертие, как в мрамор, одевая. . .  
 Когда на диком скакуне своем  
 Ты от зенита грозно мчалась к цели,  
 На стражу став своих великих дум, —  
 Восстали жертвы наши из земли  
 И снова пред глазами у тебя  
 Свои ломали кости золотые,  
 И слышал я — они тебе сказали:  
 «Вперед, вперед, иди вперед, Идея;

Хоть, правда, и добилась ты победы —  
Но поражение, как закон вселенский,  
В жестокое сегодняшнее время  
Армян, с бедою вместе, ожидает. . .  
Тебя мы заклинаем, чтоб высоко  
Ты заносила красный молот воли  
И, лес блестящих молний высекая,  
На Арарате, как на наковальне,  
Для них, бойцов, что свой народ спасают,  
Ты вновь мечи ковала золотые. . .  
Еще к тебе, о чистая Идея,  
Одно мы, жертвы, обращаем слово,  
Мы те, кто ради знамени святого  
Не пожалел своей горячей крови;  
На лезвиях мечей навеки выбей  
Такой призыв своей багровой воли:  
«Когда восторжествует Справедливость,  
В алмазный день, клинки вы превратите  
В зеленые оливковые ветви. . .  
Но молнией, но молнией разящей  
Сверкать, сверкать им грозно, если только  
Безвинно кровь армянская прольется. . .»

#### 164. ВО ИМЯ НАДЕЖДЫ

1

Из долины суждений каких ты придешь  
и когда засияешь, Надежда?  
Когда? Чтоб я руки свои, что дрожат от тоски,  
ожиданья,  
Протянул бы к шафрановым зорям твоим, умоляя  
о жизни, —  
И чтоб первый свободный свой взгляд  
смог открыть этим зорям навстречу.

2

Из какого моря, Надежда, прольешь ты глубокие волны  
в мир наших душ  
И как много, скажи, исчезнет морщин  
с наших бледных и горестных щек? . .



## 165. ПЕСНЯ РЫЦАРЯ

1

Солнце всходит, мой конь, наступил отправления час;  
Ты постой, вот сейчас я в лучистое стремя вступлю;  
В твоих мудрых глазах — отражение Цели моей,  
Как ликует душа! Осени тебя счастье, скакун!

2

Еще легок, и гибок, и строен мой стан молодой,  
И отважным орлом я сегодня взлетаю в седло. . .  
А ячмень золотой — для тебя я его не жалел —  
Полнит силой шальное упругое тело твое.

3

Только рысью ты должен стремиться вперед, мой скакун,  
Из-под медных подков будут искры вставать, как цветы,  
Пусть нас бег опьяняет, пусть в сердце геройство живет,  
Будем ветер мы пить, быть как ветер крылатыми нам!

4

Полетишь — и преграды расступятся перед тобой,  
Под копытом твоим будут грешные стыть города,  
И вороны, чернея, испуганы скачкой твоей,  
В облаках, в облаках будут места искать для себя.

5

Бросим грустную землю, помчимся меж звезд, высоко;  
Нипочем тебе пропасти, груды камней нипочем,  
Нет преград, нет препятствий, что могут тебя задержать,  
В нетерпенье готов ты далеких достигнуть вершин. . .

6

Быстроногий мой конь, беломраморный гордый кумир,  
Ты же знаешь, что я всей душой обожаю тебя,  
Огневая идея мое озаряет чело,  
Так неси меня к цели — я раб твоих звонких шагов!

Раб шагов твоих я, о дитя несмолкающих бурь;  
 Быстрокрылый и мстительный, должен ты мчаться  
 вперед,  
 Гневно я ненавижу тоску передышек пустых;  
 Нам — вершины, тебе — долгожданный победный  
 венец. . .

Конь мой беломолочный, кипит твоей жизни огонь,  
 Водопадом сверкающим твой низвергается хвост,  
 Две зажженных звезды — два блестящие глаза твои,  
 А подков твоих грохот до ужаса страшен врагу!

Ты же знаешь — я раб твой, что жаждой свободы томим,  
 Так от этой границы на юг меня мчи, как мечта.  
 Арарат с его славой оставь позади, Арагац, —  
 Мы оденемся, конь мой, и в солнце и в кровь, ты скачи!

Я хлыста не держу, и всегда ты свободен, скакун,  
 Словно белую лилию, грудь я ласкаю твою,  
 Я несую тебе нежность в ладонях, я сладость ее  
 По сияющей шерсти твоей разливаю, как мед.

Нет узды на тебе, не мешают тебе удила;  
 Прядь довольно из гривы всего-то одну ухватить;  
 Для чего стремяна, что напрасно стесняют коня?  
 На тебе лишь седло — как блестит в жемчугах серебро!

Я тоскую, тоскую по милым долинам своим,  
 Но под светом созвездий, скакун мой, не сдерживай шаг,  
 По пещерам, ущельям ты тенью мелькай на ходу —  
 Между темных лесов, виноградных давилен, садов. . .

И кто знает, у рощи, быть может, красавица мне  
 Поднесет виноград и вина золотого глоток,  
 И поймет мою душу и мне улыбнется сестра, —  
 Нет, мечтать не хочу, остановок не знай, мой скакун!

Ты по райским местам моей родины должен лететь:  
 Чтобы снова услышал я песнь соловья, соловья. . .  
 Тосковал я, скиталец, годами по запахам роз. . .  
 Ах, тоскую, тоскую. . . Не знай остановок, скакун!

Вдоль дорог наших, может, вставать и вставать  
мертвецам. . .  
 В белых саванах, будут тянуть они руки ко мне. . .  
 Подойдут они, может, и на ухо будут шептать  
 О любви, об отмщенье — не знай остановок, скакун!

Я пугаюсь руин и беспомощных в горе людей,  
 Так не стой, мой скакун, у седых пепелищ городов. . .  
 Слезы, ближнего слезы безжалостно душат меня,  
 Боль и слезы чужие свести меня могут с ума!

Ты не стой возле мертвых, их столько сегодня кругом!  
 Прочь от кладбищ беги и от белых печальных могил —  
 Потому что, скажу тебе правду, мой конь, не могу  
 Видеть родины гибель в бесчисленных этих смертях.

Как прекрасна земля, на которой рожден я и рос, —  
 На ресницы мои набегают невольной слеза,  
 Но ронять я ее не хочу — так лети же, мой конь,  
 Торопись, быстрокрылый: моя не для слабого цель!

Вот Евфрат зашумел! Что так грозно грохочешь, Евфрат?  
 Я, дитя твое, здесь, почему ж твои воды темны?  
 Иль забыл ты — я сын твой? Узнай же меня, не шуми,  
 Вместе нам рокотать, только волны свои успокой. . .

И сейчас память детства в душе моей кровотоцит:  
 Вновь, мечтательный юноша, я у твоих берегов —  
 Опьянен этим солнцем, исполнен прекрасных надежд. . .  
 Но о чем это я? Ты не стой, мой стремительный конь!

Глянь на пышную осень, что гаснет печально вокруг;  
 Вот желтеющий лист на мое опустил чело:  
 То ль предвестье кончины, то ль веры достойный венец?  
 Но не всё ли равно? Мчись с Евфратом наперегонки.

Иль ужасной судьбы опустил последний листок?  
 Но не всё ли равно? Так не знай остановок, мой конь!  
 Слышишь, люди повсюду мои повторяют слова:  
 «Мчись свободно, Идея, в пути остановок не знай!»

Я люблю тебя, конь, ты и вправду несешься звездой,  
 Ты как молния быстр и свободен, подобно звезде. . .  
 Вместе с ветром парим мы с тобою смелее орлов,  
 Я — твой рыцарь и раб, ты возвысь меня, к цели  
 приблизь. . .

С этих грозных заоблачных, с каменных этих вершин  
 Ты взгляни — водопады блестящие рушатся вниз;  
 Белопенные струи я с телом твоим бы сравнил,  
 С диким бегом твоим — этот бег величавой воды. . .

Что же тело твое под моею трепещет рукой?  
 Что случилось, скажи, отчего, богатырь, помрачнел?  
 Посмотри на меня и волнение свое погаси —  
 Лишь штурмуй горизонты, тебя умоляю, скакун!

До меня долетают рыдания, стоны, мольбы —  
 От разрушенных хижин, от черных руин городов,  
 Но что пользы бессильно стоять перед горем людским?  
 Как избегнуть его? Ты не знай остановок, мой конь!

Мы с тобою сквозь ужасы мчимся — без слез на глазах,  
 Сил, мой конь, набирайся, не знай остановок, не знай!  
 Буду Факел Надежды я жечь и держать высоко,  
 Передышка — смертельна, не знай остановок, не знай!

Я услышал, держась на стремительном крупе твоём,  
 Как подковы твои, рассыпавшие искры во мгле,  
 Столько раз, столько раз по людским прохрустели  
 И зияли глазницы, — ты видел, скакун, черепа?  
костям,

Я-то слышал, как кости хрустят под копытом твоим,  
 Но молчал. Я безгласен. Не знай остановок, мой конь!  
 Я в душе своей плач, словно в бездне глухой, схоронил,  
 Пусть живет только гнев, ты не знай остановок, не знай.

Белый мраморный варвар, лети и сомнений не знай,  
 Ты же ведаешь сам: горе жизни слезой не избыть. . .  
 Должен в колокол гнева без усталости бить идеал,  
 Звать должны журавли нас, — следи за их криком,  
следи!

Но куда же ты скачешь? Иль сбился с пути, мой скакун?  
 Видишь, в пепле поля и сплошные руины вокруг?  
 Как туман, мне стесняет дыхание серая тень,  
 Горы ужаса перемахни побыстрее, мой конь.

Я глаза твои, конь мой, ладонью прикрою сейчас,  
 Лишь не стой — тут ведь кровь, Краснота, Краснота,  
Краснота. . .  
 Свой платок головной я на веки, страшась, опустил, —  
 Ты не стой, что за польза, ответь, безнадежно стенать?

Кровью лира моя истекала когда-то, скорбя,  
 Но отныне я плач ненавижу, мой Дух — это ты!  
 Ты мятежен и славен, я князь твой сегодня и раб,  
 Эти формы твои обожали Эллады мужи. . .

Ветра вой вдалеке мне звучит боевою трубой;  
 Как отряды бойцов, встали на ноги наши леса.  
 Пробуждает твой топот величие старых надежд. . .  
 Гибнет давний закон, давним время почить голосам. . .

Плоскогорьем широким мы будем скакать на заре —  
 И мятежников новых увидим, героев, бойцов,  
 Сыновей наших мук, кровь впитавших с веками вражды,  
 С этим гневом они, с этой кровью хотят умереть!

И когда мы увидим восставших с оружием в руках,  
 Мы одною дорогой должны с ними к цели пойти. . .  
 Буду петь о победе и славить отважных бойцов,  
 Зазвучит моя лира, мои запылают костры!

О, заря расцвела, я — твой рыцарь сегодня и раб;  
 Твой нелегок подъем, но дыханье подобно ветрам.  
 Ну, усилье еще, вместе с утренним светом лети. . .  
 Остановок не знай, пусть нас жажда победы ведет!

Ну, последний скачок, ну, один еще шаг, я твой раб!  
 Видишь, сколько людей, — в них счастливейших сил  
торжество!  
 Знаменосцы свободы с мечами, несущими жизнь,  
 Славят дружбу и братство в лучах восходящей зари.

Вот теперь — остановка! Будь счастлив, божественный  
конь!  
 Идеал свой узрел я, душа тяжелеет от слез. . .  
 Лишь победа — великий, бесценный закон красоты;  
 Шесть веков там воистину встали, оружие подняв!

Снаряжаю тебя. Я с оружием, мой факел зажжен.  
 Мчат как буря хочу. И земля справедливости груз  
 Под лучами зари, обнаженная, жаждет нести. . .  
 Пусть же искры Надежды рассыплются из-под копыт!

## 166—170. ИЗ ЦИКЛА «ЗОВ РОДИНЫ»

### ЧАЯНИЯ НЕВЕСТКИ

Годами одна у окошка сижу я,  
 Смотрю на дорогу твою, мой далекий.  
 А в этом письме — тихий трепет души,  
 И тела, и дум, — мой и больше ничей он.  
 Не помнишь ты солнце в день нашей разлуки?  
 Оно было щедрым, как слезы мои,

И было горячим, как мой поцелуй,  
И добрым, родной, как твои обещанья,  
И быстрым, родной, как твое возвращенье.  
Молитву мою ты не помнишь, не помнишь?  
Кувшин синеокой воды — ты не помнишь? —  
Пролила на тень я коня твоего.  
Чтоб даже моря пред тобой расступались  
И суша легко под ногами цвела. . .  
Ах, солнце разлуки давно закатилось  
И черною ночью сменилось, родной. . .  
Я плакала, сшиблена лавою лет,  
И слезы катились на щеки, как звезды,  
И розы сжигали, сжигали, родной. . .  
Я жажду тебя — ну хоть волосы рви.  
Еще так хмельна от вина твоего я  
И траурна — нету и нету тебя. . .  
И памяти вслед я вздыхаю, как ветер.  
И возле церковных дверей на колени  
Встаю, обративши на запад глаза.  
И раню колени, и тихо молю. . .  
Пусть высохнут сразу моря-океаны  
И хоть на мгновенье два мира сомкнутся.  
А после — не нужно ни царства, ни солнца! . .  
К родному порогу вернись, мой далекий!  
Рука моя долго пуста без твоей.  
Я в черном — я жду твоего возвращенья.  
Вернись! Словно плод, переспела любовь,  
Хранит поцелуй для тебя она сладкий.  
А чресла мои материнства не знают.  
Я свадебной, золотом тканной фатой  
Украсить еще колыбель не сумела,  
Не пела над люлькой — не пела, не пела  
Небесную песнь матерей я армянских.  
Вернись! Нету сил у тоски у моей.  
И черная ночь расстилает свой саван.  
И совы, родной, во дворе причитают.  
И горькие слезы мешаются с кровью.  
Невестке покинутой невмоготу,  
Руками своими уже начинаю  
На голову сыпать холодную землю —  
Холодную землю могилы моей. . .

## СОН МАТЕРИ

Вот что во сне я сегодня увидела — в полночь  
 поминовенья усопших. . .  
 Братья твои — вчетвером — вдруг предо мной на колени  
 упали. . .

Странно бесплотны, без саванов были они. . .  
 Безднам глаза их подобны, тела трепетали, —  
 К матери дети пришли горькую память оплакать.

«Мамочка, мамочка! Дней отошедших заря!  
 Снова сегодня мы четверо, встав из могилы,  
 В бурю пришли постучать в твои двери. . .  
 Ты не пугайся, ведь мы не чужие, и в сне одиноком  
 твоём  
 Нам разреши хоть сегодняшним вечером в очи твои  
 посмотреть».

«Мамочка, мамочка! Дней отошедших чудесная  
 святость! . . .  
 Я под землей деревенского жалкого нашего кладбища  
 Вырастил в сердце цветок для тебя — в знак любви. . .»

«Мамочка, мамочка! Дней отошедших чудесная сладость!  
 Я для тебя два кувшина своими наполнил слезами. . .»

«Мамочка, мамочка! Дней отошедших чудесное счастье!  
 Я для тебя из души своей вынес горячие розы  
 надежды. . .»

«Мамочка, мамочка! Дней отошедших чудесная доблесть!  
 Сплел два щита я из ребер своих — для защиты. . .»

«Мамочка, мамочка! Дней отошедших нетленная  
 прелесть!  
 Вижу, лицо твое, мама, в глубоких морщинах, — так  
 старший промолвил, —  
 Как ты страдаешь под этою крышей —  
 одна-одиношенька!  
 Семь уже лет ежегодно — семь раз — в твою дверь мы  
 стучали,  
 Но лишь сегодняшней ночью она оказалась открытой —  
 может быть, путника ты ожидала?»

Видишь, лачуга твоя, словно груда гробов в ураган,  
задрожала. . .

Листья с деревьев буран осыпает на землю,  
Гибнут безвинные голуби в речке холодной,  
Змеи засохшую кровь нашу лижут еще на пороге. . .

Нету в саду твоём зелени, хвороста, яблок. . .

Снова мы дом обошли вчетвером —

Наши мечи, нас завидев, опять засверкали. . .

Погреб был пуст. . . В нашем хлеве

Белый ягненок заблеял, от голода грыз он копытца. . .»

«Мамочка, мамочка! Дней изобилье минувших,  
Как ты живешь, как живешь в опустевшей лачуге?»

«Мамочка, мамочка! Дней милосердьи минувших,  
Как ты живешь, как живешь в опустевшей лачуге?»

Дети умолкли. . . А я назвала твое имя —

И в сновиденье рыданье мое прошумело, как ливень, —

Головы дети склонили и начали плакать. . .

«Но ведь ваш брат еще жив. . . Вашей не видевший  
смерти,

Младший ваш брат еще жив — и для него лишь  
живу я. . .» —

Эти услышав слова, четверо братьев погибших,

Черные слезы роняя, воскликнули разом:

«Брата имеем мы, брата имеем — живого!

Мамочка, мамочка! Новых надежд, новых дней наших  
горечи!

Как нам на землю вернуться теперь, как вернуться?»

### 3

## ЛЮБОВЬ

В чьих объятиях нежных я пролью свои слезы?

Чьей душе я доверю тайный трепет сердечный?

Только ночь созерцает рыданья мои,

Когда взором безумным я ищу среди звезд,

Средь бесчисленных звезд незнакомую,

Вместе с моею рожденную,

Для меня рожденную его звезду.

Мир жесток к моим веснам,

На костре неправедных законов он жжет

Целомудренную лилию стана моего.  
Я улыбалась только надежде, только ему, неведомому,  
Кому назначено прийти на пир моего тела.  
Но ни одна рука не подарила мне розу любви,  
Священную розу, сорванную на заре,  
Чтобы она увяла на моей груди,  
Когда я усну, утомленная ласками. . .  
Ни единого поцелуя не знала я,  
Не пьянела я от них, не открыла за них  
Путь в алтарь благоуханный красоты моей. . .  
Ничья улыбка, ничей взор, ничье страстное слово  
Не пронзили еще чистое сердце мое.  
Я своей тайны не знаю, я пою молчаливо,  
Я трепещу немо, но всё это звездам, но всё, как соловей.  
И вот я смотрю на небо, и вот я считаю звезды,  
И, когда в синеве безбрежной над мою голову  
Одна из звезд угасает, одна из роз увядает,  
Я в страхе себя вопрошаю:  
«Чья звезда осыпалась прахом сейчас?  
Не сго ли, не того ли, что моей любви назначен?»  
И стекают мне волосы на плечи,  
Упираю я локти в колени  
И смыкаю ладони — как чашу,  
Обращенную к звездам,  
И роняю в эту чашу слезы, искорки любви. . .

4

МАТЬ — СЫНУ

Ты — первый плод моей любви чистейшей.  
Тебя носила в чреве, как святыню. . .  
И не моя ли суть началом стала  
твоей, мой сын, скитальческой судьбины?  
Жемчужным молоком тебя вскормила,  
Ты стал отважен, крепок, строен станом. . .  
Жизнь обратила в сад я плодородный,  
Где мог, сынок, ты вырастать безвинно. . .  
Своей слезой тебя я орошала, была моя улыбка  
словно солнце,  
А поцелуи — как благословенье, уста — подобны  
лилиям озерным,  
Как ветерок — напев мой колыбельный. . .  
Я всё тебе дарила без остатка.

Над люлькою твоей, луне подобна, бессонной я стояла  
и красивой,  
И духов злых ночами отгоняла от розового сада  
сновидений

Наивными молитвами своими.  
Опьянена твоей весною первой,  
Ведь это я, на нашей крыше стоя,  
Твой первый взгляд, мой сын, открыла солнцу.  
Под огненным потоком мироздания  
Я первую твою, сынок, улыбку  
В восторге увидала — вместе с Богом. . .  
Отъезд твой помню осенью дождливой —  
Листва слетала, и катились слезы. . .  
Дни траурной проходят вереницей —  
А слезы льются, листья умирают. . .  
Страшусь воспоминаний. . . Снова вижу  
Людей печальных, в черное одетых, —  
Они отца умершего выносят,  
И не могу на эту дверь смотреть я. . .  
А в волосах моих — всё больше пепла,  
И ты с тех пор скитаешься по свету, —  
Я всё смотрю, смотрю — а ты не входишь. . .  
Но с Богом я вступаю в противоборство — всей силой  
воли, всем сердечным током —  
Держась за жизнь, за солнце, за надежду. . .  
И против смерти стану я сражаться всей неоглядной  
силой материнской. . .  
Я жить хочу, сынок, я жить мечтаю,  
И я попасть на кладбище не вправе,  
Пока в дверях тебя я не увижу. . .

5

**МОЛЬБА АРМЯНСКИХ ПОЛЕЙ**

От араратских теснин и до евфратской низины  
Мы шлем вам приговор, мы шлем свою мольбу  
Вам, предавшие нас, вам, трусившие, вам, отвернувшие  
лицо!  
Гонимые и ссыльные, изгнанники и скитальцы,  
Где же вы, где же ваши руки пахарей наших пластов?  
Где же вы, чистые прямые лбы,  
С которых пот мощи и величия  
Сеялся в иные дни жемчугом в наши корявые борозды?



Чарует покорные стада,  
Пусть мельница мирно рокочет в ущелье,  
Пусть вернется к нам изобилье,  
Пусть свет придет в помутневшие очи отчаявшихся  
наших детей!  
Только наш закон, только наше таинство, только  
наш пласт  
Принесут вам добро и дадут исцеленье от зла.  
Святая ветвь Оливкового дерева, возвращенного нами,  
Осенит сбереженный вам Меч, сохранит возвращенный  
вам Хлеб!

1909—1910

### 171. СВЯТОЙ МЕСРОП

(Поэма)

ПАПЕГИРИК

Священная могила Ошакана,  
Край гения, куда идет сегодня  
В своем величье, грозном и тревожном,  
История пятнадцати столетий  
Армении, ее Восток и Запад, —  
Чтобы тебе свободно поклониться. . .

Как ты велик, усопший в Ошакане! —  
Река золотоносная науки,  
Имеющая тысячу притоков;  
Спаситель мысли, Великан надежды  
И Средоточье жизни бесконечной;  
Ты — прах бессмертный, житница огней,  
Неугасимых факелов сиянье —  
От них зажег в дни детства своего  
Я свет, что озарил мой бедный разум.  
Ты — чаша Бога и монах мудрейший,  
Благоухание одежд Христовых,  
Источник речи и вершина слова,  
Могущества высокая основа;  
Родник ты мысли, чистый дождь молитвы;  
Твоя земля благоухает небом. . .

Ты не забыт, служитель Ошакана,  
Ты — мученик, замкнувшийся в пустыне,



## МОЛИТВА СВЯТОГО

Свет подари мне, Бог всемогущий,  
Непознаваемый Зодчий Вселенной,  
Мудрый Творец и судьбы и познания,  
Буря дыхания, вершина могущества:  
Месроп, Алтаря Священного Дьякон,  
Ясности просит, помощи просит  
Своей мечте — туманной, огромной. . .

Мне помоги, величаяя мудрость,  
Я — лишь пастух, потерявший посох  
и ждущий проповеди великой;  
Я — лишь ничтожный смертный, я — только  
Слабый хозяин нации Гайка. . .  
Я — писарь-невежда и лживый учитель,  
Я — знамя, не поднятое над толпою,  
Я — неумелый толмач, я садовник,  
которому вечно дождя не хватает.  
Я — путник высушенный и согбенный;  
Я — недостойный тебя восхвалитель  
твоей необъятной славы —  
Для паствы своей, не имеющей писаря, — света  
прошу!

Ты помоги мне, Бог совершенный!  
Я — жалкий искатель, бездарный ученый;  
Адепт бесталанный и атом бесплодный;  
Я — скромный отшельник, бескрылый оратор;  
Печальный скиталец, воспитанник жалкий;  
Заблудший мечтатель и выдумщик глупый;  
Я — дверь на замке и окно, что забито,  
Я — тяжесть волны, что о душу дробится;  
Хранитель могил я, считающий мертвых;  
Я — сборщик колосьев, как хлеб твой мне нужен!  
Без крова я сплю, без кувшина я жажду;  
Я — пахарь, что в сорной траве заблудился,  
Я — мрак без луча, я струны не имею  
для нашей армянской души, для безгласной,  
Даруй же мне, Господи, Ключ объясненья!

Ты помоги мне, Создатель Материи,  
Я — мутное око, я — тьма перед взором;  
Я — слух легкомысленный, вера злословью;  
Глухой музыкант и певец безголосый. . .  
Амбар без зерна я, без пахаря — поле;



Я — пуглив, неуверен, я слаб и растерян,  
Я — смятенный, летучий, гонимый ветрами  
Затерявшийся крик, зов трубы — без ответа...  
Я — засохший листок над осенней землею...  
Я — погибшая ветка, без запаха роза;  
Я — лишь тень здравого смысла, я его призрак;  
Я — смиренный, тугой, ограниченный разум,  
Я — рыдающий горько под сводами церкви, —  
Пред народом твоим христианским читаю  
На чужом языке — и толкую неверно  
Книгу Библии, эту великую книгу...  
Помоги мне, прошу, Необъятность Познания, —  
Всемогущий Господь, беспредельный создатель,  
Мира ясный зенит, высь чистейшего смысла,  
Неделимость души, неба чистые воды, —  
Ты, дарующий щедро каскады мечтаний;  
Пусть сияет твое покрывало познания,  
Пусть мои овеивает согбенные плечи, —  
Ночью сороковой, вдохновенной, бессонной,  
Полной жарких молитв, и надежд, и рыданий, —  
Бог незыблемый, Бог бесконечный, безбрежный,  
Прикоснись к голове моей творческой дланью,  
Чтоб открытие вспышкой мой мозг озарило!

#### ВИДЕНИЕ

О, чудо, о, бесплотный пламень веры,  
О, эта удивительная сила,  
О, талисмана свет, загадка таинств...  
Впал в забытье Месроп — и Херувима  
Увидел вдруг: писал рукою светлой  
Он на стене высокой монастырской  
Армянский Алфавит — за буквой букву...  
Святой Месроп, Виденьем потрясенный,  
Вскочил тогда, как возвращенный к жизни, —  
С пером в руке стоял он, со скрижалью,  
И плакал, видя чудо... И в молитве  
Пред ним застыл — коленопреклоненный...

#### ВЕЛИЧИЕ ОТКРЫТИЯ

Месроп, ты над армянскими веками  
Алмазною возносишься скалою;  
От детского невинного сознанья

До мозга гениального — повсюду  
Горят твои лучи, маяк познания. . .  
Ты молотом своим, чей стук тяжелый  
Громовый бой часов напинает,  
Куешь великим мыслям монументы. . .  
Ты — ясновидец, зоркий наблюдатель,  
Для нас от колыбели до могилы —  
Красноречивый самый толкователь  
Любого слова, каждого дыханья. . .  
Ты — языка творец, ты — царь Глагола,  
Ты — бесконечный лабиринт живого,  
Ты — сущего родитель плодотворный,  
Ты — света колесо, дорога к вере,  
Ты — вставший над родной землей, как буря,  
Безбрежный лес, людских сердец чашоба,  
Где живы в каждом древе толстоствольном  
То арфа вздоха нашего, то лира,  
То наших боевых гортаней трубы,  
То вал, что встал, закрыв дорогу бедам. . .  
Ты — безвозмездный хлеб, пшеницы море,  
Ты — урожай, ты — красная давяльня,  
Ты — океан вина и опьянения, —  
Его я черпал золотым кувшином,  
Когда от жажды солнца обезумел. . .  
Ты — с взором пронизательным апостол;  
Ты, заложив из яхонта фундамент  
Родимой речи, Айказянов племя  
От греков спас великих, огнеликих,  
И от сынов воинственного Рима,  
И от огнепоклонников-соседей,  
От грозных персов. . . Стал вторым ты Богом  
И первым стал творцом народной мысли. . .  
Родник души, добро и плодородье,  
Ты — милосердья трон, бесценность красок,  
Ты — мост, века летящие связавший, —  
Не по нему ли твой народ несметный  
От жизни к смерти, славно иль презренно,  
Из года в год приходит и уходит?  
Ты эллинами назван Акумитом,  
Так высоко и гордо титулован, —  
Ты слышишь: две Армении, Пустынник,  
Поют тебе осанну — и осанна  
Гремит Вагаршата патриарху:  
Саак Партев был верный твой сподвижник. . .

Царь Врамшапух, тебе осанна тоже —  
Один из вас свой крест, другой — свой меч  
Опорой твоему открытью сделав,  
Плечом к плечу с тобой шагали всюду  
И на заре прекрасной Араратской  
Открыли нам словесности врата. . .

О, как вся кровь твоя, все силы мозга,  
Идя от лихорадки к лихорадке,  
От одного озноба — до другого,  
От адского мучения — к мученью,  
От горького сомнения — к сомнению,  
К одной догадке — до другой догадки,  
Которая морской подобна зыби,  
От чаши на весах — к соседней чаше, —  
От тяжести и к тяжести стремились!  
Твоей души высокой каждый атом,  
И каждый луч, в твоих глазах блеснувший,  
И каждой гениальной мысли искра,  
И яростный порыв твоих дерзаний,  
И огненный поток твоих молений  
Все сорок суток, днями и ночами,  
В безжизненном твоём уединенье —  
Тебя несли Видению навстречу.  
И из бутона, что рождался в грезах,  
Из почки, что еще не распустилась,  
Из гаснущего света, из химеры,  
Из сферы, бледных слов и нот безгласных,  
Из реющих, разрозненных лоскутьев  
Тобою создан Алфавит гармоний. . .  
Четвертый век был Золотым Порогом  
В день нынешний, от нашей крови темный;  
Живет Армянский Гений многострунный  
В тобой когда-то вылепленных формах. . .

О ты, неразрешимая загадка,  
О, нервов сноп, что соткан был из молний,  
Горнило крови, чистых грез пространство;  
О, погруженный в мир галлюцинаций  
Провидец-лирик с грозными зрачками!  
Ты — радуга, начертанная Богом,  
Что нам приносит пламя примиренья,  
Ты — властелин туманности, сомненья,  
Подобен ты невиданной купели. . .

Священник ты, охваченный страстями,  
Ты Божий муж, ты брат ума и лиры,  
Позволь мне от твоей пригубить чаши!

И ныне, вскормлен святостью твоею,  
Поэт, тебя воспевший запоздало,  
Свой долг не оплативший, недостойный, —  
Тебе несу я зеркало души  
Прекрасного армянского народа.  
В свои глаза свет глаз его вобрал я,  
Свои слова в его душе я черпал.  
Всё, что ты на моем челе увидишь,  
И всё, что ты прочтешь в моей улыбке, —  
Знай, это всё написано Надеждой.  
И разреши мне, о Месроп, сегодня  
Подняться вверх, по золотым ступеням  
Той лестницы, что от земли Армянской  
К сияющим созвездьям протянулась;  
И твердым шагом по ступеням звонким  
Я от венка к венку, от света к свету,  
Как верный сын твоей великой мысли,  
К тебе дойду, чтоб спеть вот эту песню. . .

1913

Даниэл Варужан (Чупукгрян) родился 21 апреля 1884 года в селе Бргник Сивасского вилайета (Западная Армения) в семье крестьянина. Вскоре после рождения сына отец поэта уехал в Константинополь на заработки. В 1896 году Даниэл с матерью переехал в Константинополь к отцу. Здесь Варужан учится в католических школах, а с 1902 года продолжает учебу в Венеции, в школе мхитаристов Мурад-Рафаэлян.

Варужан начал писать с 1898 года и к 1902 году подготовил к печати сборник «Букет цветов, или Напевы бргникца», который он не смог издать из-за недостатка средств. Первый сборник Варужана «Содрогания» вышел в свет в 1906 году в Венеции.

С 1905 года Варужан учится в Гентском университете (Бельгия), изучая политические и социальные науки. Здесь же он занимается поэтическим творчеством. Его многочисленные произведения публикуются в армянской периодической печати, издаваемой во Франции, Египте, Болгарии, Италии и других странах. По окончании университета (лето 1909 года) Варужан возвращается в Сивас, где преподает армянский и французский языки, армянскую литературу, политэкономия. С 1911 года продолжает преподавательскую деятельность в Евдокии (Западная Армения), а с 1912 года — в Константинополе, где заведует армянской общеобразовательной школой. Одновременно издает сборники «Сердце нации» (1909), «Языческие песни» (1912). В 1913—1915 годах работает над сборником «Песнь хлеба», который вышел в свет посмертно (1921).

24 апреля 1915 года по приказу турецких властей в числе 200 представителей константинопольской армянской интеллигенции Варужан был арестован и убит 26 августа того же года.

Основные издания на армянском языке: Сердце нации, Константинополь, 1909; Языческие песни, Константинополь, 1912; Сочинения, Ереван, 1979; на русском языке: Поэзия Армении..., М., 1916; Антология армянской поэзии, М., 1940; С. Шервинский, Из армянской поэзии, Ереван, 1966; Из западноармянской поэзии, Ереван, 1979; Поэты Армении, Л., 1979.

172. БОЛЬНОЙ

В затхлом углу мается он, безнадежно больной,  
Выжить ему не под силу.  
Сырость сосет соки из жил, и остался один  
Путь из ночлежки — в могилу.

Врач не придет, нет ни гроша, сердца доброго нет,  
Что порадело ему бы  
В этих стенах, сжалься над ним и пролив доброту  
На воспаленные губы.

Можно себя вообразить в окруженьи друзей,  
Но, изнуренному бредом,  
Только паук под потолком в этом склепе ему  
Видится чутким соседом.

Жить бы и жить. . . Но полумрак переходит во мрак —  
Стало быть, хворь не спровадить,  
И тишина будто взялась гулкий гроб сколотить,  
Люльку могильную сладить.

Дома жена, мать и отец, только дом далеко, —  
Ван далеко от Стамбула.  
Дома нужда, нечего есть, без него пропадут. . .  
Если бы смерть обманула!

Сил молодых не рассчитал — столько ртов  
накормить. . .

Господи, это уж слишком:  
Жизнь погубить, руку сломить, что опорой была  
Двум старикам и детишкам!

А на дворе солнце — для тех, кто не знает цены  
Кровью добытого хлеба.  
Звездочка шлет ниве росу. . . Почему ж за него  
Ты не заступишься, Небо?

Этим рукам сила дана, чтобы хлеб добывать,  
А не со смертью бороться.  
Кто-то шипит из темноты — не иначе, судьба  
Смехом змеиным смеется.

Скоро конец. Он не жилец, он не выживет, нет.  
Но понимает ли сам он,  
Что обречен, что уронить не успеет вдова  
Слезные метки на саван?

Скоро конец. И далеко, под родимой луной,  
Тихо плывущей над Ваном,  
Долго еще будет жена в ожиданье вздохнуть  
О дорогом, о желанном. . .

Бедная, ждешь — ласка в глазах и надежда, что впредь  
Долгих не будет отлучек.  
Где тебе знать, что роковой приближается час,  
Меркнет спасительный лучик!

Ради кого свежесть свою этим юным щекам  
Розы и лилии дали?  
Озеро Ван — в тысячах звезд, но все вместе они  
Глаз твоих ярче едва ли.

Ради кого жар твоих губ под покровом тайш  
С часа разлуки поныне?  
Завтра тебе страшную весть по пути принесут:  
«Умер. . . Зарыт на чужбине. . .»

1904

### 173. РЫБКАМ БАССЕЙНА

В прозрачно-сонной глубине  
Пловцами пестрыми скользя,  
Вы приближаетесь к стене —  
И обогнуть ее нельзя.

Недосыгаемо далек  
Разлив мятежной синевы,  
Который вдоль и поперек  
Шутя избороздили вы.

Тянулись ваши плавники  
Обнять свободу и простор  
Приманкам ловким вопреки,  
Густым сетям наперекор.





Теперь вас держат, заточив,  
Среди искусственных красот:  
Сверкает рукотворный риф,  
Фонтанчик бутафорский бьет.

Они подчеркивают плен —  
Свободный путь от сих до сих.  
Вы не искали перемен,  
Бедняжкам навязали их.

На вас, на гроздь пузырьков  
Глядит кичливый человек.  
Он от рождения таков,  
Что не исправится вовек,

Он злобен, он на всё горазд,  
Он самоутвердиться рад —  
И славе в жертву всё отдаст,  
Не испугается затрат.

.. Где водоросли с нитью гить  
В подводных гротиках сплели,  
Вам суждено похоронить  
Себя от вольных волн вдали.

От вольных, а не тех, что тут  
О мертвый плещутся утес  
И песню скорбную поют,  
Разбрызгивая капли слез.

Чем отличаюсь я от вас,  
Которых мне недаром жаль?  
Но свет надежды не погас,  
И мысль моя стремится вдаль,

Как будто перед ней открыт  
Тот, нарисованный мечтой,  
Мир нереальный, где царит  
Свобода вкупе с добротой.

Увы, стеной со всех сторон  
Быт обступил — не продохнуть,  
И горизонт загроможден,  
И ввысь душе заказан путь.

Несу надежды огонек. . .  
Куда несу? Гляжу с тоской,  
Как первый час и крайний срок  
Друг к другу тянутся рукой.

Кто раньше? Вы? А может, я?  
И мой черед придет, как ваш,  
Уйти на дно небытия,  
Всё остальное — сон, мираж,

Не более чем западня. . .  
Но вам удел счастливей дан:  
У вас, в отличие от меня,  
Есть вечный плакальщик — фонтан.

1903

### ИЗ КНИГИ «СЕРДЦЕ НАЦИИ»

#### 174. ОДА

Славу я воспел тростниковым пером.  
Посвящаю тебе, отчий край.  
Средь платанов его вырезал я ножом.  
Посвящаю тебе, древний край.  
Я жрецов тростниковым пером воспел.  
Свет из горла его заблестел.

Тростниковым пером я воспел тоску.  
Посвящаю скитальцам родным.  
Этот стебель растет на чужом берегу.  
Посвящаю смиренным моим.  
Я воспел тростниковым пером невест,  
Плач из горла его плыл окрест.

Тростниковым пером воспел я кровь.  
Посвящаю вам, жертвы резни.  
Оно, словно Феникс, возродилось вновь.  
Посвящаю погибшим в те дни.  
Тростниковым пером я воспел язвы ран.  
В тростнике жило сердце армян.

Тростниковым пером я воспел свой дом.  
Посвящаю тебе, отец.  
Я его нашел над засохшим ручьем.  
Мать свою воспел я, певец.  
Тростниковым пером воспел свой порог,  
Шел из горла пера дымок.

И воспел я борьбу за честь и добро.  
Посвящаю армянам-бойцам.  
Мех в горниле сердца — перо.  
Посвящаю моим храбрецам.  
Торжество тростниковым пером я воспел,  
Огонь из горла пера летел.

1909

### 175. НЕМЕЗИДА

О народ! Молись этой злой зеленоглазой богине! Но когда свергнешь тиранов, свергни и ее. И сам ступи на мраморный цоколь с лилией в руке.

Ваятель, гигант, львиная грива, огненный взор,  
Вошел в святилище своей мастерской  
И захлопнул стальные широкие двери,  
Ставни от света плотно закрыл,  
Только в щели проламывались теперь  
Золотые спицы полдневных лучей.  
Громадная глыба отборного мрамора,  
Робко ежась, ждала в полумраке:  
Быть может, в ней прорежется древний богатырь,  
Быть может, низвергнувшись громом с небес,  
Сам Господь в нее воплотится  
Отныне и навсегда.  
Со времен, когда была она дикою скалой,  
Грудой лежали у нее на краю  
Остатки орлиного гнезда,  
А в укромной впадине, не замеченная никем,  
Спокойно свернувшись, дремала змея.  
И вот ваятель беспредельной душой  
Стал богоравен — засучив рукава,  
Взяв золотой молот, пальцами грея резец,  
Перед скалою огромной, львиною гривой тряхнув,  
Он на мгновение замер. . .

И вдруг он увидел: из тьмы  
Протянулась рука с кувшином,  
Наклонилась — и душу его окатил  
Первобытный, пропахший землей  
Вселенский потоп созиданья.  
И он врубился в скалу,  
И он врубился в скалу.  
Под круглящимся куполом мастерской  
Череп святого висел, наполненный маслом надежд,  
Свет шел оттуда,  
И сиянье указывало резцу  
Путь сквозь камень к обличью и плоти мечты,  
И мысль дерзновенная в белую твердь  
Корни упрямо втискивала  
Благодатным оливковым деревом.

И он врубался в скалу,  
И он врубался в скалу. . .  
И при каждом ударе молота  
Камень взрывался,  
Искры снопами  
Бились о темные стены и гасли  
Распавшимися созвездьями,  
А жасмин во дворе вздрагивал,  
Осыпая землю и ставни  
Синеватой порошей цветов.

И он врубался в скалу,  
И он врубался в скалу,  
И сдавалась заклекая в дикости твердь,  
И вот — голова женщины,  
Нестерпимо живая,  
Расцвела, словно белая лилия.  
Лик ее был прекрасен и страшен,  
Слепотой древнегреческих статуй  
Были повиты очи ее, но во мгле  
Пробуждалась душа — постепенно,  
Как ползет скорпион к небесам на щербатый отрог,

И он врубался в скалу,  
И он врубался в скалу,  
Как певец, избавляющий от немоты  
Грозное слово стиха.

В складках ожившего мрамора  
Каждый удар отзывался созвучием лиры,  
Рифмой, строкой или реющим звоном,  
Каждый подобный грому удар  
Влагался в песнь золотого молота,  
Которой внимает Господь.

И он врубался в скалу,  
И он врубался в скалу. . .  
И пышные кудри богини  
Клубками свившихся змей  
Рассыпались по плечам.  
Явились и сами плечи,  
Явились руки воительницы,  
Способные направлять  
И золотые стрелы любви,  
И молнию смерти — копьё.

И он врубался в скалу,  
И он врубался в скалу. . .  
Отгорели, истлели бессонные ночи,  
Беспросветные дни, — ну и пусть!  
Вот перси, вот перси ее  
Засияли, чисто скругленные  
Так, словно в них молоком  
Отлагается свет загустевший!  
Вот лона ее могучая воля  
Вскормить  
Зерна мести и справедливости.  
Вот позвонки, вот полные, сильные бедра,  
Вот углубленье пупка, вот оно,  
Как звезда, порожденная вихрями космоса,  
Брызнуло светом зовущим.

Удар, и снова удар. . .  
Факел-череп пригас, масла осталось — на дне,  
Но он врубался в скалу. . .  
Удар, и снова удар. . .  
Явились на свет колени,  
Явились пальцы на ногах, и из них  
Мед и яд, светясь, побежали  
С тихим журчаньем.  
К поясу девы он прикрепил

Обоюдоострый меч,  
Непорочный меч,  
Справедливый меч,  
И проснулась змея во впадине,  
И вокруг меча обвилась,  
И тягучую каплю яда  
Уронила на светлое лезвие.

Удар, и снова удар, — и вот  
Забрезжил конец труда.  
Лоб, увенчанный жемчугом пота,  
Наморщил усталый ваятель.  
Чья это статуя? Как зовут эту деву?  
Это Исида? Это Медуза Горгона? Это ревнивая  
Гера?

Нет. И на глыбе цоколя  
Он вырезал: НЕМЕЗИДА.

Так вот о чем он мечтал, чем дышал,  
Вот какую надежду таил  
В недрах мятущихся сердца!  
Богиня Мести и Справедливости —  
Вот дитя его сил,  
Он лелеял ее и вскармливал  
С той поры, как повенчано было  
С кровью народа  
Его беспокойное разуменье.  
Сутками он себя погребал  
В могильной тьме мастерской — ну и пусть!  
Добрый пот утомленья  
Катится со лба — ну и пусть!  
Всё лицо, все руки и плечи  
Припорошены мрамором,  
Который он молот, как мельник, — ну и пусть!  
Ну и пусть густые ресницы похожи  
На крылья белого голубя!  
Не ему улыбалась весна  
В светлом сиянии родников — ну и пусть!  
Не он выжимал виноградные грозди  
В резную хрустальную чашу — ну и пусть!  
Не сплелась его львиная грива  
С распущенными косами девушек,  
Танцующих на холмах, — ну и пусть!  
Что жалеть о потраченной жизни,—

Мечта жива  
И бессмертна.

Опустив свой победный молот,  
Он встретил зрачки статуи,  
Отразился в ее зеницах  
Весь целиком.  
Ожил священный мрамор,  
Ожил в его руках.  
Прозябавшая в дикости глыба  
Пробудилась Богиней,  
Убогая рабыня молота  
Обернулась Владычицей мести!

Труд окончен.  
Явилась на свет Немезида,  
Она готова принять  
Ропот поклона и вопли жертвы.  
И засмеялся ваятель.  
Он отворил ставни,  
Распахнул лязгнувшие двери.  
Хлынул свет,  
Омыл статую,  
И, наливаясь лучами,  
Засияло тело богини.  
Напротив на балконе сидела девушка,  
Плела кружева;  
Глянула на статую — отшатнулась,  
зажмурилась.

О снежно-белую плоть богини  
Беззвучно крошились солнечные стрелы,  
Потоки сверкающих искр  
Ниспадали с персей и плеч.  
Глянул ваятель на свое дитя.  
Да. Это она,  
Порожденье его мятежной крови.  
И он благоговейно поцеловал  
Промежуток меж ее сосцами.  
И припала там капелька света  
От уст творца, словно семя,  
Словно завязь гроздий возмездия.  
И отбросил ваятель свой молот,  
Лег, оперся локтем о цоколь,  
Положил голову на руку  
И, как лев, утомленный сражением,

Но одержавший победу,  
У ног богини уснул.

---

Толпы хлынули, толпы хлынули,  
По дорогам, по переулкам  
Покатились черные реки.  
Это идет угнетенный народ.  
Он разглядел Немезиду,  
Он хочет ей поклониться,  
И он стекается к ней.  
Из застенков, из тюрем, с заводов  
Идут, изнуренные, окровавленные,  
Волокут остатки разбитых цепей  
На стертых босых ногах,  
Так что лязг идет по булыжнику!  
Кто с молотком, кто с киркой.  
На свирепых лицах  
Пылает неистовство,  
Жемчужные зубы оскалены,  
Готовые впиться в мясо.  
Бегут полуголые женщины,  
Бледные детишки бегут,  
Розы их весен осыпались,  
Еле успев распуститься.  
Крики и вопли ненависти  
Из улицы в улицу льются,  
По беспредельному городу  
Рвутся цепи,  
Рушатся тюрьмы,  
Жгут на площади плаху,  
Набухшую алой кровью  
Преданных казни героев,  
И взмывшее к небу пламя  
Становится разумом толп.  
Хижины, тужась, рожают бунтарей,  
Встают из могил мученики,  
Обновилась их плоть, обновился их ум,  
И оружие их обновилось.  
Они ползали в тине,  
Они строили другим дворцы,  
И вот — неистовый прыжок  
На свои, на бывшие могильные плиты  
Вынес их к свету.

Бушует и пенится людской океан,  
Кипят его мрачные бездны,  
Вздываются черные волны,  
Несутся, обдавая смертью,  
И своей ядовитой слизью  
Достают до дворцовых аркад  
И до лба равнодушного солнца.  
Ужасны они, но нынче  
Орлиное крыло мечты,  
Впитавшей дела и надежды  
Гениев всех времен,  
Освятило их лбы.  
И они, расплеснувшись и слившись  
В бушующий океан,  
Рыча, бранясь и молясь,  
Грязно и дико ругаясь,  
Набегая, как волны, вопят:  
«О Немезида! Возмездия!»

Кто же иной их утешит,  
Как не Месть? К белизне осиянной,  
Как волны к луне, они тянутся,  
Они стекаются к статуе,  
Как к обретенной матери,  
Теснятся, давят друг друга,  
Бьются лбами в чужие затылки  
И пред величавой богиней  
Обнажают раны свои.  
Юноши протягивают ей  
Свои изувеченные руки,  
Матери из-под черных покровов  
Кажут ей черепа младенцев,  
Растоптанных конными лавами,  
Старухи стелют пред нею  
Багряные плащи  
Вероломно зарезанных внуков-героев.  
Это их последнее богатство,  
Это их дар.  
На коленях, молясь и проклиная,  
Они вопиют:  
«О Немезида! О праведная Месть!  
Зри унижение наше!  
Взвесь на своей ладони

Каждую капельку слез,  
В которой океан страдания!  
Хватит платить за чужую усладу и славу  
Нашим кровавым мясом,  
Мозгом из наших костей!  
Хватит вспарывать сталью штыков  
В нашем чреве  
Светлое семя зари!  
Хватит рвать нашу плоть колесами  
И смазывать спицы машинам!  
Хватит, хватит  
Носить на исхлестанных спинах  
Камни свои гробовые!  
Настал час возмездия,  
Настал час восстания!  
Вдохни же в нас силу, веди!  
Это ты для нас богоматерь!  
Сплавь нас своею волей,  
Кровавыми знаками  
Проставь законы на наших лбах!  
Мы — твой народ,  
Смерть всем прежним богам!  
На их развеянном прахе  
Тебе мы построим капище  
Прекрасней всех храмов Аттики!  
Мы разрушим дворцы и тюрьмы,  
Их победные грузные цоколи  
Пойдут тебе на алтарь!  
И в твой день мы помянем погибших  
Хороводами ненависти.  
И мертвецы пробудятся  
От смешанных с кровью вин,  
Которыми мы окропим могилы!  
И выйдут они на солнце,  
И запляшут вокруг тебя,  
Отрясая истлевшие саваны!  
Сойди к нам, богиня, живи среди нас!  
О, как ты прекрасна,  
О, как ты страшна!  
Очи твои жгут справедливым огнем,  
Руки твои мечут в распаханый прах  
Семя сверкающих лилий и пылающих факелом  
жизней!

Ты горлица, свившая гнездо в черепе,

Ты родник Стикса,  
Собирающий влагу в могилах!  
Возьми на руки наших голодных детей!  
Пусть в объятьях твоих  
Крещение примут они и вкусят от сосцов  
Немезиды

Молоко мятежа и мести!  
Сойди к нам, богиня!  
Мы станем щитом для персей твоих,  
Мы станем мечом в беспощадной деснице твоей,  
Ибо мы жаждем крови!  
Крови, крови, крови!»

Надсаживаются толпы,  
Трясутся троны царей,  
Но для ваятеля — это  
Лишь тихая колыбельная.  
Надсаживаются толпы.  
Измазанные кровью ладони  
Мечут жасмин и розы.  
Бледные пальцы девушек  
Исколоты швейными иглами,  
Плетут богине венки.  
Последнего своего козленка  
Приносят ей в жертву крестьяне.  
Отроки курят ей фимиам.  
А воины и рабочие  
Рвутся к священному цоколю  
Изошрить лезвия мечей.  
И вдруг все смолкают,  
Все склоняются —  
Сейчас начнется молитва...

(О, будьте же святы, сдавленные рыдания  
И капли крови,  
Упавшие с волос!  
О, трижды будьте святы,  
Молитвы в канун сражения!  
Вы — пыльца надежд на скорую победу,  
Вы, как белые голуби из наших рук,  
К солнцу взмываете, к солнцу!)

Из горнила вселенского заката  
По склону горы  
Широким шагом спускается

Великан, верховный жрец  
Девы Возмездия,  
Беззаветный провидец и вождь.  
Прямое закатное солнце  
Стоит у него за спиной.  
Багровые блики  
Скользят по узорным доспехам.  
Лучи, как зубцы короны,  
Летят над его головой.  
И каплет кровь с его меча,  
Кривого меча правосудия.  
Грядет, грядет!  
Чело его увенчано лавром,  
Поступь его тяжела  
От славы былых расправ.  
И отшатывается народ,  
Согбенный под страшным грузом  
Ненависти и мольбы.  
У жреца свои дары  
Деве Возмездия.  
Он срывает с чела  
Лавровый венок, что сироты  
В тени могильных крестов  
Скорбно ему сплели,  
Он распускает венок  
И, зажав черенок в левой,  
Правой рукой оголяет  
Благоуханную ветвь.  
И сыплются, сыплются листья  
К стопам непорочной богини,  
А один — припадает к челу  
Дремлющего ваятеля.  
Но тот, околдованный грезами,  
Спит и не чувствует  
Прикосновения славы.

1908

#### 176. ПОТУХШИЙ ОЧАГ

В этом доме под кровлею плоской,  
Под раскидистой ивой  
Жизнь вчера еще шумно кипела,  
На заре молодая невестка,

Разрумянившаяся спросонья,  
Хлопотала, доила корову,  
За водой выбегала;  
И вчера еще здесь, на пороге,  
Посадив на колено внучонка,  
Старый дед говорил ему сказки  
О Ваагне и об Артавазде, —  
Благородные мирные сказки.  
Дед ждал вечера, чтобы увидеть,  
Как вернутся овечки,  
Что паслись целый день за горою,  
И призвать на них милость господню,  
И вобрать в стариковские ноздри  
Едкий запах овечьего пота.  
И вчера еще. . .

Нынче здесь пусто  
И никто не сидит на пороге.  
Дверь скосилась, забрызгана кровью,  
На задах — раскричались вороны,  
И, под хриплые крики  
Обмирая от страха, прохожий  
Боком-боком торопится мимо,  
Крестным знаменьем лоб осеняя.  
Всполошенная дикой резнёю,  
Пуще волка боясь человека,  
Вся деревня укрылась в горах.  
Дом стоит, что-то страшное пряча,  
Он раскрыт, словно глаз мертвеца:  
Свет и жизнь как ни льются в него,  
Он вместить их уже не способен.  
Буйный плющ и широкая ива  
Обнялись, притаившись у входа,  
Во дворе — молчаливая мальва,  
Тихий бархатный мох  
И мелькают среди зелени спинки  
Осмелевших соседских цыплят,  
Но готовых сей миг разбежаться.  
Что за мрачная тайна  
В этом доме теперь поселилась?  
Может быть, бесприютные души  
Собрались там для общего плача?  
Может быть, там колдун седобровый  
Варит зелья и змей заклинает? . .  
Никогда, никогда не забуду,

Как ступил я под вечер  
На порог этот с бьющимся сердцем.  
Позади бормотали крестьяне  
И молились, охвачены страхом,  
Словно сам сатана  
В темноте за порогом  
Затаился, готовый  
Черный лик свой явить перед ними.  
Молчаливые сени  
Пахли сыростью гроба,  
Из углов вездесущая плесень  
Вылезала; за балкою сверху  
Копошились летучие мыши,  
Двери были открыты,  
Тих был хлев, тих и пуст был курятник:  
Ни сопенья коровы,  
Ни квохтанья несущихся кур.  
И в пристройках, и в погребе — пусто,  
Пусто было в кладовке,  
Где стоял аромат винограда,  
И на всем красовалась печать  
Грабежа и разора.  
Ни души, ни людского следа  
И ни искорки света живого.  
Но настойчивый шум доносился  
Из домашней пекарни,  
И туда я вошел. . . Дом несчастный!  
Лучше б стал ты тюрьмой, лучше б рухнул,  
Лучше б доски твои на гроба  
Распилили и в землю зарыли!  
Лучше б камни твои источила  
Неизбывная горечь морская,  
Чем теперь тебе прятать под кровлей  
Разоренный крестьянский очаг,  
Тот, который сложить армянину —  
Всё равно что своими руками  
Сколотить себе гроб! . .

Я вошел

И увидел во влажной тени  
Распростертое мертвое тело,  
Труп лежащего навзничь мужчины,  
Он смотрел на окно, а оттуда  
Плеть фасоли свисала вовнутрь,  
Примеряясь, за что б зацепиться,

На груди его рана  
Обнаженно зияла; в ладони  
Нож держал он, которым покончил с собой;  
Мертвый взор его словно следил  
За душой отлетевшей,  
А когда-то прекрасные кудри,  
Окровавленные, разметались  
И прилипли к земле.

Я склонился над ним. Он казался  
Сокрушенной опорой дома  
И погасшим огнем в очаге.  
Подсекла его грубая сила,  
Подломились колени,  
Рухнул он и застыл, одинокий,  
И горячие слезы родных  
Не прольются на эти останки.  
Всех мужчин зарубили, а женщин  
Прочь прогнали искать по ущельям  
Чистоту опоганенных тел.  
Прах сказителя-деда,  
Может быть, еще шепчет в тонире.  
Бездыханное тело,  
Без молитвы, без гроба,  
Усмирено лежит, дожидаясь,  
Чтобы смерть обглодала добычу.  
Только верная тощая кошка  
Возле трупа сидит и мяучит,  
Отгоняя одним своим видом  
Воронье, что слетелось,  
Осадило окошко,  
Норовя исступленно проникнуть  
В соблазнительную темноту.

Поклонился я мертвому брату,  
Отомстить, отомстить я поклялся,  
Поднял тело и, пятясь неловко,  
Под мяуканье кошки голодной  
Поволок его прочь. . .

Во дворе,  
Шапки снявши, молились крестьяне. . .

Вот на столике в глиняной чашке  
Горсть земли, горсть земли, привезенной  
С поля дальней отчизны.  
Тот, кто мне подарил ее, думал,  
Что вручает мне сердце, не зная,  
Что вручает мне тысячи тысяч сердец  
Наших предков. Часами, часами  
Я гляжу на нее молчаливо  
И печально. И чувствую, словно  
Взгляд мой корни пускает в ту землю.  
Может быть, ее цвет красноватый  
Не причуда природы.  
Может быть, словно губка на ране,  
Эта почва впитала  
Соки жизни и солнца  
За века, что армянской была.  
Может быть, еще слышен в ней шорох  
Древней славы народа,  
Полыхают багровые искры  
От подков, чьи удары взметали  
Пыль побед вокруг армянского войска,  
Чую в ней изначальную силу,  
Что по вздоху сложилась  
В мой дух, в твой дух и дала нам,  
Словно бы отделить нас замыслив,  
Темно-карие очи — всем,  
Силу страсти, стремительную, как Евфрат,  
И вложила нам в сердце — всем —  
Жар любви и неистовство мысли.  
Погляди, в ней рассыпаны искры  
Богатырской души, что слезами  
Юных дев перемыты в чешуйки слюды.  
В ней есть атомы Гайка, частицы Арама  
И зеницы Анании,  
Просветленные плеском созвездий.  
То не горсточка в глиняной чашке —  
То народ, восстающий от сна,  
И ко мне обращается он  
От основ естества плодородья,  
Укрепляет мой дух, засекает его  
Краснопламенной пылью,  
Словно ливнями звезд-метеоров,

И дрожат мои жилы  
Трепетанием общим,  
Что для нивы раздумий  
Благодатней весеннего ветра.  
И я слышу, как души, из крови восстав,  
О возмездии шепчут.  
Эта горстка, хранимая мною, —  
Так мой прах берегла бы душа,  
Повстречайся он ей на ветрах  
После смерти моей, —  
Эта доля Армении нашей,  
Эта память борцов и изгоев,  
Этот дар-талисман  
Мне когтит беспокойное сердце  
И когда я над книгой склоняюсь,  
И когда я смеюсь и люблю,  
И когда над стихом торжествую.  
И, его повинуюсь указу,  
То рычу я, то плачу,  
То оружие в ладони сжимаю, то душу.

1908

#### 178. СЛОВА ТОСКИ

Пишет мне мать: «Как там тебе, одному?  
Весть мне подай, сладки ль чужие дожди?  
Весть мне подай, скоро ли сына прижму  
Я к материнской груди?»

Хватит тебе у незнакомых людей  
Стыть без тепла и без родного огня.  
Хватит душе, вскормленной грудью моей,  
Сохнуть вдали от меня.

Я всё пряду, а уж пора на покой.  
Саван плету из материнских седин.  
Очи мои просят, чтоб чуткой рукой  
Ты их закрыл, о мой сын.

С прялкой в руках сяду с утра на порог,  
От журавлей весточек жду я весь день.  
Ивушка та, что посадил ты, сынок,  
Шлет мне отрадную тень.

Наперечет в нашем селе смельчаков.  
Вечер придет — кормят их мать и жена,  
Поздний пастух гонит овец и коров,  
Я ж всё одна да одна.

Печка дымит — ну, хоть совсем не топи,  
Дом наш осел, ветер сквозь щели свистит.  
Я пред бедой — как черепаха в степи:  
Кто здесь меня защитит?

Нынче весной снова громили село.  
Вышибли дверь, камнем разбили окно.  
Надо чинить. Так что, покуда тепло,  
Тут тебе дела полно.

Хлев еще цел, тот, что за садом. И в нем  
Спрятан баран так, чтоб воров не смущал.  
Помнишь, сынок, как ты из рук ячменем  
Матку его угощал?

Где мне косить! Но на него одного  
Хватит сенца и в прошлогоднем стогу.  
Я уж кормлю, холью-лелею его  
И для тебя берегу.

Ты приезжай, дом свой родной оживи,  
Старость мою светом очей напои.  
Вымою я в теплой бараньей крови  
Стертые ноги твои».

1908

### 179. СТАРЫЙ ЖУРАВЛЬ

У речушки, на гальке шуршащей,  
Выгнув длинную шею,  
Под крыло клюв он сунул и смотрит,  
Уходящую жизнь провожает  
Угасающим взором.  
Без него на рассвете  
Унеслась журавлиная стая.  
Он следил, как она удалялась,  
Как заучивала на лету,

В поднебесном просторе курлыча,  
Вести, вздохи, приветы  
Для ушедших в чужие края.

Одинокий журавль умирает  
Блеклым утром осенним.  
Ах, навеки прощайте, мечты  
О весне и о воздухе теплом  
Под могучим парящим крылом,  
О тенистых и звонких протоках,  
Где по тине шагаются вольно  
У зеленой стены тростника, —  
Ах, навеки прощайте, мечты!

Он, столетний армянский журавль,  
Утомился от странствий,  
От печального долга — нести  
На чужбину для странников слезы.  
Сколько жен свои жаркие вздохи  
Журавлям доверяли!  
Сколько вдов сыновьям поцелуи  
Слали с птицами в дальние страны!

И теперь он последним усилием  
Порывается сбросить,  
Сбросить с крыльев народное горе:  
Клятвы, вздохи и тайные слезы  
Нецелованной чьей-то невесты,  
Подурневшей в разлуке,  
Чьей-то бабушки благословенье  
И молитву святую, —  
Порывается сбросить.  
И на сером речном берегу,  
Распластав свои крылья,  
Он прощально курлычет,  
И летит над родными холмами,  
Над селом разоренным  
Хриплый крик — как проклятье изгнанию.  
Вот он падает. Гальку речную  
Он могилой себе избирает,  
Красный клюв он вонзает под камень,  
В обиталище жабы.  
Содрогается гибкая шея,

Тихо плещется речка,  
Стынет мертвая птица. . .

А змея водяная  
Всё смотрела, смотрела,  
Наконец поползла, подчинившись  
Зову мести змеиной,  
И, броском на упавшего прынув,  
Обвила его мертвую шею.

1906

### 180. ПРАЧКА

Мужа у ней зверски убили в резню,  
Вечная память ему.  
В люди пошла. . . А каково-то сынку  
В люльке лежать одному!

Темный подвал, лужи, туман, духота,  
Свечка мерцает едва.  
Тут в семь потов маяться ей, засучив  
Белы свои рукава.

Ох, молода, ох, и красива она!  
Пара приманчивых глаз,  
С горем борясь, пряча заботу и боль,  
С вызовом смотрит на нас.

Ей бы сейчас жар материнства святой  
В полную силу вдохнуть!  
Мужа к любви, а малыша к молоку  
Манит высокая грудь.

Но ведь нужда, горькая гонит нужда  
В сырость, помои и грязь.  
Ради сынка, — господи, сжался над ним! —  
Мать от себя отреклась.

С горя темно, не с безоконья темно  
Ей в этом душном мирке.  
Сбилась коса, туфли промокли насквозь,  
Шрамик на голой руке.

В чане сопит, пухнет в крутом кипятке,  
Мылом плещется белье.  
Грязи чужой в жертву приносит она  
Сердце и тело свое.

Мыло не в счет, щелок едучий не в счет,  
Тяжесть не в счет, хоть не сдвинь, —  
Бел ее лоб, ах, ядовитая жжет  
С мужнина гроба полынь.

Юный свой стан гнет над корытом она.  
Значит, такая судьба.  
И к молоку, липнут к ее молоку  
Капельки пота со лба.

Дома у ней холодно, пусто, темно.  
Малый сынишка не спит,  
Голоден он, соску не может найти  
И, задыхаясь, кричит. . .

1906

### 181. НАКАЗ

Плащ ты накинул и посох взял в руки, прощай.  
Истосковалось по родине сердце твое.  
Землю родную увидишь, покинутый край,  
Наших сестер, матерей и родное жилье.

Вот моя просьба: родимым местам поклонись.  
Палке завидую, сумке дорожной твоей!  
Там, на кремнистом пути, где струится Алис,  
Встретишь селенье: войди в него, странник, скорей.

Встречный малыш босоногий тебя проведет  
К дому, где вырос я, рядом с прозрачным ручьем.  
Голубь на крыше воркует весь день напролет,  
Мак огнецветный горячим пронизан лучом.

Мать перед дверью за прялкой увидишь, спина  
Сгорблена; рядом с ней греется старенький кот.  
Или над ульем пчелиным склонилась она,  
Кажется, пчелам в усердьи пример подает.

Женщине этой от сына привет передай,  
Странник, старушке от странника-сына — привет.  
В дом мой войди, плащ, пропитанный пылью,  
на край  
Лавки смахни, — в мире гостя желаннее нет.

Сядь за давно опустевший разошедшийся стол. . .  
Мать принесет тебе теплый лаваш и еду,  
В потном зеленом кувшине от бедствий и зол  
Лучшее средство — вино; пей, забыв про беду.

Друг, отдохнув, наконец развяжи узелок  
Скорбных рассказов о жизни в другой стороне,  
Это письмо передай моей матери, стих  
Несколько в нем; расскажи ты ей всё обо мне.

Это письмо попроси ее благословить.  
Черное пусть покрывало наденет, но свет  
Да не померкнет, проси ее дух укрепить, —  
Друг мой, в письме этом я написал свой Обет.

1908

## 182. В БОЙ

Поднимайся, армянка! Идем!  
Ты, орлиная дочь, что на горной скале  
Вырастала под грохот стремнин,  
Поднимайся на праведный бой!  
Надвигается враг, он задумал убить  
Жизнь в полях и мысли в умах.  
Еще солнечный луч не упал на ростки,  
По нему уже бьют топором.  
О любимая! Как я тебя полюблю,  
Если будут бок о бок скакать  
Кобылица твоя и мой конь вороной.  
Брось свой ткацкий станок, чей размеренный шум  
Пробуждал в твоём сердце щемящий напев!  
Брось и кровлю, где ты под ветрами цвела  
И печалилась, слыша, как где-то вдали  
Куропатка кричит,  
На которую коршун напал.

Вспомни гору, где мы повстречались с тобой,  
Где за светлую розу я принял тебя.

Нынче ночью мы спустимся с этой горы  
На конях боевых,  
И крошечную тьму  
Озарит только молния мести в глазах,  
Указуя дорогу побед.  
Пусть рассыплются косы твои по плечам,  
Пусть в них буря поет  
Свою древнюю лютую песнь!  
Мы прищпорим коней,  
Их горячий галоп для боев укрепит  
Прежде нежную руку твою.  
И пусть будет раздавлен копытом коня  
Тот цветок, что украсить бы грудь твою мог,  
Потому что всей нежности прежней твоей  
Предпочту я разящий, как огненный вихрь,  
Как удар громовой, поцелуй.  
Неужели, увидев, как я вывожу  
За печальными строками строки тоски, —  
Ты решила, что вечно унынье мое?  
Неужели решила, что я не могу  
Превратить скрип пера в свист стального ножа,  
А чернильницу — в сердце врага?  
Я умею мечтою своей управлять,  
Я сорву с нее нежный наряд ветерков,  
Я в жестокую бурю одену ее!  
Если рядом я слышу стенанья и плач  
И предсмертные крики безвинных людей,  
Прочь, бумага и книги! В бурлящий огонь  
Я творения Данте швырну,  
Я Дуряновы строфы засыплю землей,  
Как бы я его ни любил.

О красавица милая, знаешь ли ты,  
Как к слезам равнодушен наш мир?  
Погляди — он наелся и спит.  
Продает в небесах свои ласки Астхик,  
А Фемиду насилуют сто раз на дню,  
Чтобы Вакхов рождала она, а не месть.

А внизу, в нищете и в крови,  
Ждут нас с тобой!  
И недаром я взятый с собою колчан  
Громовержца стрелами набил.  
И теперь я сильнее, чем коварный Эрот,

И суровой судьбы роковой,  
Ибо дева — мой друг,  
А любовь пролагает мне огненный путь.  
О подруга, могучей орлицею стань,  
Ибо друг твой — воитель теперь,  
Ибо мысль повела тебя в бой!  
Я, быть может, погибну в том страшном бою  
Ну, и что ж! Я мечтаю давно,  
Чтобы кровь одеялом покрыла меня,  
Чтобы конь мой убитый лежал в головах,  
Лишь бы мне отомстить, а потом умереть, —  
Я мечтаю об этом давно.

Пусть увидит, увидит луна,  
Как я трижды наполнил кровью врага  
Прародителя Гайка шелом!  
А потом пусть умру я от ран.  
Пусть однажды проснется душа,  
Шевельнется в родимой земле  
И увидит, что сыт сирота,  
Что без страха ведет землешапец свой плуг,  
Что свободою дышит мой край!  
Пусть потом я навеки усну.  
У могилы моей не совьется змея,  
Незабудки Армении будут синеть,  
Лев придавит шакала к земле,  
И положит у камня поклон,  
И поднимет свой взор к небесам,  
И во всю свою мощь зарычит.

1905

### 183. КОЛЫБЕЛЬ АРМЯН

Есть хата; в ней — колыбель;  
Из кипариса она.  
Вкруг дико воет метель  
И сов насмешка слышна.

Со сводов виснет седых  
Бус синих-синих овал.  
То слезы неба, но их  
Жестокий холод сковал.

Там копоть, сырость, капéль...  
И там безмолвно в тиши  
Качается колыбель,  
Как мeсть в глубинах души.

То — место, где армянин  
Мятежных кормит детей,  
Где цвет лобзаний — один:  
Кровавой розы алей.

Там нежных слов не слышать,  
Под песнь любви не уснуть:  
И мгла там — строгая мать,  
А молний вспышка там — грудь.

В слезах, лишенный всего,  
Ребенок должен там жить;  
Там случай зыблет его  
И друг приходит кормить.

Но там, под синью тех бус,  
Герой, быть может, сокрыт,  
Как в яслях спал Иисус,  
Освободитель там спит!

*1905*

#### 184. РОДНЫЕ ГОРЫ

О горы, горы мои! Кто сосчитает ваш век?  
Короной — солнце для вас, плащом — туман ледяной,  
Лежит на ваших плечах седыми прядями снег,  
Сверкающий под луной.

А ваши гордые лбы лобзает, радуясь, бог.  
Течет небесная синь на склон ваш, темен и крут.  
У ваших синих озер спокоен сон и глубок,  
В их глади звезды цветут.

Весной из тайных пещер под вой свирепых ветров  
Бурливо реки бегут и пена брызжет, седа,  
Они спешат разостлать узор цветущих ковров  
Внизу, где бродят стада.

Обвив гранитные лбы, змента молнии жгут  
И поджигает леса, которым сотни веков.  
Добычу прямо со звезд орлицы там достают  
И воду пьют с облаков.

Благословение вам! Вы наших предков гнездо,  
Вы ниспослали им свет развеять дикость и тьму,  
И, шкуры тигров надев, они сошли на плато,  
Волов пригнули к ярму.

Средь вас в ненастную ночь наш первый царь проскакал,  
Ведя на персидский стан отважный свой легион.  
Заслышав ржанье коня, сползли драконы со скал  
И скрылись в бездне времен.

Благословение вам! Здесь Просветитель Трдат  
Нашел под влажной скалой суровый, но верный кров,  
Здесь ладан отшельник жег, святою думой объят,  
И здесь читал часослов.

Здесь плоть поруганных дев секлась о скальную твердь  
Затем, чтоб цветами стать под ясным лучом зари,  
Здесь шли в монахи цари, почуяв близкую смерть,—  
Титаны, а не цари.

И золотом, и серебром утроба ваша кипит,  
И серьги для знатных жен творил из них золотодел,  
Для бога — чашу и крест, а для решающих битв —  
Смертельные жала стрел.

И мрамор в вашей груди в пласты створожился встарь,  
Своей трудовой рукой добыли его отцы  
На многоколонный храм и непорочный алтарь,  
Где службу несли жрецы.

Здесь город строил Ерванд, здесь храм возводил Ерваз  
И ставил мраморный фриз, сверкающий, как Масис.  
И мрамора красота сама вдохновляла нас.  
Вела строителей ввысь.

Поставил мосты Аршак и перехитрил Евфрат,  
Не помня себя со зла, поток их тщетно крушил,  
Стоят до сих пор мосты, макая в пену наряд  
Свой из ежевичных жил.

Царей Аршакидов прах в гробницах свято блюдя,  
Укрылся в вашей толпе отшельник — город Ани.  
Дубравую поднялись, корнями в тот прах уйдя,  
Рубаки Багратуни.

О горы, горы мои! С вас бури стерли, увы,  
Подобья древних богов, героев наших черты,  
Не смолю Зевсовых косм, а черным платом вдовы  
Венчает туча хребты.

Так пусть, опомнившись, к вам придут Потомки отцов,  
Добудут крылья орлов, в просторы неба взлетят!  
Пусть камни дедовских стен сберут для новых дворцов,  
В оружие гром обратят.

Мы можем только у вас свою свободу найти,  
Где бездн крошащийся край судьбе нас учит дерзить,  
Где звезды учат любить, где розы учат цвести,  
А водопады — разить.

Так пусть Потомки отцов средь вас раскинут свой стан,  
Нальются крепостью скал, напьются солнца огнем!  
Ведь только вольный храбрец, добыв утес-великан,  
Столицу ставит на нем.

Так пусть стопы храбрецов на древний кратер взойдут!  
В нем тайный пламень кипит, источник силы отцов.  
И пусть ваш мраморный клад Потомки вновь обретут  
Для статуй наших борцов.

1908

#### 185. ВААГН

О бог моих отцов,  
Что посвятили капище тебе,  
Куда я направляюсь,  
Ведя быка с равнин Тарона.  
Не правда ли — хорош для жертвы? Тучен,  
В груди, под белоснежной шерстью, —  
Вся полнокровность жизни;  
Он не приучен ни к ярму, ни к стойлу,  
Он вскормлен на просторах вольных пастбищ,

И водопоем был ему родник  
В земном раю — под сенью Ацеаца.  
Когда он фыркает, взметая пыль  
И раздувая черными ноздрями  
Речной песок, он выдыхает воздух,  
Пропитанный густым настоем трав.  
Смотри, какого я привел красавца!  
Крутые красно-бурые рога —  
Чем не венец, чем не корона славы?  
В его глазах горят неукротимость  
И гордое сознание вольной силы,  
Густой проворный хвост,  
Змеясь, гуляет по бокам, по крупу,  
К священному не подпуская телу  
Назойливых слепней.

Бог мужества, услышь меня, Ваагн,  
О ты, который в племени Тиграна —  
Живое Солнце, Человекосолнце,  
Омой мне душу, ороси лучом  
Уста мои, ведь я целую камни  
Святынища земного твоего  
И, словно жрец, подняв тяжелый молот,  
Быку с размаха рассекаю лоб,  
Чтобы пролить к твоим ногам  
Дымящуюся жертвенную кровь.  
. . . Смотри, уже взметнулись языки  
Священного костра к ветвям оливы,  
И пламя в можжевелевом дурмане  
От капель тающей смолы  
Трещит, гудит, поет о превращениях,  
Которым подлежит душа вещей.  
Вот окровавленные ребра жертвы,  
И морда, и мясистые огузки,  
Вот бычий мозг, что направлял инстинкты  
И делал непокорными рога,  
Вот сердце, — да, оно еще трепещет,  
Вот желчь, — надеюсь, что ее пузырь  
Сгорит, как должно, вместе с содержимым, —  
Всё, всё — твое, и, поднимаясь, пламя  
Возносит запах благовонной туши  
К небесному чертогу твоему.  
Дары мои прими,  
Прими вино, которое в огонь

Лью из кувшина, чистого до блеска,  
И сладкий запах жадными ноздрями  
Вдыхай блаженно и не помни зла,  
Забудь, забудь в божественном хмелю,  
Что твой народ — вероотступник.  
Прими нектар священного питья,  
Обильного и сладкого, каким  
Из раны дерева оно  
В подставленные амфоры стекало,  
Семижды ополоснутые мною.  
Кровь дерева  
Чиста и драгоценна,  
Как пот беременных, как кровь ребенка.

О, не взыщи! Я отдал всё, что было  
В моей лачуге и в моей душе,  
Всё, что оставил вражеский набег  
В пустынном овдовевшем Аштишате.  
Последним из язычников в роду  
Пред капищем твоим склонив колена,  
Целую землю, где частица  
Твоей души укоренилась в соснах,  
И обнаженные по локоть руки,  
С которых каплет кровь быка,  
К тебе вздымаю:  
Ты бог моих отцов, и я молюсь,  
Молюсь тебе, Ваагн!

Благословляю силу рук твоих,  
Которыми ты пасти разрывал  
Драконам и которыми по небу  
Рассыпал звезды Млечного Пути.  
Благословляю силу созиданья  
В духовном взлете,  
Твой поцелуй — живительную силу  
Не только для цветов и для огня,  
Но также и для атома, для мозга  
И воли, обретающих в тебе  
Бессмертное начало;  
Благословляю твой могучий перст,  
Который семена прикосновеньем  
Проращивает и по жилам дуба  
От комля до вершины гонит сок;  
Благословляю силу вековую,

Что наливает груди молоком,  
Качает наши зыбки и до звезд  
Возносит нас, когда мы умираем;  
Она дает уверенность народу,  
Вдыхает в сердце львиную отвагу,  
Вселяет в руку мощь твоей десницы  
И под своим крылом  
Вынашивает в наших матерях  
Богатырей, великие таланты, —  
И эта сила для меня священна,  
Я познаю ее в тебе  
И, простирая к небу руки,  
Очищенные кровью жертвы,  
Молюсь тебе, Ваагн!

1908

#### 186. ПОБЕДИТЕЛЬ

Вот створки врат городских раздвинулись, грохоча,  
И бурею пыль войны ворвалась в них, горяча.  
Герой вернулся домой верхом на белом коне,  
А следом пленных ведут на длинном, с версту, ремне.  
Косу привязав к косе, ведут экбатанских дев,  
На шеи, на руки им золотые кольца надев.  
Все молча смотрят на дев. В рабыни их продадут.  
Груженные серебром телеги следом ведут.  
Вот троны гордых врагов, короны гордых врагов,  
А вот реликвии их и статуи их богов.  
И всю добычу войны, а с ней и живой товар  
Герой на белом коне приносит Городу в дар.  
Еще на поле боев, устроивши торжество,  
Всё войско, славу крича, венчало лавром его.  
С меча на его боку слетает кровавый блик,  
И, лют, глядит со щита Медузы Горгоны лик,  
И солнце, словно алмаз, легло Герою на шлем.  
Огромен Герой в седле, таким он и виден всем.

Вчера был в Городе мор, сегодня в Городе — пир  
На башнях трубы трубят, вещая округе мир,  
И сто голубиных стай, что Город к небу вознес,  
Роняют свой нежный пух на фризы в гирляндах роз.  
Вокруг Героя толпа, всё круче, круче напор,

Оставил мельник муку, забросил плотник топор,  
И медник, и шорник здесь, и тысяча старых прях  
С клочками пряжи цветной на спутанных волосах.  
Гетеры в пышных венках бегут просить у Астхик  
Победных солдатских ласк хотя бы на краткий миг.  
Алтарь Ваагнов в цветах, жрецы куренья толкут  
И жертвенного тельца к огню за рога влекут,  
А сорок ярок-овец и восемьдесят ягнят  
Окрасят кровью тропу, где вел Герой свой отряд.  
Сбегаются молодежь, она шумна, весела,  
Она кровавый триумф за светлый праздник сочла.  
На землю перед Вождем невеста стелет фату,  
А жены светлым вином спешат омыть на ходу  
Коню широкую грудь, хмельную влагу плеча,  
Герою сыплют цветы на плащ, ниспавший с плеча.  
Но отчего им в ответ молчит Герой-великан?  
Взирает он на толпу, как солнце на океан,  
Он знает этих людей: они в потемках живут,  
Они ликуют сейчас, а завтра злобно взревут  
И в отомщенье за то, что солнца им не добыть,  
Они его проклянут и покусятся убить.

Всё шире, шире толпа, она сегодня щедра,  
Несет корытами хлеб, льет молоко из ведра,  
Кумиру мантию шьет, вставляет в бронь жемчуга  
И: «Слава! Слава! — кричит. — О Сокрушитель врага!  
Ты был солдатом простым, вернулся богатырем.  
Ты вражью силу побил, что осаждала наш дом,  
Сменил на молнию ты солдатский меч и копьё —  
Сам хромоногий Гефест ковал для Зевса ее.  
Так будь прославлен, Герой! Ты нам сумел привести  
Цариц — полы подметать, царей — корзины плести.  
Тебя мы любим, Герой! Тебе осанну поем,  
Тебя на веки веков над нами ставим царем!  
Пусть до пределов земли царит десница твоя!  
Возьми Фемиду женой и будь нам мудрый судья.  
А мы на мирных полях, крестьянский труд возлюбя,  
Взрастим и хлеб для солдат, взрастим и лавр для тебя.  
Скачи вперед, наш Герой! Тебе уже вознесен  
Резного камня дворец и орихалковый трон,  
А сорок девственниц ткут за алтарем Анаит  
Пурпурный плащ для тебя, по краю золотом вит.  
Нашли в священном лесу мы самый древний платан,  
Чтоб царский скипетр тебе был божьим деревом дан.

Вот твой жемчужный венец, вот золотая печать,  
И будет сам Арамазд тебя на царство венчать.  
Тебя мы любим, Герой! Тебе осанну поем  
И хором молим тебя быть нашим славным царем!»

Герой им молча внимал, и взор его был далек.  
Потом он спрыгнул с коня, и свой лавровый веночек  
Вдел на седло, и детей окликнул: «Эй, сорванцы!» —  
И поручил одному вести коня под уздцы  
И сумасбродной толпе, от удивленья немой,  
Сказал: «Пустите меня! Пойду в деревню — домой».

1908

### 187. ПАСТУХ

(Поэма)

1

Весною в горы уйдя, он возвращался в село,  
Когда по жухлой траве ноябрьским снегом мело,  
А я, внучонок его, с утра торчал на дворе.  
Едва завидя овец на малой ближней горе,  
Бежал встречать пастуха, навстречу деду бежал.  
Меня, в объятых подняв, на ослика он сажал,  
И под колокольный звон, к вечерне зовущий мир,  
В свое родное село победно вступали мы.  
О, этот прекрасный час, когда под родимый кров  
Вливается, топоча, поток священных даров!  
И вот в знакомый загон свернула эта река,  
И ходят, как волны, в ней овец крутые бока,  
Бараны гордо влекут тяжелые курдюки,  
Ягнята катятся в хлев, как шелковые клубки,  
А козы еле идут, так натуго налиты  
У них молоком сосцы, побитые о кусты.  
Блеянье и запах гор, катясь пред стадом волной,  
По-свойски справлялись вмиг с дремотною тишиной.  
От грозных косматых псов, едва слышав их рык,  
Крестьянская детвора скорей за калитки — прыг!  
А кучка древних старух с проворностью черепах  
Скрывалась под панцирь стен, засовы лишь — дзвень  
да бах!

И вот являлся пастух, величественный, как князь,  
Огромный посох его втыкался с чавканьем в грязь,  
Его тяжелый башлык скрывал лицо, как шелом,

Букетик синих цветов сиял звездой на нем,  
Медвежий черный тулуп горой стоял на спине,  
Болталась сбоку сума на сыромятном ремне.  
Огромен и величав, он так и входил во двор,  
И запах шел от него нехоженых влажных гор,  
Целуя, меня снимал с потрепанного седла.  
Природу моя душа в том поцелуе пила.

2

Зима. На дворе метель.

А возле печи — покой.

В овчарне тоже покой еще на месяц-другой,  
Оттуда лишь сена хруст доносится до крыльца  
Да редко — протяжный крик, когда рожает овца.  
Свою пастушью суму старик повесил на гвоздь,  
Овечьим сыром она пропахла круто, насквозь,  
А кошка, спрятавшись от моих назойливых игр,  
К пастушеским постолом крадется тихо, как тигр,  
И, ежась, нюхает кровь, ее расплывшийся след,  
Что там с тех пор, как убил в горах волчицу мой дед  
А мама дремлет в углу, пекла нам с ночи лаваш,  
Порой очнется, крестясь и бормоча «Отче наш»,  
Когда ударит, как гром, лавина снега в горах  
Иль ветер взвояет в трубе и схватит за душу страх.  
И я, припав к старику, шепчу всей силой души:  
«Ой, деда! Ты обещал. Про горы мне расскажи».  
И дед меня в свой тулуп укутывал с головой,  
И с первых же слов его стихал пугающий вой.  
«Ах, внучек! У нас в горах, когда зайдешь высоко  
(Вот вырастешь и со мной отправишься далеко,  
Тебя я петь научу, свою волюнку отдам),  
Там много всяких чудес, ты все их узнаешь сам».  
И, крепко меня обняв, старик начинал рассказ,  
Кончавшийся лишь тогда, когда наш светильник гас.  
Случалось ли вам в горах забраться под небеса,  
Туда, где стоят стеной сомкнувшиеся леса?  
Лишь буря вонзает в них громов топоры белы  
И сносит к селу поток ободранные стволы.  
Случалось ли вам в горах забраться в тайный приют,  
Где ведьмы доят волчиц и эту отраву пьют?  
А после на лунный свет выходят петь и плясать,  
Заманивать пастухов и в пропасти их бросать.  
Случалось ли вам бывать на сочных горных лугах,

Где бабочки, утомясь, сидят у коз на рогах,  
Где солнце, как древний царь, по скалам, как по плечам,  
Идет и сыплет лучи молочно-белым ручьям?  
Случалось ли вам забресть под стылый туманный пар,  
И выбраться из него у самых дальних кошар,  
И встретить там у костра спокойного пастуха,  
Который мирно сидит на куче рыжего мха  
И сушит возле огня тяжелый влажный тулуп  
Иль обувь ладит взамен побитой о скальный зуб?  
Случалось ли вам смотреть, как режет пастух козла  
И льется на камни кровь, пузырчатая и ала,  
Как жарит он шашлыки и запах тех шашлыков  
Изводит за полверсты голодных, как смерть, волков?  
Случалось ли видеть вам, как с неба падает гриф  
И, в шкуру того козла кривые когти вонзив,  
Взмываст с ней в небеса и там исчезает вмиг?  
Так вот про это про всё рассказывал мне старик.  
Я слушал дух затаив, как сердце его стучит,  
А если он умолкал, я слушал, как он молчит.  
И, словно великий бог, был свят для меня старик,  
Он добр был, как наш народ, хотя порою и дик.  
Огромен, седобород, могуч, и ростом высок,  
И духом неукротим, он был и вправду как бог.  
Лежал у него на лбу морщин узор непростой —  
Его навели дожди и солнца плуг золотой.  
А дедова грудь была как будто глыба-алтарь,  
Где идолам всех стихий мы жертвы сжигали встарь.  
В косматых его бровях блуждали запахи гор,  
И, тычась в них, я вдыхал высокий влажный простор  
И с миром в сон уплывал, и крепла моя душа,  
Как крепнет на всех ветрах у рек стена камыша.  
И так я за ночью ночь стал жизнью его богат,  
Как вечно богат огонь, впитавший масло лампад.  
А ветер снаружи выл, считая свои часы.  
У теплой печной трубы на кровле ютились псы  
И выли по временам в искрящейся белой тьме  
В ответ голодным волкам на ближнем лысом холме...

3

Весна.

На кровле у нас — веселой лужи приют,  
И голуби там, возясь, воркуют и воду пьют.  
Бежит оттуда капель, сбивается в ручеек,

А тот, обогнув порог, сбегает в общий поток,  
А тот уже за селом сливается с день-деньской  
Ревущей среди камней, набравшей силу рской.  
А солнце всё веселей, и вот, свежа и жива,  
По рыжим склонам холмов пошла толпиться трава.  
Волнуется дед-пастух, встречает ветер у дверей,  
А тот и рад поиграть у крыльев старых ноздрей.  
О, сладок запах земли! Томит он дух пастуха.  
Вот так невеста поет, сводя с ума жениха.  
Когда почует душа хмельные песни весны,  
Ни крыша над головой, ни печка ей не нужны,  
И пламенный образ гор, что был в зеницах сокрыт,  
Теперь в глазах пастуха светло и жарко горит.  
И вот берет он тулуп, и вот волынку берет,  
В которую звездный рой приносит свой терпкий мед,  
И матери говорит: «Сбирай-ка мое добро.  
Ступай, ворота открой. Иду я в горы, Маро».  
Счастливо шагает дед, ступает и дышит всласть,  
Пред ним отара овец долиною растеклась,  
Им вслед тоскливо глядит мгновенно забытый хлев,  
Кругами носятся псы, от радости ошалев,  
И лают на трех орлов, с небес глядящих на них,  
И с яростью зимних блох выкусывают своих.  
А я? Мне дома сидеть? Нет, больше я не могу!  
Что силы в моих ногах я вслед за дедом бегу,  
Я руку его ловлю и чуть не плача кричу:  
«Ой, деда! И я с тобой! Я тоже в горы хочу!  
Я белый горный цветок хочу в отрогах найти!»  
— «Ты мал, — отвечает он. — Устанешь на полпути.  
Тебе туда не залезть. Ступай-ка домой, герой».  
Вот войско его и он скрываются за горой,  
Я, всхлиывая, бреду назад в село, одинок,  
Но ветер слезы мои сдувает мигом со щек.  
Дитя не помнит обид, ребячьи мысли чисты,  
И вот я для мамы рву простые наши цветы  
Иль бабочку ей ловлю дыхание затая. . .  
Нет, больше я не могу! О, память, память моя. . .

4

Когда пришел он назад, закат за нашим селом,  
Кровав и крив, догорал над совершившимся злом.  
Ни колокол не звенел, ни дым средь-яблонь не стыл,  
Никто на нашем гумне не веял, не молотил.

Шагал старик по селу, как будто бы сам не свой,  
Дивясь сплошной тишине, зловещей и гробовой.  
Почто не вьется у ног на улице детвора?  
Почто не видно старух, хотя это их пора?  
Мертвы стояли дома, остатки кровель клоня,  
За сорванными дверьми ни голоса, ни огня.  
Где прежде был сеновал не счесть уж который год,  
Там серый пепел кружит и дохнет облезлый кот.  
Старик глаза опустил и ус поседевший грыз,  
Его охватила скорбь, дрожал он, как кипарис,  
И стадо, будто поняв: беда стряслась с пастухом, —  
Притихло и еле шло, стеснившись в единый ком.  
Хозяину своему заглядывая в глаза,  
Тревожно съжились псы, как будто вот-вот гроза,  
Они спешили издать свирепый рычащий храп  
И землю беды скребли ударами задних лап.  
И вот он увидел дом, знакомый стертый порог,  
Цветок со шлема сорвал и бросил наземь цветок,  
Ступил на цветок, вошел. . .

5

А дом его не встречал.

Ободранный и пустой, дом, как пещера, молчал.  
Ларец с деньгами разбит, с иконы сорван оклад,  
Комочками на полу раздавленный виноград,  
С лампадным маслом бутыль, расколотая, в углу,  
И масло, наш зимний свет, расплеснуто на полу.  
А мама моя лежит, растрепанная, ничком  
Перед потерявшим жизнь, разметанным очагом,  
И глухо плачет она, истоптанная бедой. . .  
Прошел в свой угол и сел у стенки пастух седой  
И долго-долго молчал, а нежный блеск с его глаз  
В одно мгновенье сошел, теперь в них ярость зажглась,  
Ужасный черный огонь зрачки накалял теперь.  
Пастух недвижно сидел, угрюмо глядя на дверь,  
Он долго понять не мог, седой простой человек,  
Какими волками здесь устроен этот набег.  
Но вот постепенно мысль, от горечи тяжела,  
Ощерившейся змеей в рассудок его вползла,  
В покой пастушьей души срыгнула черную слизь,  
Морщины на лбу его надулись и собрались,  
Издав усталый пастух глухой и короткий стон, —  
Всё понял он наконец, и принял решение он.

Вскочил, как раненый зверь, хрипя и злобно рыча,  
И грива его, седа, рассыпалась на плечá.  
Великий праведный гнев душил и тряс старика,  
Он был подобен грозе, идущей издалека,  
Вначале перед собой несущей темный покой:  
Оцепенев, деревья в нем застывают с тоской, —  
Но вот по склону горы шагает вал ветровой,  
Трещат и стонут дубы, клонясь пред ним головой,  
Вот вспышкой глаза слепит пронзительно синий свет,  
Пронзительно желтый свет, а грома всё нет и нет,  
И вот ударяет гром, и вздрагивает скала,  
Драконья туша его чудовищно тяжела,  
Несется из-под когтей томительный лязг и треск,  
И льется стеной вода под молний слепящий блеск.  
Так было и с пастухом. «Маро! — гремел он. — Маро!  
Вставай, Маро, да скажи, кто тронул наше добро?  
Попомни, поганый пес! Попомни, зверь-кызылбаш!  
Всё то, что ты проглотил, ты, кровью блюя, отдашь!  
Вставай, Маро, да суму, что кинул я у дверей,  
Набей мне литым свинцом на самых лютых зверей!  
Вставай, Маро, да подай, подай оружие мое —  
Не посох овец гонять, а дедовское ружье!  
Оно в овечьем хлеву! Сними распяты́е Христа!  
Там щель, а в щели ружье прикрыто куском холста.  
Я в горы опять иду, я всех волков созову,  
Я буду мстить за сирот, я буду мстить за вдову!  
Я — старый горский пастух, а пастуху не к лицу  
Смотреть, как ворюги жрут украденную овцу!  
Изгадили мой очаг! Ну что ж — значит, мой черед!  
Я выжгу логово их! Пусть пепел на них падет!»  
Умолк, осмотрел ружье, слегка ремень подтянул,  
Мешочек с порохом взял, на стадо и не взглянул  
И прочь зашагал. А я за ним помчался стрелой,  
Воздев кулачки, крича: «Возьми меня, дед, с собой!»  
Приостановился дед, взглянул и увидел он,  
Что я подрос и окреп, что я, как львенок, силен,  
Что воин во мне растет — не смиренный трудяга-вол, —  
И за руку взял меня и в горы с собой повел.  
Возмездье питает нас, и смерть мы несем врагам.  
Среди скалистых теснин и по высоким лугам  
Он, старый, шагает в бой, я, малый, не отстаю —  
Волынку его несущи и славу его пою.

1907—1908

## 188. АРМЕНУИ

(Поэма)

### 1

Тем утром переходит шах Аббас  
Со стадом тигров-воинов Араз.  
Он тысячи армян согнал кнутом  
К реке соленой — пленной крови полной,  
И стали утонувшие плотом  
Для одолевших траурные волны.

Раскинул белые шатры Аббас.  
Издалека они похожи даже  
На аистов, что прячут в сонный час  
Под крылья клювы — только слух на страже.  
А возле шаха грозного — дозоры.  
Стоят вокруг охранниками горы.

Садится солнце. Воины ко сну  
Отходят.

Им подушкой служит узел  
С награбленным.

Лишь пленники сомкнуть  
Не в силах глаз: их горе давит грузом.  
Рыдают.

Если всё же сон сморит,  
В душе слезам навеки путь открыт.

### 2

Один лишь человек сейчас не спит.  
Сидит он на коне молочнугрудом,  
Чего-то ждет и пристально глядит  
В долину, что сияет изумрудом.  
Взор брови, чудится, сейчас спалит.  
А солнце в соснах, сонное, горит.

Все яхонты вобрал в себя закат...  
А грозный человек подобен грифу,  
Который жертву рвать на части рад.  
И ветер бороду вплетает в гриву

Коня

и продолжает с гривой игры...  
В том человеке бьется сердце тигра.

То шах Аббас, мрачнейший внук Тахмаза.  
Сияет солнце на его челе.  
На лбу коня горит луна алмазом.  
Шах видит мысленно себя в седле  
На улицах Тебриза, Еревана.  
И дара жаждет победитель рьяно.

О, Падишах, вернись к своим шатрам:  
Полно сокровищ несравненных там.  
И в день победный ты себя укрась  
Сапфирами, парчой, недавно чьей-то.  
И бороду в крови армянской крась,  
В вине, как в хне, семь дней и семь ночей ты.

Нет, не желаешь лавров, что со лбов  
Поверженных сорвал собственноручно.  
Твой конь копытом землю бьет —  
жуков

И гальку давит, ржет на ветер звучно.  
О шах, скажи — не утолен твой взор:  
Что нынче ждешь от солнца ты и гор?

«Добычу золотую — розу роз.  
Ее я из Армении привез.  
Наложницы в камнях драгоценных,  
Парча князей — попона для коней:  
Армянские трофеи. Много пленных.  
Меня ж влечет лишь к дивнокудрой — к Ней

Княжна-армянка, лучшая из дев...  
А крепость их мы превратили в хлев.  
Красавица охотилась за ланью.  
Я подлетел к ней как на паре крыл.  
Не увидала замка полыханья:  
Глаза ей поцелуями закрыл.

Прекрасная Арменуи... Светло  
Луна впечаталась в ее чело.  
О черноокая царица гурий!



Шатер белейший в розах. И слегка  
 Вдывает ветерок его бока.  
 Гурьбой заходят девушки сюда —  
 Здесь дух алоэ чувственность тревожит,  
 А волчья шкура брошена на ложе,  
 Где гурии не ведают стыда.

Сидит Арменуи теперь на нем.  
 Сосцы и пальцы дышат родником,  
 И капельки воды на них доньне.  
 Стремятся девы ублажить княжну —  
 Несут каменья, благовонья, хну...  
 Княжна сидит нагая, как богиня...

«О дев тела, священные кувшины!  
 Поэт, мудрец, герой несокрушимый —  
 Все выльются из вас...

О идол мой!

Бог сотворил тебя всему основой.  
 Венец лавровый и венец терновый  
 Сорву со лба, склонившись пред тобой.

А грудь прекрасная — нирвана боли.  
 Мне радость пить из глаз твоих

и доли

Не знать блаженней и светлей вовек.  
 Ты — книга с духом ладана глубоким,  
 Написанная в озаренье Богом,  
 Которую читает человек.

Гроздь винная в саду, родник молочный!  
 Ты — храм сражения и мира прочный.  
 Но вхож в него лишь тот, кто дал обет.  
 А посторонний подойдет к святыне  
 И обнаружит, что она — твердыня,  
 И не избегнет дерзкий в жизни бед...»

Княжна сидит нагая, как богиня...

Слова Корана вышиты искусно  
 На полотенце. Первая служанка  
 Им тело деве растирает жарко,  
 И песнь ее струится, как по руслу:  
 «Арменуи, ты радужный фонтан.  
 А мы вокруг тебя —  
 Лишь кувшиночки бледные.  
 И к звездам летят  
 Твои брызги несчетные.  
 Арменуи, ты радужный фонтан».

Вторая девушка красивым гребнем  
 Ей волосы расчесывает нежно.  
 Ручьем пробор белеет в туче вешней.  
 Прислужница поет тепло, хвалебно:  
 «Арменуи, ты лира Фирдуси.  
 С гор вечером ветры  
 Сбегаются юные  
 И трогают косы  
 Твои многострунные.  
 Арменуи, ты лира Фирдуси».

А третья девушка чернит сурьюю  
 Ей брови тонкие, ресницы красит.  
 Как видно, думает — печаль погасит.  
 И брови тонкою лежат тесьмою.  
 «Арменуи, прекрасней нет бровей.  
 Чудесные арки,  
 Стоят высоко они.  
 Зрачки — две пчелы,  
 И сосут молоко они. . .  
 Арменуи, прекрасней нет бровей».

Четвертая настоем трав душистым  
 Вкус пряный придает устам красивым,  
 Целует в щечку пленницу игриво  
 И голоском поет живым и чистым:  
 «Арменуи, язык твой — соловей.  
 А щеки твои —  
 Это розы и лилии.  
 Соловушку прячут  
 Уста твои милые.  
 Арменуи, язык твой — соловей».

Армянской хною пятая служанка  
Ей красит тщательно сосцы, и ногти,  
И мягкие девические локти.  
И напевает песню мусульманка:  
    «Арменуи, прекрасней нет грудей.  
    Они отдыхают  
    Живыми голубками.  
    А руки — как змейки  
    С янтарными зубками.  
    Арменуи, прекрасней нет грудей».

Шестая благовонными маслами  
Живот округлый убажает деве,  
Пушок кропит духами

и в напеве

Хвалебном

    пленницу нагую славит:  
    «Арменуи, пупок твой — след в снегу,  
    Оставленный  
    Козьим копытцем стремительным.  
    А пах твой — колодец,  
    Припрятавший клад удивительный.  
    Арменуи, пупок твой — след в снегу».

Седьмая надевает ей ссержки,  
Браслет бесценный с бриллиантом горным  
И ожерелье с жемчугом —

но черным! —

И брошку — нет затейливее брошки.  
    «Арменуи, в мечети факел ты.  
    Стоит в Исфахане  
    Она, светоносная.  
    Ты вся в бриллиантах,  
    Как озеро звездное.  
    Арменуи, в мечети факел ты».

Потом служанки деву окружают,  
Как пчелки, что кружатся возле розы.  
В ее глазах — одна печаль и слезы.  
Они же деву песней убажают:

    «Арменуи, чиста твоя краса.  
    Зарею взошла  
    Над великим Ираном ты.

Ты шаху услада,  
Гарему же — рана ты.  
Арменуи, чиста твоя краса».

И всё. Вокруг безмолвие царит.  
Княжна служанкам тихо говорит:  
«О сестры, я как жертвенная телка,  
Поганый идол жертву ждет давно.  
Получит шах из крови телки только  
Яд наилучший, а гарем — вино».  
И девушки покинули княжну,  
Оставив за собою тишину.  
В отчаянии дева молодая  
Ладони вдруг сплела в полукольцо,  
Сдавила лоб, беспомощно рыдая  
И на подушку уронив лицо...

5

О шах, явись!  
Луна вплыла в шатер  
Через входной малюсенький зазор.  
Лучи скользнули по твоей добыче.  
Но плачет дева...  
Ну и что?  
Иди!  
Все плачут — уж таков у них обычай, —  
Когда срывают жемчуг с их груди.  
О шах, явись!..

6

Вот слышен топот ясно.  
Телохранитель под уздцы коня  
К реке уводит, полной звезд алмазных.  
Шах входит к деве.  
Отсветом огня  
Алмаз в короне темень гонит прочь.  
Свет на лице, в душе армянки — ночь.  
«Арменуи, что плачешь безнадежно?  
Твои желанья святы для меня,  
Узда они для моего коня.  
Они — закон для трона непреложный.

Дай при твоём великодушном стане  
На миг забыть о венценосном сане».

«Но тело и душа всегда едины,  
И не разделишь их на половины.  
Кольцо, что подарил жених с любовью, —  
Печать на теле.

На душе — армян

Молитва. . .

Прочь! Ты грязен, скверен, пьян,  
И отдаст твоё дыханье кровью».

«Твой раб, тебе служить я буду верно,  
Сложу свой меч к ногам своей любви». —  
«Ты зверь! Клыки кровавые свои  
Передо мною прячешь лицемерно,  
Чтобы вонзить проклятые в меня. . .»  
— «Уйми безумство моего огня!  
Стал шах рабом, Аббас Меджнуном стал.  
Пусть хлынут волосы твои лавиной  
На грудь мою, податлив будет стан. . .  
Сдай крепость пламени, моя богиня,  
Впусти в себя — ты сердцу всех дороже. . .»  
— «Мои объятия — алтарь, не ложе!»

У шаха взгляд застыл — так смотрит кот.  
Который к птичьему гнезду крадется,  
Или змея, которая вот-вот  
Козленку крохотному в рот вопьётся.  
Неистово метнулся к деве шах,  
Ее колени обнял, не дыша.

Арменуи вскочила, и волна  
Волос упала на плечи смятенно.  
Босую ногу аспиду она  
На голову поставила надменно.  
В лучах луны лицо бледнее воска.  
Сказала: «Шах, ведь я сильнее войска!»

И вышла. Цепи женской красоты.  
С души его опали постепенно.  
«Мной пренебречь? Да как посмела ты?  
Ишь, куропатка, — неприкосновенна!»

Пригладил бороду, во тьму взглянул  
И мантию со злостью отряхнул.

Армянка, платьем освещая ночь,  
Походкой нимфы уходила прочь...  
Аббас ей прорычал издалика:  
«Что, куропатка, клетка на запоре?  
Гляди, замочит крылышки река!  
Сочтет тебя газелью, кто в дозоре!

Ступай, но утром я приду опять.  
Мне страсть мужская помешает спать.  
Кинжалом грудь нагую рассеку я,  
Волков накличу, коль не дашь обнять,  
Сеть из волос твоих сплету морскую...  
Ступай, но утром я приду опять».

7

Скала над бездною висит отвесно.  
Река отважно вторглась в лоно бездны.  
Поток трясет скалу и ежевику,  
Растущую давно на той скале,  
А после дико мчится по земле,  
Волнение лунному подставив лику.

На круче дева. И тревожен взор,  
Как у газели, мчащейся от вепря.  
Не убежать: здесь только звери, ветры  
Да вдалеке старательный дозор.  
Еще Араз, как пес сторожевой,  
Сюда доносит свой бессонный вой.

Княжна смотрела на воды волнение,  
Стараясь прочесть судьбы веление.  
И слезы потекли произвольно.  
А ветер выл на плоскую луну.  
Как одиноко, сумрачно и больно!..  
Сказала дева, глядя на волну:  
«Будь милостивою ко мне, река.  
Ты так неукротима и сурова —  
Несешься, как строптивая корова,  
И вымя тяжело от молока.

Родная, научи меня дороге:  
Где между волн скрываются пороги?  
Иначе — не успеет солнце встать  
И вымыть в волнах золотую прядь,  
Развяжет шах на серой шкуре волчьей  
Мне пояс девственности,  
торжество

Испытывая. . .

Нет, умру я молча,  
Так и не став наложницей его!

Но что же не спешит моя родня  
Спасти меня, домой умчать меня?  
Напрасно я смотрю с надеждой вдаль  
И проклиная этот вражий берег,  
Хотя душа еще в спасенье верит —  
Ей с жизнью молодой расстаться жаль.

Лишь квакают в траве лягушки грустно.  
Кругом безмолвно, пусто — ни души.  
Неужто думают — в лесной глуши  
Добычей стала я шакалов гнусных?  
И ждут — найдется ли хоть платья клок?  
И пеплом посыпают наш порог.

Мать свадебной фаты не шьет уж мне —  
Ее игла сломалась золотая.  
А меч отца ржавеет на стене,  
В труднейшей битве больше не блистая.  
Всё изменилось в одночасье, разом!  
А я росла, любя отца, гордясь им!

Неужто нету жалости в родных?  
А что меня не ищет мой жених?  
Обет любви давал под шелковицей  
И в верности мне клялся каждый день —  
Быть неотступным, быть при мне, как тень.  
Так отчего не хочет появиться  
И не спешит сразиться с падишахом?  
Неужто мой жених ужален страхом? . . .  
Река, услышь:

испуганная смертью,  
Покинутая всеми на земле,

Лишь твоего ищу я милосердья,  
Такая беззащитная, во мгле».

И с шеи ожерелье сорвала —  
Прельстить ее пытались им напрасно.  
Что для нее пустяшный блеск соблазна?  
Как дань иль дар, пучине отдала.  
А дикая угрюмая река  
Мгновенно поглотила жемчуга.

Потом сережки, пояс и браслеты —  
Всё мрак Араза с чавканьем вобрал,  
Да не насытился: подарок мал.  
Так пленница истолковала это.  
Но сберегла в отчаянье глухом  
Кольцо, подаренное женихом.

Глядит кругом — за нею не следят.  
Во мраке звезды легкие летят,  
Как ириса цветки, светло и близко.  
Да лошадь ржет —  
ведут на водопой.  
О дева! Время дерзости и риска:  
Пробил побега час —  
господь с тобой!

8

А валуны в реке — морские свинки:  
Лежат и ветру подставляют спинки  
И создают небезопасный брод.  
Вода бурлит, безумствует меж ними.  
А пена вниз прыжками затяжными  
Летит — за валуны, в водоворот.

Арменуи, как пробующий крылья  
Орленок, напрягла свои усилья —  
Прыг на валун!  
И на второй, на третий.  
А дерзкий ветер рвет вуаль с волос.  
Еще прыжок!  
Но в грудь толкает ветер.  
И вновь прыжок!  
Дыханье сорвалось.

Сумела хищных водорослей сеть  
Ее ногою цепко завладеть,  
Чтоб затянуть в слепую глубину.  
И дева оступилась в страхе, с криком.  
Вот-вот падет, вот-вот пойдет ко дну,  
Вот-вот исчезнет в сумраке безликом.

Как разъяренный пеликан, волна  
Бежит, бежит на деву вперевалку.  
Покрыла — ей ведь юности не жалко —  
Армянку тут же с головой она.  
И всё.

Теченьем деву унесло.  
И бездна вслед расхоталась зло.

9

Рассвет плеснулся на небесный кров.  
И вóроны, в ночи как стеклодувы  
Надутые, теперь макают клювы  
В озера розоватых облаков.  
Спешат они, продрогшие в ночи,  
Приветить солнца первые лучи.

Что ж, на свидание ступай, Аббас, —  
Туда, где замедляет бег Араз.  
Арменуи скользит — хвали судьбу! —  
По волнам золотым кувшинкой нежной —  
От стебелька оторванной, но вешней,  
И ждет свиданья в водяном гробу.

Скользит она, несет ее вперед —  
К родному дому, чудится, плывет.  
В реке от платья белого — свеченье.  
Оно с рассветным облаком сплелось.  
Оттягивает к берегу течение  
Волну чернейших молодых волос.

Несет Араз ее — доволен, шах? —  
Да вѣтерки рыдают в камышах.  
И бледная луна в прощальный путь  
Сестру свою печально провожает,  
И поминальные лучи на грудь  
Струит, как будто в саван обряжает.

И в трауре склонился низко лес...  
И вдруг два существа возникли разом  
На разных берегах.

И над Аразом  
Прошлась тревога,  
а покой исчез.  
Аббас и лев, продравшись сквозь тростник,  
Остановились, замерли на миг.

С одним не мог угрюмый шах смириться:  
Осталась в смерти девственной княжна,  
А в девственности той была царицей,  
Как армия его, была сильна.  
Погнулся меч его?

И скорбь, и гнев  
Слились в одно, душою завладев.

Вдруг тишина разрушилась в ушах:  
Взглянули друг на друга лев и шах.  
И два царя одним прыжком звериным  
Одновременно бросились в реку —  
На бой, навстречу чужаку, врагу,  
И рык и крик сплетая в звук единый.

Так хочется отвергнутому шаху  
Притронуться рукой, хотя бы к праху.  
О, черный локон, черный талисман,  
Заклятие от бесов и от страха!  
Зрачки же — черный жемчуг и дурман,  
А сердце — факел на пути к Аллаху.

С мечом кидается Аббас на льва.  
И лев кидается бесстрашно в драку.  
Шах ранит зверя.

Уцелев едва,  
Ошерившийся лев спешит в атаку.  
Цари ловки, отважны и сильны,  
И силы их, наверное, равны.

Семь раз повергнут зверем был Аббас.  
И с львиной гривой борода семь раз  
Его сплеталась...

А волна качает  
Утопленницу между двух бойцов.

Кто же отступится в конце концов?  
Чья сила бой победой увенчает?

Сражаются, и хлещет кровь из ран.  
И свирепеют — каждый кровью пьян.  
Лев бьет хвостом упругие бока.  
Аббас ликует — уж победа близко!  
И кажется, что водяные брызги  
Летят в сверкающие облака.

Шах оступился, сапоги набрякли.  
Близка его победа?

Да уж так ли?

Сломал о львиные клыки он меч  
И высек искру.

Более не нужный

Обломок отшвырнул

и безоружный

Пытался оседлать врага, налечь.

Но нет — как рыкнет лев, ощерив пасть,  
Готов на безоружного напасть!  
И с девой прочь понесся горделиво.  
Рука княжны, как лилия любви,  
Обвила шею львиную в крови —  
Кольцо любимого сверкнуло в гриве.

Аббас в бессилии, и взмок он весь —  
Что без меча его слепая спесь!  
Царь леса скрылся с ношей драгоценной.  
Стоит Аббас, еще чего-то ждет.  
А пламень глаз усопших сердце жжет —  
Недостижимый, неприкосновенный.

Проклятья аду посылает шах.  
Что толку в них?

Душа на части рвется.

И шах Аббас к бойцам своим плетется,  
Еще не пробудившимся в шатрах.  
А деву, все преграды одолев,  
К руинам крепости уносит лев.

1905

**189. ИЗВАЯНИЮ КРАСОТЫ**

Я хочу, чтобы мрамор твой белый  
Из нутра Олимпа был вырыт.  
Мой резец явит зрячему миру  
Хмеля полное женское тело...

В глубь очей твоих падая, истину  
И бессмертье находят там люди.  
Лик твой чист. Совершенные груди  
Соком жизни томятся таинственно.

Будь нагой, как душа у поэта.  
И языческой той наготой  
Нам терзаться, не смея при этом

Прикоснуться к тебе. Пред тобой  
Мне зарезанным быть — быть мне жертвой.  
Выжжет кровь мою мрамор твой щедрый.

1911

**190. ВАНАТУР**

Праздник новых плодов в честь  
приносящего всё бога Гостепри-  
имства Ванатура.

*Агатангелос*

Ты направляешь тучного вола  
Через свои державные владенья,  
О Ванатур, ты пережил великих  
Богов, чьи жертвенники порости  
Успели мхом, лишь ты один остался  
Бессмертным, как земля или огонь,  
Как соль морских пучин.  
Из складок алой мантии твоей  
Еще не выветрился винный запах —  
Дыханье новогоднего веселья.  
Века опустошительных нашествий  
Не погасили радостного блеска  
В твоих глазах, и не от горьких дум,

Не от уныния твои морщины —  
От красногубого хмельного смеха.  
Когда ты по-хозяйски объезжаешь  
В туманном месяце, в цветочной дымке  
Поля родные на своем воле,  
Ты общаешь материнство пашням,  
Принявшим семя жизни.

И вновь весна, и снова утро жизни,  
О Ванатур, и о твоём венке  
Сиреневые ирисы мечтают.  
И не твоим ли полнокровным жилам  
Под стать лучи, что сходятся к тебе?  
Трава в росе, в траве белеют камни,  
Дым деревенского жилья похож  
На облачко священных воскурений.  
Мне хочется гирляндами из роз,  
Подвесками, игрою самоцветов  
Украстить шею твоего вола,  
Что мордой тянется назад и лижет  
Твои босые ноги.  
Его мычанье проникает в норы,  
В пещеры, будоража сонных змей,  
Будя медведей.  
Жизненная нега  
Пробиться рада звонким родником.  
Наяды подставляют  
Свои кувшины мраморные звезд  
Для меда, голуби, роняя с клювов  
Жемчужины, воркуют над ручьями,  
Довольные купаньем.  
Смейся, смейся  
Своим языческим задорным смехом,  
О Ванатур!  
Природа, сняв покровы,  
Стряхнула сон, и в поднебесье  
Расправил крылья безграничный праздник  
Гигантским лебедем, трубящим славу  
Тебе, непобедимый Ванатур.

И вот в свои права вступает лето  
Необозримой ширью русских нив.  
О Ванатур, венчай себя снопами!  
Твой вол копыта погружает в море,

Которым разливается пшеница.  
Благословенный трепет полнит гнезда  
В кустах, отяжелевших от цветов,  
И жаворонок в небе трель рассыпал.  
Твоим живительным благоуханьем  
Овеяны зеленые холмы.

Заря, проснувшись,  
Уступает ложе  
Луне на плоской деревенской кровле,  
И пряный воздух выдыхают ветки,  
И даже пепелища заросли  
Крапивой с мальвой.  
Под ивой в жертву приношу козла,  
Чья шерсть разделена пробором  
На два густых потока светлых нитей.  
Он пасся, Ванатур, в твоих священных  
Садах и огородах.  
Пей, ненасытный, жертвенную кровь,  
Рви теплую козлятину зубами,  
Как на былых языческих пирах,  
И пусть тебя над колосистой нивой  
Серпы и косы славят.

Вот осень в изобилии даров,  
В триумфе зрелости, в напоре соков.  
По праву увенчай себя лозою,  
О Ванатур, возьми свое копье  
С побегими цветущими на древке.  
Деревья — точно женщины на сносях,  
И кольца пней слезятся сладким клеем,  
И затвердели косточки плодов,  
Как сгустки жизни  
Семенем твоим.  
Твой вол слюну разбрызгал над полями,  
И полнятся амбары —  
Благодатью,  
Пузатые кувшины —  
Ликованьем. . .  
Пусть вдоволь будет твоему волю  
Ячменных звезд.  
А ты, розоволицый,  
Кровь с молоком, неугомонный бог,  
Подставь поближе свой бездонный кубок —

Я кровью осени его наполню  
Над родником.  
Хочу, чтоб ты смеялся,  
О Ванатур, хочу, чтобы плясал, —  
Пляши и смейся, бог гостеприимства!  
В сквозных садах, таинственно скользя,  
Мелькают нимфы,  
Девушки, наполня  
Гранатовыми солнцами подола,  
Торопятся в святилище твое,  
Ведь из богов лишь ты один бессмертен,  
Как соль морских пучин,  
И среди зимней скуки  
Перед родными очагами струны  
Благоговейно о тебе поют.

1911

#### 191. КЛЕОПАТРА

Словно месяц на небосводе,  
Та ладья средь речных зыбей...  
Чернокожий певец заводит  
Песню нежную, стоя в ней:

«Скользи, лодка, скользи быстрее,  
Я рабом твоим, лодка, буду;  
В твоем чреве, цветка пышнее,  
Скрыто то, что подобно чуду.

Перламутровые, царица,  
Весла ярко твои горят,  
И алмазная серебрится  
Пыль на них, восхищая взгляд.

Скользи, лодка, скользи быстрее,  
Все прекрасное славят имя,  
Нет царицыных рук нежнее,  
Хочет Рим быть закован ими.

Блеск чела твоего, царица,  
Отражает, плещась, волна, —  
Так хотела бы отразиться  
В Ниле вкрадчивая луна.

Скользи, лодка, скользи быстрее.  
Пышный берег, цветущий сад.  
Из прибрежной оранжереи  
В лодку с ветви упал гранат.

Уж не сон ли волшебный снится?  
Семь служанок, как семь сестер,  
Над твоей головой, царица,  
Натянули цветной шатер.

Скользи, лодка, скользи быстрее.  
Ожерелья в глухих футлярах  
Шелестят, как волна, не смея  
Рассказать о волшебных чарах.

О царица, благоуханье  
Твое, слаще любого зелья,  
Разбудило на расстоянье  
Змей, скрывающихся в ущелье.

Скользи, лодка, скользи быстрее,  
За туманом Тарсон маячит;  
Сколько факелов, пламенея,  
С копий свет свой струят горячий!

В воду руку свою царица,  
Отвернув от реки лицо,  
С лодки свесила: не боится,  
Что с руки соскользнет кольцо.

Скользи, лодка. Семирамиды  
Сад над бездной, она была  
Только лилией глянцевиной,  
Ты же — розою в нем цвела.

Ярче всех маяков на свете  
Бриллианты в твоей короне.  
Как мальчишка, тобою бредит  
И любовью горит Антоний.

Скользи, лодка, скользи быстрее,  
В твоем чреве плывет Исида  
С жемчугами на смуглой шее,  
И сиянье вокруг разлито.

Тебе кланяются, царица,  
Рим и грозные легионы,  
Самый смелый тебя боится  
И трепещет, как куст зеленый.

Стой же, лодка, замри скорее.  
Клеопатра по сходням вниз  
Сходит на берег — вслед за нею  
Струны дернулись — порвались».

Поцелуй на ветру так жарок,  
Ночь таинственна и нежна.  
Он подносит ей Рим в подарок,  
Пирамиды ему — она.

1911

#### 192. О, ТАЛИТА...

Красным светом горит и горит во тьме  
Погребок твой, о Талита!  
Пива мне! Пусть по пальцам твоим бежит  
Пены пышная пустота.

И неважно, что я тебе князем кажусь —  
Весь холеный и тонкий весь.  
И неважно, что всякий простолюдин  
Будет принят тобою здесь.

Ненавижу я женщин, что прячут лицо  
Под назойливый, липкий грим,  
Будят похоть они в дряхлом теле вельмож —  
Только золото любо им.

Ненавижу я женщин, что вырастил «свет», —  
Только деньги в почете у них.  
Услаждают себя они страстью собак  
И любовников мучат своих.

Ты неси мне пива, неси, Талита!  
Сядь ко мне на колени скорей!  
Пусть покажутся икры в черных чулках  
Под короткую юбкой твоей.

Пусть огонь ночников до утра догорит,  
Пусть поет захмелевший ашуг  
И слепые зрачки устремляет на нас  
И струны замирающий звук.

Распусти золотистые косы свои,  
Отразит их хрустальный бокал.  
Опустись — не спеши — на колени мои,  
Чтоб желания миг созрел.

И неважно, что губы твои матросня  
Искусала, — скорей забудь,  
Что пролился пот вождельня густой  
На твою молодую грудь.

Я хочу захмелеть на твоей груди,  
Как беспечный пьяный солдат.  
Выжму кружку до капли последней, а ты  
Выжми душу мою, как гранат.

Я хочу в этом доме, где красный свет,  
Святотатствовать, чтоб не рыдать.  
И плебейке принес я душу свою,  
Чтоб за кружку пива продать!

1911

### 193. «БЛАГОСЛОВЕННА ТЫ МЕЖДУ ЖЕНАМИ...»

Когда ты присядешь, Мария, на краешек ложа  
И перед тобою, у ног твоих, я опущусь на колени,  
Целуя голубоватые жилки  
Твоих ослепительных рук,  
Горячие губы уловят  
Биение будущей жизни — плоти от плоти твоей.  
С той ночи, когда ты по этой подушке  
Беспечно рассыпала кудри,  
Объятая открыв наслажденью,  
И пот наслажденья стекал по вискам;  
С той ночи, когда твоя девственность умерла  
В тебе, в глазах-незабудках,  
И мед на круги под глазами  
Ресницы твои процедили, —

Ты сделалась кроткой, немногословной,  
Ты стала белоснежной голубкой,  
Что, нежась на солнце, воркует,  
О завтрашнем грезит гнезде.  
Любуюсь счастливо-усталым лицом.  
Раскрылась рубашка — и груди видны, под которыми  
ЖИЗНЬ

Твоя разветвляется на две,  
Даря тебе материнство.  
Я чувствую каждую жилку твою —  
И сердце мое отвечает согласным биением,  
И кровь прорастает цветком,  
Пьяня и тебя, и меня ароматом —  
Дыханием нашей любви.  
.. Будь благословенна, Мария,  
В своей бесконечной любви,  
В моем обладанье тобою,  
В твоём продолжении — плотью от плоти!  
Будь благословенна, Мария!  
Ты самая светлая из плодородных борозд,  
Ты самый прекрасный сосуд  
Из всех сосудов на свете.  
Будь благословенна во веки веков!  
Как бусинку жемчуга в створках ракушки  
Ты Богоподобного Человека  
Вынашиваешь во чреве своем, —  
Будь благословенна, Мария! ..

1907

#### 194. СТАРАЯ ЛЮБОВЬ

Старейшая чета —  
увядшие сердца —  
Присела на часок под сенью абрикоса.  
Давно его цветы в окружности венца  
Ее живые украшали косы.

Бьет стариков озноб —  
и солнышко не впрок, —  
Как некогда он бил в миг юности влюбленной.  
Да нет, не тот озноб —  
лишь клюки возле ног  
Неслышно обнялись в траве зеленой.

Нет пыла в жилах их, нет жара в их крови,  
В сердцах давно допета песня поцелуя.  
И в чревах семя, словно лилия любви,  
Не прорастает, явь и сон волнуя.

Томится взгляд его в старухиных очах,  
В нутро ее, увы, уже не проникая.  
И стынет солнца луч, и смысла нет в лучах,  
Когда вся жизнь остывшая такая.

И если даже их нежданно повлекло  
В объятия старые, которые невинны,  
Вдруг хрустнет их душа, как в пламени стекло,  
И ни за что не склеить половины.

Увяли розы их, покинул щеки цвет.  
Любовь их нынче — только искра среди пепла.  
Воспоминанье дунет — искры больше нет:  
Угасла, прахом сделалась, ослепла.

Вдруг хлынул аромат из цвета и тепла —  
Там на холме росла корица молодая.  
И старая любовь в их душах ожила,  
Как старая молитва золотая.

И вспомнился чете тот абрикос, родник.  
Как ласка сладостна была и вожделенье!  
Вдруг — поцелуй, старушкин легкий вскрик  
И тихая улыбка просветленья.

### 195. ПЕРВЫЙ ГРЕХ

каждый день на горах и в ущельях пасла  
Своего синеглазого козлика дева;  
И на лилии ноги босые ее  
Наступали в уверенном шаге. . .  
И струились по белой открытой груди,  
Как шафран, золотистые косы;  
И ни мирт, ни жасмин на ее голове,  
Как ланитные розы, не вяли.  
Дева пела всегда, и смеялась в душе  
Ее песня. Из краешка неба  
Было сшито лазурное платье ее.

И пастушечий посох в безгрешной руке —  
Древний змей, превратившийся в камень, —  
Веткой персика стал. . .  
И когда на прохладный ручей ввечеру  
Пригоняла козленка она,  
Сквозь деревья украдкою месяц  
Пробирался следом за ней.  
Он, наверное, — глаз вожделений  
Иеговы, любовника дев.

Но однажды услышала голос она,  
К роднику ее звавший в долину.  
Он, как звучная песня, ее чаровал,  
И внимал ему белый козленок,  
Шею вытянув, с длинной травинкой во рту.  
Ибо песня та новою песней была:  
«Вниз сойди, о невинная дева!  
И под тенью смоковницы мне принеси  
Синеглазого козлика в жертву!  
Принеси его в жертву и ведай, что я —  
Этих гор всемогущий владыка,  
Что моим дуновеньем, по воле моей  
Серебром заструятся потоки,  
Чистым золотом станут ручьи;  
Там, где я поцелуем к земле прикоснусь,  
Дрожь желанья по ней пробежит;  
Станет лилия розой на персях моих,  
И царицею девушка станет.  
Я цветами наполню луга, превратив  
В них горячую кровь твоей жертвы.  
И тогда не козленка ты будешь пасти,  
А пастушкой бабочек станешь!»  
Долго слушала дева, и эти слова  
Будто в сердце ее говорили,  
И под звездами молча вздохнула. Потом  
Посох свой подняла, подчинясь волшебству,  
И козленка по склону холма погнала  
К вожделению полной долине.  
Здесь ручей, здесь смоковница, чувствуешь ты  
Дух Самца, что шафрана и тмина  
Благовонием плотно окутал тебя?  
Принеси твою жертву немедленно!  
И на гладких и светлых камнях у ручья,  
Там она положила козленка,

И рожок его в мокрый зарылся песок,  
О, каким сладострастным и сладким был миг!  
И казалось ей, белый козленок ее  
Будет так же резвиться и прыгать  
На покрытом цветами лугу.  
Ведь она никогда не слыхала про смерть,  
И запела она об одном  
Наслаждении, что обещает  
Принесение в жертву себя.  
О весне своей юности пела она,  
О своем гармоническом теле.  
И ее миновал умоляющий взгляд  
Синеглазого козлика. К шее,  
Опьяненная страстью, приблизила нож  
И вонзила с веселою песней.

Так у ног Соблазвившего Духа она  
Принесла свою первую жертву.

Но от жертвы ее не раскрылись цветы,  
И не стала пасти мотыльков...  
Замутилась от крови струя родника,  
И козленок не мог уж в холодной воде  
Выпить звезды блестящего неба.  
В травах посох покрылся опять чешуей,  
Став шипящей змеею, как прежде;  
И за темными скалами скрылась луна.  
А она, окруженная тьмою,  
Над убитым козленком стояла одна  
И, рыдая, омытою кровью рукой  
К мокрым векам своим прикоснулась...  
И пока на челе ее вянул жасмин,  
О грехе своем плакала дева...

1906

#### 196. АНАИТ

Над капищем трава.  
Кровавая струя  
Из жертвы более не бьет безгласной.  
Нет ладана. Лишь амброй чешуя  
Благоухает, змейкой сброшенная красной,

А я, усталый путник, тут, среди руин.  
Мой конь, почуявший Ваагна кобылицу,  
От похоти неутоленной злится,  
Но бог с небес так и не сходит ни один.

Исчезли вещие жрецы в лесной глуши —  
В живом и шелестящем изумруде.

И, лютни Вруйра, не поют  
твои божественные груди.  
Вокруг же капища рыдают камыши.

На твой хитон уже газели ни одной,  
Ужаленной стрелой,  
не лить прощальной крови.

И стынет статуя в музее, не готовя  
Себя к свиданью с новой весной.

Однако жить всегда ты будешь, Анаит,  
Не на земле, а в небесах высоких.  
Взойдет луна, и ты с ней.

Оживит  
Чело святое полумесяц златорогий.

Тебя меж звезд я вижу.  
Льется свет  
Вниз, в воду, из сосцов.  
И лани жажду

Там утоляют.  
С мордочек их влажных  
Лучи стекают, оставляя след.

Ты глянешь вниз — взор барышню притянет.  
Кувшин вакханки упадет, стоявший на плече.  
А дева истово молиться станет  
В постели, на коленях, при свече.

Лук и колчан — они всегда с тобой.  
Бесшумно правишь лунной колесницей.  
И жизнь в лесу уже готова пробудиться.  
И воеет волк ночной на факел твой.

Луг в грезах, и бутоны алых роз  
От стрел твоих твоими же раскроются устами.  
Кипят и бродят соки неустанно  
В саду старинном, что давно зарос.

Идешь — твои сосцы лучи струят.  
Но чтит народ земную власть, а божью — реже.  
И ветер с волнами столетия подряд  
Губили храм на керсонесском побережье.

Ночами гончий пес твой тягостно скулит.  
Идешь меж звезд, и полумесяц на челе сверкает.  
А пес на алтаре сидит, страдает —  
Глядит на небо и скулит. О, Анаит!

1912

### 197. САТУРНАЛИИ

И снова в городе над морем  
Запаливают факелы:  
Город  
Сполохами огней, как проститутка  
Камнями драгоценными, сверкает.  
Умолкли молоты на наковальнях,  
Не слышно визга пил,  
Вечерний город  
Вином из разбитого кувшина  
Пузырится в своих страстях пурпурных,  
Охваченный чувственной горячкой.  
С холмов переспелая лоза  
Над улицами разливает запах,  
И едкая морская соль  
Приятно пощипывает ноздри.  
Вот-вот из храмов жрицы сатурналий  
Появятся, — о долгожданный час!  
Проходят женщины, прибавив  
К наряду две-три розы в волосах.  
Приплясывая на ходу, поют  
Мужчины,  
Проститутка распускает  
Тугие косы до пят и, в море  
Кудрей купаясь, своднику-скопцу  
В лицо смеется непотребным смехом.  
Истомой дышит нечестивый город,  
Заляпаны стены красным светом,  
Гранатовое дерево оделось  
Фонариками,  
По мостовой

Вино течет,  
И лужами слюны  
И желчи заболочены пороги.  
Цветочные гирлянды на дверях  
Сулят любовь,  
Запотели бани,  
Под сводами которых млеет похоть  
И тает содержимое курильниц.  
В амфитеатре пенистой рекою  
Струится кровь,  
А в храме в это время  
Приканчивают втихомолку жертву.  
И в лупанариях, откуда липкий  
Багровый свет сочится сквозь щели,  
На ложах страсти женщины распутно  
Глаза полуприкрыли, тряся  
Пупками в такт далеким бубнам...  
Город  
Справляет сатурналии в кровавом  
Тумане ночь напролет.  
В разгаре праздник,  
Дворцы кутят,  
На площадях водят хороводы,  
А по углам  
Впустую брызжет сперма.  
Нагим невольникам,  
Которые для этого пожара  
Смолу из кипящих тротуаров  
Покорно извлекают,  
Печет ступни.  
Тот мчится с провиантом,  
Тот — с полными кувшинами вина,  
А этот шустрый раб  
Несет венки —  
Увить хмельные лбы своих хозяев.  
Верзила, девку на себя взвалив,  
Ее как праздничную жертву тащит  
К патрицианскому столу.  
Арфа  
Поет вино и силу вождельеня  
Над городом, который чресла  
На берегу раскинул — проститутка,  
Вся в драгоценностях, — и освещает  
Пучками факелов свои соблазны.

Твой ли золотые стрелы, Эрос,  
Упав на этот город, возбудили  
Бесстыдную похоть в горожанах?  
Нет, ты здесь ни при чем,  
Ты в этот город  
Не залетал, ты пронесся мимо  
По направленью к острову богов  
И там с луною нежно охраняешь  
Ночные бденья соловьиных пар.

1911

### 198. ПОСЛЕ ПИРШЕСТВА

Безмолвье в зале. Гости разошлись.  
Светильники сияют утомленно.  
Бесшумно и тягуче каплет вниз  
Густая кровь из вен их воспаленных.

Струна замолкла. В обмороке стон,  
В изнеможенье. Сон нетрезво дышит.  
Над ртами и глазами машет он  
Крылами крупными летучей мыши.

Средь хаоса стола, среди безмолвья  
В кувшине грезит капелька вина.  
Зубами раненный, покинутый гранат  
Под свечкой — с нею — истекает кровью.

Вдруг звон в тиши — и вдребезги стакан,  
Убитый наповал недавней трещиной.  
Надкусан был он опьяненной женщиной —  
В нее он страстью хмеля истекал.

А в вазе вянут голубые лилии.  
Их духом был гусан и пьян, и сыт.  
И мертвой бабочкою пышнокрылою  
На стуле веер кем-то позабыт.

А там, в двери, в ночи открытой настезь,  
Вздых мускуса еще не отсверкал.  
Сообщничество хохота и страсти  
Мертвеет где-то в глубине зеркал.

Служанка и уродливый слуга  
Тут убирают и пируют ныне.  
Опивки вин глотнув, хмельной слегка,  
Исподтишка целует раб рабыню.

1911—1912

### 199. ПОЧИВШИМ БОГАМ

Под Крестом —

под расписанным кровью распятем, —  
С крыл которого скорбь в мир струится, как в чашу,  
Горьким сердцем искусства оплачу опять я,  
О язычников боги, гибель раннюю вашу!  
Нету таинств.

Природу же циркуль устоев  
Жалит.

Скука взирает надменно и строго.  
Человек под незримой гигантской пятою —  
Под пятою глухого еврейского Бога.

Зевс, погиб ты!

Четверка коней Аполлона

Ржаньем к Солнцу рвалась...

Ныне всё исчезает.

Беспризорная молния в облачном лоне  
Как слепая змея среди звезд проползает.  
Вóза Геры не тащут павлины парадно.  
Не сияют оглобли из радуг нарядных.  
Вниз не льются уже семена налитые:  
Кровь Урана и Зевса — дожди золотые.  
Звезды не разгораются — мрака завеса —  
От касанья крылатых сандалий Гермеса.

А в лесу, Анаит,

Нет собачьего лая.

Ты ушла, дичь выслеживать не посылая

Свою гончую.

Тлеют обломки колчана.

Лань идет к водопою — никто ей не страшен.

Пан могучий сосновым венком не украшен.

Сухостой не цветет от дыхания Пана.

В бубны больше не бьют козлоногие фавны.  
Плачет Миф, на пенъке примостившись бесславно.

Нимфы, пали и вы!  
Реки в скорби и боли  
Берега свои зыбкие яростно гложут.  
Не поете, наяды, вы песнь свою боле,  
В полнолунье качнув камышовое ложе.  
Стали саваном водоросли густые.  
В роднике зачарованном струи — пустые:  
Нет очей в них бедняги Нарцисса.  
Хотя бы

Клювик горлице вымыть!  
Да нет же — там жабы!

Без тебя, Посейдон, обезлюдело море.  
Над коралловым лесом  
нет коней твоих в мыле.  
Не видать колесницы на синем просторе —  
Прежней, пенистой, легкой, —  
ее позабыли.

Твой трезубец не тычет в покорную спину —  
В путеводную гладкую спину дельфина.  
Под скалой Сицилийской погибла Сирена.  
Ее песнь не сбивает с пути морехода.  
И Астхик не рождается больше из пены  
И жемчужной ладьею не трогает воду.  
Боги, боги, без вас так уныла Природа!  
Эй, Пенаты, в какие сбежали вы дали?  
Вас крестом раскололи в пылу богомолья?  
Мои деды своих через вас почитали,  
Обнося каждый день и нектаром, и солью.  
Нету, Эрос, тебя!

И сестре моей кровной  
С кем делиться девической тайной любовной?..  
Нету более глиняных Псов у порога.  
Только Крест одинокий победно и строго  
Над моим изголовьем подвешен, конечно.  
И одно лишь он славит — Смерть он славит прилежно.

И под этим Крестом,  
И под этим распятым,  
С крыл которого скорбь в мир струится, как в чашу,

Горьким сердцем искусства оплачу опять я,  
О язычников боги, гибель раннюю вашу!  
Гляньте: море — пустое и поле — пустое,  
Лес и дом потускнели и смотрят убого.  
Человек под незримой гигантской пятою —  
Под пятою глухого еврейского Бога.

## 200. НАЛОЖНИЦА

(Поэма)

...увидал женщину чрезвычайно  
красивую, ..которая пела ру-  
ками.

*Мовсес Хоренаци, кн. II*

В гранитном горном дворце ранней весной, ввечеру,  
Бакур, владетельный князь, сидел на пышном пиру,  
Как вдруг примчался ездок, на зависть бурным ветрам,  
Путем, залитым луной, к сиюникским княжьим вратам.  
Конь запыхался, слюну буря из морды рвала, —  
Намокло золото стремян, намокла кожа седла.  
Примчался издали гость — мохнатый бархат плаща  
Недаром пылью покрыт, недаром конь, трепеща,  
Заржал, — и звезды дрожат! Расставшись с потным  
седлом,

В стойло жаждет он стать, паром вздохнуть и теплом.  
Бакуру конник знаком, он знает, как его звать:  
То внук Баграатов Тырдат, царя армянского зять,  
Дирана в гневе боясь, теперь бежит в Марастан:  
Тырдат младую жену — а ей родитель Диран —  
Жестоким боем избил, жене бесчестье нанес:  
Прогнал красу из дворца, обрезав золото кос.  
«Тырдат, — сказал нахапет, — мой дом — твой дом в эту  
ночь.

Далече маров страна, устал ты, видно, не в мочь.  
Войди в мой мирный покой, две чаши мы разопьем.  
Сегодня наша любовь крещение примет вином!»  
И вот садится за стол изгнанник Багратуни.  
На троне слева — Бакур, как сан велит искони;  
На тронной спинке прямой изваян тонкой резьбой  
Вахх, увенчавший быка кудрявой винной лозой.  
Вельможи в ряд за столом сидят по своим местам, —  
Но не старинный их род, а доблесть чествуют там:  
Лишь честью бранных мечей достигли княжьих честей,

Двенадцать джортов сидят сюникских всех областей,  
Сыны свободные гор, чья грудь всечасно в броне,  
Ее надежная сталь при зыбком блещет огне.  
Тут же и бдешки сидят, в боях удалая знать,  
Ведут рассказы о том, как вепрей весело гнать.  
Сспухи знатных родов, в накидках с ярым кольцом,  
Воздели чаши в руках: смеются, рдея лицом.  
Как в море, пышный дворец и в смех, и в свет

погружен,

И их густые клубы за дверь выносятся вон.  
Гостей щиты на стенах — отпор лихого врага;  
Гордо чернеют меж них крутые туров рога.  
Копья, на коих еще кровь не обсохла зверей,  
В козлах пучками торчат, у крупностворых дверей.  
Поддержан свод двадцатью столбами грузными в ряд.  
И двадцать паникадил друг против друга горят.  
Минуя двадцать столбов, выходят двадцать рабов —  
Несут тушеную дичь в роскошной меди котлов.  
И пар дразнящий, виясь, встает от края котла.  
Вокруг висящих огней струится зыбкая мгла.  
Богата утварь стола, пышно посеребрены  
Блюда, ковши и ножи — бесценный дар старины;  
Зарницей звонкой они, лоя сквозь дымку лучи,  
Мгновенный мечут огонь по скатерти из парчи.  
С цветами вдоль по столу — сосудов искрится ряд,  
И, страстно в душу лиясь, цветы свой запах струят,  
И мельком между цветов, при тусклом свете свечей.  
У джортов зубы блестят средь шума пьяных речей.  
Тяжелый запах вина, пряность дымящихся блюд,  
Подъемлясь, мутную мглу на ярость трапезы льют.  
На стол подают грибы, сюникской славу страны.  
Невинных горлиц сердца в сок пряный погружены.  
«Сердце голубки! Прошу! — балийский потчует джорт. —  
Вкусишь — и будешь как тигр!» — «О нет, хозяин,  
я горд!» —  
Ответствуя, шутит гость: «Я сердце женское съем!»  
И сверху смех раздался, от хоров, где между тем  
Супруги знатных армян, цветник веселых подруг,  
Свой женский правили пир, собравшись в праздничный  
круг.

Но вот четыре раба попарно в покой вошли,  
В кованой бронзе котлов рабы двух вепрей несли.  
И снова шествие слуг, и вот взнеслись над столом  
На блюдах груды гранат, кувшины с крепким вином.

То — верх веселья! Но вдруг потоки роз без конца —  
Как будто жен цветники роняли с хоров сердца —  
Текут на хмельных гостей; на стол спадают цветы;  
Аспеты, дети войны, копьем стучат о щиты;  
Голуби вьются под свод и, в легком лёте своем,  
Присев лениво на край, спустив крыло в водоем  
Фонтана с ясной слезой, что свет струит в темноту,  
Опять взвисясь, жемчугов роняют дождь на лету.  
И звонкий лёт голубей, и свет, и роз аромат —  
Всё — словно рай, где, багрян, возрастает страсти гранат.  
Кравчие снова, подняв с лебяжьим горлом кувшин,  
Бесстрастно цедят вино для охмелевших мужчин.  
Тут остроокий Тырдат подьмлет чашу свою.  
«Витязи! — он говорит. — В честь Ванатура я пью,  
Чье мощно семя, и в честь Астхик, дарующей страсти!  
Я славлю мужний огонь и женщин сладкую власть.  
Пусть поцелуи любви, не чуя хода годов,  
Пребудут живы у вас в тени душистых садов!»  
— «Царь, тесть твой — славься! — кричит Бакур,

подьемля потир. —

Святой он жизнью своей дарит нам благодный мир!»  
Вдруг джорт воскликнул один: «Царю великому честь,  
Который снегом покрыт Масиса!..» — Дикая весть  
Ошеломила гостей: «Погиб владыка армян?»  
— «В объятиях вечного льда недвижим мертвый Диран.  
Вчера, что ворон, сюда примчался вестник лихой,  
Сказал, что царь утонул в снегу, застигнут пургой;  
Одни из снега торчат зубцы венца, говорят,  
Одни, украсив Масис, в армянском солнце горят».  
Вмиг весть летит по дворцу, до отдаленных хором  
Скорей, чем трапезы стол обходит кубок с вином...  
Весь вечер был на пиру невесел витязь Тырдат, —  
Узнав о смерти царя, теперь несказанно он рад.  
«Выпьем, — кричит он, — теперь! Аршака в пропасти  
трон,

Бьется в ее глубине, в последний срам погружен».  
Но огнебрызжащий край едва поднес он к устам —  
Глазами встретил глаза на хорах. Женщина там  
С нежданным жаром в груди, сама — что солнечный луч,  
Дивилась гостя красе: как строен гость и могуч! —  
И львиной выей могуч, и звездной зоркостью глаз!  
Чтоб их зажечься огнем, дерзнуть довольно лишь раз  
Взглянуть в их темную ночь горячей, страстной жене!  
Могуч он буйным челом и крепкой грудью в броне,

Что, скрыта в звонкую медь, волной вздыхает морской,  
Могуч широкой спиной и рук красою мужской,  
В которых любо для жен, подобно резвой змее,  
Свиваться на сто ладов и замирать в забытьи!  
Затрепетала. Тырдат, с открытою головой,  
У губ свой кубок держал, о стол опершись рукой,  
Черные очи вперив в синие очи ее,  
До дна он разом испил свое хмельное питье.  
И прядь волос золотых он вынул из-за брони, —  
Как луч, проникший из туч, прелестны были они —  
Он пену с влажного рта солнечной прядью отер,  
Прядью той гордой жены, избитой им на позор, —  
Когда ее он изгнал и насмеялся над ней  
И всех вокруг изумил буйной расправой своей.  
Едва поставил Тырдат дрогнувшей чашу рукой,  
Звонами струн загремел, вдруг озарившись, покой.  
«Плясунье шире простор! Пусть розы и жемчуга  
Усеют пол, где должна ступить плясуньи нога!»  
Синея взором, она спускалась со ступеней,  
И, рея вокруг головы, голубки вились над ней.  
Сверкал воздушный покров, звездой казалась она.  
В нее вперившись, Тырдат вновь кубок выпил до дна.  
Но вот гусаны вошли — пять старцев — в пирный покой,  
Белые кудри у них до плеч струились рекой:  
Вот арфы сладко звенят, и вторит им пандион;  
Словно серебряный град — бубна взволнованный стон.  
Лирного чрева самшит, звуча струнами семью,  
Бурлит, как море в грозу, зовет сердца к забвению.  
И вот все струны, слиясь, верны перстам стариков,  
Возрокотали хвалу величию древних веков.  
Поют могучих богов, и мать златую земли,  
И звездочетов-жрецов, что змей шипящих сожгли, —  
Поют, как взвились они на камне с ярим огнем...  
Неслась о витязях песнь, что, потрясая копьем,  
Струющим молнии блеск, сияя шлемов игрой,  
Прорвали, крови ища, фаланг незывлемый строй.  
Плясок в тот миг хоровых со струн раздался напев —  
В них томность пьющих вино армянских женщин и дев,  
Что в сени сада лежат, скрывая нежность лица,  
Но чья лилейная грудь открыта для храбреца.  
И вот плясунья идет, мелькнув меж бубен и лир:  
Златом волос пленены, прервали витязи пир.  
Имя плясуньи — что мед: зовут ее — Назеник;  
Дрожит, как тополь, она, что вешний ветер обник, —

И строй рокочущих струн, и тела трепетный строй,  
Сливаясь, дивно растут и полнят пирный покой.  
Семи наложниц персты смочили с завистью ей  
Пряди волос, не устав лить аравийский елей.  
Вокруг ее головы — из роз багряных венков,  
И мнится, сжатый в руке, он верно б кровью истек.  
Сверкают серьги в ушах у несравненной жены,  
Их блески в ямках ключиц, как звезды, отражены.  
Над стройным локтем ее — обруч горит золотой,  
На нем — работа рабынь — жемчужин ряд голубой.  
А с шеи вдоль по груди, свисая к черным сосцам,  
Ручьем алмазы текут на зависть женским сердцам.  
Приметны жадным очам сквозь золотые шелка  
Трепетных бедер тепло, кожа нежней молока.  
Алый скользит сапожок по глади мраморных плит,  
Выводит пляски узор и всем восторги сулит.  
И гости, окаменев, в немом смущении все,  
Остановили глаза на несравненной красе  
Плясуны. Вот Назеник в свете волнуемых свеч  
Колелет пламя волос на бледном мраморе плеч.  
Очами ясными всех окидывает кругом, —  
В них каждый рад потонуть — пусть рана мучит потом!  
Из синей дремы шелков, перебирая гремки,  
Медлительно поднялись две обнаженных руки.  
Уже в искусных перстах гремит точеный самшит,  
Роняет громкую дробь и править пляской спешит.  
Трепещет тело ее, несутся ноги быстрее —  
И мнится, что Назеник, в пучине пляски своей  
На миг единый пропав, вдруг исчезает из глаз,  
Как песни светлая трель под небом в утренний час.  
Велик языческий пляс, пляс, посвященный Астхик!  
Моление он красоте, плоти ликующий крик!  
Как строен женственный стан! Как грудь встает высоко!  
О, как, бушующая волной, в грудях кипит молоко!  
Подобье холеных змей — извивы белые рук,  
И мнится, их обучал флейт чаровательный звук.  
Колен и бедер пожар сквозь ткани видим насквозь,  
И гибче гибкой ветлы — стана упругая ось, —  
Обнять бы, обвить ее стан, как обвивает лоза,  
И, соки выпив, увянуть, как увядает лоза!  
Дробно в руках Назеник гремит точеный самшит  
И телу двигаться в лад с гремящей дробью велит.  
То не бамбиры, а песнь, — и столько сладости в ней!  
Она струится как мед под негой свисших огней.

И с нежных пальцев ее, где рдеет яркая хна,  
Струится к прядям волос певучей жизни волна.  
Гремки рокочук в руках, гремят звончей и звончей,  
Как будто их Аполлон в сердце кифары своей  
Сам окунул, запылав. Любовью полнится зал.  
И струнам своим гусан теперь молчать приказал.  
Как чайка в море плывет по пенящимся холмам —  
Плывет по звукам она, своим доверяясь перстам;  
Стаю голубок меж тем полет влюбленный принес,  
Чтоб им запутаться в сеть ее волшебных волос,  
Что вьются, вьются волной в причудливейшей игре  
Над головами гостей, подобно алой заре, —  
И гости, пьяны вином, желаньем поражены,  
Следя, как шелком живым бушуют кудри жены,  
Сидят безмолвны — любовь мужей за горло берет.  
Плясунья птицей парит, вперед несется, вперед.  
Назад ли стан перегнет — смеются жарко уста,  
Подобна нежным холмам грудей упругих чета!  
И волны павших волос, развеявшихся в пылу,  
Морем лежат золотым, на хладном пенясь полу.  
Она несется вперед, хмельней, хмельней, что ни миг,  
И море — в сердце, и свет — кругом. И мнится, Астхик,  
Покинув Кипр и созвав сверкающих голубей,  
Уже готова взлететь в туман небесных зыбей, —  
Но, вспыхнув розы алей, смеясь, дыша тяжело,  
Из сил последних взлетов, по небу правит крыло,  
А легкотканый покров, кружась, плывет с облаков  
На Дионисов алтарь, в винное пламя глотков,  
И покрывало души она спустила до дна  
Всех чаш, в подонки вина, — вот как плясала она!  
Устав, вздымается грудь, и капли пота дрожат.  
Но вдруг запястье руки схватил плясунье Тырдат,  
Взял на колени ее, златую голову сжал, —  
Струйкою тонкою пот с волос плясуньи бежал.  
В руках ее трепеща, на латах Багратуни  
Гремки дрожали, еще волнением жили они.  
Тырдат персты Назеник подряд перецеловал,  
Ласкает, будто ее раньше любил и знал,  
И молвит: «Кто же она? Скажи, владыка владык!  
Когда б Ваагну могла отдаться в небе Астхик,  
Когда бы, звездами став, сияло семя его,  
Они б зачать не могли прекраснее — никого!  
Чтоб распри нам избежать, ее ты мне подари,  
Вьеду я на заре, — сам обладатель Зари!»

Раздался хохот гостей, зависть терзала сердца;  
Бакур же зубы свои — красу мужского лица —  
Сжал и гранат, что держал в руке, — ярясь и таясь, —  
От боли стал выжимать. И молвил: «Доблестный князь,  
Ее из края грузин, где женщины — розы, я  
Свою любимую взял трудом меча и копыя;  
Ишхан, прости, но она, взятая мною в борьбе,  
О нет, не будет, ишхан, простой служанкой тебе!  
Коль хочешь ты, чтоб вино сейчас наполнило вновь  
Чаши твою и мою, а не враждебная кровь, —  
Оставь, ишхан!» — Но ему не внемлет Багратуни —  
Кубок схватил со стола, забыл, что в дружбе они,  
Он на коленях своих поднес плясунье вина,  
И дар текучий пила с улыбкой неги она.  
Когда к багряным губам прильнули чаши края,  
Залило губы вино, и вдоль по груди струя  
Скатилась и собралась, как яхонт, в ямке пупа.  
Был влажен рот, и тогда Тырдат — замолкла толпа —  
Рот ртом плясунье зажал и, уж не зная узды,  
Как губка впитывать стал бодрящей влаги следы.  
Все на Бакура в тот миг взглянули: он вдалеке  
Стоял всё так же, без слов, с плодом граната в руке.  
Тут все почуяли кровь, — недаром праздник примолк!  
С места владетель Бакур прынул, как бешеный волк,  
Тырдату лоб проломить медным копыя острием —  
Тому, кто мнет его страсть, как гроздь в жоме своем.  
Его увидел Тырдат: он — вепрь, а не гость, не друг, —  
И словно огненный столб прынул в пирующих круг;  
Страшно в глазницах его, горя, вращались глаза,  
Как огненные шары, когда над морем гроза.  
Он левой стан ей обвил, и смех скользнул по лицу:  
«Запах тигрицы вдыхать дано лишь тигру-самцу!» —  
И твердый, словно утес, очами пламя меча,  
Могучей правой рукой схватил он, вместо меча,  
Из цельной меди литой, тяжеловесный поднос,  
Вскипел, взревел, заревел, вспылал, воскликнул,  
вознес —  
И в лоб Бакуру поднос пустил Тырдат напрямик.  
И с хоров метнулся вдруг испуганных женщин крик.  
Тут джорт, аспет и сепух — бегут, язык прикусив, —  
Каждый на деле труслив, хоть сердцем каждый спесив,  
Но уклонилось, летя, литое блюдо: оно,  
Задев Бакура, ему вырвало ухо одно  
И, далеко пролетев, столб поразило, звеня,

Рассыпав мрамора пыль и с пылью — искры огня.  
К Бакуру гости бегут, вокруг толпятся, пока  
Из раны уха его, с рассеченного виска  
Стекает темная кровь в глубь винного кувшина.  
И в этот миг Назеник, ужасом поражена,  
Тырдата шею обвив, взмолилась слезно ему:  
«Под этим кровом, аспет, теперь лишь пытки приму!  
Меня ты в гибель поверг, спаси, своей назови, —  
Ведь добровольно вино пила я твоей любви!  
Теперь придется испытать мне яд — Бакурову месть;  
Ты кровь здесь пролил, а мне мучений теперь не счесть.  
Молю, меня увези! Неблагодарным не будь,  
Пусть твой неверный удар не примет женская грудь!» —  
И прошептала еще: «У главных врат на восток  
Я буду ждать на заре — ее приход не далек!  
У врат смоковница есть, и путник из-за ветвей  
Оттуда видит свечу в окне светлицы моей.  
Там буду я на заре стоять, что розовый куст, —  
Раскроешь мне лепестки дыханьем любящих уст».  
— «Будь с первым ржаньем коня — готова! Свечки огонь  
Не разгорится еще, как нас унесет мой конь!» —  
Сказал Тырдат, а в руке меч обнаженный держал,  
Казалось, он навсегда из той страны уезжал.  
Миг — и коня под седло, — никто не видел с бойниц,  
Как он, процокав, исчез, что туча в свете зарниц!  
И гонит вон из хором гостей бледнолицый страх —  
Пьяны и жалки бегут по одному впопыхах,  
Один лишь гусан-слепец, в звуках прозревший навек,  
Бряцал, к столбу прислонясь, струнами славы и нег.  
Утренний свет из-за гор свой луч румяный простер,  
В розу и яхонт одел пространной смоквы шатер.  
Меж тем не спит Назеник. «Что ж друга, — думает, —  
нет?»

Жаворонок на лугу звенит свой первый привет.  
И, верный сторож дворца, уж бодрствующий с утра,  
Прогуливается пес по влажным плитам двора.  
Ждет в полумраке она: «О небо, что ж его нет?»  
Но вот у края земли зарделся солнечный свет,  
Проник в окно Назеник. Померкла в келье свеча.  
О, что за топот и храп! Как дрожь коня горяча!  
Аспет за ней прискакал — из рук ревнивых спасти!  
Верхом, он ждет под окном, спешит ее увезти!  
Она вскочила, глядит, тревожный полнится взор  
Несказанной радостью: так солнце встает из-за гор.

Всю ночь она не спала, в келье, где свежая мгла,  
Не сняв бамбиры с перстов, в одежде пирной ждала.  
Она казалась в тот миг менадой в отсвете звезд,  
На пурпур праздничных роз сменившей оргии грозд,  
И грудь раскрыта была, на ней алело вино,  
Бодрящим духом лозы еще дышало оно.

«Дай руку!» — молвил аспет. — «Держи, я прыгну,  
Ты рдат!»

— «Но тише! Не ушибись о бронзу кованых лат!»  
Не стала ждать Назеник, она метнулась вперед,  
И вот суровый герой подругу в руки берет.  
Она разливом волос героя вновь залила.  
А конь копытами бьет, храпит, грызет удила,  
И скрылся в белой пыли, поднятой вихрем копыт.  
Вытянул морду вперед и, плеть почуяв, летит —  
О, будь прославлен навек аспетов доблестный век,  
Лишь Силе и Красоте служил тогда человек!  
О, славься, символ живой той Силы и Красоты,  
Богиня пены морской, сиянногрудая, ты!  
О, славьтесь, витязи, вы, с курчавой ночью кудрей,  
Чья грудь — мишень для стрелы — всех храбрых была  
храбрей!

За угнетенного встать был каждый вооружен,  
И каждый сердцем служил бесценной прелести жен,  
Слава и конным боям, ристаньям — молний резвей, —  
Когда два звонких копыта в горячей схватке своей  
Огонь сводили с небес. А бранная мощь меча!  
Не знавший ржавчины меч вишапа рубил сплеча!  
О, бурный бег колесниц! О, взвитый до неба прах!  
Сверканье медных щитов, ударов грозный размах!  
Славься, отвага охот, рог, пробуждающий день,  
И на озерном песке печально павший олень!  
И вепрь, что насмерть пронзен стрелами ярых погонь,  
Чья кровь, из бока струясь, дымится, словно огонь!  
Слава добыче ловцов и ласкам женщин и дев,  
Даривших свой поцелуй лишь тем, кто мощен, как лев,  
И отдававших сердца не золотому тельцу,  
Готовых идти в полон — лишь к доблестному бойцу!  
Аспетов время, — вовек да будет славно оно! —  
Тогда был храбр человек и сердцем чист, как вино.  
А ныне храброго нет, коварный славу стяжал,  
Вместо нагого копыта — спрятанный в ножны кинжал,  
Сверкает он в темноте, на солнце ржавеет он!  
Цепь преступлений кует во мраке новых времен,

В чаду смердящих огней бескровный бледный урод.  
Солнце едва лишь уснет, грехам вздыматься черед.  
Теперь бы женщины стан восторга не породил  
Под лучезарным огнем от тысяч паникадил...  
Связует жен и мужей не дочь пучины Астхик,  
Нет, не богини рука, — грязная плата за миг.  
Пучина Силы, без дна, рождает в мире красу,  
Как моря бурная глубь творит жемчужин росу.  
Искусством бранных мечей теперь не сооружен  
Святой алтарь Красоты для прославления жен.  
Довольно кружки — одной неполной! — Münchener

Bier,<sup>1</sup>

Чтоб рыночная любовь свой гнусный правила пир.  
Любовь — продажа, не дар, не тот из лавра венец,  
Каким бывал от богов украшен храбрый боец.  
Новых времен человек под игом мозга согбен!  
Аспеты древних времен! Когда ваш доблестный тлен  
Найдет сын нашего дня, он задрожит, изумлен,  
Гиганта кость увидав; жалкий, подумает он —  
То зверь мифический был, веков мифических гость...  
О, мощь языческих лет! О, мощных витязей кость!  
«Смотри, моя Назеник, как наш стремительный конь  
Пространство срезал полей, как будто он на огонь  
Копыта ставит! Он горд, моя краса, оттого,  
Что нынче волосы ты смешала с гривой его!»  
— «О витязь мой, о аспет, стегай, всё время стегай,  
Пока не брошу навек сюникский проклятый край!  
Хоть в сердце страх еще жив, но с каждым скоком коня  
Уже спокойней оно и меньше мучит меня.  
О витязь мой, о аспет, стегай, всё время стегай!»  
Так мчась и тихо шепчась и счастливы через край,  
Они к Шираку неслись. Она к Тырдату на грудь  
Луноподобным лицом склонялась миг отдохнуть.  
То били пятки ее тугое брюхо коня,  
То взглядывала назад, в сторону лоб наклоня;  
Взор ее синих очей блуждал по краю земли,  
И радость в синих очах лучи, как нити, плели.  
Длинней проделанный путь — ясней беглянки черты...  
А солнце молнии шлет с безоблачной высоты.  
Так солнце яркое жгло, томило жизнь духотой,  
Что каждый червь уползал под землю. Только густой  
Жужжащий звук проникал горящий воздух: слепень,

<sup>1</sup> Мюнхенское пиво (нем.). — *Ред.*

Без устали скакуна преследовавший, как тень,  
В пыли копыт исчезал, а путь черствел от жары.  
Но вот, обнявшись, они взнеслись на темя горы.  
Внезапно грохот глухой им внятно слышен вдали,  
Как будто глухой грозой дрогнули недра земли.  
И обернулся Тырдат, он взором даль обводил, —  
И конь смышленный уже не грыз вспененных удил.  
Из дола, что супротив, к вершине, прямо на них,  
Как люто взвившийся смерч, отряд летел верховых:  
У этих — луки в руках, у этих — топор воздет —  
И копыта наперевес, на копьях искрится свет;  
Уже сверкнули в горах, вспыхнул пожар в вышине,  
И сам Бакур среди них, верхом на ярмом коне, —  
Он мчался князю отмстить, — к луке всем телом приник,  
Зарезать, нет, не спасти бесстыдную Назеник!  
И гости были при нем, насупили грозно бровь —  
Вчера упились вином, а нынче влекла их кровь,  
Теперь не Вахх, но Арей душонки их раскачал,  
И каждый, сознав, что трус, как дикий зверь зарычал,  
Да, блюдо, что на пиру метнул в Бакура Тырдат,  
В их раболепной груди зажег неистовства ад.  
Не отрываясь Тырдат смотрел на вражий отряд,  
В душе ползет скорпион, в очах скопляется яд.  
В его объятьях она печально вскрикнула: «Вай!  
Молю тебя, мой аспет, стегай, всё время стегай!  
Пускай мечу твоему рабой достанусь — не им!  
Они копьем роковым грозят уж грудям моим,  
Где жаркий твой поцелуй еще пылает. Увы!»  
Сказав, к аспету под плащ прячет огонь головы...  
Затеять мог ли он бой? Хоть равны между собой  
Отвагой были враги, не равен был бы их бой!  
Тырдат уздою тряхнул, и конь понесся, взвисясь,  
Топотом землю потряс, и с ветром пыль понеслась.  
Но мчатся богатыри вослед, где огненный след,  
И вновь взмолилась она: «Спаситель мой, о аспет!  
Я вижу из-под руки, хоть ты и прячешь меня,  
Как скачут вниз по холму, их очи — бездны огня!  
И шеи — вижу я — к нам сто протянуло коней,  
И словно пепел с огнем — дыханье вздутых ноздрей.  
Стегай! Когда попадусь я в лапы тигровы вновь,  
Изложет кости мои, до капли вылижет кровь!»  
— «В потоке пышных волос, милая, веки сомкни,  
И на груди у меня под качку скока засни.  
Погоне нас не настичь — обнявшись, въедем в Ширак!» —

И с новой силой Тырдат хлестнул расшитый чепрак,  
Пронесся глубио стремнин, промчал ущельями скок,  
Спустился в лоно долин, взрыл раскаленный песок,  
Взлетел на горный отвес по недоступной бразде,  
Он скалы скатывал вниз по следу жаркому, где  
Запечатлелись круги луноподобных копыт, —  
И вот уже у вершин орлом он горным парит.  
Всё крепче в твердых когтях добычу милую сжав,  
То мчится, как водопад стремится с кручи стремглав,  
В пучине струй унося нагорный алый цветок, —  
Долин подарок тебе, бурлящий бурно поток!  
Но вновь коня он хлестнул: ему послышался вдруг  
Свистящий сзади него стрелы стремительный звук.  
«Аспет, мне слышится свист! Нас смерть, аспет, нагнала!  
Мне страшно, страшно, аспет! Змеей шипящей стрела  
Мимо плеча пронеслась с язвющим жалом сейчас,  
Еще мгновенье — они настигнут гибелью нас!  
То капает кровь сама с широколонных тетив,  
Молочный волос багря по ветру взвившихся грив.  
Аспет, рабыни своей не выдай ярости их!  
Стегай! Да будет твой конь рабом ударов твоих!» —  
Сказала так Назеник, в слезах нет силы вздохнуть, —  
И золотой головой к нему прильнула на грудь.  
Так близко сердце стучит, пускай меж ними броня,  
Кудри ее на ветру смешались с гривой коня.  
Трепещет, к другу припав, как голубь, но недалек  
Уже погибельных стрел грозный сзади поток, —  
Как вод стремнина, они, вослед двум жарким сердцам,  
Несутся смертную песнь пропеть двоим беглецам.  
И обернулся Тырдат, и, потен и вихревлас,  
Насмешливо зарычал: «Волки, преследуйте нас,  
Пока постылый язык у вас не свис, не остыл —  
Женские иглы свои мечите смелому в тыл!» —  
И так стрекало вонзил коню во вспененный бок,  
Что быстрой мысли быстрее понесся пламенный скок.  
Беглец в стремнине сокрыт, враги же на гору мчат,  
Они — стремительно вниз, но в гору мчится Тырдат.  
Вот-вот сшибутся они — подобье яростных туч, —  
Совсем друг с другом сошлись на самой крутой из круч.  
Пора б тут грому греметь, и не спастись бы от стрел,  
Когда бы прочной брони в ту ночь Тырдат не надел.  
И вот смешался уже обоими взбитый прах,  
Кровь затаилась в пыли, как дождь в густых облаках.  
Но только было хотел Бакур свой дротик метнуть —

Аспета спину пронзить и девы пенную грудь, —  
Как вдруг, погибель суля, разверзлась пропасть у ног —  
И не попятить коня преследователь не мог.  
Спасся Тырдат и с горы понесся к лесу, во мрак, —  
За этим лесом лежал для них желанный Ширак.  
Остановился отряд, никто и лба не отер,  
Только пылает в сердцах бешенства ярый костер.  
Вот натянули еще луки в отчаянье злом —  
С широколонных тетив сыплются стрелы дождем.  
Уже не стрéлы, но месть пустой наполнила тул!  
К объятьям леса едва Тырдат коня повернул, —  
Бакур последнюю взял громаднейшую из стрел  
И так спустил тетиву и так был точен прицел,  
Что та, зашипев змеей, чей полон яда язык,  
Прошла под самой рукой Тырдата и в Назеник  
Впилась, в затылок златой: и где вонзиться пришлось,  
Застряла крепко стрела в обильной чаше волос.  
Три раза дрогнул, клонясь, голубки ласковой стан,  
Три раза — словно отдать жалела жизнь свою джан,  
Но не заметил Бакур и не заметил Тырдат —  
Ярость слепая в тот миг затмила витязей взгляд.  
Не увидали, как вдруг рассыпался и погас —  
Созданье самой Астхик — красы чистейший алмаз.  
Лишь трижды конь задрожал, лишь конь три раза  
заржал

Холод остывшей ноги на потном брюхе лежал.  
Двор постоялый был там, где начинался Ширак, —  
Приют достойный царей, внутри — простор, полумрак.  
Раскрыты створы ворот на солнцем выжженный путь,  
И сладко в них холодок и конский запах вдохнуть.  
Против полдневных лучей внутри прохлада всегда.  
С грудью, спаленной жарой, приходит путник туда.  
От жгучей пыли дорог отяжелели глаза;  
Буйволы тащат туда медленным шагом воза,  
Мулы шагают, ослы мерно колышутся в ряд, —  
Сладостногроздый с боков в корзинах двух виноград.  
Верблюдов рослых бредет нагруженный караван —  
Товар неведомых стран на вкус и сладок, и прян, —  
Потом, колена согнув, надменно шеи подняв,  
Лягут и жвачку жуют иных, неведомых трав.  
Приют — подарок небес — построен крепче дворца,  
Дорогу он стережет, которой оба конца  
Вдали теряются там, где тайной лег окоем.  
В глубокой горной тиши гостеприимным огнем

Горит приветный очаг для всех равно, и волной,  
Гася в усталой груди лета жестокого зной,  
Струится холодом тан, отрада в долгом пути, —  
Туда прийти хорошо — хоть часто слаще уйти!  
На этот странничий двор примчался с девой Тырдат —  
От стрел небес и врагов найти защиту он рад.  
На грудь в тяжелой броне, под пыльным плащом, поник  
Разбитый мрамор немой — безгласная Назеник.  
Уж не взволнуют, увы, ни страсть, ни пляска, ни пир  
Хладное тело ее, блистательнейший кумир.  
«Заснула? — мыслит аспет, — что так прильнула к плечу?  
Ужель мучительный страх задул живую свечу?  
Как вдруг могла онеметь такая сил полнота  
И мне на сердце налечь, как на могилу плита?» —  
Так размышляет Тырдат и, стремянами звеня,  
С немой плясуньей в руках соскакивает с коня.  
Но вдруг увидел стрелу, стрелу и крови струю —  
Ползущую из волос пурпуровую змею.  
Упал в объятия его застывший женщины стан...  
Молчит и бледен аспет, он бешенством обуян.  
Волосы встали. Приник: не бьется сердце давно,  
А было сердцем живым целой вселенной оно!  
И вспомнил он, что один ее пленительный взгляд  
Языческой красоты таил драгоценный клад:  
Вечным сияньем небес она облита была,  
Был мед в ланитах ее, а грудь сиянье лила,  
В перстах руки и ноги — мгновенно вспомнил герой —  
Тайна искусства жила, миру дающего строй.  
Бакура вспомнил он дом, и пир тот в доме его,  
И бурю пляски ее, плоти ее торжество, —  
И в первый раз зарыдал твердый, что сталь, человек!  
О, драгоценна слеза, что в героический век  
Льется из глуби сердец, и скорбный жгуч ее след  
На пожелтевшем венке победы минувших лет.  
Столетний тополь стоял. Руками добрыми он  
Девы лесов, Дицануйш, был близ пути насажден.  
Но в этот день по ветвям не тек иссякнувший сок,  
Своим поблекшим листом осыпал тополь песок.  
Когда-то в ночь Арамазд, провев бурей над ним,  
Ударил в сердце его своим огнем грозovým.  
Прекраснокудрой главой шумел он, в росте своем  
Взметнулся к солнцу, — теперь вонзался в небо копьём.  
Туда, где тополя ствол торчал, грозой спален,  
Сошлись четыре жреца, в митрах, одетые в лен.

Приказ им отдал Тырдат, исполнен в тот же он миг:  
Черную яму они вырыли для Назеник.  
И гимн пропели Астхик. Тырдат, на слезы не скуп,  
В мощных объятьях держал ее охладевший труп.  
Когда же ее погребли, — в кудрявых прядях, светла,  
Еще сверкала огнем Бакура злая стрела.  
И старый тополь опять, растущий возле пути,  
Раны свои залечив, стал гордо кверху расти,  
Лишь только плоти ее животворящий состав  
В него проник из земли, узлы корней напитав.  
И молвят — в листьях его, где шепчет вздох ветерка,  
Красы-плясуньи душа существовала века  
И улыбалась луне или, в затылке своем  
Показывая стрелу, плясала с ветром вдвоем.

1910

## 201. СВЕТ

Сияешь ты во имя величия и жертвы.  
*Ригведа*

Я к свету — к роднику — иду.  
И долог путь, и кремнем он мощен,  
Шипами мирта весь усеян он.  
Мой путь в излучинах.  
С изломленным лучом  
Он схож. И дрожь под кожей не унять.  
Со стоп моих, что пригвоздили братья,  
Кровь брызжет горячо.  
В груди одышка, на ресницах пыль.  
А сердце — мой кувшин пустой,  
И с ним я к свету — к роднику — иду...

Прекрасен свет, высокий, проливной,  
И праведен наклон его лучей.  
Однажды я над свежей могилой  
Героя старого деревни нашей  
Увидел облачко святое, что давно  
Моею мамою освящено.  
Был полдень. А душа ее была,  
Как бабочка огромная, бела  
На влажном камне под моим окном.  
Потом  
И с тротуара, и с поруганных дорог  
Ее святое снисхожденье

Вдруг потекло парным и теплым молоком.  
А вечером от горизонта к горизонту,  
Приняв обличье яхонтовых рек,  
Ко мне спешил ее священный бег.  
Потом  
На мирных смуглых небесах  
Прудами грез она внезапно обернулась.  
В них вспыхивали островки кувшинок.  
Я это видел,  
И во мне проснулось  
Скитальца-мученика смутное желанье  
Брег солнца на земле на этой обрести.  
И вот иду я к свету — к роднику. . .

О, Свет, рожденный Богом,  
Венец высоких помыслов моих,  
Вино вселенской радости, что в сумерках  
Хлестало лавою из ребер Иисуса,  
Как всепрощение стекая вниз,  
В пустые чаши безнадежности людей,  
Собравшихся вокруг стола Греха. . .  
Свет — кровь природы,  
Корона ночи, одеянье дня.  
Свет — Око Агни.  
И схож он с матерью,  
Скончавшейся при родах,  
Создавшей Агни с огненным зрачком.  
Дух Агни каждую весной трепещет  
В мельчайшей клетке,  
В каждой мысли человека,  
Для коего еще дымятся жертвы  
На Ганге, на берегах заветных, вещих.  
А я всё к свету — к роднику — иду. . .

Свет — мрамор тех, небесных, рудников. . .  
Искусство из него в своей бессмертной грезе  
Нам снежнотелых выточит богов.  
И мрачных Данте, и таких гигантов,  
Каков Гомер, — ему еще рожать.  
И в лоне света мудрость — это песня.  
Ее поэты пьют в ночи со звезд,  
Чтоб утром ею одарить людей.  
Свет на заре всех наделит собою,  
Как просвира, оставшись неделимым,

Та, что на стол спускается с небес  
Великим таинством явленья бога,  
Принявшего обличье человека.  
А я всё к свету — к роднику — иду. . .

И сколько тысяч, сколько тысяч лет  
Мне так шагать, минуя поколения,  
И сколько падать мне, и в кровь колени  
Мне разбивать, и исцеляться вновь  
Дорогою, распахнутою настезь,  
Крушащим скалы молотом моей  
Светозаветной цели?

Не знаю я. . .

О братья, распинающие братья!  
В пути меня оставьте одного, —  
Настолько одного, в таком безмолвье,  
Чтоб я услышал сердца перестук.  
Ведь это песня, избранная мною  
Средь многозвучья песен на земле.  
В ней солнце — вечный след его и зов. . .  
Нет, под ноги мне не стелите тень  
Свою, что схожа с коршунов крылами,  
И не прельщайте вы меня пирами,  
Где ваш разврат вовсю звенит на бубне,  
Где обещанья слиты с суетой  
И только повторяют суету. . .

О, девы!

Сердце — мой кувшин пустой,  
И с ним я к свету — к роднику — иду. . .

1908

## 202. МЕРЦАЮЩАЯ ЛАМПАДА

Ночь победы нынче, невестка моя, —  
засвети лампаду скорей.  
Сын вернется с войны в родные края, —  
засвети лампаду светлей.

Кони ржут у ворот в предутренней мгле, —  
поднеси лампаду к двери.  
Сын приехал с лаврами на челе, —  
поднеси лампаду, смотри! . .

На телеге темный плат кровавой...  
Посвети среди темноты...  
Ранен прямо в сердце мой сын-герой, —  
погаси же лампаду ты.

### 203. РАБОТНИЦА

Ты каждый день проходишь под окном  
Как призрак — так шаги твои легки...  
На девичью головку слезы льет  
Куст розы, осыпает лепестки.

Я слышу лай проснувшихся собак —  
Они тебя преследуют с утра,  
Мучительный твой кашель слышу я —  
Он разрывает грудь твою, сестра.

Я думаю: от ветра ты дрожишь,  
И хочешь спать, и снова голодна,  
И, как сапфир, как иней, в волосах  
Твоих блестит всё чаще седина.

Твои порвались туфли, и вода  
В них хлюпает... Обтрепан платье край...  
А вслед глядит цинично и свистит  
Какой-то бессердечный негодяй.

Я знаю: у тебя больная мать,  
В лампаде масло высохло давно,  
И ты идти на фабрику должна —  
Чтоб жить, чтоб в доме не было темно.

Я жажду, бледноликая сестра,  
Сойти к тебе, сказать, что я скорблю,  
И руку у тебя поцеловать,  
И прошептать: «Как я тебя люблю!»

Твоя беда — она моя беда,  
Мои — твоя болезнь и тяжкий стон...  
Еще поет в груди твоей любовь,  
Как жаворонок, высью опьянен...

Твою сберег я в сердце худобу,  
Твой голод я и жажду перенес,  
Я горестно люблю твою судьбу  
И эти плечи в трауре волос. . .

Как горлицу бездомную, хочю  
Тебя прикрыть — и дать свое жилье,  
Надежду дать, и силу дать тебе,  
И имя безупречное свое. . .

Хочу я сделать грудь свою щитом,  
Вуалью стать для чести молодой,  
Дать распуститься нежности твоей,  
Гордиться неулыбчивой красой. . .

Дать всё тебе, что мне дала борьба,  
Что мне в боях досталось тяжело. . .  
Пусть розы — цвет победы, крови цвет —  
Твое украсят скорбное чело.

Пусть голода с лица исчезнет след,  
Минуй тебя болезнь и холода,  
Лампады пусть не угасает свет, —  
И фабрику оставь ты навсегда!

*1910*

#### 204. УМИРАЮЩИЙ РАБОЧИЙ

Как страшно ветер гудит! Лачуга во тьме дрожит,  
Она гробницы страшной. . .  
А внутрь ее загляни: больной рабочий лежит,  
Прощается с жизнью в ней.

Души своей ясный свет на фабрике он зарыл  
За хлеба сухой кусок,  
Машинам огромным он все мышцы свои скормил,  
Чохоткою занемог. . .

Пучками своих волос он чистил зубья колес,  
Он смазывал потом их,  
У горна, где не вздохнуть, стоял он — открыта грудь,  
И дней не считал своих. . .

И вот он теперь лежит, как срубленный кипарис, —  
А прежде пахарем был. . .  
С железом всю жизнь борьба — разбилась его судьба,  
Подняться не хватит сил.

На взор его голубой могильный желтый песок  
Упал как смертельный дым. . .  
И тает тело его, кап-кап, — утекает жизнь  
По пальцам его худым.

Под ветром свободным он мечтал вырастать, как дуб,  
Он верил: весна близка. . .  
Ах, верил напрасно он, что песни польются с губ  
У чистого родника!

Не солнце, а липкий пот, не лилии, а зола  
Его увенчали лоб. . .  
Не песня, а тяжкий хрип, не зори в глазах, а мгла,  
И смертный уже озноб. . .

Мать рядом — сына обняв. . . А кашель его — кровав. . .  
И, горем ослеплена,  
Всю ночь, сквозь завесу слез, струящихся, как река,  
На сына глядит она. . .

У изголовья его висит распяты́е Христа,  
Окрашено в красный цвет.  
Еще не успела пасть и капля крови с креста—  
Померк перед сыном свет. . .

Как страшно ветер гудит! Лачуга во тьме дрожит,  
Она гробницы страшней. . .  
А черный домашний кот мяучит, когтями рвет  
Порог у шатких дверей.

(1910)

## 205. МАШИНЫ

Под солнцем летнего дня, что раскалил добела  
Горящие серебром и крыши и купола,  
Высоко кровли торчат — над ними дыма клубы,  
Там фабрики вечный гул в широком горле трубы;  
Чело небес залепив как будто дегтем густым,  
Вспотевшую стену там окутали пар и дым.  
Там недра цехов рычат, багровым полны огнем. . .  
Товарищ пламенный мой, с тобой мы туда войдем.

Мы бурю сеем с тобой, мы жнем страданья сполна.  
О, что за шум, что за смерч! Тут злого жара волна  
Охватит сразу тебя, зальет, как серный поток...  
Гремит в тумане металл, вращает зубья, жесток...  
Рабочих тысячи тут, их сил никому не жаль —  
Без устали ткут и ткут, их грубо ласкает сталь,  
Их жизнь взлетает с огнем, чтоб гарью осесть потом...  
Растягивают, грызут, победно бьют кулаком —  
И цену и красоту сырью придают — и вот  
Становится светом шерсть, сапфиром — рабочий пот.  
И Труд сурово рычит, и ткань созидает он  
Средь страшных мук родовых — как в судорогах  
дракон...

Со всех четырех сторон машины грохочут, ткут —  
И волны золота тут в горячих трубах текут.  
Машины властвуют здесь, мозгов не щадя людских, —  
Как чудища, что не спят в берлогах мрачных своих.  
Цилиндров толстых ряды — и каждый с раскрытым  
ртом —

Возносятся к потолку и тонут во мгле потом,  
Шипят, исторгая пар, в сгустившейся темноте...  
Вращаются без конца гремящие в пустоте,  
Угрюмы и велики, огромные шестерни —  
Друг в друга зубы вонзив, как псы грызутся они...  
Струится между колес, натянут туго, ремень —  
Мелькает, как водопад, без устали целый день,  
Проносится и шуршит, сдавив ободья осей, —  
В нем силы огненных жил огромной машины всей.  
А лопнет жила одна — и всей гармонии строй,  
Детали этих миров замрут, обретут покой —  
Смерть Золота возвестив, спасенье силы людской...  
Тут целый ряд веретен со скоростью мчит такой,  
Что горы шерсти влечет, неся господам доход;  
Руно, белее, чем снег, в стальные зубья идет —  
Потом машина его хватает, рвет на куски,  
И всюду летят клочки, как белые мотыльки,  
Садятся они везде, куда ты ни кинешь взор, —  
На стены и на людей, на раму и на мотор...  
Крученая тонко нить блестит, подобно лучу, —  
Другие — рядом бегут, сверкают, входя в парчу,  
Втекают, одна к другой, подобьем быстрой реки,  
Слетают, как водопад, в снующие челноки...  
Скользят они вверх и вниз, струится поток живой,  
Их быстро, за нитью нить, наматывает навой...

Несется из края в край огромной фабрики гром,  
И грохот дерзких машин всечасно стоит кругом,  
Вращаются шестерни, железный не молкнет звон —  
Есть в беге этих колес безумный планет разгон...  
Рокочет внизу котел, в нем тешится пар игрой,  
Тяжелую крышку он легко вздымает порой,  
По стенам кирпичным пар струится, как пот и кровь,  
Слезинками с потолка он падает вновь и вновь...  
Здесь жизнь сама создает — и гибнет во мгле сама,  
А пламя горна внизу бушует, сходит с ума,  
И золото жрет оно, выблевывая нагар,  
И льет ярко-красный свет, кровавый рождая жар,  
На лица и на станки, на тех, что во тьме стоят...  
Ведь это, Товарищ, ад! Лишенный надежды ад...  
Рабочие, погляди, — они скелетов худей,  
Прохлады свежей глоток — мечта всех этих людей,  
Их жизнь в дыму, в темноте похожа на жизнь крота,  
Простой поцелуй земли, для них даже ты — мечта...  
Бессмертье земля таит, и сеет она, и жнет...  
Напрасно они хотят как птицы взмыть в небосвод:  
Тоска по солнцу слепит, сжимает горло беда,  
Вокруг — железо одно, оно грохочет всегда...  
Машины властвуют здесь, их непреложен закон,  
И в жалких душах людей они пробуждают стон.  
Им служат и молят их, и вера в них велика —  
Но только пыли поток течет взамен родника...  
Чтоб из челночных когтей, из горна вырвать свой хлеб,  
Рабочий жизнь отдает — измучен, голоден, слеп...  
Я вижу, Товарищ мой, как злобно эти валки  
Твою выжимают кровь... Как мясо рвут на куски  
Бегущие шестерни, что острым клыкам сродни, —  
За это мясо твое дерутся, как псы, они...  
Я вижу, что этот шум, сводящий людей с ума,  
И все эти шестерни, и вся машина сама —  
Кровавые палачи, что выбросить ввысь хотят  
Своих злодеяний груз, всю кровь — с головы до пят...  
В них скрыто так много бед, их злобы высок накал, —  
Товарищ, только вчера пожрал кровожадный вал  
Рабочих двух молодых, я знаю их имена,  
Я видел: в глазах у них такая цвела весна!

...Со всех четырех сторон машины грохочут, ткут —  
И волны золота тут в горячих трубах текут...

(1910)

Полуденный перерыв. Замолк рычащий завод,  
 И горн — усталый дракон — закрыл свой огненный рот;  
 На время в глотке его геенны выдохся дым.  
 Стали цилиндры, ремни, круги стальные колес,  
 Как будто в дреме немой движенье их прервалось,  
 Цех заводской опустел, и лязг и грохот заглох,  
 Лишь утомленных машин чудовищный слышен вздох.  
 Но ждет примолкший завод, чтоб снова пот засверкал,  
 Рабочий пот — жемчуга, что лбов венчают накал.  
 Ждет, чтобы снова в огнях мигающая взвилась  
 Стая смарагдовых мух, над горькой жизнью смеясь.  
 О мать, стань возле ворот. . .

В рубахах рваных, взгляни,  
 Как море, в ширь и в длину в улицу льются они,  
 Простонародная рать, наемный гений труда,  
 Что на могучей спине несет года и года.  
 В дегте, в саже, в пыли гения череп-колосс,  
 Звезды ему никогда не омывали волос,  
 Словно в безумье идут, к ласкающим ветеркам  
 Тянутся, запах весны — бальзам их жарким ноздрям.  
 К могиле черной клонясь, согнулась старцев спина,  
 Плачевно, жалость будя, трещит ее глубина,  
 Где молчаливо гниет некрепкий старый хребет.  
 Девушек желто лицо, то розы увядшей цвет.  
 Напрасно у мотыльков блестит пыльца на крыле —  
 К ним не подымут ресниц привыкшие к дымной мгле.  
 Видишь калек-матерей? Живот их тощий понес  
 Семя, но вскоре оно исторглось каплями слез.  
 Сегодня, как и вчера, ползет змеей голытьба.  
 Понуры. Каждый похож на пленного иль раба.  
 Как будто весь этот скоп ведут продать с молотка.  
 Безмолвно льется толпа, как от истока река.  
 И без числа ручейки расходятся от русла —  
 Так разлились и они по улице, без числа.  
 Из бездн возникли они, те миллионы голов,  
 В грязи трущоб родились, во мраке смрадных углов.  
 Как у паршивого пса, желудок голодом сжат,  
 У пса, какого пастух палкою гонит от стад.  
 Лишь то им, что обронил коршуна клюв невзначай,  
 Им каша из отрубей, не им, другим каравай.  
 Свой жалкий выхлебать суп спешит рабочий народ,  
 С поникшего низко лба в тарелку капает пот.

То купят мяса кусок, гнилого в жаркие дни,  
Вина в обед захотел? — воды фонтанной глотни!  
А в колбасе опочил старый изрубленный мул...  
Но жить нельзя без усад — и трубку раб затянул,  
Трубка — надежда его, греза желудка и глаз,  
Пока не ворвется в чад желанный отдыха час...

Идут. На хилых телах — уголь, и пыль, и смола.  
Вот для потоков людских и площадь стала мала.  
Безмолвен гнев, но уже подкатывает прибор  
Под основанья дворцов. Сыта, довольна собой,  
Лоснилась города плоть, а нынче — ужель мертва?  
Сам Гнев на приступ ведет суровых армий права.  
Могучих стучат сердца, голодных гудит нутро,  
Висит, как выжатый грозд, их груди двойной сосуд,  
Откуда желчь и обман за родом роды сосут.  
О, сотни, тысячи жертв! Их армии нет конца.  
Всех на закланье ведут в храм Золотого Тельца.  
Торчат лопаток углы, обуглена кисть руки.  
Купавшиеся в дыму, как звезды были зрачки —  
Теперь мерцает едва их потускневшая жечь.  
Сердца еще не в цвету, но уж успели отцвести.  
В морщинах бледные лбы, в глубоких морщинах пот.  
Дух продает человек и корку с кровью жует.  
Он знает: саван себе всего лишь приобретет,  
Он счастлив будет, коль туг в день смерти будет живот.  
Не сотни, тысячи их. Хоть слух о них не гремит,  
Их дело — сфинксов мечта, бессмертие пирамид.  
Их труд, ступень на ступень, построил молча помост,  
Чтобы владыки земли коснулись теменем звезд.  
Копни фундамент любой — найдешь под камнем дворца  
Лилии белых костей и жаждавшие сердца.  
Ильдиза крепок цемент, — в него их кровь излита,  
И Ватикана чертог, и папских туфель чета  
Сверкающим потом их на диво укреплены.  
От века пашет их плуг лоно земной целины.  
Они воздвигли богов и пали жертвами их.  
Их мощью сияет крест, чтоб стать спасеньем других.  
Выковывали они из твердой кости своей  
Круги звенящих подков победоносных коней.  
Под их рукой и киркой разверзла недра скала,  
Но вместе с золотом кровь из их же вен потекла.  
Не знать триумфам земным бессмертья, не искалечь  
Им арок мраморный груз рабочих бронзовых плеч.

Зловеще в больной груди гремит ребро о ребро.  
Скрежещут зубы, скрипят, воздух жуют языки,  
Голод сам гложет себя, как хищник, рвет на куски.  
Есть! Есть! Он требует есть, недаром погожий день;  
Людам мерещится хлеб, им в пору кусать кремьень.  
Товарищ, слышишь ли ты? Повсюду — слышишь ли ты? —

С утра утробы трубят, на крик кричат животы.  
Мозги кипят, широки пылающих глаз зрачки,  
Грядущего ковачей сжимаются кулаки.  
Потрескивает, бредя, с скелетом рядом скелет,  
Но это не смерти треск, в нем близкой мести привет.  
Бьются гигантов сердца, но бьются с такой тоской,  
Как будто яму кому гремющей роют киркой.  
О, эти длани рабов! Проснувшаяся толпа!  
Пора, проливая кровь, перековать черепа.  
О, топот грозных шагов! Грохочет грубый башмак.  
Улицы песнь и набат — тот ужас сеющий шаг.  
О демократии рать! Ты столб под храмом чужим,  
Ты подпираешь его, сама же гибнешь под ним.  
Они все — бури очаг, все — дней роковых приход,  
Вскричат — и дрогнет в ответ весь человеческий род.  
Завтра, товарищ, — пора! — над Городом нег и сна  
Грянет гроза. Запалит факелов много она.  
Вскроются недра трущоб, весь смрад их черных кишок,  
Сырых подвалов углы, труб очистительных сток,  
Увидишь: бьется с врагом насмерть Дух Голода сам,  
Молнии мечет он, мстя всем сытым и богачам.  
Товарищ, завтра придут злые для Города дни,  
Завтра гроза запалит в нем варварские огни.

(1911)

## 207. ПЕРВОЕ МАЯ

Мир от Востока до Запада! Нынче  
я созываю лирой своей  
людей  
сырых, не знающих солнца  
лучей.

Первого мая себя я увидел  
в зарослях роз, распустивших бутоны...

Сок земли  
жадно я выпил, песни гнездовой в душу  
вошли.

Люди, приблизьтесь, — ведь я чародей,  
пот превращу в россыпь ценных камней,  
в росы полей.  
Влить в ваши кости солнечный жар  
в воле моей.

С мрачных заводов идите ко мне вы!  
Мир трачен молью. Мира основы  
новы, —  
создали вы их. Ко мне, мукомолы,  
седы от головы.

С верфей идите ко мне, корабель!  
Трюмы ведь вашими станут гробами.  
Рядами  
из чрева болот восстаньте и двиньтесь  
полями.

Идите ко мне вы, ко мне все идите!  
В сердце моем столько света без меры,  
что я из серой  
пыли слеплю Человечество внове,  
полное веры.

Хватит томиться в подвалах безглазых,  
воздух хватая жадными ртами,  
жить кротоми. . .  
Голод, как ржа, липнет к людям  
годами.

Пусть не стучит молот о наковальню,  
пусть затупятся зубья пилы  
о стволы,  
и пусть ржавеет вонзенный топор  
от смолы.

В день Первомай машины — сироты.  
Надо ль сегодня стоять за станками,  
руками  
вертеть колесо и следить  
за ремнями?

Скиньте рубахи, пропахшие потом,  
бросьте шапочки рваные следом, —  
при этом  
головы ваши окутаю солнечным  
светом.

Братья, идите ко мне вы, идите!  
Всех мы сегодня с праздником Маем  
славим,  
землю творящую с кровью творящей  
смыкаем.

Ветер овеет страждущих души.  
Раны откройте его дуновенью,  
как исцеленью.  
А родниковое благословенье  
словно свеченье.

С персиков цвет осыпается ливнем.  
Руки в благоухающем цвете.  
В эти  
минуты кедр затоскует  
обо всех нас на свете.

Солнце на небе. Смотрит на вас лишь,  
к вашим лишь лбам прикоснулось  
устами.

Правящих вами  
солнце обходит в презренье  
лучами.

Поле и город — ваши владенья.  
Улицею, непреклонны и яры,  
юны и стары,  
стяг поднимая, пойдете, и грянут  
звонко фанфары.

Птица для вас запоет над вершиной,  
буду на лире я петь, не струну  
я натяну —  
крепкие нити жилы орлиной, —  
гром на страну!

Пусть вам пороги усыплют цветами.  
А лишь луна дивный лик свой покажет —  
ласку окажет  
и ваши двери сладким бальзамом  
помажет.

1912

## 208. ЧУДОТВОРНЫЙ РОДНИК

Дочь моя, собирайся, тебя провожу  
По дороге, обвившей холмы пояском,  
К Роднику Чудотворному Чистому.  
Направляются толпы больных к Роднику,  
Слышен громкий чахоточный кашель.  
В разноцветных косынках плетутся они,  
Слышишь ли бормотанье молитв  
На дороге, обвившей холмы пояском?  
Дай мне руку; закрой, моя дочка, глаза  
Белоснежной вуалью,  
Чтоб острее ощутить ты могла в темноте  
Запах солнца здоровый, струящийся  
С небосвода полдневного,  
Обволакивая нас с тобой.  
Под разлапистой темной листвою  
Гроздья красные зреют на лозах,  
Добрым будет вино,  
Силу даст оно слабым коленям,  
В нетерпенье прольется на землю.  
О, не мешкай, иди, моя дочь,  
Близок Чистый Родник Чудотворный,  
И, покуда больные его заслонить  
Не успели, смотри, как из лона скалы  
Мощно бьет золотая струя.  
Ежевика туманные ягоды  
Так безвольно склонились над ним.  
Сколько света в колодце прозрачном,  
Жемчугов — в огнецветной струе!  
Приютившийся в горной долине,  
Он — брильянтовый блеск,  
Одинокой мелодии нить.  
Мать-природа под музыку эту в ночи  
Набухает, тучнеет, цветет,  
Музыка облегчает работу,

Он из далей идет, из глубин,  
Из неведомых миру пещер,  
Где грядой голубые висят сталактиты  
Все в слезах, как наяды;  
Где в хрустальные льды  
Упираются кедры корнями,  
Каменистую почву прорвав;  
Там зияют алмазные гроты,  
Допотопные змеи сверкают там, окаменев,  
Растекается жидкое золото,  
И обугленный лес

Там становится каменным углем...

Он из далей идет, из глубин,  
Безупречную ясность свою  
Обретя в миг, когда незначай  
Наклонилась святая над ним,  
Чтоб омыть в нем глаза, ни одним  
Из мужчин не целованные.

Дочь моя, помогает святая вода

От тяжелых недугов,

Веющих безотрадной могилой.

Сколько страждущих к чистой воде

Родниковой припали, склонясь!

Пьют и пьют, хоть и стонут, а пьют,

Хоть и кашляют, пьют, торопясь.

Видишь — женщины, те, что ни щек

Алых не сохранили, ни губ, —

На табачных полях ядовитых

Побледнели они, как поганки,

Что на пнях почерневших растут.

Рядом — те, чье бесплодное чрево

Не способно ребенка зачать.

Пьют, и пьют, и к священным ветвям

Ежевика спешат привязать

Ленты свадебные, подношенье

Дорогое свое, и в прохладу

Родника погружают соски

Жаждающих материнства грудей...

Видишь — мальчики, юноши нервные,

На заводах родившиеся,

В них, поблекших, проникли извне

Нездоровье, порочная кровь;

Рядом — те, чьи конечности, словно дракон,

Защемила, порвала, отгрызла  
Заводская машина;  
Вот они к родниковой подходят воде,  
Чтобы гнойные раны омыть  
И дорожную пыль обмахнуть  
Со своих, еще детских, ресниц.

Видишь — девушки в белых, как пух, кружевах,  
На подушках истаявшие,  
Словно мыльная пена прозрачные,  
Половину их легких изъел  
Червь несчастной любви, источил  
И стежками холодными,  
Скользкий, избородил их сердца.  
Вот они под вуалями тонкими  
К Роднику припадают и пьют,  
Жадно пьют, закрывая глаза,  
Чтоб не видеть в воде своих лиц,  
Изможденных смертельным недугом,  
И привязывают к ежевике  
Пряди темных волос, бормоча  
Заклинанья, затем возвращаются  
По дороге, обвинившей холмы пояском.

Дочка, вот и одни мы:  
Пусть же вера прольется в сердца,  
Словно летний целительный дождь.  
О, иди, моя дочка, иди,  
На песке золотистом, мельчайшем,  
Дрожь в коленях уняв,  
Над прозрачным склонись Родником.  
Я вуаль поднимаю твою:  
От лица твоего на воде  
Блик сияет, как если б звезда  
Отразилась, скатившись с небес.  
Пей же, дочь моя, пей! . .  
Пусть умрет та любовь к гордецу,  
Что кольцо тебе отдал свое,  
Но не сердце, — про сердце забыл.  
Пей, не кашляй, прошу тебя, пей.  
Растворились в воде Богоматери чистые слезы,  
Пей — любую печаль исцелят, —  
Снова щеки покроет румянец,

К ним вернется забытая свежесть,  
Словно к лилиям в ярком вине;  
Станет легкой походка твоя,  
Тело юное вновь затрепещет  
Красотой гармонических форм.

Пей же, дочь моя, пей:  
Подношенье твое Роднику —  
Вот оно, на ладони моей:  
Это Горлица Астхик трепещет,  
Розов клюв, белоснежен наряд,  
Осеняла она тебя белыми крыльями,  
Над твоею вилась головой,  
На груди твоей сидя, пила  
Из горячего сердца:  
Это — образ любви твоей горькой, вонзи в нее нож,  
О, зарежь на камнях Родника, —  
Сколько можно ласкать  
Ее верткую голову, грудь подставляя когтям?  
Сколько можно с ладоней кормить,  
Сколько можно кормить ежедневно  
Эту Горлицу Астхик с отточенным клювом?  
На замшелых камнях Родника  
О, зарежь ее, дочка, зарежь!

1909

## 209. ВОТ КНИГА...

*Моему другу Ов. Паляну*

Вот книга — та, обещанная мной...  
Найдешь в ней много Грез, больших и странных:  
Хмельного Диониса жриц румяных,  
Танцующих ночами под луной.

Богов, что требуют Гомера сердце  
Иль Мессалины. Огненнострастна,  
Не в саван — в пурпур царственный одеться  
Давала мертвым рыцарям она.

Найдешь здесь ночь Помпеи с тьмой гнетущей,  
С гранатом, что над кратером возрос.

И этот Век, беременный грядущим,  
Который исстрадался, как Христос.

Сердца, задутые, как свечи, — разом.  
Железо, бьющее людей под дых.  
И Преступленье, вставшее из грязи  
И жаждущее крови роз живых.

Боль наслаждений, равнозначных зною,  
И наслажденье боли — в недрах слов.  
Ведь в чаше сердца и вино хмельное  
В кровь превратится чистую Богов.

Нет, не удержат силой посторонней,  
Друг, моего Пегаса за узду.  
Пусть слышится картавый крик вороний —  
Пегас летит у мира на виду.

Пусть критик слепо служит мракобесам,  
А евиух-моралист наводит страх.  
Кто взвесит Мўки Сердца на весах,  
Когда Вселенная — противовесом?

Кто породнится с Грезой золотою? —  
Лишь дно и высь познавший человек,  
В ком грязь и свет и кто живой слезою  
И обожжен, и освещен навек.

(1912)

## КНИГА «ПЕСНЬ ХЛЕБА»

### 210. К МУЗЕ

Как пахарь льнет к своим чапигам, разрывая  
В извилинах и швах земли сырую грудь,  
Как борозды зерно лелеют, подсыхая  
Под солнечным лучом, пригретые чуть-чуть,

Как свозят на гумно пшеницу, золотая  
Лежит она горой — в ней можно утонуть,  
Как тесто из квашни течет, переползая  
За край, — и пекарь трет глаза, чтоб не уснуть,

Как льет вокруг себя горячий Хлеб священный  
Живительную мощь, свой вечный дух нетленный, —  
О Муза, так и ты, вздымаясь на огне,

Колосьями укрась мне лиру золотыми,  
Поскольку на гумне под ивами густыми  
Сию в тени и песнь рождается во мне!

## 211. ЗОВ ПОЛЕЙ

Раскинулись мы вширь, конца нам нет и края,  
Как женщина, земля лежит вся на виду.  
Весна, весна пришла! И снег не может, тая  
На солнце, скрыть ее живую наготу.

Вы, пахари, скорей идите к нам, сырая  
Земля вас ждет, ей ждать уже не вмоготу,  
Журчат ручьи, а там, как чудо зацветая,  
Уже явил нарцисс живую красоту.

Идите к нам скорей — и полными горстями  
Несите семена; как женщины, мы с вами  
Готовы разделить прекрасной жизни суть.

Уж луч вонзился в нас, пусть жаркий пот прольется.  
Как будем ликовать мы под апрельским солнцем,  
Чуть ущемит лемех лепную нашу грядь!

## 212. ПАХАРИ

Вот пахари — полей возлюбленные дети.  
Как жемчуг, пот увил склоненное чело.  
Встают они с зарей, в их жилах солнце светит,  
И сердце бьется в них земное тяжело.

Когда они идут — дрожит земля, в ответе  
Они за каждый злак, за скрытое тепло.  
Им земляная пыль макушки белым метит,  
Солому им в полях за ворот намело.

Вот пахари. Их труд величествен, как божий.  
Морщины их и впрямь на борозды похожи.  
Подземная лишь им глухая песнь слышна.

Пусть мажут руки им волю слюной и пойлом,  
От безрукавок их расшитых пахнет стойлом,  
Зато в ладонях их широких — семена.

### 213. ВОЛЫ

Со звездочкой во лбу волю, огненнорыжи,  
Я амулетом их украсил голубым.  
Пьянит их вешний день, они так громко дышат  
И смотрят на поля, соскучившись по ним.

Я сеном их кормил зимой. Как идол в нише  
Церковной, тучный вол пасется, недвижим,  
И лишь мохнатый хвост бока воловьи лижет,  
Похожий на змею, и хлещет по крутым.

Люблю я спины их, бесчисленные складки,  
И ноздри, и зрачки, — на свете всё в порядке,  
Когда с волами я тихонько говорю,

И поступь их люблю, и мощное мычанье,  
Когда они бредут средь позднего мерцанья,  
Стремясь вонзить рога в вечернюю зарю.

### 214. ПАХОТА

Хо, хро, хро, хро — то тяжкий скрежет плуга;  
Идут волю в ярме, не глядя друг на друга,  
Жуя соломинку, с поникшей головой,  
И колокольчики гремят во мгле сырой.

Восходит солнца из-за гребня диск незрячий,  
Целуя пахаря в намокший лоб горячий.  
В ладонях сжав чапиги, он перед собой  
Путь видит праведный и, как душа, прямой.

Хо, хро, хро, хро — земля струится из-под плуга  
Изборожденная, пласты теснят друг друга.  
Упрямо, медленно ползет лемех стальной,  
На пашню жирную бросая отблеск свой.

Червь извивается, рассеченный меж комьев  
Земли; кроты дрожат, страшась копыт воловьих,  
И кровь змеиная мерцает здесь и там —  
То плуг по маленьким прошелся головам.

А солнце на небо взбирается всё круче.  
Как вновь проведенные борозды пахучи!  
Хо, хро, хро, хро — земля тверда — и труд непрост.  
Какое множество проведено борозд!

Волы стараются, и остроту стрекала  
Их брюхо чувствует, — как шкура задрожала!  
О камень плуг порой скрежещет — не беда.  
Пот льется с пахаря, как едкая вода.

Когда же колокол пробьет в селенье горном,  
Холмистый склон уже не бурым будет — черным,  
Сплошь перепаханным, облитым под луной  
Росой вечернею, животною слюной.

И пахарь сгорбленный вдруг, как от сна, очнется,  
Кругом оглянется, и плуг его запнется,  
И он подумает, что здесь, вдали от всех,  
Кубышку с золотом свернул его лемех.

## 215. СЕВ

Солнце взошло, добрые всходы сеятелю суля, —  
Вот он стоит над пажитями в полный рост:  
Перед ним простираются нагие поля,  
У горизонта сходясь в пучок черных борозд.

Пашня жаждет семян звездного янтаря,  
Широкий фартук наполнен отборным зерном,  
Горсть раскрывается над полями, как утренняя заря,  
И оставляет пшеничные зерна в чреве земном.

Сеятель, сей! Ты — кормилец, надежда родни.  
Мыслью о хлебе насущном, сеятель, открылись,  
Бросая сегодня зерна, чтобы завтра они  
Благословеньем на головы внуков твоих пролились.

Сеятель, сей ради голодных бедняг,  
Которых в несметном множестве неправый мир наплодил.  
Во имя завтрашней жатвы нынче один бедняк  
Остатки масла в лампы церковные нацедил.

Сеятель, сей! От тебя зависит будущая просфора.  
Сей, ступая вдоль вывернутого плугом пласта,  
Каждый колос нальется, когда настанет пора,  
Плотью господа нашего Иисуса Христа.

Сей без оглядки — даже дальше межи,  
Полную горсть набирай — полную горсть, не щепоть.  
Птицы склюют семена — ты не тужи:  
Жемчужные зерна вместо пшеничных посеет господь.

Свет золотой сей в лоно земли,  
Сеятель, не пропускай ни одной борозды.  
Близится вечер — тени длиннее легли,  
Тень десницы твоей простерлась до первой звезды.

## 216. БОРОНА

Рыхли, рыхли, старайся, борона,  
Мельчи большие комья, зарывая  
В разрыхленную землю семена,  
Пусть пахарь ждет большого урожая.

Рыхли, рыхли, разровнивай, кроши,  
Над полем простирая свои крылья.  
Трудись, трудись, старайся от души,  
И пусть вознаграждаются усилья.

Дроби, дроби мятежные пласты,  
Рубцуй, рубцуй зияющие раны.  
Как волны, успокаиваешь ты  
Бугрящиеся гряды и барханы.

Рыхли, рыхли, старайся, борона,  
Большое поле рыхло и покато,  
Опущенные в землю семена  
Скворцы да не растащат воровато.

Теперь не страшен будет летний зной.  
Стараньями укрытые твоими,  
Пусть семена набухнут под землей,  
Как козочек лоснящееся вымя.

### 217. ПЕРВЫЕ ВСХОДЫ

Буйный сок под землей разорвал семена,  
Шелестит ветерок,  
И поля зеленеют во мраке ночном.  
Матушка, принеси мне росток,  
Ибо пот мой — росой на нем!

Посмотри, молодая пшеница из тьмы  
Лезет, чувствуя срок.  
Поле лунным спит серебром. . .  
О сестра, принеси мне росток,  
Вол слюну, надрываясь, оставил на нем!

Изумрудные нежные всходы горят;  
Словно свечки у ног,  
Отливают побеги жемчужным огнем. . .  
Эй, пастух, принеси мне росток,  
Солнца луч отдыхает на нем!

Пустоту набирающей силы земли  
Молодой украшает цветок,  
Светлым он отливает веселым пятном. . .  
О любимая, дай мне росток,  
Аромат твоих пальцев остался на нем!

Среди поля миндальное деревце мне  
Шлет весенний привет.  
О любовь моя, мать и сестра,  
Принесите мне розовый цвет,  
Его розовый цвет —  
Знак надежды и символ добра!

## 218. ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Не тот это дождь, что наводит тоску,  
Унылый, угрюмый, тяжелый, —  
Нет, яркий, живой, волосок к волоску,  
Как будто из лейки, веселый.

Как будто растаяли звезды в ночи  
И на виноградник и поле  
С высот проливные струятся лучи,  
Дымясь в золотом ореоле.

И кажется, плачет сквозь смех синева,  
И падают с неба алмазы,  
И блещет родник, не ослепнув едва  
На солнце, лесной, кареглазый.

Тяжелых сапфировых капель не счесть,  
Мерцают, как раннее утро,  
И блещут, и гаснут, и взгляд не отвесь  
От льющегося перламутра.

Весеннею свежестью дышат луга...  
Под ливнем умылись овечки...  
О, запах земли, тепловатый слегка,  
На каждом дворе и крылечке!

И в поле, и в поле, где я проливал  
Свой пот, выпускает пшеница  
Росточки зеленые, каждый так мал,  
Но блещет уже и лоснится.

И вот, как в сказанье, попробуй застань  
В кустарнике, веющем тонко, —  
Под радугой луноподобная лань  
Рожает в лесу олененка.

## 219. МОРЕ КОЛОСЬЕВ

Ветру не спится,  
Он пролетает над полем, колосья колебля,  
Травы колыша от корня до кончика стебля,  
И по холмам, где на склонах растет медуница,  
Море струится.

Ветру не спится,  
И пробудилась от сна изумрудная нива,  
И поглотила козленка безбрежность разлива,  
И по оврагу, где россыпь росы серебрится,  
Море струится.

Ветру не спится,  
Он налетает — и платье волнистого жита  
То расплзается, то как бы снова зашито:  
В пенистом свете, которым омыта пшеница,  
Море струится.

Ветру не спится,  
И дуновенье в полях колоски распушило,  
И молоко разливает луна из кувшина.  
Где между ночью и днем пролегает граница,  
Море струится.

Ветру не спится,  
И от деревни до мельницы в буйном разгуле  
Волны зеленые вольную ширь захлестнули,  
Сидя на колосе зыбком, чирикает птица,  
Море струится,  
Ветру не спится.

1913

## 220. МАКИ

Видишь, милая, алые маки  
Склон покатый усеяли наш.  
Так напьемся же солнечной влаги  
Из мерцающих чаш.

Разгорелись на склоне гористом,  
Сколько бархатных и огневых!  
Будем пить золотистые искры  
Из бокальчиков их.

Собери мне букет, дорогая, —  
Ярко-красные, землю прожгли.  
Будем пить, к лепесткам припадая,  
Кровь июньской земли.

Песне жаворонка подпевая,  
Над гнездом его блещут они,  
Лепестки разводя и смыкая,  
Обещая нам жаркие дни.

Собери же букет и наполни  
Свой передник багровым огнем.  
Из стаканчиков, светлых и темных,  
Мы огня отхлебнем.

Вперемешку с пшеницею маки,  
Уст девичьих нежнее, цветут  
И похожи на тайные знаки,  
Трепеща там и тут.

Это — красного цвета избыток.  
Лоб и кудри цветами увей.  
Будем пить мы любовный напиток  
Из пунцовых горстей.

## 221. ПОЛЕВОЙ СТОРОЖ

«Пусть ни прохожий, ни голос его не подходят  
к посевам, эй, эй!»  
Это доносится сторожа крик вместе с ветром  
с пшеничных полей.

С сумкой холщовою через плечо, с грубым посохом  
в сильной руке,  
Средь изумрудной пшеницы он бродит один вдалеке.

В жарких лучах он купается там, как сверкающий шмель.  
В сумке холщовой его вместе с хлебом хранится свирель.

Ночью на ней он играет под яркой луной.  
Слушает песенку пугало в рваной одежде смешной.

Зреют колосья во тьме и при солнечном свете дневном.  
Сердится сторож, когда ветер бьет их тяжелым крылом.

Ах, как лоснится и светится нивы привольная гладь!  
Сторож — гроза всех, кто может ее потоптать.

Сколько кротов он убил, сколько крепкоголовых волов  
В панике с поля бежали от грозных его тумачков.

Вот и вчера вороватая жница на поле чужое пришла,  
Череп ослиный швырнул он в нее, обругал ее крепко  
со зла.

И долетает к нам сторожа крик вместе с ветром  
с пшеничных полей:  
«Пусть ни прохожий, ни голос его не подходят  
к посевам, эй, эй!»

## 222. СПЕЛАЯ НИВА

Поле мое золотистое!  
Жаром пахнув на меня,  
Ты, не сгорая, вздымаешься  
Выше огня.

Поле мое золотистое!  
Небо — огонь.  
Под стебельками потрескалась  
Грубая поля ладонь.

Поле мое золотистое,  
Дышишь и плависься ты,  
Желтых колосьев янтарные  
Блещут ряды.

Поле мое золотистое!  
Множество ос золотых  
Рыщет, цепляясь за усики  
Желтых колосьев твоих.

Поле мое золотистое,  
Я твоим запахом сыт.  
Вдруг канарейка из пламени  
В небо взлетит.

Спи, засыпай, золотистое,  
Праведным сном.  
Буду я спелое золото  
Жать серебристым серпом!

### 223. ЖАТВА

Пусть засучат рукава, пусть наточат серпы, —  
Лягут ячмень и пшеница сегодня в тугие снопы.

Сладко зарыться в колосья, колючие усики их  
Льнут к волоскам на груди меднокожих жнецов молодых.

Сладко тонуть, словно в море, в пшеничных волнах.  
Темные жилы вспухают на смуглых руках.

Взгляд от соленого пота и яркого солнца ослеп.  
В золоте плавком гуляет серебряный серп.

Срезаны ровно колосья, и маки меж ними лежат,  
Кровью густой истекая, — за рядом вздымается ряд.

Зыбь набегаёт на зыбь и волна на волну.  
Ветер колышет лоснящуюся желтизну.

Вдоль пробегает по ней, а потом — поперек.  
Высохший виден порой под ногами поток.

Вдруг замечаешь кусты или камень, лежащий в пыли.  
Прежде укрытый от взора, ручей проступает вдали.

Солнце пылает нещадно, и жнец, терпелив,  
Пьет родниковую воду, кувшин накренив.

Или, взяв колос, в ладонях его растерев,  
Зерна считает и хвалит судьбу нараспев.

Тут же — наемный работник с горячим серпом,  
Как полумесяц сверкающим в блеске дневном.

Жнут, и не видно конца этой жатве! Лежат  
К колосу колос, за рядом подрезанный ряд.

О, что за стоны, какие рыдания, мольбы!  
Кажется, плачет пшеница, ложась под серпы.

Жнут, и не видно конца этой жатве, пока  
Тьма не подступит вечерняя издалека.

Только тогда на дорогу выходят жнецы,  
Старые матери дома их ждут и отцы.

Серп на плече под луной серебрится чуть-чуть,  
Сладкая тень освежает горячую грудь.

Только сверчок наполняет молчанье полей  
Однообразно-прерывистой песней своей.

#### 224. СБОР УРОЖАЯ

Вышел в поле я с острым серпом  
— Как невеста луна, —  
И в сиянье тружусь голубом.  
— Ах, другому она отдана.

С непокрытой бреду головой,  
— Снятся первые сны, —  
Я неровной иду бороздой.  
— Ее пряди черны.

И колосья, и маки одной  
— Куропатка слышна —  
Нитью перевязал я цветной.  
— Руки хной умастила она.

Небеса на пшеничную гладь  
— Пролетела звезда —  
Изливают свою благодать.  
— Лучезарна ее красота.

Сколько сжатых колосьев в снопы  
— Слышен шум ветерка —  
Я связал для лихой молотбы!  
— Грудь ее приоткрыта слегка.

До утра я работать готов,  
— Луч блестит серебром, —  
Целый город сложил из снопов  
— Пламя в сердце моем.

Серп на камень наткнулся, визжа.  
— Есть жених у нее. —  
Перепелка забилась, дрожа.  
— Сердце кровью облилось мое.

## 225. ВОЗЫ

По сельской дороге возы так натужно  
Скрипят.  
Их, как пирамиды, ласкает  
Багровый закат.

Расселся погонщик, стегая волов,  
На снопах,  
Следы от кнута проступают  
На потных боках.

Колосья торчат, и волы,  
Соблазнясь колоском,  
Шершавым его норовят  
Ухватить языком.

На спины пшеница им сыплется,  
Лезет с боков,  
Трясется венцом на венце  
Их коротких рогов.

Дорога в колосьях лежит  
От полей до гумна,  
И топчутся куры на ней,  
Копшась дотемна.

А с пыльных обочин,  
Клонясь и качаясь вразброд,  
Малина мохнатая  
Кровь переспелую льет.

По сельской дороге возы так натужно  
Скрипят. . .  
Громадные скирды везут, как пожар,  
На закат.

Везут золотой, шелестящий, пшеничный  
Поток,  
Что льется с оглобель, колес,  
Вдоль ложась, поперек.

Стегая волов, деревенские парни  
Поют,  
Поют, умолкают, и дремлют,  
И носом клюют.

Поют, как стрекозы, как ветер,  
Как в поле серпы,  
Пока на гумне не уложат,  
Как волны, снопы.

## 226. НА ПАСТБИЩЕ

Играю на дудочке, лежа на теплом  
Склоне холма,  
Пасу я волов, и песня из сердца  
Рвется сама.

Луна опустилась к поверхности сжатых,  
Безмолвных нив,  
Свой кроткий серебряный свет по жнивью  
Расстелив.

Ночь ясна. Моя песня чуть слышно звучит  
На просторе.  
Плачет нежно свирель, ветеркам  
Легковейным вторя.

Слышу издали — звон колокольцев по пивам  
Дробится,  
Там, где медом кропит Млечный Путь  
Отростки пшеницы.

Как траву у ручья щиплет стадо в молчаньи,  
Мне слышно,  
Раздирает теленок губами влажный  
Ятрышник.

Бык с поникшею головою зачарованным  
Кажется мне.  
Временами блистают огромные очи  
Волов при луне.

Мошки, сверкая, вьются над стадом, из мрака  
Вылетев.  
Белый вол точно идол, из лунного света  
Вылитый.

Они щиплют траву. Хвостами по крутым  
Бокам своим бьют,  
Из родника моей песни их сторожкие  
Уши пьют.

Зеленеют их зубы от сочных стеблей.  
Наедаются до отвала.  
Ненасытные их утробы набиваются,  
Как сеновалы.

И тогда они грузно ложатся,  
Сонные исполины.  
Жуя, кладут свои морды друг другу  
На спины.

До утра, рососою скреплены, лежат они  
Важно,  
Пока солнце по яхонту не соберет  
С рогов их влажных.

## 227. КРЕСТ ИЗ КОЛОСЬЕВ

Полевые дары на своем алтаре  
Освяти, Мать Божья, тебе их несущи.  
Желтый воск с моей пасеки льет в серебре  
Твоем — свет и слезу.

Ты — святая защитница наших полей,  
Ты бессмертие рая им даришь, в цветок  
Превращаешь побег и деревне моей  
Предрассветный несешь ветерок.

Этот крест из колосьев прими от меня,  
Сам я плел — краше нет у меня ничего.  
Словно русые девушки, шейки клоня,  
Золотились колосья его.

Под серпом моим пали они, сколько тел  
Золотых! Богоматерь, взгляни с высоты.  
Клювом маленьким жаворонок не посмел  
Тронуть спелые эти ряды.

Сплел я их, словно косы, и форму креста  
Им придал, так как Сын твой погиб на кресте.  
В Пасху кровь его впитывает борозда,  
Есть она и в вине, и в дожде.

Вплел я в них свою веру, надежду, нужду,  
В них — и солнечный блеск, и сверканье серпа,  
И руки моей взмах, и в бесхлебном году  
Моих маленьких внуков мольба.

Матерь Божья, прими этот дар и полям  
Дай жемчужин весной, летом золота дай.  
Свеч тем больше алтарных зажгу по краям,  
Чем полней будет мой урожай.

Сделай так, чтобы ты, навещая поля,  
Не по терниям шла, не по черной пыли,  
Чтобы под ноги золотом стлалась земля,  
Чтобы алые маки цвели.

## 228. ТОКА

На току я сижу, замечтавшись, в тени  
Моего работяги осла,  
Он, привязанный к пню, мне уткнулся в плечо,  
Его шкура от пыли бела.

Заливает долину волна за волной  
Золотого, живого тепла.  
Скирды плавают в них, и погреться в лучах  
Черепаша тайком приползла.

Крылья ветра чуть движутся — и аромат  
Тепловат и стоит как стена.  
Тень коровы на солнечном ярком свету,  
Как заплата, черна, зелена.

И домашняя утварь лежит на токах,  
И вполне обжитой у них вид.  
В опустевшей деревне скучающий пес  
На пороге тихонько скулит.

Скирды словно дома, и для новых невест  
Деревенских, тайком от молвы,  
Стала ложем супружеским зыбкая тень  
От широкой древесной листвы.

И я песню слагаю о тех молодцах,  
Чья тверда и надежна рука,  
Что, серпы отложив, к молотильной доске  
Приучают упрянца быка.

Или, в камни впрягаясь, расчистить спешат  
Место, нужное для молотьбы.  
И намокла спина, и приходится пот  
Часто смахивать с верхней губы.

И я песню слагаю о девушках тех,  
Что, с нестершейся хной на руках,  
В сито сыплют ячмень, и колышется он  
Драгоценной струей на токах.

Воспеваю крестьян на вершине возов,  
Что, как боги, глядят с высоты  
И железные вилы вонзают, кряхтя,  
В золотистое тело скирды.

Молотильную доску, тугие снопы  
Воспеваю, дымящийся круг,  
И пшеницу, пшеницу, пшеничный поток,  
И тяжелый, отрывистый стук.

О, как сладко, как радостно всем существом  
Слиться с этим священным трудом,  
Пропитаться пшеничною пылью сухой,  
Всей трухой, всем несметным зерном.

О, как весело на пропыленном пути  
К старой мельнице, воз торопя,  
Божеством ощутить себя древним на миг,  
Паном тока представить себя.

## 229. НОЧЬ НА ТОКАХ

Положив молотильную доску под голову, спит  
Дух священный работы во тьме на уснувшем току.  
Ночь прекрасна! И звездного неба таинственный вид  
Завораживает — я глаза отвести не могу.

Стрекотанье цикад неумолчное. С озера плеск  
Долетает — справляется свадьба в семействе наяд.  
Блещут ивы над речкой — и этот серебряный блеск  
Связан с ветром, что пробует струны всю ночь невпопад.

В аромате тимьяна лежу на скирде, под струю  
Золотого свеченья подставив плечо и висок.  
Из кувшина Вселенной вино Бесконечности пью,  
Кто-то давит там звезды, как будто рассыпан песок.

О, как сладко скитаться по этим небесным волнам,  
И кораблекрушенье, коль так суждено, испытать,  
И найти позабытую древнюю родину там,  
На далекой звезде, чтобы с нею расстаться опять.

Хорошо мне душой возноситься в полночной тени,  
Ах, какая стоит над уснувшей землей тишина!  
Сон глаза мне сомкнет, и под веками звезды одни  
Голубые останутся да Бесконечность одна.

Так все люди в деревне спокойно и сладостно спят:  
На возу — паренек, светом звезд, как накидкой, укрыт,  
И девчонка — на скирдах, и ветер ласкать ее рад,  
И над ней Млечный Путь белизною молочной кипит.

**И** не так ли, не так ли под дышащим небом ночным  
**Я** в крестьянской семье был однажды любовно зачат  
**И** тянулись родители к блесткам, огням неземным,  
**Выбрав** самую яркую в небе звезду наугад!

### 230. ПЕСНЬ МОЛОТЬБЫ

Вожу на току молотилку.  
Как солнце нещадно палит!  
И жарко то лбу, то затылку.  
Я пылью пшеничной покрыт.  
«Вертись, молотилка, вертись, не робей,  
С высокой скирдой расправляйся живей!»

С жужжаньем летает по кругу  
Шмель, воем пугая своим,  
И вол мой скорее с испугу  
Идет, подгоняемый им.  
«Вертись, молотилка, вертись, не робей,  
Снопы разрушай золотые живей!»

Шиповника гибкая ветка  
На кнут мне колючий пошла.  
Я ею стегаю, но редко,  
Жалею упрямца вола.  
«Вертись, молотилка, вертись, не робей,  
Колосья стриги бородатые, брей!»

Стою среди желтой пучины,  
Тону, с ней бороться устав.  
Мешается запах мякины  
С живительным запахом трав.  
«Вертись, молотилка, вертись, не робей,  
Рви пленку с зерна молодого живей!»

Вол голоден, шкура дымится,  
И рот пересох на току.  
Но голод травой поживится,  
И жажда прильнет к роднику.  
«Вертись, молотилка, вертись, не робей,  
Зерно выбивай из колосьев живей!»

Я смазывал дегтем недаром  
Тебя, молотилка моя,  
И в брюхо умелым ударом  
Кремневые вбил остря.  
«Вертись, молотилка, вертись, не робей,  
Солому грызи, молотилка, живей!»

Ах, что за пшеница, пшеница,  
Подобно рассветным лучам,  
На пыльном току золотится.  
Веселье крестьянским домам!  
«Теперь, молотилка, теперь отдохни.  
Пусть в хижинах весело вспыхнут огни!»

### 231. ПОЛДЕНЬ

В этот час работа стала, тишина пришла на ток,  
Спит народ, сморенный зноем  
В самый солнцепек,  
И, ослабленный застоєм,  
В подземелье умирает вялый ветерок.

Иссекла до горизонта землю огненная плеть,  
На полях сплетя из трещин  
Паутину-сеть.  
Смутный дар мечтам обещан,  
Странный топот продолжает в тишине гудеть.

Спят леса на темных склонах, сон холмы запеленал,  
Облако задело краем  
Горный перевал —  
И подобны белым стаям  
Ключья облачного пуха на вершинах скал.

Грудь земли зияет рваной раной, чтобы мог в нее  
Свет кровавый погрузиться —  
Жаркое копье,  
И боится испариться  
Капля из ключа, который дал цветку питье.

Разлеглись волы в низине, только что отпряжены,  
Тянутся от губ полоски  
Пенистой слюны,

У скирды стоят повозки:  
Суковатые оглобли вверх устремлены.

В этот час душа к покою воспаряет каждый раз  
И витает в поднебесье,  
Далеко от нас,  
Предаваясь тихой песне,  
Одинокая, как солнце в этот жаркий час,

### 232. ВОДОПОЙ

Вечером голос воды  
В старой колоде под ивой печальной  
Переливается песней хрустальной —  
Чище хрустальной звезды.

В сумерках зыбких блестя,  
Тихо луна принимает крещенье,  
И преломляется луч в ощущение,  
Будто бы крестят дитя.

Месит болотную грязь  
Стадо волов, направляясь к колоде,  
Возле которой вода на свободе  
Тысячей луж растеклась.

В гуще ленивой борьбы  
Грузным волам нелегко повернуться:  
Трутся боками и крупами трутся,  
Клонят рогатые лбы.

Те, что успели вперед,  
Возле колоды надолго застряли,  
Жадно к прохладе припали ноздрями —  
Жажда сама не пройдет.

Пьют — слава богу, не скуп  
Тающий лед на вершинах дремотных.  
Пьют — и луна не смущает животных,  
Плавающая около губ.

Нерасторопный оттерт  
Мощными шеями, лбами, боками. . .  
Частые струйки стекают на камни  
С мокрых, лоснящихся морд.

И волопас в стороне  
Песню мурлычет, склонившись на посох,  
Дно проступает в песчаных наносах,  
Мох зеленеет на дне.

После идут тяжело,  
Но разливается всё веселее  
Звон ручейка — колокольчик на шее:  
Стадо вернулось в село!

А перед утром, когда  
Вновь позовет ручеек говорливый,  
Снова рассыплет в колоде под ивой  
Слезные гроздья звезда.

### 233. ВЕЯНЬЕ

Когда тускнеет неба край,  
Померкнул луч, поля остыли,  
Крестьяне веют урожай,  
Что на току намолотили,  
И песня по ветру струится:  
«Вей, ветерок, вей, ветерок,  
Тебе — мякина, нам — пшеница!»

Девчонки около парней  
Как розы близ шипов колючих.  
Мелькают вилы; ветер, вей,  
Пшеничные вздымая тучи.  
И песня реет, словно птица:  
«Вей, ветерок, вей, ветерок,  
Тебе — мякина, нам — пшеница!»

Смотри, с ритмичностью какой  
Мелькают веяльщиков руки!

Поток янтарною рекой  
Течет, прогнувшись, как в излучке.  
Нельзя под песню с ритма сбиться:  
«Вей, ветерок, вей, ветерок,  
Тебе — мякина, нам — пшеница!»

Как ветер прян и белокур!  
Сквозь дымку дали проступают,  
С повадкой домашних кур  
Дрозды степенные гуляют,  
Их не редет вереница:  
«Вей, ветерок, вей, ветерок,  
Тебе — мякина, нам — пшеница!»

Какие вихри — выше плеч!  
И в волосах людей — сверканье!  
Роса на луг готова лечь,  
И влажно вечера дыханье,  
А песня сделанным гордится:  
«Вей, ветерок, вей, ветерок,  
Тебе — мякина, нам — пшеница!»

Выходит на небо луна,  
Из мглистой дымки выплывает  
И горы чистого зерна  
С ночных небес благословляет,  
И песня гаснет, как зарница:  
«Вей, ветерок, вей, ветерок,  
Тебе — мякина, нам — пшеница!»

### 234. БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Горсть пшеницы в твои ладони  
Я насыплю, мой сын родной,  
Сын родной — ремень поясной;  
Пусть течет по рукам могучим,  
Сын мой, кровь двадцати быков,  
Пусть твой стан, крепче горной кручи,  
Двадцать сможет поднять домов;  
И когда ты посеешь десять  
Зерен — да уродится хлеба,  
Сколько звезд средь ночного неба.

Горсть пшеницы тебе на темя  
Я насыплю, любимый внук,  
Ты — мой посох, зацветший вдруг;  
На челе твоём пусть напишет  
Мудрость лучшие из псалмов,  
В жизни пусть тобой правда движет  
Целомудренных дел и слов;  
Пусть твое не скудеет стадо,  
К ячменю на твоей ладони  
Овцы тянутся пусть и кони.

Горсть пшеницы насыплю внучке  
На головку, — смугла не ты ли,  
Внучка — мак на моей могиле;  
Пусть румяными будут щеки,  
Как на солнце степные маки,  
Очи пусть будут так глубоки,  
Что и луч их пронзит не всякий;  
И когда ты посадишь иву —  
Да увидишь себя под ивой  
Вечно юною и счастливой.

Горсть пшеницы, моя невестка,  
На живот твой насыплю щедро,  
Да щедры твои будут недра;  
Пусть в горячей твоей постели  
Созревает колосьев ряд,  
Зори ясные в колыбели,  
Что качаешь ты, сладко спят;  
И когда ты доишь корову,  
Пусть молозиво золотится,  
Молоко — серебром струится.

Горсть пшеницы, сухой пшеницы,  
Ах, старуха моя, ах, Анна,  
Пусть прольется на нас с тобою,  
Пусть встречается утром рано  
Солнце с нашею сединою,  
Пусть не гаснет свеча во храме,  
Что поставлена молча нами;  
И когда мы с тобой в могилу  
Ляжем рядом, моя старуха,  
Пусть земля будет мягче пуха.

## 235. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Этим вечером к вам мы идем  
Серебристым путем,  
О деревни, деревни;  
Пусть в тенистых дворах  
Громко лают собаки,  
Пусть вода в родниках  
Засмеется во мраке;  
Мы вам розы, красу нашей древней земли,  
Пританцовывая, принесли.

Этим вечером к вам мы идем  
Каменистым путем,  
О лачуги, лачуги;  
Перед мордой вола  
Распахнутся ворота;  
Дым струится; была  
Трудной наша работа;  
Целый день провели мы от дома вдали,  
В кринках вам молоко принесли.

Мы идем этим вечером к вам  
По сухим колеям,  
Сеновалы, сараи!  
Пусть в широких щелях  
Яркий луч притаится,  
Пусть мучной белый прах  
Лунной пылью струится;  
Мы солому с тимьяном и сноп золотой  
Прихватили с собой.

Мы идем этим вечером к вам  
По камням, по буграм,  
О амбары, амбары!  
Пусть в сухих закромах  
Отдыхает пшеница,  
Паутина в углах,  
Как вуаль, серебрится;  
И впотьмах вереницу груженных подвод  
Деревенский встречает народ. 11

## 236. АМБАРЫ

Полутемных строений, пристроек приземистый ряд,  
Деревенских амбаров, — мы запахи сена вдыхаем.  
Из глубин их струится осенний, густой аромат, —  
Плодоносная осень довольна большим урожаем.

Там — сухая трава, веретенообразный ячмень,  
Здесь — пшеница в мешках взгромоздилась под самую крышу.  
В них — всё летнее солнце и знойный сверкающий день,  
Я в их шелесте, кажется, летние шорохи слышу.

Почерневшие бревна, — кто скажет мне, сколько им лет?  
Хлопотливый паук над зерном разостлал свои сети.  
В неприметную щель проникает полуденный свет.  
О, как радуют сердце запасы надежные эти!

С ними нам не страшны ни бескормица, ни холода.  
Заготовлено много и хлеба, и сладкого сена.  
И нет стража в амбаре надежней хитрюги кота,  
Что накрылся хвостом и поет про себя, как сирена.

## 237. РИГИ

Рига люцерны, пьянишь ароматом  
Ладана, миг  
Сладок, когда за тугой твоей дверью,  
Страшен и дик,  
Широколобый, в ошейнике прочном,  
Виден мне бык.

Рига гороха, пьянишь ароматом  
Горных цветов,  
Перетаскал я душистых немало  
К стойлам снопов,  
Благоуханье твое днем и ночью  
Пить я готов.

Рига соломы, пьянишь ароматом  
Пастбищ и нив,  
Кошка на мягкой скирде промурлычет  
Сладкий мотив,  
Будь же ты благословенна, ягн्याтам  
Мордочки посеребрив!

### 238. МЕЛЬНИЦА

Не молкни, мельница, мели,  
Вздымая тучи шумных брызг,  
Чтоб эхо вторило вдали,  
Где серебрится лунный диск.

Твоим стенам привычна дрожь,  
Клубящая мучную пыль.  
Ты спать русалкам не даешь...  
Что это — сказка или быль?

В трудах твой белый чародей,  
Неутомимый мукомол:  
Он хлебом потчует людей,  
А ведь без хлеба — стол не стол.

Ты — буря в путах лозняка,  
Твоя река к тебе щедра,  
Мели, пусть сыплется мука  
Из благодатного нутра.

Перехвати поток в пути,  
Над бездной задержи накат —  
И грохот в песню преврати,  
Низвергнув с крутизны каскад.

Скрипучие вozy ползут,  
Набиты доверху кули:  
Пшеницу на помол везут.  
Не молкни, мельница, мели!

Арбы сползаются на зов —  
Ни с чем не спутать этот звук,  
Урчанье алчных жерновов  
В движении за кругом круг.

Из глубины осенних дней  
Подвозят золотую кладь,  
Чтобы в сонтии камней  
Зерно могло мукою стать.

Числом расти мешкам вдоль стен,  
Возам тянуть свой белый след,  
Когда на золото в обмен  
Насыплешь ты крупчатый свет.

### 239. БЛАГОСЛОВЕНИЕ

С востока к нам  
Пусть мир придет, успокоенье. . .  
Не кровь, а пот  
По рыхлым бороздам пускай течет;  
И если колокол сзывает в сельский храм —  
Да будет с ним благословенье!

Пусть с запада, трудов награда,  
Грядет к нам урожай. . .  
Луч звездный тянется, как волос;  
Пусть золотом нальется колос.  
Когда ж на склон придет овечье стадо —  
Пусть будет склон в цветах, как рай!

Пусть с севера к нам изобилье  
Пожалует в село. . .  
В пшенице рослой  
Пусть серп ныряет острый.  
Пусть ликование расправляет крылья —  
В амбарах от зерна белым-бело!

Пусть с юга теплый вечер  
Слетит на землю, свечи пусть зажгут. . .  
Да будут полны меда ульи наши;  
Пьянит вино, переполняя чаши;  
Когда же хлеб дымящийся внесут —  
Любовь и песни выйдут пусть навстречу!

1912—1915

## ИЗ ДРУГИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

### 240. О, НОВЫЙ ВЕК!

Новая эра, входи! В ясной утробе твоей  
Зреет Грядущего плод, чтобы явиться на свет.  
Алым закатным вином, сладостным звезд молоком,  
Вижу — полны до краев тяжкие груди твои.  
В мерзкой постели чужой долго терзали тебя,  
В озере крови живой чуть не погибла мечта,  
Но сотворения сок в тело твое проникал,  
Тихий, незримый поток шел от роящихся звезд,  
Мысль, как Зевесов орел, крылья свои распахнув,  
Смотрит, как мучишься ты в корчах своих родовых.  
Светочем Вольности стань, Жизни надеждой пребудь,  
И на утесе времен, высящемся до небес,  
Молнии яростных бурь высекут имя твое,  
Жемчугом в книгу веков, в грузный пергаментный свод  
Впишут горенье твое, впишут деянья твои.

Встали народы земли, цепи свои сокрушив,  
А из остатков сплели для властелинов бичи,  
И пробудился Восток, как молодая жена,  
Что средь супружеских ласк первую ночь провела.  
Дедовские города дрему ветшающих стен  
Сбросили прочь и гудят, раскалены, как вулкан,  
Плавится Злата закон, тает стальное ядро,  
Огненный дождь из свинца льется с иранских небес,  
И в исфаханских садах лебедь гаремов поник,  
Чует он близкий конец, дом Сасанидов дрожит,  
Балки прогнили насквозь, трещины стену грызут,  
О молодой Энджомен шахский ломается меч,  
Бегством спасается шах, пали сатрапы-скопцы,  
Что европейскому льву верно служили сто лет,  
Сделав из мантий своих пакость лакейских ливрей,  
А огневой аргамак под звездоглазым бойцом  
Дариев древний престол звонкой подковой крушит,  
Там, где он ступит, цветут алые розы надежд.  
Кровь отирая, народ, сев на могильник царей,  
С верой растит у груди Персии новой дитя.  
В Анатолийских горах, где погулял ятаган,  
Новые зори встают над городами могил,  
И сирота армянин, новой эпохи пророк,

Прах Исраэла. Ори в бомбу свою заложив,  
Взрывы готовит, а сам, дерзкой мечтою влеком,  
В бухте кровавой на дне ищет всем сердцем своим  
Жемчуг свободы — венчать светоч короны твоей,  
Ищет и скоро найдет, светлая эра моя.  
Всяк угнетенный теперь смотрит на солнце в упор,  
Вот пробудился монгол, много хлопот палачам,  
Но гильотины резни жуткий свой блеск отдают  
Свежим могучим ветрам, зову грядущих побед,  
И закипает Стамбул яростным варевом толп,  
Люди впервые идут к цели высокой, святой,  
Нынче она им видна, нынче она им ясна,  
Кровь извергает тиран, всю, что за жизнь проглотил,  
И азиатский порог пурпуром зарев покрыт.  
Гог и Магог поднялись: час роковой наступил,  
Прочные стены крушит неукротимый порыв,  
Трубный архангельский глас сбросил и в прах растолок  
Мумии идолов, что Ветхий завет освящал,  
И по России идет гулкий грохочущий зов,  
Полный свирепой Мечты и предвещающий бой,  
Северный полюс трясут взрывы сияющих бомб,  
Битый и колотый лед кашей алмазной течет,  
Рушится в теплый Гольфстрим; белый полярный медведь,  
Морду задравши, глядит на подожженную тьму,  
В тюрьмах восстанье кипит, падают стены дворцов,  
Как обветшалый насест, вдруг угодивший в потоп,  
Лопнул финляндский гранит, громом ответил Кавказ,  
Взрывы сверкнули во тьме, и наслаждается взгляд,  
Словно на розу глядит в сказочном дивном саду.  
Всюду встает молодежь, всюду спешит созидать.  
Жаркий кровавый потоп сносит, смывает и прочь  
В бездну прошедших времен сбрасывает на бегу  
Идолов в тусклой броне, алчных верховных жрецов,  
Скипетр червивый, а с ним кодексов стружья и гной.  
Новые боги идут! Это бессмертный Народ,  
Это дерзнувший достать солнечный диск Прометей  
Хочет взойти на Олимп звездные нивы косить,  
С лунных полей урожай светлым серпом пожинать,  
Семя огня у небес смело добыть для земли.

Новая эра, входи! Звал тебя гордый Ферер,  
За Пиренейской стеной выплеснул лаву вулкан,  
Гневный народ словно бык вскинул кинжалы-рога,  
Трон заходил ходуном, пастырский посох трещит.

На Гваделупе пожар! Пав на пороги казарм,  
Алая кровь бунтарей с камня к возмездью зовет.  
В Андалусийских горах не на свиданье идут  
Девушки с розой в зубах, а среди восставших борцов  
Учатся метко стрелять. Поднято знамя борьбы,  
Вьется оно на ветру. Формула «СОЦИАЛИЗМ»  
Раз навсегда разорвет чары вселенского зла.  
Каменный Сфинкс говорит — мудрость отверзла уста.  
Этот чудовищный зверь истину нам возвестил,  
И, беспощадный, как меч, коготь его разодрал  
Книгу Обмана и Лжи, труд лицемерных жрецов.  
Глянь на Восток, на Закат, выслушай Север и Юг —  
Голод то воеет, как пес, то прорицает, как бог,  
Мудрость, познавшая боль и унижение от зла,  
Силу в страданье нашла, стала законом миров,  
Сделалась осью миров, новая эра моя!  
Мрачный антихристов дух истово осуществит  
То, что Сократ не постиг, то, что лишь снилось Христу.

Дрогнули камни церковей, рушатся их купола.  
Всё хитроумье попов больше не может взнудать  
Истинный Новый завет, непримиримый наш дух.  
Пастыри-волки вотще стадо к смирению зовут.  
Вольные души людей сами желают свой путь  
Выбрать по звездам небес среди лабиринта дорог.  
В пастве смирения нет, пало господство кнута.  
Папа напрасно трясет ржавым Петровым ключом,  
Дверь в заповеданный рай этим ключом не открыть.  
В храмах размножился блуд, помысел грешный мужской  
С помыслом женщин един, цель у обоих одна.  
Рим превратился в Содом, а Гроб Господень — в притон,  
Божьего агнца с торгов всякому там продадут.  
Но понапрасну сулит бойкий язык торгашей  
Райские кущи одним, адские печи другим.  
Бога давно уже нет в лавочках при алтарях.  
Нет! А народы рычат, кровью от ран исходя.  
Нет! А народы хотят, чтоб отражался Господь  
В совести вольных людей. Помыслы Савонарол  
В чистых сиротских сердцах снова зовут на мятеж,  
И непокорство грызет мрамор соборных колонн.  
Что нам картины и плющ, если за ними Обман?  
И разгорается спор в стане надменных попов,  
Властные помыслы их точит великий испуг.  
Бруно, тот страшный костер, где ты за правду сгорел,

Что подожжен был огнем от благолепных кадил,  
Дети и внуки твои, мстя за тебя, разожгли,  
Радостно мечут в огонь ризы блудливых жрецов,  
Грозные буллы всех пап, ложные мощи святых,  
Злобный Кальвинов софизм и ватиканский сургуч,  
Долгие двадцать веков жегший печатью уста  
Истины, вырванной прочь с мозгом у светлых умов.  
Все патриархи церквей, свой позабывшие долг,  
Все патриархи-скопцы, что, охраняя гарем  
Злобных Гамидов, кресты кровью пятнали людской,  
Бурей судеб сметены и позабыты навек.  
Вот он, Антихрист, грядет свято и право судить!  
Бог нам его обещал, бог нам его ниспослал,  
Это народы всех стран, пытаные на огне.

Новая эра, входи! Пусть в тебе вечно живут  
Жертва, сраженье, борьба, гибель и роза побед!  
В лоне бескрайних времен ты как тяжелый кувшин  
С кровью и верой людей, павших в жестоком бою.  
Ты — раскалившийся горн, где обжигают наш мир,  
Чтобы явился он, нов, с ясной звездой во лбу,  
Чист и достоин вершить околосолнечный путь...

Новая эра моя! Лучшей надежды рассвет...

(1912)

#### 241. НАВАСАРД

Ты гений Гайка в Навасард под жгучим солнцем  
Возвеличь!  
Вот лира! Встань из пепла, пой, и славословь,  
И славокличь!

Во имя Силы, Красоты ты с факелом  
Под божий кров  
Вступи, святыни окропи, и станет всё —  
Огонь и Кровь!

Стакан гранатного вина к сосцам прекрасной Анаит  
Вздымай смелей!  
Напиток пламенный, густой на сердце гибнущих творцов  
Легко пролей!

Мы мрамор девственный возьмем, что Семя, Пламя  
И Любовь.  
Нам — Детям Августа — ваять святой Зари  
Живую Новь.

1913

#### 242. АСТХИК

Осталась шея мраморная целой  
И гордой — ныне, средь веков разрушенных,  
И лилией она взметнулась белой,  
Власть обретя над Избранными Душами.

В глазах твоих — живое небо эллинов,  
Вся суть его: сияние и кров.  
Да, ты легла, резцом ранима гения,  
Чтоб хлынула душа из мраморных зрачков.

Чтоб жизни, женственности, нежности учил он  
Тебя, пенорожденную. . .

Еще

Солоноваты капельки пучины  
На ямочках твоих оживших щек.

Но руки где, Астхик?

Они погружены

В твой океан, бунтующий вдали? . .  
Так хочется найти любви жемчужину,  
Чтоб ею увенчать чело Земли.

(1913)

#### 243. ПОСЛЕ КУПАНИЯ

Из моря выйти и с тобой  
Пройтись бы берегом синебоким,  
И косы, полные волной,  
Пусть сушатся на солнцепеке.

И к лону теплому песка  
Прильнет нога твоя нагая.  
И кинется волна ласкать,  
Лобзать ее. . . не настигая.



## 246. ТОПОЛЯ

Тополя. Для дружной их четы  
Место возле дома выбрал дед,  
И звезда любви и красоты  
Сквозь листву просеивает свет.

Так сроднились, так они близки,  
Что звенит листок листочку в лад:  
Чуть умолкнут на одном листки,  
На втором, смолкая, отзвелят.

Корни цепко переплетены,  
Крона к кроне в непогоду льнут,  
И в лимонных отсветах луны  
Чудится пчелиный майский гуд.

Прислонившись к ним в условный час,  
Мы с невестой за полночь сидим,  
И они всю ночь поют о нас,  
Но язык их непереводим.

Волосы смешал тебе и мне  
Ветер, листья в небе шевеля, —  
Там, над нами, в звездной вышине  
Обнялись седые тополя.

(1913)

Рубен Севак (Чилинкирян) родился 15 февраля 1885 года в деревне Силиври близ Константинополя в семье ремесленника-торговца. Учился сначала в родном селе, затем в одной из известных школ Константинополя — семинарии Перперян. В 1905 году поступил на медицинский факультет Лозаннского университета (Швейцария), который окончил в 1911 году. Работал в одной из больниц Лозанны помощником врача. С 1914 года обосновался со своей семьей в Константинополе.

Севак начал писать с 1905 года. Его единственный поэтический сборник, состоящий из 3-х поэм, — «Красная книга» — вышел в свет в 1910 году. Стихотворные циклы «Хаос», «Последние из армян», «Книга любви» Севак при жизни опубликовать не сумел. Писал и прозу; наиболее значителен цикл его рассказов «Страницы, вырванные из дневника врача» (1913). Занимался и переводами из Гейне, Леконта де Лиля и др.

24 апреля 1915 года по приказу турецких властей в числе 200 представителей константинопольской армянской интеллигенции был арестован, сослан в глубь Турции, и 26 августа того же года убит.

Основные издания на армянском языке: Сочинения, Ереван, 1955; на русском языке: Антология армянской поэзии, М., 1940; Из западноармянской поэзии, Ереван, 1979.

## КРАСНОЕ ЗНАМЯ

«Голодных безработных горький ряд!  
Напрасно к небу устремлен ваш взгляд,  
измученные горожане, — в бой!  
Ты, женщина, и ты, старик седой!»

Свистят сурово зимние ветра,  
крик ярости несется со двора,  
он рокотом пронизанный глухим,  
как долгим эхом: «Хлеба нам, живым!»

Забилось сердце бешено во мне.  
Мольба о хлебе в снежной тишине!..  
Вскочил с кровати, сонный и босой,  
и распахнул окно... О, боже мой!

Я понял всё, заплакал я навзрыд:  
народ с мечтою о ломте стоит.  
Как муравейник, тысячи людей,  
столпились, копошатся у дверей.

На них ложатся снежные пласты,  
белы, как безнадежности цветы.  
Ночь обступила морем темноты,  
как заговор жестокой нищеты.

Сквозь рокот тыщеустный и глухой  
работы раб, согбенный и худой,  
с кареты ветхой горько изливал  
слова проклятий, возмущенья вал.

И низвергались речи на толпу,  
на бесприютную ее судьбу, —  
так воды бьют о скалы по ночам...  
И океан ярился: «Хлеба нам!..»

---

«Одни спят на атласе, а другим  
спать на камнях по улицам кривым;  
одним жить под узорным потолком,  
другим — в подвале, жалком и сыром.





Над прахом одного лежит гранит,  
другой, угаснув, в рубище лежит...  
Есть дом у птицы, песня в добрый час,  
но почему проклятье лишь у нас?

Украшен храмами наш белый свет.  
Во имя бога? Но ведь бога нет...  
Для бедных сирот нет нигде угла,  
для бедных женщин доля тяжела.

Доколь богатым на поту рабов  
готовить сдобу пышных пирогов  
и яства для их выхоленных псов,  
когда ни крошки нет у бедняков?»

---

Сошел с кареты пламенный старик,  
и огласили полночь вопль и крик,  
и, как на сцену, на карету вновь  
восходят люди, — им не прекословь.

Неграмотных людей суровый ряд —  
голодные желудки их твердят  
слова простые о своих правах,  
протест на посиневших их губах.

И снова в шуме слышно: «Хлеба нам!»  
Внимает молча люд святым словам, —  
о, голос справедливости самой,  
ей не витать над скорбною толпой.

---

Крик иступленный прогремел вдали,  
в сыром тумане траурной земли,  
как пламя, величаво над землей  
взметнулось знамя красное судьбой...

Был грустным и подавленным мой взор,  
смотрел на люд я, что в ночной простор,  
как черный призрак, горько уходил,  
бездомный, обездоленный, без сил...

Куда вы, люди?.. Как все голодны!  
Покинутые богом без вины,

покорные, шли на безмолвный зов,  
чтоб чашу сотворить иных весов.

Мне показалось, что судьбы крыло  
над ними неожиданно взошло;  
шли на борьбу они, добиться прав,  
шли к справедливости, вконец устав,  
что наступить должна, им засияв.

1909

2

**БЫЛО ЗА ПОЛНОЧЬ**

Было за полночь, и дождик лил в безмолвии сыром.  
Ты печальная стояла под унылым фонарем.  
А вода бежала стыло по булыжной мостовой.  
Но стояла и ждала ты — вот удел зазорный твой.

А во взоре — плач улыбки, плач во взоре неживом.  
Краска на губах порочных — боли жалкий окоем.  
Груди полные томятся не утехой, а тоской.  
В них дождливой этой ночью страсти нету никакой.

Нет ни выбора, ни чувства — просто дрожи не унять.  
И в обмен на хлеб насущный — цель нехитрая твоя —  
Благосклонному Мужчине тело мокрое отдать.

Состраданье ощутил я — вроде скудного тепла.  
И тебе принадлежал бы этой бедной ночью я,  
Если бы слеза шальная щеку холодом не жгла...

Было за полночь, а дождик лил в безмолвии сыром...

1909

3

**ТРУБАДУРЫ**

*Друзьям-поэтам*

Взгляни на трубадуров — вот они!  
Беспечны, ветру вольному сродни,  
На площади теперь они играют.  
И люди ставни полуоткрывают —

Послушать их. Невыносимый зной.  
Но всё поют слова любви смешной  
Трубадуры.

Необычайны лица у мужчин,  
А спутницы в отрепьях. Им — один  
Удел бродяжничества и лишений.  
Брезгливой улицей унижен гений.  
Но вдохновенен их заветный труд.  
От голода, но с песнями умрут  
Трубадуры.

Ветра, невзгоды — жизнь горька, грустна,  
Печалью черной до краев полна.  
Познание жизни в их улыбке темной.  
Но есть и радость в их судьбе бездомной.  
Взъерошенных волос каскад седой  
И смех бунтарский, вечно молодой  
У трубадуров.

Ведет искусство их тропой одной  
От лоз веселых, что возделал Ной,  
До желтизны медлительного Нила  
И до Урала, где их поманила  
Гряда багряной Огненной Земли.  
Друзей похоронили там, где шли,  
Трубадуры.

Железный и машинный этот век  
Их радостного духа не рассек.  
В столицах, там, где золото кумиром,  
Свои сердца они вверяют лирам,  
В труде возвышенном пылают дни.  
Природы вольной сироты они,  
Трубадуры.

Меня возьмите — из страны в страну.  
Я жизнь иную, новую начну.  
Рыдая, петь и равнодушие бычье  
Осмеивать: познать земли величье,  
Опасности стремнин и горных рек!  
Мы — пилигримы скорбные навек —  
Трубадуры.

Мы — пилигримы, мы — поэты, мы —  
Свободные и гордые умы.  
Владыки песни. Мы — в туниках рваных,  
Нас душит голод, наше тело в ранах,  
Мы непонятны, мы — трагедий весть,  
Поэты и пииты! Мы и есть  
Трубадуры.

Из раны сердца наша песнь взошла.  
Судьба забывчива, коварна, зла.  
Другим она сулила ликованья,  
Стол пиршества. Дорогою изгнанья,  
На три тысячелетья опоздав,  
Идут, готовы к смерти у канав,  
Трубадуры.

Но не скорби! Ужель ты не богат?  
Всё — наше; вдохновение — твой сад.  
Всё наше — росный луг, закат безмолвный,  
Цветенье розы, и морские волны,  
И кладбище с могилою в тени.  
Похожи на былых богов — одни  
Трубадуры.

Мы едко осмеем с пером в руке  
Коварство мира в краденном венке.  
Мы — смертники, но не умолкла лира:  
Мы — не рабы у властелинов мира.  
Свободу слова защищай, как лев!  
В нас яд, но мы бессмертны, умерев,  
Трубадуры.

Ужель необходимо нам на торг  
Нести сердца, чтоб вызывать восторг?  
Нет, служим цели мы одной, великой,  
Слагая наши песни для рамика.  
Кто «смерть однажды лишь» — изрек?  
День тьмы —  
Наш каждый день. Так умираем мы,  
Трубадуры.

Смех соглядатаев нам нипочем.  
Пусть подступает голод к нам с ножом.  
Как пастыри, живем высокой целью  
И человечество своей свирелью

Ведем вперед, неся свободы весть.  
Искусства мертвого живая ветвь —  
Трубадуры.

Ах, дожили мы до худых времен!  
Кто благороден — попран и казнен.  
Во гробе сердце схорони живое!  
Повсюду золота коварство злое.  
Лишь мы одни всё те же. И сейчас  
Любить желаем. . . Кто же любит нас,  
Трубадуры?

Ты умерло, искусство славных дней,  
Когда сливались жизнь и песнь. О ней,  
О жизни, пело столько безымянных,  
Шагавших в их плащах багряных  
Из замка в замок, с лирою в руках.  
И эта песня не умрет в веках,  
Трубадуры!

Гомер, ты трубадуров всех — отец!  
Хвала тебе, божественный слепец,  
Восславивший героев громогласных.  
Моя мечта о всех творцах прекрасных  
В любом столетье и в любом краю.  
В певцах гохтанских вас я узнаю,  
Трубадуры!

Мне душно — сердце кто-то сжал в кулак, —  
Когда смотрю сквозь ставню на бродяг.  
Поют с натугой, вяло, как попало. . .  
На плаху песню золото послало.  
Свободное искусство — прах глухой.  
Теперь поют с протянутой рукой  
Трубадуры.

На площади, где беспощадный зной,  
Канючит голос хриплый, жестяной.  
Под эти звуки просит подаянья,  
Проходим шляпу протянув в молчанье,  
Старик в морщинах резких, как рубцы.  
Мы новой эры новые творцы —  
Трубадуры.

1910

## ПОДМЕТАЛЬЩИК

Распахнул окно, у окна курю,  
 старую совой из окна смотрю,  
 улица пуста, широка, по ней  
 длинные легли тени от ветвей,  
 мелкий дождь со снегом сыплет над землей,  
 редкие кареты мчат по мостовой, —  
 на деревьях зябнут птицы в холода,  
 не укрыться птицам в стужу никуда...  
 Слезы свет мне застыт, льются из очей...  
 С нежным животным сравню людей!..

Под окном старик, рубище на нем,  
 я смотрю, как он непогожим днем  
 под дождем бредет со своей метлой,  
 молча, медленно, целый день-деньской,  
 он метет, согнувшись пополам,  
 чтоб не пачкать ноги господам,  
 убирает грязь он с панельных плит...  
 Кто в такой буран старикам велит  
 спины гнуть, дрожать до самых костей?  
 С черствым животным сравню людей!

Голова поникла, борода бела,  
 вымокшая шапка с головы сползла,  
 лик иконописный, но внушают страх  
 ссадины, мозоли на его руках.  
 Очи повлажнели. Это слезы? Нет.  
 Это дождь, в котором тонет белый свет.  
 Но старик доволен горькою судьбой —  
 ведь для малых внуков принесет домой  
 он ржаного хлеба несколько ломтей.  
 Со святым животным сравню людей!

Бог, зачем для горя сотворен тобой  
 этот бедный старец?.. Он всему чужой —  
 звездам, переливам соловьев ночных,  
 соку виноградника, ветру, что притих,  
 голубому пламени очага в доме,  
 родственной заботе, нужной так ему...  
 Это ль жизнь? Работать натошак всегда,  
 изо дня в день пища — хлеб, лук и вода...!

Может, смерть отрадней этих жалких дней?  
С алчным животным сравню людей! . .

Поседел старик за жизненный срок,  
а из жизни своей одно извлек:  
силу Чрева — ею только живем —  
больше ум не мыслит ни о чем.  
Он состарился не по годам,  
его хлеб и собаке не по зубам.  
А иные вельможны, родившись едва,  
от рожденья в богатстве — их честь и права,  
они судьбы решают тех, кто бедней.  
С шелудивым животным сравню людей!

Если холод иль голод в свой черед  
одного из внуков его приберет,  
денег — как бы ни шарил он —  
всё равно не хватит для похорон.  
Но неважно. Державе принадлежит  
труп бездомного, что в канаве лежит.  
Государство убьет, похоронит потом. . .  
Тот, кто лжет, пусть живет с перекошенным ртом;  
царь — хозяин голодных — всех умней и сильней.  
С сердобольным животным сравню людей!

Государство! Добрым оно слывет!  
Бедняков в бесплатные школы зовет,  
чтобы там учить читать и писать,  
чтобы спину гнуть, закон почитать,  
чтобы знать, где добра и где зла порог,  
чтоб из собственных денег платить налог,  
чтоб покорной дойной коровой быть,  
чтоб по воле царя бить и рубить,  
чтоб робеть перед золотом богачей.  
С умным животным сравню людей!

Ты мети, издавая стон глухой,  
в стужу зимнюю или в летний зной,  
человечества мусор мети, мети. . .  
Знай, что он не уменьшится на пути. . .  
Хлеб твой — самый святой на земле,  
окровавлен хлеб богача на столе.  
Друг-бедняк, о себе подумай, скорбя,  
чтоб случайно не удушили тебя.

Что б ни делали люди в жизни своей,  
с гнусным животным сравню людей.

Ненавидеть безгранично учись  
тех, что гордо «спасителями» нареклись  
и словами пышными рушат твой кров,  
даже в чреве матери учи сынов  
ненавидеть политиков всех мастей,  
умертвляющих без яда людей.  
Сызмальства приучай детей:  
«Нет у бедняка никаких друзей».  
Нищие — пища для богачей.  
С бешеным животным сравню людей.

Мое сердце полно любви к беднякам,  
мое чувство искренне, как и я сам.  
Старец — брат мне, свидетельствую стихом.  
Между нами разница только в том,  
что, пока я строчки свои вывожу,  
и с сигарой у теплой печки сижу,  
и ищу ответы в созвучьях поэм  
на вопросы: «Как жить? Почему? И зачем?»  
Старец плиты метет, становясь всё слабей.  
С грозным животным сравню людей.

Уничтожили мы сегодня, бог,  
Сотворенное за великий срок.  
Праздным словом божественный стал закон;  
тот, кто верит еще, — дурачком наречен.  
А в Христе увидели люди глупца  
без программы, общественного лица...  
И его милосердис — детский порыв;  
нужно кредо, чтоб, общество объединив,  
повело бы народы во имя идей...  
Лишь с животным сравниваю людей.

Подметальщик-старик, мой друг и мой брат,  
твою чистую душу ввергли в пламя и ад.  
Задаешься вопросом: «Зачем я живу?  
Может быть, умереть, лечь под дерн и траву?»  
Если нету у бедного ничего  
ни при жизни его, ни при смерти его,  
если у богача лишь одно торжество  
и при жизни его, и при смерти его, —

пусть же схватка тогда разразится скорей. . .  
С боязливым животным сравню людей!

Если высшего разума меркнет свет,  
если ни идеала, ни бога нет,  
то какая сила, закон какой  
справедливость чья, мой старик святой,  
воспрепятствуют мятежу души  
против всех обид, против низкой лжи?  
Не взорваться ль яростным рукам,  
разрывая чрева господам?  
Лишь с животным сравниваю людей,  
обреченным гибели своей!

Нет и нет! Ты в снежный, холодный час  
убирай с дороги людскую грязь,  
подметай и знай: будет грязь всегда. . .  
И не думай — не стоят думы труда. . .  
Подметай: без хлеба внуки сидят.  
Подметай: ведь долг — что ни скажешь — свят.  
Подметай, чтоб, когда под вечер швырнут  
жалкий грош за твой подневольный труд,  
проклял бы подачку в душе своей. . .  
С проклятым животным сравню людей!

Знаю: вглядываясь ночами во мглу,  
ты лежишь на отсыревшем полу,  
грустно смотришь на спящих детей-сирот,  
размышляя, что завтра придет черед  
им под рабским ярмом, как скотине, молчать,  
а потом перед Смертью бесславно предстать.  
Плачет старое сердце от горьких тревог,  
ищет старое сердце, где защитник наш — бог?  
Бог в тебе умерщвлен. . .

Правду уразумей:  
только с подлым животным сравню людей!

1911

5

## ИДТИ

Идти, идти, идти, с судьбою не лукавя,  
без шума и торжеств, не думая о славе,  
как тихий ручеек, укрытый в разнотравье.

Идти невесть зачем, идти невесть куда,  
идти тайком от всех, минуя города,  
идти ночами и не оставлять следа.

Идти, идти, идти без света и лампы,  
не ведая ни слез, ни горя, ни отрады,  
и не питать надежд, и не желать награды.

Знать, что среди людей никто тебе не друг,  
глухим, слепым, немым, людских чуждаясь мук,  
бежать как от чумы от Слова и Наук.

Нематерьяльным стать, стоять вне жизни где-то,  
сомнамбуле под стать, и, сознавая это,  
уже не ждать в ночи восхода и рассвета.

И не догадываясь, что ни здесь, ни там  
нет идеалов и поруган правды храм,  
паломником идти к далеким берегам.

Вдали от Бога и людей, с тобою  
идти — рука в руке — дорогою любовью,  
точь-в-точь изгнанники, точь-в-точь Мечта с Любовью.

1912

## ИЗ СБОРНИКА «КРАСНАЯ КНИГА»

### 252. РЕЗНЯ И БЕЗУМНЫЙ

*(Сценический монолог)*

ХОХОТ

Ха-ха-ха, ха-ха-ха, эх!  
Душит мучительный смех.  
С трупом отца на плечах  
По полю смерти в лучах  
Ночи иду. В тишине  
Прошлое липнет ко мне.  
Старый священник, тяжел  
Труп твой печальный. Нашел  
Я тебя в щели сырой —  
Не был спасен ты дырой.  
Кто над тобою занес  
Смерть? Ты удушен, как пес,

Выгнав меня за порог,  
Ты и подумать не мог,  
Что возвращусь я опять  
Долг свой последний отдать.  
Ха-ха-ха, ха-ха-ха, эх!  
Душит мучительный смех.  
Жизнь глуповата, а тут  
Умники — те, что идут  
(Жены и четки с собой)  
К церкви воскресной толпой  
Пред Богоматерью жечь  
Бледные столбики свеч,  
Петь и молиться притом  
Чинным постящимся ртом,  
Чтоб всю неделю потом  
Радость в ином находить —  
Врать, воровать и блудить.  
Ха-ха-ха, ха-ха-ха, эх!  
Душит мучительный смех.  
Жизнь глуповата, а тут  
Души господ, что живут,  
Зная лишь легкость и лоск.  
Свой они девственный мозг  
Не утруждают ничем.  
Думать о смерти? Зачем?..  
Здесь их дешевый софизм,  
Их продувной эгоизм,  
Мысли единой угар:  
Был бы полнее амбар!..  
Здесь бездыханная рать.  
Свадеб уже не играть...  
Ха-ха-ха, ха-ха-ха, эх!  
Псы прерывают мой смех.  
Мрак безнадежен и густ.  
Чавканье слышу и хруст,  
В пастях сомкнувшихся их —  
Верткое мясо живых...  
Нет ни друзей, ни родных,  
Лечащей нету руки...  
А молодые быки  
С поднятой вверх головой  
Мчатся тропой полевой,  
Скрывшись в далеких лесах  
С пламенем в красных глазах...

## БЛУЖДЕНИЕ

И всю ночь кружу я, позабыв обитель.  
Глупый я, глупый.  
Ум забрал ты мой — жизнь возьми, Спаситель,  
боже наш глупый.

Но предсмертным взглядом смотрят отовсюду —  
глупый я, глупый!  
Что же, умирайте, я еще побуду  
в жизни этой глупой.

С поля смерти темень уношу я, бедный,  
тени своей глупой.  
Меня не убили — закричали вслед мне:  
«Глупый он, глупый!»

Что ж, смотрите в оба, маясь хрипом смерти,  
смерти этой глупой.  
Вся в крови история — нет глупей, поверьте,  
ее глупой, глупой.

## КРАСНЫЙ СУД

Край какой, год какой от рожденья Христа?  
На том свете икнется какому владыке?  
Был он добрым, была его совесть чиста,  
А подробности жизни исчезли, как блики.  
Даже имя коня его я позабыл. . .  
Ночь была. Дан приказ примечательный был —  
Чтоб в семи городах за семь дней без пощады  
Всех мальчишек убить, кому нету семи,  
А постарше не трогать. . . И старшие, рады,  
Королю благодарно сказали: «Возьми  
Наших девушек лучших — одну из семи.  
Всем за семь. Пусть послужат тебе для улады.  
В дар себе и своим приближенным прими. . .»  
Ах, потеха с числом замечательным семь!

Венценосцы, свои обживая палаты,  
Эту старую мудрость забыли совсем. . .  
В этот хаос смотрю, неуклюже стою.  
Как назвать мне пристойней прогулку сию?

Ну зачем было тем черепа рассекать,  
У кого они вечной полны пустотою  
И дрожаньем? Подобною ночью густою  
Эти спины по полю зачем рассыпать  
И мешать рассыпаться им в низких поклонах?  
И зачем изгонять из Аркадии оных?  
Эти пошлые жизни кого привлекли?  
Эти пошлые люди костями полегли. . .  
Если б вы им оставили глаз — только глаз! —  
О владыки, они бы молились за вас! . . .  
А чего вы добились в конце-то концов?  
О владыки, зачем умертвлять мертвецов? . . .  
Расплодили сирот, тьмою усыновленных,  
И идут они по миру, телом малы,  
Но читаешь легко в их глазах опаленных:  
Они телом малы, а душою зрелы.  
Нет у них ничего — ни родни и ни бога,  
Нет у них даже горсти родимой земли.  
Есть у них только слезы, пустая дорога,  
И протянуты руки за коркой. Нашли  
Они зверя, святое ища в человеке  
И озябшей душой разуверясь навеки. . .  
Осторожно! Они никому не простят.  
Они встанут однажды на сгнивших костях!  
Утверждая мечом свой закон непреклонный,  
Свою Волю объявят на Красном Суде.  
Как узнать в них сирот, тьмою усыновленных?  
Как узнать в них бедняг, погибавших в нужде? . . .  
Этот день непременно придет, и тогда —  
О, беда вам, беда вам, беда! . . .

#### ТЕ, ЧТО ИДУТ

«Вот мы идем! — они кричат. — Ваш крах  
Уж близок. Топот сотрясает воздух.  
И дышащая тьма у нас в глазах,  
И запах крови раздувает ноздри!»

«Вот мы идем! — кричат. — И колесо  
Страданий наших мы вперед толкаем.  
И дрожь стоит от наших голосов.  
Мы по живым идем и повторяем:

«Вот мы идем!» Дороги не закрыть  
Пред яростью могучей нашей силы.  
Идем, чтобы заставить говорить  
Бесчисленные общие могилы.

Вот мы идем, подобные стреле,  
Во тьму вонзенной в яростном протесте.  
И в страхе мы, и страх несем земле  
Мы — распаленные посланцы мести.

Мы — шпага и закон. Своих твердынь  
Мы не оставим в лапах поражения.  
Мы — новые паломники святынь  
И сумерек светлейшее рожденье.

Вы соскоблили с наших юных кож  
Для свадеб и грехов себе палаты.  
Вы продавали нашей крови дрожь  
За плату, что потребует расплаты.

Захлопните сердца. Сейчас для них  
Продолжится кровавейшая повесть.  
Точите меч о зубы чад своих,  
О собственную каменную совесть.

Вот мы идем, и рушится судьба  
От этого кошмарного парада.  
Мы — трупы, мы — пустые черепа,  
Но мы идем, и что для нас преграда?»

#### СТАРЫЙ СВЯЩЕННИК

Мне нужно поспешить и постараться,  
Пока не наступил рассветный час,  
Как следует укрыть от зорких глаз  
Сиятельного солнца тело старца.  
Пока не наступил рассветный час...

Ты говорил, отец: «В смирение суть.  
Оно одно — кратчайший путь до рая».  
Но армянину часто, уверяю,  
Нож курда укорачивает путь.  
Нож курда укорачивает путь...





Золотым путем  
по ступенькам вниз  
Ты спустишь в наш дом,  
поскорей спустишь!  
Черной бездны тьма —  
эшафот глухой.  
Не сойди с ума  
на дороге той.  
Спрячь горячий свет,  
и глаза твои  
Не увидят смерть  
и поля в крови.

Я глупец — кому  
сей поток словес?  
Умер Бог давно  
в вышине небес.  
Труп, о Боже, твой  
так зловонен, гнил,  
Он унижил сон  
вековых светил.  
Так огромен он,  
так велик твой труп,  
Многолик твой труп  
и безлик твой труп.

#### ПЕСНЯ В НОЧИ

Умерли розы,  
Умерли розы.  
Умерли каждым  
Своим лепестком.  
Умерли розы,  
Умерли розы,  
Я по умершим  
Иду босиком.

Высохли росы,  
Высохли росы.  
Сколько печали  
В розах родных...  
Умерли розы,  
Умерли розы,

Как же на свете  
Жить мне без них?

Видишь, мой Боже,  
С темною мукой,  
С темною мукой  
Розу зову.  
Где моя роза,  
Где моя роза?  
Как я разлуку  
Переживу?

Кличу с любовью  
Смерть к изголовью.  
Пусть моя роза  
Ляжет на грудь.  
Тихо отправлюсь,  
Мирно отправлюсь  
С розой умершей  
В грустный наш путь.

#### ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Кто эта девушка, одетая тоскою?  
Куда безумной поступью такую  
Она спешит, не ведая пути?  
Вокруг тела и стоны впереди.  
Кто этот полумертвый, на котором  
Она застыла онемевшим взором?

Крик. Он подняться пробует. И страстью  
Одерживает верх над темной властью  
Небытия. . . Объятья. Рот в крови  
К устам ее прирос в пылу любви.  
И поцелуй зацвел сквозь смерть и страх  
Соленой розой на ее устах.

Есть чертов круг, и нет страшнее круга:  
Любовь и смерть в объятиях друг друга!

Пальнул я. Череп вобрали пули.  
Я крикнул тем, что навсегда уснули:

«Эй, друзья,  
Ответит пусть  
Мне из вас  
Хоть кто-нибудь —  
Где он,  
В рай кратчайший путь?»  
— «Вот он, этот путь!»

#### ЗАВЕТ РОДА

И, удивленный сном их беспробудным,  
На головы их робко положил  
Я голову свою. Глаза смежил  
И сном забылся, медленным и трудным.

Но великан вдруг подошел ко мне,  
Потряс плечо мое рукой суровой:  
«Что, сумасшедший, видишь ты во сне?  
Поведать сон свой мне теперь попробуй».

«Я вижу сто старинных городов,  
Сто башен древних там, за желтой далью.  
И сто колоколов с глухой печалью  
Висят, не зная певческих трудов.

Я вижу горы в пепле и песок  
Пустыни дальней — мертвенный и бледный.  
Я вижу крепости — стоят над бездной,  
Пред временем закрыты на замок.

Надгробья наши вечным сном залиты.  
А надписи на них: «Здесь погребен...»,  
Истоптанные тысячью племен,  
Который век не покидают плиты.

Но, как по знаку, медленным зевком  
Колокола свой сон прогнали грешный.  
Все сто колоколов во тьме кромешной  
Вдруг шевельнули пыльным языком.

Приподнялись надгробья молчаливо,  
Себя усилием темным напрягли,  
И сто князей легко и горделиво  
На белый свет явились из земли.

И шествует Завет земли моей,  
И нет ему ни смерти, ни изгнания,  
И нет ему преград. На расстоянье  
Он отпер все ворота крепостей.

И семь веков идут князья — ни страх,  
Ни слабость не царят над шагом стройным.  
И цепи как ручки на их ногах.  
Щиты их ржавы, а глаза спокойны.

Летит по ветру одеяний бязь...  
На том, кто впереди, в роскошном блеске  
То ль знаменитый пурпур королевский,  
То ль рода кровь... Не разгляжу я, князь...

И руки обагранные свои  
Я протянул к ним с душевною мольбою:  
«Возьмите и меня, князья, с собою —  
Служить Завету с верою в крови!»

Но вот рассвет взмахнул своим крылом,  
И сто князей в могилы вновь спустились.  
И с ними вновь земля моя простилась.  
И мир не вспоминает о былом...»

Всё сгнуло. И мне не до речей,  
И нужно в щели в этот час сиянья  
Скрыть, как сове, свое существованье  
От справедливых солнечных лучей.

1910

## 253. ПЕСНЬ О ЧЕЛОВЕКЕ

(Поэма)

### В СЕЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ РОЖДЕНИЕ

#### 1

В тот год, цивилизацию познав  
на Западе и от нее устав, —  
там человек — машина, совесть — прах,  
там мир — завод, гудящий на путях,  
любовь — расчет, религия — мошна,

и в счастье — драма лишь заключена,  
там смерть — нелепость, жизнь — жестокий  
бой,

там даже время — негодяй седой,  
что бьет своим искусным молотком  
по мыслям, скрытым за высоким лбом, —  
итак, устав, отчаявшись вконец,  
как вечный и бессмысленный беглец,  
затосковав по отчей старине,  
душою устремился я к родне,  
в восточное село меж горных гряд,  
где ладана струился аромат.

2

Я с матерью вошел в церковный сад,  
остановился у высоких врат.  
Смеетесь вы? У вас один пример —  
Лукреций, Эпикур или Вольтер,  
добавим стопку непонятных книг,  
в чьи ветхие страницы скептик вник, —  
мать свято верит богу своему —  
над ней не дам смеяться никому:  
ей мало жить осталось на земле,  
час подойдет — и скроется во мгле.  
Старушка мать стоит одной ногой  
в часовне и на кладбище — другой,  
и для нее всевышний добрый бог —  
как беспредельной правоты порог.  
Лишь муки она знала до сих пор,  
надеется на честный приговор.

3

Вы все — Вольтер, Гораций и Зенон —  
кем ни были б — из канувших времен,  
вы в прошлом все... Тогда как тыщи лет,  
с тех пор как существует белый свет,  
склоняются в молитвах тьмы людей.  
Я с верой пошатнувшейся своей  
не посмеюсь в гордыне чувств пустых  
над тем, что свято для людей других, —  
среди колонн Карнака или там,  
где встал язычества старинный храм,  
гам, где огнепоклонников холмы,

там, где сивиллы пламя среди тьмы,  
где жертвенников ассирийских ряд,  
где церкви христианские стоят...  
Снимите шляпы, ибо там народ  
ковал свои надежды, свой оплот, —  
там — кладбище живущих...

4

Вошел в церквушку я, склонясь слегка.  
Она была мала, но широка,  
но в ней вмещались Бог и вечный срок...  
Покорно камень в ней на камень лег,  
лег безыскусно, так, как из земли  
деревья молча б вырасти смогли.  
Подсвечник, крест и темная скамья  
струили дух иного бытия...  
И с жалких канделябров по углам  
свисало Время, как покойник там  
дремало Время испокон веков  
под звон кадильных тихих бубенцов.  
И не было в церквушке суеты  
и были лишь безбрежности черты,  
лишь Бесконечности глубокой гладь,  
где пахари учились умирать...

5

В тот день народ в свой сельский храм спешил, —  
отец вельможный отпрыска крестил,  
а для деревни это торжество  
такое же, как праздник Рождество  
для коренных назаретян... Дивись —  
и стар и млад в церквушке собрались.  
И слово, изо всех стараясь сил,  
в честь праздника поп сельский сочинил.  
Поп не прославился, как златоуст,  
но был с душою, полной чистых чувств,  
умел читать и знал родной язык  
и этим уважения достиг.  
В миру был плотником, застенчив, тих,  
точь-в-точь Марии девственный жених.  
Так риза шла ему и борода,  
как будто бы он с ними жил всегда!..

Он встал у алтаря меж двух свечей  
и речь держал. Внимали люди ей:  
он проповедью в благость повергал,  
хоть речи смысл никто не понимал...  
Псалом есть «Умножайтесь». Тот псалом  
для проповеди взят святым отцом —  
«Пусть будет много у людей детей,  
как у оливы множество ветвей».  
Вдруг вздрогнул я, смущен и удивлен:  
тот имя произнес «Наполеон!..»  
В церквушке, затерявшейся в горах,  
звучит «Наполеон!» — и в сердце страх.  
Ведь призывал тот, состраданья чужд,  
растить детей для новых ратных нужд.  
Он ждал, чтоб войско новое пришло  
таскать орудья из села в село...

При выходе из церкви в час дневной  
два шествия столкнулись меж собой.  
Нет, вовсе не одна из тех картин,  
где встреча смерти с радостью крестин,  
где празднество рождения и прах,  
что равно держит Бог в своих руках...  
Два шествия. И в каждом — каждый рад.  
В одном — младенец с первых дней богат,  
в другом — дитя бездомной нищеты,  
сошлись богатства, бедности черты.  
Богатый мальчик — в кружевах чепца,  
а бедному — лохмотья от отца,  
богатого — одел в шелка отец,  
а бедного — терновый ждет венец,  
один — уж власть, другой же — вьючный скот.  
И судьбы их известны наперед.

Но есть один таинственный закон,  
в том суть его, что семя нагих он  
способен в чреве чем-то поражать,  
стремясь, быть может, судьбы уравнивать.

И чахнут мстительные семена  
в утробе — бледность в их ростках видна.  
Трат не жалеет богатей отец,  
ему покорен золотой телец,  
но он ласкает хилого сынка,  
затянутого в нежные шелка.  
А сколько бедных молодых людей,  
друг друга полюбив душою всей,  
друг к другу словно молнии влечась,  
забыв, что им сулит грядущий час,  
великих исполинов создают,  
свой клятый жребий им передают...

9

Испуганный, я вспомнил, поражен,  
что был спартанский варварский закон:  
слаборожденных в бездну темных вод  
бросали, зная, что их гибель ждет.  
Столетия с тех пор уже прошли,  
и мы чудовищ равными сочли  
себе, решив, что чувства есть у них  
и право есть на жизнь в кругах земных.  
Неважно, что за ними смерть стоит  
и что закон для них — надежный щит...  
Я красный занавес не подниму  
(закон — вот имя, данное ему),  
чтоб увидеть непокоренных там,  
упрятанных по каменным мешкам  
и отданных жестоко палачу  
за то, что восклицали: «Жить хочу!»

10

А я глядел на тех и на других.  
Не говорите больше слов пустых  
о крови чистой, крови голубой,  
о чести, что привносится семьей.  
Вот два новорожденных. Как жучки.  
Убить их смогут ветки и сучки.  
Хотят дать имена им. Смысл какой?  
Ведь каждый наречен уже судьбой.  
Один есть Раб. Другой есть Власть.

«Нет сил  
у ящерицы бескровной», — так судил

мой собеседник. Но зачем шакал  
о крови ненасытно возалкал?  
Тот, кто есть Власть, — не черствым хлебом сыт  
в чужую плоть свои клыки вонзит.  
Закон — его надежда и оплот.  
Он станет князем, — так ликуй, народ!..

11

Забилось сердце птицею в силках,  
и дрожь мне не унять в своих ногах.  
В мозгу возникло множество картин:  
вот виселицы посреди равнин,  
как кипарисы... И в глухой дали  
пожаров отблеск на челе земли.  
Там тесным строем легион рабов  
идет, свергая идолов, богов,  
князей, хозяев, чья казна полна,  
идет и сеет братства семена  
и делит равно хлеб среди людей...  
Слеза скатилась по щеке моей.  
Открыл глаза... Виденье лишь одно.  
Все разошлись, и в церковке темно...  
Путь утешенья моего был прост —  
на поле равенства шел, на погост...

НА СЕЛЬСКОЙ ДОРОГЕ  
ЖИЗНЬ

1

На камне, у дороги, что вела  
на кладбище от церкви и села,  
я, человек Востока, молча сел,  
с тоскою и печалью я смотрел  
в тот тихий и мистический простор,  
что волю и молчание простер.  
Там, где лазурь небесный свет струит,  
без боли, без улыбки, без обид  
селились люди, травы, муравьи,  
не ведая ни гнева, ни любви...  
Там Неподвижности закон царил, —  
без роста, без улыбок и без крыл,

сближая бесконечные миры,  
там жили люди... С давней той поры  
надменный Запад презирали там...  
Молчанья даль, открытая очам!..

2

Кадыльница огромная — Земля,  
мечтаньями свой разум утоля,  
дымила скукой, как молитвой длинной,  
в неторопливости спокойной, чинной.  
Там небеса с безоблачных высот  
на землю падали от их щедрот  
благословеньем вечности святой,  
как дождик мелкий, дождик золотой...  
Там под огнем полуденных лучей,  
меж стелющихся на ветру полей,  
где лепится, как гнезда, хижин ряд,  
где траурно развалины торчат, —  
витала отрешенность бытия,  
от жизни отторженья не тая,  
но связанная с Прошлым и Мечтой...  
Смерть отрицалась Смертью же самой...

3

Мысль Запада вслед слову «Жизнь» всерьез  
вычерчивает лишь одно — вопрос, —  
у нас иные мысли и умы —  
вслед слову «Жизнь» три точки ставим мы...  
Когда на Западе и гул, и гам  
и расчленяют душу по частям,  
исследуют и бога, и святых —  
мы думаем о точках лишь своих...  
Когда на Западе надменно мыслят, мы  
роняем слезы, ибо знаем мы,  
что, нераздельны с небом и землей,  
мы — колыбель меж ночью и зарей  
качающаяся. Негасимый свет  
в могиле гаснет и теряет след...  
Напомнит плач, пронзая скорбь и тишь,  
кем ни были б — мы люди, люди лишь...

Так жили в прошлом, так живут сейчас  
 сыны Востока в жизни краткий час.  
 В дыму благоуханий дорогих  
 неведомы прозрачным душам их  
 бряцанье софистических наук  
 и Славы в грубой тоге ложный звук...  
 Они прошли по Жизни, ни о чем  
 Жизнь не просили на пути своем.  
 Дно Жизни их к себе не завлекло,  
 скользили, как бесшумное весло...  
 И опьянялись ясно, до конца,  
 и плакали их верные сердца...  
 Они родили дивные края:  
 Эдем, нирвану — мир небытия, —  
 Христа... И родовые муки их  
 легли как Смерть среди дорог земных...

Они взирали на прогресс и жизнь  
 как бы на некий сложный механизм.  
 Так на поляне, тихой и лесной,  
 олень, качнув ветвистой головой,  
 глядит на фыркающий паровоз.  
 В его мечтательных глазах вопрос:  
 «Куда неведомое существо  
 спешит, само не зная для чего?»  
 Кто ранее, кто позже, но все мы  
 дойдем бесспорно до могильной тьмы...  
 Вот жизнь: за ложью набегает ложь,  
 одна закончится — с другой живешь.  
 Рождаемся, как волны, в бездне вод,  
 и каждый гордо в полный рост встает,  
 но только пеной обросли морской,  
 как исчезаем в миг последний свой...

И так должно из Жизни всё уйти...  
 Я с камня возле самого пути  
 глядел на путь, отчаявшийся путь, —  
 он мне раскрыл времен минувших суть...  
 Ах, этот путь извилистый, в камнях,

бегущий вечно, поднимая прах,  
родной мой путь, ты — колыбель людей,  
рожденный в темной глубине первых дней.  
По лону древней, выжженной земли  
от Гималаев до Ирана шли,  
от Арарата до Босфора шли,  
до ясных вечных вод Дуная шли,  
во все четыре стороны Земли  
шли Человечества отцы в пыли,  
вдоль опаленной полднями лозы  
тянулись их скрипучие возы!..

7

Впервые боль мою стеснила грудь,  
и застонал я, вглядываясь в путь...  
И ужаснулся я, и прах с пути  
взял в горсть свою. И прах темнел в горсти...  
О, сколько жизней, вспыхнувших в веках,  
таил в себе дорожный этот прах!  
О, сколько человеческих костей  
в прах обратилось за миллионы дней!  
И в этом прахе я себя узнал:  
вот — космами обросший житель скал,  
а вот — в доспехах молодой стрелок,  
а вот — я царь, — весь мир лежит у ног, —  
а вот — я пленник с бритой головой,  
а вот — певец с чарующей струной,  
я нынче — тень без воли и примет,  
не человек, не бог и не поэт!

8

Вот — Соломон. А вот — из древних стран  
везет алоэ царский караван...  
Несут верблюды на спине своей  
от Ганга — пряность, россыпи камней,  
от моря Красного — кораллов клад,  
а из Дамаска — шелковый наряд  
в дар Клеопатре — свету всех светил...  
Эдема чудо там я пережил,  
пьянящее мой дух из тьмы веков, —  
красу Семирамидиных садов.  
Сквозь страх я слышал голос без помех, —

то Марк Антоний, ввергнутый во грех,  
продавший сладострастиям свой щит.  
И не один народ, что мглою скрыт,  
со мною говорил, погибнув зря  
по прихоти какого-то царя...

9

Меня рука коснулась, тяжела.  
Душа от сновидений отошла.  
Крестьянин с опечаленным челом.  
«Скажи, как звать тебя?» — «Зовусь  
Трудом...»  
— «Что делаешь тут?» — «Нищенствую я». —  
И молча удалился.  
Скорбь тая,  
пошел за ним до дома я сквозь мглу...  
С открытыми глазами, на полу  
лежала при смерти его жена,  
и, задыхаясь, мучилась она.  
Принес малыш, смышленный мальчуган,  
чтобы я сел, разохшийся чурбан.  
Отец сказал: «Без хлеба дом держу,  
ведь на работу я не выхожу,  
вдруг отойдет она к исходу дня...  
Кто ей глаза закроет без меня?..»

10

И, как на бога, скорбная жена  
на мужа смотрит, кротостью полна.  
В любви совместной жизнь их протекла,  
хоть скудно жили, жизнь была светла.  
И не было у них обид и ссор,  
и не делили ни добро, ни двор.  
Хозяйка домовитою была:  
постель тепла, хлеб посреди стола.  
Но неотменно повелел Господь  
в могиле успокоить ее плоть.  
Она успела мужу наказать,  
кого ему в деревне в жены взять,  
чтобы прилежной новая жена  
была б и чтоб заботилась она  
о сиротах и муже, чтоб телка  
выхаживала в поле до годка.

В раздумье о загадках бытия  
 дрожащим этот дом покинул я.  
 Я размышлял о том, что человек,  
 как раб, охотней нищенствует век,  
 чем дедовским отточенным ножом —  
 хоть и шутя — сверкнет пред богачом,  
 чтоб позолоченных пугнуть богов!..  
 Я размышлял о том, что не готов  
 соперничать с Богатством хилый Труд...  
 Я размышлял о том, что власть берут  
 «всевышних» сонм — бескровных, злых,  
 пустых,  
 и шар земной покорен воле их...  
 Я размышлял о силе, о шуте  
 (что мы зовем законом в простоте...).  
 Путь утешенья моего был прост —  
 на поле равенства шел — на погост.

НА СЕЛЬСКОМ КЛАДБИЩЕ  
 СМЕРТЬ

1

Когда скептически, улыбки не тая,  
 ты допивал осадок Бытия,  
 когда искуснику служил, а он  
 природою был Горем наречен,  
 когда познал Любовь в часы зари,  
 когда познал не внешне — изнутри  
 историю народов и проник  
 в претенциозное искусство книг,  
 когда узнал: в заносчивых сердцах  
 скорбь — по минувшему, перед грядущим —  
 страх,  
 когда ты, чтобы истину найти,  
 исследовал небесные пути  
 (обитель вечную былых богов), —  
 уверился, что нет иных краев,  
 которым быть милее для души,  
 чем кладбище убогое в тиши...

Я на кладбищенскую сел плиту.  
 Могил обзревая пустоту,  
 напрасно думал, что сей уголок  
 избрал себе купец жестокий — Бог,  
 чтобы наказывать сурово Зло,  
 чтобы Добро вознаграждать светло...  
 В сад смерти углубляясь не спеша,  
 я зря твердил: «Бессмертная душа!...»  
 Бессмертье! Но мелькнул на небе свет —  
 в прах превратились тысячи комет  
 и в сонме звезд тускнеет свет лучей,  
 в ночи затих последний соловей,  
 и бездыханны звери и трава!  
 Повсюду Смерть берет свои права...  
 Гость неба — человек — скорбит давно.  
 Бессмертье! Сколько длится? Где оно?

Откуда ж в человеческой душе  
 надежда? Даже в миг, когда уже  
 земля скрывает неподвижный прах,  
 мечтает человек, чтоб жить в веках.  
 Зачем, когда он превратится в тлен,  
 когда он попадает Смерти в плен,  
 надежду на Бессмертие таит?..  
 Когда козел с утеса вниз глядит  
 в бездонный, головокружащий ров;  
 когда из-за разросшихся кустов  
 волчонок видит волка смертный час;  
 когда шакал, в пучину погрузясь,  
 захлебываясь, тонет, присмирив;  
 когда перед закатом грустный лев  
 последний рык издаст, таясь в тени, —  
 не о бессмертье думают они...

Наш бедный пращур, человек Адам,  
 был беззащитен, безоружен сам,  
 перед лицом стихии неземной  
 он не считался со своей душой, —

презрел бессмертье пращур в свой черед,  
дабы вкусить запретный, сладкий плод.  
Под тяжкой ношей в пятьдесят веков  
старели люди всех материков.  
Мозг человека был пытлив и смел  
и потому всем сущим овладел,  
нашел себе рабов среди зверей,  
проникнул в тайны звезд, небес, морей  
и возвеличил множество богов,  
чтобы низвергнуть их в конце концов,  
с Природой стал, как равный, говорить,  
а нынче хочет Время покорить...

5

Мечтает быть бессмертным человек,  
не отличая от минуты век,  
как время, мучаться, грустить, тужить,  
но бесконечно, бесконечно жить...  
Пусть валит с ног усталость, плоть больна, —  
была бы лишь навечно жизнь дана...  
Быть травкою без глаз, без языка, —  
лишь жить бы в бесконечности века...  
Быть мертвым камнем, голою скалой,  
быть речкою с болтливою волной,  
металлом быть или трухлявым пнем, —  
лишь жить бы, не смирясь со смертным сном...  
Обожествленный человек, стыдись,  
в своем высокомерии уймись,  
ты всё отдашь, чтоб жизнь не прервалась...  
Взгляни на желтый лист в осенний час!

6

Твердят: наука новая дотла  
все летописи старые сожгла,  
материя лишь вечна, но мертва  
душа, — не верьте, люди, в те слова!  
Пусть мумии египетских песков  
раскроют тайны канувших веков.  
На Парфенон взгляни, — бессмертных сонм  
кичится вновь, взойдя на Парфенон,  
но даже муж, прозревший идеал,  
за статую бы жизнь свою отдал...

Есть Жизнь. Есть Смерть. Борьба их всё лютей!  
И даже самый умный средь людей,  
увидев Смерть, взмахнувшую косою  
над милой и кудрявой головой, —  
сжав горло Смерти из последних сил,  
как бешеную тварь бы удушил. . .

7

«Как бешеную тварь. . .» Нет, слаб язык. . .  
Я помню, как к подушке друг преник,  
слезами орошал ее, рыдал,  
свет завтрашнего солнца призывал, —  
а солнцу для него уж не светить, —  
так тщетно он пытался жизнь продлить,  
с постели встать. . . Сквозь стоны и сквозь сны  
он прижимался к белизне стены,  
и ужас неподдельный был в глазах. . .  
«Я здесь!» — вскричал я, ощущая страх.  
Тянулся он к глазам моим рукой,  
я жил, а он стоял пред вечной тьмой. . .  
«Я понял жест последний твой, мой друг. . .  
Но я боялся смерти, этих рук;  
любовь как ложь. . . Мы родились на свет,  
а возле колыбели Смерти след. . .»

8

Как птица, раненная влет стрелой,  
цепляется за воздух над землей,  
как утопающий, схватившийся за круг,  
но всё равно на дно идущий вдруг,  
как умирающий орел в горах  
за камень держится, а смерть в глазах,  
так друг, совсем бессильный, чуть живой,  
припал к подушке слабой головой. . .  
Быть пригвожденным к ложу, гнить и преть —  
как хорошо! Лишь бы не умереть. . .  
За жизнь он бился не смыкая глаз,  
кровь горлом хлынула в смертельный час. . .  
А что оставить на земле он смог?  
«Остались мы», — сказали Прах и Бог.  
Рифмую у кладбищенской плиты,  
слова мои бесчувственны, пусты.

Я оглядел зеленый этот край,  
и с дрожью я подумал невзначай  
о страшном аде Данте-старика...  
Вокруг меня как бы исподтишка  
кружиться начал рой существ людских,  
с открытыми устами и немых,  
в тьме, обжигавшей жаром горячо!  
О Дьяволе подумал я еще,  
что Мильтоном, незрячим мудрецом,  
провозглашен владыкой и творцом, —  
трезубец Дьявола весь род людской  
приводит в беспокойство день-деньской...  
Еще подумал я о Грозном дне, —  
вот зарокочут трубы в вышине,  
на небо хлынут сонмы мертвецов...  
Не слишком ли для нас, в конце концов?

Людская совесть, мучаясь впотьмах,  
измыслила и ужасы, и страх,  
и рай для мертвецов в святом саду,  
и дьявольских мучений череду!  
Но тяжести я здесь не испытал,  
жизнь — медленно вкушаемый бокал  
безделья без резьбы и новизны,  
без красок, чьей игрой мы пленены...  
Здесь розы облетают на кустах,  
бутоном от жажды потемнел, зачах.  
А если вопль раздастся в тьме ночной —  
знай: крик совы над гробовой плитой.  
А если тень мелькает наяву —  
знай: скот на пастбище жует траву.  
А если разрывают прах и тлен —  
знай: дело виршеплета и гиен.

Склонился грустно я и уловил  
вдруг голос, исходящий от могил:  
«Твой брат я и сестра я в тот же час;  
вселенной я слепой огромный глаз;  
аз есмь всему начало и конец;

я пропасть и цветущих нив венец;  
я тот, кто породил тебя, я — тот,  
кто от тебя на свет произойдет;  
я тот, кого все благом назовут;  
тот, от кого все в стороны бегут,  
но им не убежать. Прощаю я  
тех, кто питал надежды на меня,  
и тех, кто издевался надо мной.  
Все равно порастут моей травой. . .  
И косит мир моя коса, звеня. . .  
Мне имя — Смерть, но Богом звать меня. . .»

1909

254—256. **ИЗ ЦИКЛА «ПОСЛЕДНИЕ  
ИЗ АРМЯН»**

1

**КОЛОКОЛА**

Проснитесь, добрые колокола!  
Кто вырвал языки вам из гортаней?  
Кровь просит слова, а не бормотанья.  
Довольно вам молчать, колокола!

С какой поры ваш медный звон покрыт  
Молитвами, как кожурою пыльной,  
И дышит гарью ладан ваш могильный,  
Не в силах горя высказать навзрыд?

Или устала вековая медь?  
Но если зло творит свою расправу  
С добром, то, значит, онеметь пора вам —  
Не веря в бога, смирно онеметь!

Вы увидали с вышки в эту ночь,  
Как сотни тысяч христиан во храме  
Повержены дубьем и топорами  
Иль в ужасе шарахаются прочь.

Вы увидали весь простор земной,  
Который пламенем костров увенчан,  
Сожженье стариков, детей и женщин  
И божий трон, засыпанный золой.

Смотрите же! Вот трупная гряда  
Уперлась в тучи, страшно вырастая.  
Заражена гангреной вся святая  
Рать ангелов, ленивая орда.

Где обещанья, что давал наш крест?  
Где братство? Где порука круговая?  
Земля блюет, в пожарах изнывая,  
Разбухли реки трупами окрест.

Все, кто страшится, на землю ложись!  
Меч, а не крест владеет правдой ныне.  
Кто храбр, тот и ликует. Прочь унынье!  
И он у ближнего отнимет жизнь.

Да, ибо дни иные далеки,  
Когда ягненок с волком подружится.  
Ягненку надо в сталь вооружиться  
И наточить с младенчества клыки.

Я раскачал бы вас! Я бы хотел  
В металл ваш впиться пальцами своими  
Во имя всех, что пали, и во имя  
Непогребенных сотен, тысяч тел.

Иль в вас оглох души моей свинец?  
Гуди и вой, и с бешеной отрадой  
Сорвись с железных гнезд, и падай, падай!  
От века вы оплакивали падаль.  
Раззванивайте! Бога нет. Конец.

1909

2

**О, МОЯ РОДИНА...**

Как упоительна ночь и ясна!  
Как безмятежно окрест и дурманно!  
Болью своею объятый, без сна  
долго и грустно брожу у Лемана.  
Как упоительна ночь и ясна...

Тихие мерные всплески весла  
кажутся музыкой парочкам юным.  
Павшая с неба звезда проросла  
нежным цветком в этом озере лунном.  
Издали слышатся всплески весла.

Чудною, сказочною целиной  
Альпы над миром снега взгромозили  
и серебристо блестят под луной —  
древним свидетелем новых идиллий.  
Снег на вершинах лежит целиной.

Как беспредельна и сладостна ночь!  
Всюду — от выси, луной озаренной,  
до онемелых таинственных рощ  
и до полей, омываемых Роной, —  
и беспредельна, и сладостна ночь!

---

Ну а тебя, о родная страна,  
всепожирающий пламень кровавый  
гложет, и, заревом озарена,  
жертва чудовищной, зверской забавы,  
ты издымилась, родная страна.

О, моя родина дальняя, где  
лебеди, что на Евфрате и Ване  
в побагровевшей от крови воде  
белым и чистым крылом упованья  
грудь рассекли бы жестокой беде?

Край Араратский, священный мой край,  
где же сегодня твои пасторали,  
где он, наивный мифический рай,  
как же мы всё это порастеряли,  
край Араратский, священный мой край?

Фей армянских задумчивых гор,  
где они, песни, что прежде вы пели,  
чтобы их ветер унес на простор,  
и отчего поумолкли свирели,  
фей армянских задумчивых гор?

---

Боже! Преследуют вопли меня  
тех, кто под ветром судьбы ураганным  
прочь убегает из моря огня,  
тех, кто слепым поражен ятаганом,  
вопли повсюду терзают меня:

«У-у. . . Это мы, это мы, это мы!  
Меч нас разит, опалает нас пламя,  
нет нам спасенья от горя и тьмы,  
гонится смерть неотступно за нами,  
наги мы, и обездолены мы.

Мы погибаем, последки кровей  
древних и славных — дрожащие дети  
да старики, — нас несет суховой,  
нас не останется скоро на свете,  
жалких последков армянских кровей.

Будьте вы прокляты! Пусть на века  
кровь наших ран застилает глаза вам,  
пусть захлестнет вас несчастий река  
и да соткет вам грядущее саван!  
Будьте же прокляты вы на века!»

---

Как упойтельна ночь и ясна!  
Пойте ж от счастья! Да будет воспета  
этого озера голубизна  
и безмятежность блаженная эта.  
Как ваша ночь и хмельна, и ясна!

Долго брожу я. . . Броди же, глупец,  
слезы смиряя в душе и унынье,  
рвись по курганам убитых сердец  
к родине, жутью охваченной ныне.  
Выхода нет. Так броди же, глупец!

И вдалеке от пожарищ и бед,  
к лире припав, с неизбывной любовью  
пой о злосчастье, изгнанник-поэт,  
гор непокорных, затопленных кровью,  
пой вдалеке от пожарищ и бед.

В тяжком отчаянье сердце скрепя  
так и броди, одиноко и слепо.  
Ну а доколе? Пока для тебя  
не прояснится угрюмое Небо,  
жди в одиночестве сердце скрепя.

1909

3

АРМЕНИЯ

Кто это плачет под дверью в мороз?  
— «Странник, сестра, отвори. . .»

Уж не скелет ли там, хриплый от слез?  
— «Голод, сестра, отвори. . .»

В щепы топор мои двери разнес?  
— «Это резня, отвори. . .»

1913

257—266. ИЗ ЦИКЛА «КНИГА ЛЮБВИ»

1

МОЯ ДУША

Я увидел больной листок в траве зеленой.  
Весна была такой прекрасной, окрыленной,  
и ликовали луг и пестроцветье трав,  
хмель солнечных лучей сполна в себя вобрав.

Но в эту дивную минуту, изумленный,  
я увидел больной листок в траве зеленой —  
он трепетал и ник, смиряя гордый нрав,  
едва лишь ветерком тянуло из дубрав.

Я в руки взял его и, преисполнен скорби,  
в слезах прижал к губам, неловко плечи горбя  
и думая: о жизнь, горьки твои дары. . .

Моя душа -- листок, увядший до поры.  
Кругом сияет май всё радостней и краше,  
а ей невмочь ни петь, ни улыбнуться даже.

Я увидел больной листок в траве зеленой...

1907

2

**ПЕЧАЛЬНЫЙ ДУХ**

*(Любовная песня)*

Скитальцу уготован путь возврата.  
Печальный Дух, ты повстречался мне  
там, где тебя покинул я когда-то, —  
ты помнишь? — у ключа, на валуне.

Со дня разлуки, презирая сроки  
и беспросветный взор вперяя вдаль,  
меня ты дожидался на дороге  
и пел, чтоб в песне выплакать печаль.

А я в шальной тоске прошел полмира  
дорогами, манившими в мечтах,  
неслышной полуночного зефира,  
грустнее, чем вечерний гомон птах.

Я поспешал вперед, паломник грезы,  
и становилось их всё меньше, грез,  
однако ран своих больные розы  
к туманным горизонтам нес и нес.

Мечты! Я бредил ими. Изначала  
туда, где брезжил свет, мой путь пролег,  
туда, где песнь любви еще звучала  
и где мерцал надежды огонек.

Но, крылья обломав, вконец пропащий,  
к тебе вернулся, натерпевшись мук.  
Ты — верный, подлинный и настоящий,  
Печальный Дух, единственный мой друг.

Так будь со мною и даруй забвенью,  
в мою ладонь свою ладонь вложи.  
В моей крови — твое сердцебиенье,  
в твоих слезах — вся боль моей души.

Почили наши замыслы благие.  
Мир праху их! Обнявшись, мы вдвоем  
в честь наших ран отслужим литургию,  
мечты и грезы наши отпоем.

1908

3

**КАК ТЫ БЛАГОСЛОВЕН, РУЧЕЙ!**

Кто наивную песню споет о твоей  
красоте безыскусной, вода ключевая,  
и о том, как среди луговин и полей  
ты по древнему руслу течешь, напевая,  
что тебе всё отраднее жить и милей?

Кто расскажет, ручей, о стремленье твоём  
к вековой мечте — диким розам на склонах,  
и о том, как ты пенишься ночью и днем,  
и о травах, в тебя безнадежно влюбленных,  
у излуки на взгорке отлогом лесном?

Кто нам сможет поведать в полуночный час  
о шуршании гальки, о вздохах ракиты,  
заглядевшейся в тысячный, может быть, раз  
на тебя, и о тайнах, которые скрыты  
в глубине твоих быстрых, изменчивых глаз?

Ты сызвека не знаешь друзей и родни,  
ты, ручей, не боишься ни бури, ни шквала,  
и когда умирают в ненастные дни  
луговые цветы — как ни в чем не бывало  
ты поешь неумолчно, как пел искони.

Как ты благословен! Ты бессмертен, ручей!  
Нет, не станешь ты старше, как не был моложе.

Сколько лет и веков, сколько дней и ночей  
ты струишься в своем нескончаемом ложе  
и беспечно журчишь... Ты бессмертен, ручей.

И когда я уйду за рубеж бытия —  
я, придумавший строки корявые эти, —  
стихотворец объявится, глупый как я,  
чтобы в сети созвучий — бессильные сети —  
уловить эту дикую песню ручья.

И пока ты журчишь всё звончей и звончей,  
насмехаясь язвительно и быстротечно  
над искусством и брэнностью дел и речей,  
ты пребудешь бессмертия тенью навечно.  
Как ты благословен! Ты бессмертен, ручей!

1908

4

**ЭДЕЛЬВЕЙСЫ**

Ты безропотно думаешь: нет,  
этой доли не переиначишь.  
Блекнешь ты, а сдаётся, что плачешь,  
эдельвейсов невзрачный букет.

Увядают твои лепестки,  
и роса испарилась мгновенно.  
Как тебя занесло в эти стены,  
чтобы ты изнемог от тоски?

От болезненной тяги — туда,  
к высоте поднебесной родимой,  
горделивой и недостижимой,  
где тебя не сыскать никогда.

Это явь или, может быть, бред?  
Ты не знаешь и никнешь всё ниже.  
О, помедли, не вянь, погоди же,  
эдельвейсов поблекший букет!

1908

## СТАРИННЫЙ МОТИВ

Должно быть, к нам ветры тебя занесли  
сегодняшней ночью из дали далекой,  
и сердце исполнилось снежной дорогой,  
неведомой, грустной, до края земли.

И, тотчас печалью своей захватив,  
навеяв мечту о возвышенной доле,  
как отзвук молитвы, щемящий до боли,  
ты льешься в окошко, старинный мотив.

И всё повторяясь, опять и опять —  
простой, незатейливый и безыскусный, —  
с порывами вьюги томительно-грустной  
доносишься ты, и куда уж там спать!

О, как ты трепещешь! И, оторопев,  
я вздрогну, не в силах с догадкой расстаться:  
отходная жизни моей, может статься,  
бесхитростный твой и наивный припев?

А ветер, врываясь в полночную тьму,  
тебе подражает — бесцельно, без толку.  
О чем ты рассказываешь втихомолку  
деревьям и плачут они почему?

Метельная ночь в заснежённом окне  
наивным, простым, безыскусным, тоскливым,  
щемящим до боли старинным мотивом  
сомнения разбередила во мне.

Мотив оборвался вдали. Но звучат  
знакомые нотки среди ночи крошечной.  
Душа растревожена и безутешна  
и плачет умершей мелодии в лад.

1909

## ВСАДНИК

Не знаю кто, бог весть куда,  
всегда, в жару и холода,  
неуследимый как беда,  
он молча мчит бог весть куда.

В закатный час, смиряя страх,  
я вижу тень на облаках —  
суровый рыцарь впопыхах  
проносится бог весть куда.

Он мчит, а за его спиной  
скелеты движутся стеной;  
скакун горячий вороной  
его несет бог весть куда.

Я слышал, он обет блюдет,  
его любовь и слава ждет  
и ждет могила, где найдет  
и он покой — бог весть когда.

1911

## ПРИДИ!

Приди, приди дорогою мечты!  
Я запалю в честь встречи факел сердца.  
Мост мук моих безлюден — там лишь ты.  
Мы встретимся, как два единоверца, —  
приди, приди дорогою мечты!

Приди, я твой — твой раб и господин.  
Пусть грешен я, но так судьба судила.  
Я за тобой тянусь, наш дух един,  
я — для тебя кадимое кадило.  
Приди, я твой — твой раб и господин.

Я только певчий храма твоего.  
А ты? Ты плоть моих бесплотных песен,

ты нимфа юная, ты божество,  
мир без тебя мне чужд, и пуст, и пресен.  
Я только певчий храма твоего.

Я переполнен именем твоим.  
Тебя поют семь ран моей свирели,  
и эта песнь грозит безумьем им —  
они окровенились, обгорели...  
Я переполнен именем твоим.

Дай мне твой алый, словно рана, рот  
и к вожделенной сладостной темнице —  
твоей душе — открой скорее ход,  
чтобы исчезнуть в ней и раствориться.  
Дай мне твой алый, словно рана, рот.

Охапку лилий я несу тебе  
и лавр моей известности убогой.  
Пойми меня, прислушайся к мольбе  
и розу страсти пощади, не трогай!  
Охапку лилий я несу тебе.

Приди, приди, приди, чтобы любить!  
Тот, кто не любит, отдается смерти.  
Любовь — жизнь жизни, как же не избыть  
своей тоски в любовной круговерти?  
Приди, приди, приди, чтобы любить!

1911

8

### ОТЧЕГО?

Милая, как славно ты жила!  
Отчего меня ты полюбила?  
Право, мотылька б тебе хватило —  
ты пленила старого орла.

Как ты безоглядна и смела,  
как юна, свежа и легкокрыла!  
Шепотка любви тебе б хватило —  
ты зловещих выкриков ждала.

Сколько я терял! И сколько зла  
испытал! Мой каждый след — могила.  
Ветерка любви тебе б хватило —  
против урагана ты пошла.

Выгорят глаза твои дотла,  
столько в них огня и столько пыла.  
Маленькой любви тебе б хватило —  
ты Любовь, ты Бога избрала. . .

1911

9

### ПЕСНЯ О ЛЮБВИ И СМЕРТИ

Пусть жизнь моя будет тягучей мольбой,  
глухим причитанием, пеней пространной,  
и сердце, которое полно тобой,  
да будет зияющей сладостной раной.  
Пусть жизнь моя будет тягучей мольбой.

Я грусть полюбил, хоть она и остра,  
как терн под зеленой и нежною кроной.  
Какая кромешная темень, сестра,  
в душе моей, взглядом твоим осененной!  
Я грусть полюбил, хоть она и остра.

Приди же ко мне, как луна хороша,  
яви мне свой призрачный свет стеаринный  
и вмиг освети, ликованием дыша,  
надежды моей безнадежной руины.  
Я — Смерть, ты же будь, словно Жизнь, хороша.

Я твой навсегда с головы и до пят.  
Пусть в песнях моих твое имя струится,  
пусть жизнь моя пенится, как водопад,  
который к тебе, низвергаясь, стремится.  
Я твой навсегда с головы и до пят.

Глаза твои — две эти бездны — люблю,  
они как сосуды с вином причащенья;  
припав к ним, я сердце и дух укреплю,  
очищусь, как грешник, приявший крещенье.  
Глаза твои — две эти бездны — люблю.

Приди же ко мне, как пришла в мои сны,  
и я прошепчу с нерастроченной силой  
слова, что могучи, как Смерть, и грустны,  
как ветер над тихой моею могилой.  
Приди же ко мне, как пришла в мои сны.

Я словно челнок, запропавший среди волн.  
Так дуйте свирепей, ветра, и не верьте  
мольбам и рыданиям, несите мой челн  
из бухты Любви прямо к берегу Смерти.  
Я словно челнок, запропавший среди волн.

1912

10

### СВИРЕЛЬ

О свирель, стебелек мой нескладный,  
человек ли тебя сокрушил  
или же ураган беспощадный  
обломил, иссушил, закружил?

Кто тебя обточил так жестоко  
и прожег, будто выместив злость?  
Без росы по утрам и без сока  
ты усохла и стала что кость.

Мне вовек не унять этой боли,  
не утишить, не сгладить вину.  
Пусть тебе не цвести на раздолье,  
жизнь и душу в тебя я вдохну!

Так приблизься, свирель, и ответствуй:  
разве мне неостанет тепла,  
чтобы песня из раны отверстой  
как цветы по весне проросла?

Я слезами, скорбя и тоскуя,  
эти раны омою твои,  
и тебе лишь поведать смогу я  
о своей потаенной любви.

Мы уйдем, чтобы выплакать горе,  
вдаль, где отроду не был я сам.

Пусть родник изливается, вторя  
нашим песням и нашим слезам.

Пой же так, как ты плакал той ночью,  
весь в зеленых ростках стебелек,  
когда буря ярилась и молча  
ты на землю холодную лег.

Ты дороже насущного хлеба.  
Я отдам тебе душу стократ.  
Ты же песню даруй мне, и небо,  
и свободный полет, и возврат.

*1912*

Мисак Мецаренц (Мецатурян) родился в январе (точная дата не установлена) 1886 года в селе Бинкян Харбертского вилайета Западной Армении. Учился в местной школе Месропян. В 1895 году Мецаренц с матерью переехал в город Себастию (Сваз), где посещал частную школу. С 1899 года учился в колледже «Анатолия» в Мерсине. В 1902 году он переехал в Константинополь, где жил его отец, и поступил в известную школу Кедронакан (Центральную). Мецаренц скончался от туберкулеза 22 июня 1908 года в Константинополе.

Еще в школьные годы Мецаренц принимал активное участие в литературной жизни. Стихотворения и статьи начал писать с 1899 года. В 1903 году поэт составил, но не издал небольшой сборник стихотворений под названием «Биення»; с этого же года его произведения стали появляться в константинопольских литературных журналах «Масис», «Цахик» («Цветок»), «Анрагитак» («Энциклопедист») и т. д. В начале 1906 года Мецаренц сдал в печать сборник «Радуга», который вышел в свет весной 1907 года, а осенью того же года был издан второй сборник — «Новые песни». Кроме этого, в периодической печати поэт опубликовал несколько десятков других стихотворений, литературно-критические статьи и художественную прозу.

Произведения Мецаренца вызвали огромный интерес и литературные споры, в которых принимал участие и сам автор.

Основные издания на армянском языке: Полн. собр. соч., Ереван, 1981; на русском языке: Поэзия Армении..., М., 1916; Из западноармянской поэзии, Ереван, 1979; Поэты Армении, Л., 1979.

## ИЗ КНИГИ «РАДУГА»

### 267. ЯСПЯЯ ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Окно открыто нежности твоей.  
Позволь же, ночь, напиться нынче всласть мне  
И молоком твоей светлейшей страсти,  
И влажным волшебством твоих лучей.

Прозрачная и трепетная ночь!  
Пусть волны колдовства мне в сердце бьются,  
И струи белых снов мне в сердце льются  
И мрак тревоги прогоняют прочь.

Пусть торжествует царство немоты.  
Мне пить неутолимо дрожь нектара.  
А время смертная постигнет кара,  
И я паду пред храмом темноты.

И я паду, как падает слеза, —  
Самим смиреньем, кротостью самою.  
Пока меня заря собой омоет,  
Забудут горизонт мои глаза.

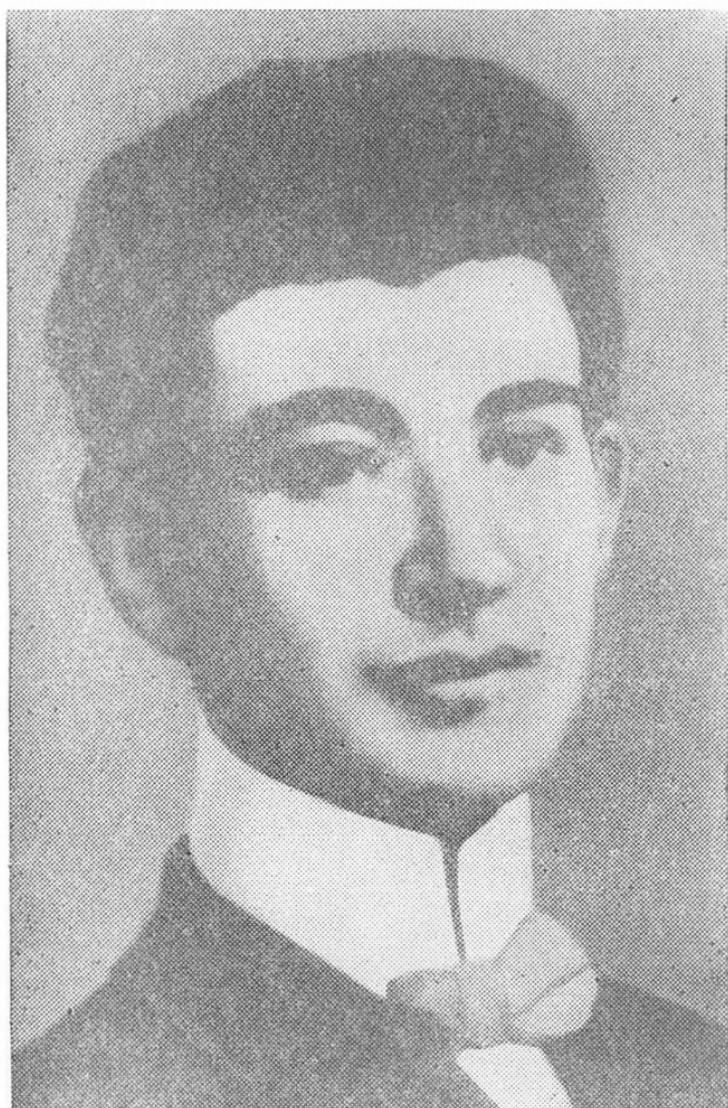
О чудо-ночь, прими меня в себя!  
Прими, мистическая безмятежность!  
Во мне жива молитвенная нежность —  
Я поцелуй отдам тебе, любя.

Воспоминаний комната полна  
О дикой страсти ветра в час проклятий,  
От страха перед яростью объятий  
Стенают щели стен, не зная сна.

Ворвись в мое окно, развея грусть,  
Заполни келью пламенно собою,  
Все щели сутью полони святою,  
И я на утренней заре проснусь.

Окно открыто нежности твоей.  
Позволь же, ночь, напиться нынче всласть мне  
И молоком твоей светлейшей страсти,  
И влажным волшебством твоих лучей.

1906





## 268. ПЕСНЬ ЛЮБВИ

Ночь сладострастна, ночь моя сладка,  
Напоена гашишем и бальзамом.  
Иду я в опьянение лучезарном.  
Ночь сладострастна, ночь моя сладка. . .

Мне море с ветром дарит поцелуй.  
А свет вокруг меня цветет весенний.  
О, праздник ночи, сердца Воскресенье!  
Мне море с ветром дарит поцелуй.

Но свет в душе тихонько меркнуть стал,  
Пускай уста еще хотят лобзанья.  
Свет, лик луны и ночи ликование. . .  
Но свет в душе тихонько меркнуть стал.

1906

## 269. ПСКРЫ

Всю ночь оркестр моей души  
Исполнен ликованья.  
Литаврам радостным сродни  
Мои воспоминанья.

От соколиных глаз твоих,  
С бамбирной песней схожих,  
Вновь пламя жаркое в душе  
Пылает и тревожит.

И, опьяненный неземным  
Нектаром поцелуя,  
Царевны образ там кружит,  
Неистово танцуя.

О, предрассветная пора,  
Продли свои мгновенья  
И взглядом огненным твоим  
Даруй душе забвенья.

1905

## 270. ТРЕПЕТ

Рои пурпуровых бликов  
Жалят ночную вуаль.  
С моря уходит печаль  
В отблесках лунного лика.

Чары неверно и зыбко  
Прячутся под синеву.  
Душу мою наяву  
Вдруг озаряет улыбка.

Трепетны, неуловимы,  
Воспоминанья любви  
Быстро восходят в крови,  
Если проходишь ты мимо.

Чувство кристальное это  
В радужной млеет тиши.  
Лягут в потемках души  
Теплые борозды света.

1903

## 271. НОЧНАЯ МЕЛОДИЯ

Любви мелодия слышна —  
Иль то поток рокочет?  
Вот лес одела тишина —  
Пора счастливой ночи.

Восточный ясен небосвод,  
Украшенный сапфиром...  
И аромат цветов плывет  
Над услажденным миром...

Великолепна рощи сень...  
За ветками, за пнями  
Озарена ночная тень  
Летающими огнями.

Парит листвы незримый дух,  
Сквозь тишину процежен,  
И шелест, радующий слух,  
Так сладостен и нежен...

Смотрю: тропинки, как ручьи,  
В густой листве мелькают,  
А грезы чистые мои  
Как листья опадают. . .

Душа, каков страданий срок,  
Удел мой неизменный:  
Искать увянувший листок  
Надежды сокровенной?

Иль, потемнев, увидишь ты  
Любимой увяданье?  
Не рви красу моей мечты  
И розу обожанья!

1904

## 272. МИНУТЫ МЕЧТАНИЙ

В комнате, полной ночной темноты —  
Волнообразной,  
Глубокой, безбрежной, —  
Гаснут лучи серебристой мечты,  
Мысли проходят блуждающей тенью  
В поисках феи небесной и нежной —  
Мне обещавшей цветок утешенья. . .

В поисках я. . .  
Ожидает душа,  
Изнурена беспокойным желаньем,  
На горизонте, совсем еще раннем,  
Отблеск далекой мечты заглуша  
Вечным сомненьем своим, колебаньем. . .

И одевается тихо мечта  
Скукой торжественной,  
Грустной и странной,  
Скрыта душа оболочкой туманной,  
Горькая в сердце тоска разлита. . .

Страница-мысль, потерявшая путь,  
Так торопливо, безрадостно бродит —  
Ни на свету, ни во тьме не находит  
Верных дорог. . . А куда ей свернуть?

Ах, убегают,  
Спешат огоньки,  
В панике свет отступает дорожный...  
Мысли заблудшей уже не помочь:  
Луч замерцает последний, тревожный,  
Там, где дрожали сейчас светляки, —  
Сплошь величаясь высится ночь...

В поисках я...  
На балконе стою.  
Где вы, глаза, что печальной услодой  
И аметистовой чистой лампадой  
Душу во тьме осветите мою?

Я на балконе стою, утомлен...  
Плещется ночи бездонное море  
В берсг мечты...  
Я хочу, чтобы он  
Лентой огней засверкал на просторе,  
Чтобы они озаряли в тиши  
Эти глубокие ночи души...

1905

### 273. ПОД СЕНЬЮ АКАЦИЙ

Живые лепестки срывает ветерок,  
Наполненный благоуханьем сада.  
И к душам греза подступает и услада.  
А вечер перламутров и высок.

Акации, испив жары глоток,  
Качаются, дыша легко и чисто,  
Снежат цветами белыми душисто,  
И ветер лепестки захватывает впрок.

А свет акаций мягок и глубок.  
Серебряные пряди никнут странно  
К волшебной плоти звонкого фонтана.

То капает вода: цветок, еще цветок.  
Она, как слезка детская, прозрачна,  
А музыка ее стройна и новобрачна.  
Живые лепестки срывает ветерок...

1905

## 274. НА РАССВЕТЕ

В горах, в монастыре песнь колокола плачет;  
Газели на заре на водопой спешат;  
Как дева, впившая мускатный аромат,  
Пьян ветер над рекой, и кружится, и скачет;

На тропке караван по склону гор маячит,  
И стоны бубенцов, как ночи песнь, звучат;  
Я слышу шорохи за кольями оград  
И страстно солнца жду, что лик свой долго прячет.

Весь сумрачный ландшафт — ущелье и скала —  
Похож на старого гигантского орла,  
Что сталь когтей вонзил в глубины без названья.

Пьянящий запах мне бесстрастно шлет заря;  
Мечтаю меж дерев, томлюсь, мечтой горя,  
Что пери явится — венчать мои желанья!

1905

## 275. МЕЧТАНИЕ У РЕКИ

Деревня дремлет в лоне скал, над ней закат плывет;  
Полдневный отдых рад вдыхать всю сладость ветерка,  
Который трепетную рябь рассыпал ширью вод, —  
Льнет с поцелуем к берегам игривая река.

Из глубины прибрежных рощ в полдневные часы  
Ко мне доносится, пьянит волшебный аромат  
Забытых, брошенных цветов невиданной красоты,  
Чья испаряется душа среди лесных громад. . .

А изумрудные стволы — там каждый одинок —  
Мне запах мускуса несут, улыбок алый цвет,  
И голоса меня зовут, дремотой мозг одет. . .

Туман пленительных миров и сладок, и далек,  
Уже меня в блаженный край их переносит зов,  
И я пьянею от мечты, испив нектар ветров.

1906



## 278. ПЕСНЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ

В израненном сердце и горечь, и боль,  
Их солнечным светом никак не унять,  
Они всё вокруг заслоняют собой,  
И к ночи они вырастают опять.

Далекой надежды угасли огни,  
Как пламя костров среди темных ночей,  
Но чудно волнуют виденья одни  
Из прожитых лет и промчавшихся дней.

Но буду я жить! Горе силы вдохнет,  
В душе моей рана любви заживет,  
Воскресну я до угасания дня.

Впиваются тернии в рану мою,  
И ветры печали, стеная, поют,  
Надежда любви озаряет меня.

1904

## 279. ТРЕВОГИ

Подобно ведьме с грустным ликом в час ночной  
Любовь, что боль несет, ударила мне в грудь,  
И от желаний раскаленных не вздохнуть,  
Душа ласкает ненавидимое мной.

И постепенно угасают все огни,  
Я так люблю слепую муку темноты.  
Мне горе душу пепелит до пустоты,  
И боль остра и черной сладости сродни.

И не нащупать в темноте мою мечту,  
И отрекаюсь я от поисков любви;  
Печальной молнии полны глаза мои,  
Глубокий стон из сердца рвется в пустоту.

1905

## 280. ПРИСТУПЫ ЗНОЯ

Подобно облаку, с реки восходит к небу белый пар;  
Дрожат лазурные цвета, дорога вьется, далека;  
Внезапен солнечный удар — везут крестьяне старика,  
И всё безжалостно вокруг сжигает солнца гневный шар.

На горных тропах караван — верблюдов серая семья,  
У них душа погружена в палящий зной и духоту. . .  
Поникли розы — не смогли осуществить свою мечту,  
От боли плачет алый куст без ветерка и соловья.

И от полуденной жары пылают пламенем поля;  
Кругом томление цветов, они бессильные стоят,  
И, одурманивая мозг, струится душный аромат;  
Лес одинок, ни трели в нем, в глубоких трещинах  
земля. . .

Еще спокойна и светла, беспечно греется скала,  
Над ней палящая жара, мечтой сияют небеса;  
Звеня, из рук у косарей всё чаще падает коса,  
Густая, знойная пора на все окрестности легла. . .

Сомлевший мир лениво ждет: придет вечерний ветерок,  
И станет легче голове, и остывать начнет простор. . .  
А змеям, любящим жару, пора, блестя, спускаться  
с гор —  
Хоть их и душит, и пьянит сей огнедышащий поток.

В полях деревья там и тут в дремотный сон погружены;  
Под сень их птицы не летят, не сядут люди отдохнуть. . .  
Схож со змеиной чешуей широкий, одинокий путь —  
Ни шума крыльев, ни шагов в недвижимом царстве  
тишины.

О, померанца акварель. . . Заката дышит полоса. . .  
Кто на коне, а кто пешком — приходят люди из садов;  
Под ними стонет шаткий мост, бессильный — рухнуть  
он готов,  
Но глуше отблески цветов, и затухают голоса. . .

Вот ночь нисходит с горных круч, лениво, вяло зной  
гоня,

И раскаленные поля уже темнеют за рекой. . .  
Дыханье ночи дарит жизнь, несет здоровье и покой, —  
Но лихорадочен и жгуч многоголосый отзвук дня.

(1906)

## 281. СОНАТИНА

В тихом времени увянет  
Света ветреный цветок.  
Мраком туч упившись впрок,  
Море осени устанет.

Опускает сумрак дней  
Серость в душу скучной ношей.  
И сырая песня ночи  
Моросит в душе моей.

Из печальной пустоты  
Боль былая жжет и мучит.  
И скулят во мне тягуче  
Онемевшие мечты.

Голос ветра глух и зол.  
Ночь становится безбрежной  
От крутого шума волн  
И озноба тьмы кромешной.

И любви осенний лад  
Каплет в душу дрожью резче.  
Феи призрачно глядят,  
Плотью света мне мерещась.

Но страшусь: опять обманут  
Грезы, что мне свет сулят.  
Только тайные туманы  
Бродят в радости услад.

Чей-то крик, во мне покоясь,  
Превратился в голос нежный.  
Это танца смерти голос —  
Танца мертвой девы снежной.

Вождеделенна и прекрасна  
Дева грезы. Тишиною,  
Лаской томной, сном неясным  
Дух ее передо мною,

Вижу луч и в нем пророчу  
Блеск души звездой ночью  
И магические очи,  
Полоненные мечтою,

1904

## 282. МГНОВЕНИЯ

О, возлюбленная тьма! Живой сон  
медлительных ночей, где зряча лишь  
страсть. И всегда-всегда неутомима  
несказанная меланхолия поцелуя.

*Реймон Пуэйо*

Я всю ночь напролет грежу ею в пылу.  
Мои губы готовы к ее поцелую.  
В шуме дня же я памятью тщетно ловлю  
Тот неистовый миг, когда знаю: люблю.

Но невечную памятью мне не сберечь  
Эту ночь проливную, ее огнетечь,  
Когда я пред видением пал, не переча,  
Чтоб у ног его с клятвой растерянной лечь.

Фимиама дыханье не вспомнится днем,  
А в ночи что-то сладко витает, дурманя.  
В этой зыби пьянится душа моя сном.

Та отравя сочится в меня, а потом  
Облекает, и длится, и мучит, и манит,  
И кадит мою душу своим колдовством.

. . . . .

1904

## 283. ПЕСНЯ РАССВЕТА

Наполнен цветущей мечтою и легкою мглою рассвет;  
Туман, как седой водопад, протянул волокнистое тело;  
Заря, словно дева, стыдливо в дыму покраснела;  
Наполнен цветущей мечтою и легкою мглою рассвет.

Морской восхитителен меж двух ладоней пейзаж,  
Густая лазурь, обрамленная яркою кромкой, —



Лишь пригубив  
розовый запах забвенья,  
Вновь обращаюсь к тебе,  
чтобы себя превозмочь.  
Стану под ясной луной  
или, быть может, впотьмах  
Слушать рубиновый пульс  
грезы своей напрасной.  
Где же улыбка и свет,  
жизнью даримые страстной?  
Как же мне сбросить тот груз,  
что у меня на плечах?  
Ты приходи!  
Хватит мерзнуть в разлуке мечте.  
Так я устал  
колесить в одиночку тропой незаметной.  
Дождь моросит в мою душу,  
и дрожь стала смертной,  
Праздно застыла рука  
в траурной пустоте.

1906

## 285. ЛОДКИ

Лодки легкие  
двинулись вдаль,  
вожделеньем полны.  
Зыбкий берег мечты позади,  
а навстречу им ветер.  
Ожиданьем я болен.  
И пламя томит.  
И мы в нем не вольны.  
И беременно дрожью души  
и огнем  
предрассветье.  
Тот приплыв абрикосовый  
жду я ночами до слез.  
Предрассветье меня  
этим берегом песчаным приветит.  
Я и щедр, и ревнив,  
переполненный искрами грез...

О подводные духи!  
    Верните мне лодки,  
                    что угнаны бурей рябой!  
Дуновения сумерек!  
    Лодки верните,  
                    что угнаны вдаль ворожбой!

1906

## 286. ПЧЕЛЫ

Мои желания — взлетающие пчелы.  
Пронзая золотистую черту  
И золотистой пылью морося,  
Они взлетели светлым роем  
И улетели за предел долины  
И, разрывая полумрак тумана,  
Вдруг устремились к солнцу целым роем,  
А солнце — золотой цветок тумана.

Так изумрудны, солнечны, рубиновы,  
Впитавшие в себя все краски и оттенки,  
Они взлетели из глухих ущелий,  
С полян и ласковых полей пшеничных.  
А я, отверженный, стою на берегу.  
Мечта меланхоличная моя  
Протянута к далеким цветникам,  
Где в этот миг расселись беззаботно  
Моих желаний золотые пчелы.

Ах, на заре  
Мне снова колесить дорогой страха.  
Я, переполненный до онеменья чувств  
Вином чернейшим ночи,  
Опять обязан исходить  
Крутые тропы собственной боязни.  
И, заискрясь под черепом моим,  
Возникнет в пламени святом надежда.

Моих желаний золотые пчелы. . .  
Их возвращенья с нетерпеньем жду я  
После полудня в неурочный час.  
Только они в дороге потерялись.  
Уже стемнело.

Зря я, видно, жду  
Их медоносного — с одышкой — возвращенья.

Я очень утомился, ожидая  
Сладчайший мед своих желаний ярких.  
И в неурочный этот бред  
Я счастлив буду даже получить  
Одно отравленное жало  
Заблудших пчел моих желаний.

1906

### 287. СОЛНЦУ

Юг прохладен и мягок, как поцелуй,  
а душа моя жаждет нежных дней,  
сладострастный поток сияющих струй,  
о, пролей в мою душу, солнце, пролей,  
в горькой мгле сокрыты муки мои,  
бродят думы среди лесов и камней.  
Солнце, болен я, —  
лаской меня согрей. . .  
У окна, ощутив полуденный зной  
пламенной вечнозеленой мечты,  
я, раскинув руки,  
жду встречи с тобой.  
В своей огненной сети сожги меня ты.  
Обжигают твои поцелуи меня,  
и пронзают они мою душу насквозь.  
Я пойду по дороге страстей в свете дня.  
Солнце! Болен я — трудно мне в жизни пришлось.  
А душа моя — птица летает в тоске,  
истомившись по смеху, по песне простой.  
Из гнезда песня взмыла невдалеке, —  
задохнувшись, полет окончила свой.  
Солнце, доброе солнце, сияй, — я больной!  
Пока в ясном и сладострастном тепле  
вижу я сумасшедший танец шмелей  
и пока цветы и кусты на земле  
замирают от жажды —  
душою своей  
ощущаю покой я безоблачных дней,  
ощущаю покой,  
опьяненный весной. . .

Солнце, доброе солнце, сияй, — я больной. . .  
А колдун влажной ночи меня стережет,  
только сумрак падет — он меня уведет.  
Так последний уж раз,  
так последний уж раз  
ты обвей меня, солнце, горячей волной,  
исступленной и страстной,  
в последний мой час.  
Солнце, доброе солнце, сияй, — я больной. . .

1906

288—290. П О Д С Е Н Ь Ю И В

1

Я ваши слезы, ветви ив, так люблю,  
Они мне душу в тишине серебрят;  
Их капель стук, их каждый звук я ловлю,  
Напевы их с моей душой говорят.

Когда обнимет желтый пояс цветов  
Привольных пастбищ зеленеющий стан  
И солнце снопики лучистых пучков  
Завяжет лентой голубой средь полян —

Приходят девы сновидений моих  
От фиолетовых холмов и полей,  
Шаги мне слышатся поспешные их,  
Тогда и резче тишина — и слышней. . .

Таит их танец грациозность невест,  
Блестит под газовую тканью их взор,  
Как маки — щеки их, красив каждый жест,  
Над волосами — ветер крылья простер. . .

Тела их — тонкий и прозрачный хрусталь,  
Их души — лилии, надежды зарок,  
Их смех — весенняя рассветная даль,  
Сердца — блуждающий живой огонек.

Вы, ивы, слезы проливайте свои —  
 И серебро в них есть, и ласка, и грусть...  
 В печально-сладкие сольются ручьи  
 Все ваши капельки звенящие пусть...

Послеполуденный отдых хорош  
 Под сенью пепельною ваших ветвей,  
 Так ароматны цветы вокруг и рожь,  
 И рукоплещешь ты, память, всё живей...

Тут мне далекий слышен звон бубенцов,  
 Бандур серебряных доносится смех  
 И песни страстные цыганских певцов —  
 Туманный отзвук их любовных утех...

Когда ж долину обоймет тишина —  
 Дика, крылата тишина этих нив, —  
 Когда, от зноя и бессилья пьяна,  
 Поникнет роща, в размысленьях застыв, —

Спокойно аист пролетит над листвою,  
 Пылая в небе алым клювом своим,  
 И, сетью солнечной пригрет, огневой,  
 Пространство клекотом наполнит глухим.

Цедите, ивы, день и ночь капли слез,  
 В моей душе пусть ваш плывет аромат,  
 Пусть бедный мир моих томительных грез  
 Покоя дивные часы усладят.

И с гор вечерний поплывет ветерок,  
 И песню грустную чинара споет,  
 Звенеть фонтанам подойдет уже срок,  
 И птицы, ивы, к вам слетятся с высот...

Когда же солнце кисть в шафран окунет  
 И станет траур золотить ваших душ,  
 И поцелуй дыханье ваше сольет  
 С его лучами, озарившими сушь, —

Вам молчаливо, ивы, слезы ронять,  
Игру теней вам осыпать серебром  
И воздух легкий и сквозной осенять  
Над необъятным, над зеленым ковром. . .

Когда ж по роще вашей ночь заскользит,  
Вы плачете, ивы, лейте слезы из глаз, —  
Она вам в душу черный коготь вонзит,  
И дрожь тревожная окутает вас. . .

(1906)

### 291. ПОЧЬ ЯСНА

Так беспредельно ночь ясна  
От звезд, покрывших небосвод.  
И нежных пери хоровод,  
Кружась, меня лишает сна.

Их поцелуем и тоской  
Багряно плакала душа,  
Как плачет лютня, чуть дыша,  
Под неуверенной рукой.

Среди прозрачной темноты  
Омыть бы душу и сберечь,  
Давно потухшие разжечь  
Светильники моей мечты.

Тропою светлую своей  
Проходит мысль, лишась оков,  
Душе приносит сладость вновь  
От прежде пройденных путей.

Необычайные цветы  
Струят пьянящий аромат,  
И где-то голоса звучат,  
Баюкая мои мечты.

И отражается в душе,  
Как беспредельность зыбких снов,  
Таинственность иных миров  
В цветном и странном мираже.

Дано мне чувствовать душой,  
Как пахнут в тех мирах цветы  
И как сверкают с высоты  
Своей искрящейся росой.

Впитаю я их странный жар,  
Туманный образ грез густых,  
Лучи, блеснувшие на них,  
Как будто золотой нектар.

Восторга полный, я пройду  
По светлым радостным путям,  
Паломником я стану там,  
В чужом, таинственном саду.

Пройду, прикрыв молчаньем грусть,  
По беспредельным небесам,  
Лишь охладев к былым страстям,  
Опять на землю я вернусь.

1905

## 292. ВЕЧЕРНИЕ ГОЛОСА

В порывах ветра голоса всё слышней,  
И вожделенья, и волненья полны;  
Земли вечерней ароматы нежны  
На золотом закате гаснущих дней.

Веселья крики, услаждая меня,  
В аккорды музыки вплелись, как в венок,  
И, подхватив их, вдаль уносит поток,  
Обрывком песен сладострастных звеня.

Мотив печальный всё тревожней, слышней,  
Всё ощутимей содроганье смычка...  
Цветок заката, наклоняясь слегка,  
Без увяданья в этих чарах пьяней.

В набегах ветра пересвисты тоски,  
Немолчный шепот всех цветущих полей,  
Рукоплескания и шум тополей,  
Концерт ревнивый беспокойной реки.

Волны раскатистой восторженный крик,  
Он на души моей порфиновый брег  
С шипеньем пены устремляет свой бег,  
Огней сверканье закрывая на миг.

Но ламп серебряных прорежется свет,  
И зарыдают глухо úды опять,  
Лазурь мгновений в каплях лунных сиять  
Начнет, как дивный поцелуй, как привет,

И перед ними духи падают ниц,  
Усладу песен о любви испытав,  
Проходят нимфы среди таинственных трав,  
И торжествует ликование зарниц.

Счастливой ночи наступает пора  
В мерцанье, в отзвуках — и нет им числа.  
И ночь, как песня, как баллада, светла,  
Цветами, смехом и восторгом пестра.

1906

### 293. НА УТРЕННЕМ СОЛНЦЕ

Бессонной ночи фонари  
Погасли, обветшала мгла.  
И дева утренней зари  
Вуаль тумана отвела.

Прошли медлительно возы,  
И с песней пахари прошли.  
Сбивая капельки росы,  
Стада рассеялись вдали.

Лучами нежными рассвет  
Стал струи вод перебирать.  
И золотой, слепящий свет  
Зеркальную раскрасил гладь.

Вбирают язычки огня  
Туман, седую суть его.  
Так огненно начало дня,  
Так ярко солнца торжество!

Душа светла и высока,  
Волной в нее вошел шафран  
И утреннего ветерка  
Густой гашишевый дурман.

Багровых маков озерки,  
Пшеницы зыбкие моря  
Поют, и песни их легки,  
Внимает им душа моя.

И зелень крапчатая нив,  
И горы с гордой синевой  
Поют молитвенный мотив  
Во славу света над землей.

Видна всего со всеми связь,  
Рехан, тимьян рванулись в рост,  
Душистым ладаном дымясь  
В кадилнице рассветных рос.

Душа светла и высока,  
Волной в нее вошел шафран  
И утреннего ветерка  
Густой гашишевый дурман.

1906

## ИЗ КНИГИ «НОВЫЕ ПЕСНИ»

### 294. ОТ РОДНИКА

Когда идет от родника,  
Спускается с холма,  
Луч солнца пальчиком слегка  
Касается ее волос.  
Когда спускается с холма,  
Идет домой от родника  
И терракотовый кувшин  
Поддерживает рукой,  
Тогда колышется слегка  
Ее платок от ветерка,  
Как птицы радостной крыло.  
И с переливами огней

Сверкают радужно глаза  
Ее и ярко, и светло.  
Когда веселый стук монист  
Раздастся звонче и смелей,  
Хочу сокровищ всей душой,  
Которых нет у ней.

Былинкой страждущей душа  
Возжаждет капельку воды,  
Чтоб охладить горячий лоб,  
Иссохшие уста  
С ладони, выкрашенной хной  
И окропленной той водой,  
Что в терракотовый кувшин  
Теперь заключена. . .  
Прозрачным вечером, когда  
Она спускается с холма  
И терракотовый кувшин  
Поддерживает рукой,  
Совсем не ведает она,  
Что я теряю свой покой,  
Листва трепещет у чинар  
Моей любовью и тоской.

1906

## 295. ПОЛИВ

О, радость! Реки серебристой сверкает спина,  
Вода через камни кремнистые с шумом несется,  
О, радость! Поток отведен и работа дана  
Ему полевая, согрелся он за день на солнце.

Туманные скалы, повесив качели на крюк,  
Раскачивают деревушку с узорною тенью;  
При церкви — с десятков деревьев, собравшихся в круг,  
Стоит Богматерь под их влажно дышащей сенью.

Как много внизу молодых и жеманных садов,  
Рассевшихся рядом с деревней и ждущих полива,  
Им грохот реки надоел, сколько знойных часов  
Прождали они животворной воды терпеливо!

Ночного полива пора; в ожидание воды  
Оперся бессонный садовник во тьме на лопату;  
Завеса тумана спускается с гор на сады,  
Стрекочут сверчки, разбредясь по зеленому скату.

И тянется, тянется в ночь серебристая нить,  
Как след метеора в космической дымке — молочный;  
Вода прибывает, чтоб жажду земли утолить;  
Костры златогривые блещут во мгле полуночной.

О, радость! Воркуя, подкрался к забору ручей,  
И песня ночная сплетается с блещущей нитью.  
Листва рукоплещет — так сладостно дышится ей,  
Ликует вода и сметливою радует прутью.

Бурлит, прибывает ручей, извиваясь меж гряд,  
Розарий полит и душистый увлажнен тутовник;  
Чтоб тело ручья в огород повернуть или сад —  
Два раза, не больше, — лопатой ударит садовник.

Вода прибывает, и старческий голос во мгле  
«Довольно!» — кричит, и лопаты, споткнувшись невольно,  
На миг замирают, застряв в отсыревшей земле.  
И голос в ответ повторяет: «Довольно! Довольно!»

И девочка под виноградными лозами вслух  
Поет — и усталый крестьянин той песне внимает;  
Ручей утомился, и плеск его яркий потух;  
Земля напиталась и мук родовых ожидает.

1906

## 296. БОГОМАТЕРЬ

«...вот капля твоего девственного  
молока, струившегося в меня...».

*Нарекаци*

Хотел бы стать я этой ночью голубой  
То аметистовую пылью над землей,  
То нежным голосом, цветком и ветерком,  
То серебристой кисеею над водой,  
Чтоб всех вещей коснуться влажною рукой.  
Хотел бы стать я водопадом, родником,

Хотел бы стать я тенью ладанных садов,  
Журчаньем ветренным капризных горных рек,  
Порывом ветра, что до неба вознесет  
Шум этих рек, не усмиряющих свой бег,  
В прозрачной ночи, развернувшей свой покров,  
Мне стать бы образом, достигнувшим высот,

Стать ожерельем, покрывалом дорогим  
На чаше царственной твоих святых даров,  
Ты позвала бы через реку: «Перейди!» —  
И наступил конец сомнениям моим,  
Душа впитала б волшебство великих слов,  
Хотя иллюзий волны зыбки впереди!

Лучистость девственная глаз твоих прильнет  
К моим глазам всей благодетельностью твоей,  
Не соскользнуть бы мне с волны моей мечты!  
По склону боли я карабкаюсь, — развеи  
Всю мрачность туч до озаряющих высот,  
И дымкой розовой блесни мне с высоты.

Стань дымкой розовой и ласковой луной,  
От вечной святости дай каплю молока,  
Святая Дева, я опять младенцем стал.  
Невеста солнечная, как ты высока!  
Я этой ночью слышал голос твой святой,  
Что, защищая мою душу, прозвучал.

1906

## 297. СНЕЖНОЕ ЛИКОВАНИЕ

Танцует снег под шепот феи за окном,  
Страницы белые на крышах расстелив,  
Там буквы грез моих в волнении немом  
И тот поток, что, душу бедную залив,  
Отвесно с гор тоски срывается потом.

Я жажду солнца в лихорадочном чаду,  
Мечтою — мысль, а руки — радостью полны,  
С надеждой благовеста солнечного жду  
И ту, которой будут щедро зажжены  
Лампады чувств, что побеждают темноту.

Хочу отпраздновать торжественность снегов,  
К голубизне небес припавшую вдали,  
Чтобы, в душе благоухая вновь и вновь,  
Букетом белым грезы прежние цвели,  
Сверкала радуга рассыпанных цветов.

(1907)

### 298. БЕЗЫМЯННЫЙ ЦВЕТОК

Скажи, как звать тебя, цветок?  
Ты спрятал дикий свой глазок  
В густой шиповник, в зелень, в тень;  
Скажи, как звать тебя, цветок?

Ты бел, ты пахнешь молоком,  
И я с тобою незнаком.  
Скажи, дрожишь ли ты чуть-чуть  
Под налетевшим ветерком?

Скажи, гордец, а как зовут  
Ту фею, что мелькнула тут,  
Янтарно-черную струю  
Оставив, как волнистый жгут?

Ты знаешь, как зовут, цветок,  
Дрожь, что приносит ветерок,  
И нежной феи, что прошла,  
Меня зовущий голосок?

1906

### 299. РАССВЕТНОЕ

Как много атласных лоскутьев развесил туман,  
Какой златотканый вздымается пар над дорогой!  
Свирель под стеной — что за бронзовый голос ей дан!  
Петух на стене голосистой вскипает тревогой;  
И девушка песню поет про любовный дурман.

За голубем голубь, как шелковый пестрый платок,  
Ленивыми взмахами в путь устремляется вяло.  
Лепечет родник, и смеется пастуший рожок,  
Вода под скользящим лучом веселей засверкала,  
И утренний, легкий целует ее ветерок.

Креститесь и радуйтесь: утро взирает на нас  
С любовью, и кажется — желтой подсвечено хною.  
Хор птиц так волшебнo поет в этот утренний час,  
Ребенок танцует, смеясь, под чинарой густою,  
И столько цветов, распустившихся как напоказ.

1907

### 300. ВЕЧЕР

Мне этим вечером бы стать —  
И прикасаться бы ко лбу других людей,  
И чаровать потоком меркнущих огней, —  
Мне этим вечером бы стать!

Мне этим вечером бы стать —  
Быть полным песен, и людей, и вольных птиц,  
И трепетанием невидимых частиц, —  
Мне этим вечером бы стать!

Мне этим вечером бы стать —  
Быть нежным, томным, источая аромат, —  
Я златотканую завесой был бы рад  
Над душами затрепетать!

Мне этим вечером бы стать —  
Быть полным ладана и света, будто храм,  
И колокольным звоном рваться к небесам, —  
Мне этим вечером бы стать!

Мне этим вечером бы стать!  
Той, умирающей, глядящей на меня,  
Как угасающей лампаде, дать огня, —  
Мне этим вечером бы стать!

Мне этим вечером бы стать —  
Стать полным песен тех, что ветер мне поет,  
Рукоплесканьями всех океанских вод, —  
Мне этим вечером бы стать!

Мне этим вечером бы стать —  
На перламутровой подушке темноты  
Раскинуть волосы чудесной красоты, —  
Мне этим вечером бы стать!

Мне этим вечером бы стать —  
Волшебным, сладостным и тающим во мгле,  
Себя бы роздал я всем людям на земле, —  
Мне этим вечером бы стать!

1907

### 301. ВЕТЕР

Мне быть бы ветром вдалеке от берегов,  
Плясать над гулким одиночеством волны,  
Шептать бы песенки мне в уши рыбаков —  
Их душам милые, что нежностью полны.

Мне быть бы ветром, что в снегах вершит полет,  
И замерзающих оплакивать в горах. . .  
Мне быть бы ветром, что на кладбище поет  
И о загробных тайны ведает мирах.

Мне быть бы ветром, тучи гонящим зимой,  
Вбирать в порывы отдаленных хижин стон;  
О сердце путника дробился б голос мой  
Волной звенящей. . . И принес бы к людям он

Зов роженицы сквозь тревожный шум дождя  
И горький плач детей голодных. . . И в тиши  
Крик юной матери, чье умерло дитя,  
Чье пламя лет окутал дым ее души.

(1907)

### 302. ХИЖИНА

На той дороге полевой  
Или на тропке под горой  
Мне стать бы хижинной простой.  
Ко мне бы путник поспешал,  
Он в дверь мою бы постучал,  
Обрел бы ласку и покой.  
И здесь, где нет других людей,  
Он вечер скоротал со мной  
Под теплой крышею моей,  
С дымком веселым над трубой.

Я стал бы путников сзывать,  
В свои объятия заключать,  
Чтоб за приветы их отдать  
Десятки самых добрых дел,  
Благословляя свой удел.  
Я отдал бы тепло огня,  
И злаки вызревших полей,  
Вино, и мед, и молоко,  
И всё, что было б у меня,  
С улыбкой отдал бы легко. . .

И у трескучего огня  
Всю ночь до наступленья дня  
Пришелец пел бы для меня.  
И если бы, усталый, он  
Вдруг задремал, его бы сон  
Своей наполнил я мечтой.  
А утром бы услышал вновь  
Душевность благодарных слов,  
И путник зашагал бы вдаль,  
А я бы в сердце скрыл печаль.

И в снежной стуже зимних дней  
Стоял бы, новых ждал гостей.  
И если б путник заглянул,  
Ему б я руки протянул,  
Приветил щедростью своей  
И весь раскрылся перед ним  
Гостеприимством и добром.

На той дороге полевой  
Или на тропке под горой  
Мне стать бы хижинкой простой,  
Чтобы всегда на мой порог  
Ступить усталый путник мог.

(1907)

### 303. ЖЕЛАНЬЕ

*Поэту Арташесу Арутюняну*

Мечтаю горным быть, широким быть путем,  
В цветах карабкаться по склонам в высоту,  
Достичь вершины и смотреть с нее кругом —  
На горизонт, его атлас, его черту.

И тех поэтов, чья иссушена душа,  
Чтоб сохранить ее простор от духоты,  
Я вел бы к небу, к необъятности мечты:  
Так ширь раздолья под тобою хороша, —  
Как на качелях убаюкана душа.

И на вершинах цвета меди, цвета хны,  
В садах фруктовых, на лугах в лучах весны  
Хотел бы хором я бродячих стать ветров,  
Звенящей, трепетною лентой голосов  
Ключей глубоких, синеоких и озер,  
Чья шепчет рябь, плетя серебряный узор...  
Морей и рек хочу я грозным гулом стать,  
Вселенским голосом, который бы исторг  
Тот безграничный и стремительный восторг,  
Что мог бы вновь сердца поэтов оживлять...

В великолепном одиночестве лесов,  
На зеленеющих руках больших стволов  
Сидеть хотел бы я легчайшей тишиной,  
Быть цвета ладана тропой в глуши лесной,  
Что так сверкает в темных рубищах теней...  
Иль аллилуйей стать, звенящею волной  
Потока близкого, что мчит среди камней, —  
Дарить поэту ритмы музыки моей...  
Стать птичьей песнею, что радуется утра, —  
В ней звон цимбал, ее ничто не охладит,  
Поэтов души пусть она развеселит,  
В которых облачная хохлится хандра,  
Как та ворона, что на кладбище сидит.

Оттенком, Светом, Формой, Близком быть бы мне,  
Порфирой жизни, полыхающей огнем,  
Мечтой души, что жизни жаждет в тишине.  
И после грустного дождя туманным днем,  
Того дождя, что и стонал и горевал, —  
Мне света счастья никогда бы не терять,  
Минуты солнечных улыбок и похвал  
В душе поэтов одинокой озарять...

(1907)

### 304. ВЕТЕР

В мое окошко мимо проходивший  
Осенний ветер постучал, растрепал. . .  
Он шаловлив, как девушка, а может —  
Как мой товарищ, что стоит за дверью, —  
В мое окошко мимо проходивший  
Осенний ветер постучал, растрепал. . .

Вот я за ним гоняюсь, запыхавшись,  
А я такой растерянный, усталый. . .  
Моей он резво избегает ласки,  
Я пустоту руками обнимаю,  
Но он, разгульный, рвется из объятий,  
Тогда как я гоняюсь, запыхавшись,  
А я такой растерянный, усталый. . .

Преследуя его, бегу я в поле,  
Готов я добежать до леса даже,  
А он — кого угодно задевает:  
К воде, к листве кидается в объятья  
Иль в озеро бросается — ан, глянешь,  
На дереве уже он, на верхушке!

Он за кусты цепляется порою,  
Как за подол хватается ребенок,  
А позову — невдалеке хохочет,  
Обижен по неведомой причине. . .  
Шлеп-шлеп — он мне пощечину отвесит  
И в тот же миг скрывается из виду.

И снова я бегу за ним впустую,  
Бегу до поля и до леса даже. . .  
А повернусь в отчаянье — он сразу  
Мне начинает на спину взбираться  
Иль волосы мои считает быстро,  
А то — за плечи крепко обнимает.

А если снова обернусь я в гневе —  
Уже он далеко, растрепал ветер;  
В пути он всё, что может, разоряет,  
Срывает с роз отцветшие соцветья;  
А повернусь в отчаянье — он сразу  
Мне начинает на спину взбираться. . .

1906

### 305. ЛИСТЬЯ ГОВОРИЛИ

Кропишь ты золотой росой  
    Цветы у звонких родников,  
    Тела озер и ручейков  
    И реки в лоне берегов.  
И нас скорей позолоти,  
        скорее, солнышко, и нас!

Ты золотой бросаешь свет  
    На склон холма, чтоб стал теплей,  
    Ласкаешь нежностью своей  
    Густые волосы полей.  
Своею лаской обогрей  
        скорее, солнышко, и нас!

Коснулось пальчиком слегка —  
    И сразу сделалось тепло,  
    И пламя нежное зажгло  
    Румянцем радостным чело  
У женщин, девушек, мужчин, —  
        и нас скорее обними!

Ты золотую даришь жизнь,  
    Ты стало осью жизни всей,  
    Не уходи, сыграй скорей  
    На лире пламенной своей  
И хоть немножко опоздай,  
        чтоб снова нас поцеловать!

Пока не выплыла луна,  
    Холодный свет не разлила,  
    Верши прекрасные дела,  
    Чтоб радость ясная цвела,  
Наполни жизнью всё кругом  
        и нас, о солнышко, и нас!

(1907)

### 306. ВЕЧЕРНЕЕ ЖЕЛАНИЕ

*Барышне Нардик*

Иметь надежду исчезать по вечерам,  
Идти задумчиво чуть видною тропой,  
Отбросить скуку чешуей змеи к ногам,  
Успокоенье отыскать душе больной.

Больную душу в свет закутать, как в платок,  
И песни рек и ночи сестрами считать,  
И слушать ветер, что поет про даль дорог,  
В уединении усладу отыскать.

Быть другом поля и входить в плодовый сад  
Так, словно каждый этой встрече будет рад,  
Лесному духу позволять себя нести

На легких крыльях в царство вечной тишины,  
Где все деревья мне как братья быть должны,  
Во все цветы легко влюбляться по пути,

Иметь надежду исчезать по вечерам.

1907

### 307. МОЙ ВЕЧЕР

*Поэту Ваграму Татулу*

Мой вечер добр, душист и щедр, он стал дорогой  
золотой,

Соединяя день и ночь, он перекинулся мостом.  
С тоскою света жду опять я под тяжелою листвою,  
Закат шафрановый горит благоухающим цветком.

Богами налитый нектар собрали пчелы из цветов,  
И лучезарным полотном сквозь листья плавится закат,  
И, словно кружевной узор, переплетения кустов  
По золотому полотну, по солнцу яркому скользят.

Зефир как будто поцелуй из самых нежных детских дней.  
Как друга тайные слова воды журчащая струя.  
И ветер девочкой приник, разнежась на душе моей,  
Фонтан сверкает, будто он нарциссов желтая семья,

А может быть, слеза в глазах левкоев, выросших вокруг,  
Он услаждает их покой, — так брызги светлые легки,  
И вот касаются слегка протянутых к закату рук  
Дары волшебников лесных — цветов душистых лепестки.

В тумане ткани голубой проходит дева предо мной,  
Прекрасны волосы ее, молочно-розов нежный лик,  
Она — виденье, луч, цветок с ее красою неземной...  
О боже, для моей души восторг немислимо велик!

(1907)

### 308. ЛУНЕ-СЕСТРИЧКЕ

#### 1

Вчерашней ночью ты, луна,  
Вчерашней ночью ты забыла,  
Мое окошечко забыла вчерашней ночью  
осветить,

И темнота висела в нем,  
Как плотный занавес, — так было  
Темно, но бодрствовал во тьме  
Цветок любви и обожанья,  
Не увядая в темноте  
Дремотной — света не затмить.  
Вчерашней ночью ты, луна,  
Смущаясь, мимо проходила,  
И я шептал тебе вослед  
Среди полночной тишины:  
«О, не забыла пышный сад  
И виноградник не забыла,  
Сияньем все напоены».  
И посмотрел я на сирень,  
На голубую, — не забыла  
Ты протянуть из темноты  
Ей ручку белую свою  
И не забыла дымоход  
Соседний — всё посеребрила,  
И отдаленную тропу,  
И ту, что тянется к жилью...  
Так! И сегодня, если куст  
В тебе нуждается сильнее,  
Чем я, и травы, и цветы, —

Пусть буду я тобой забыт, —  
На крыльях радужной мечты  
Я доберусь к тебе скорее,  
Чем все, кто тянется к тебе,  
Сквозь мрак пробиться не умея, —  
Я дотянусь,  
Хотя б твой лик  
Был дымкой облачной прикрыт.  
К тебе, к тебе я дотянусь,  
Коснусь тебя, сестра-богиня,  
И если даже в уголке  
Моей души последний луч,  
Из тех лучей,  
Что собирал ночами лунными, сквозными,  
Погаснет,  
Всё равно — прорвусь  
Сквозь толщу самых темных туч!

2

Ах, ночью пынешней, луна,  
Опять обласкан я тобою,  
Мне в душу бабочкой ночной  
Впорхнул твой животворный свет,  
Ты выше радуги ко мне  
Явилась синей, голубою,  
И в сердце песня ожила,  
Я вспомнил имя  
И тропою  
Забытой вновь пошел туда,  
Где давних дней  
Утерян след.  
И на развалинах души,  
Как из расщелин в древних стенах,  
Цветы волшебные взошли.  
Ах, ночью нынешней опять,  
Луна, пронизан я тобой,  
И мрак растаял постепенно.  
О, как ты ласкова, луна,  
Как золотиста эта прядь!  
Скользнув по темному окну,  
Ты прикоснулась к занавеске,  
Латунь подсвечника нашла,  
Лампаду в зеркале зажгла.

Как сладко нежилась моя  
Душа в твоём лазурном блеске.  
Прости, прости,  
Что миг спустя  
Я свет зажег движеньем резким.  
Я не забуду, как со мной  
Нежна была ты и светла!..

(1907)

### 309. В КАКОМ ОПЬЯНЕНЬЕ...

В каком опьяненье деревья и в зной,  
И в холод, в тени, под дождем свежи.  
Нацелившись ввысь листвою вырезной,  
Молодые совсем еще деревца,  
Стоящие вдоль пшеничной межи, —  
Все деревья пьют лучи до конца.

В каком опьяненье трава на земле  
Отражает свет росинками глаз.  
В каком опьяненье цветы, замлев,  
Сияя росой, от неожиданных ласк  
В любимых руках тускнеют, спалась.

В каком опьяненье украсить готов  
И солнечный луч, и холм-исполин  
Свой лоб золотой венцом из цветов.  
В каком опьяненье с невест-долин  
Красноногий журавль, взлетая, берет  
Вечернюю грусть в обратный полет.

В каком опьяненье зяблики пьют  
Без усталости свет, как солнечный мед,  
Забравшись тайком в садовый уют.  
В каком опьяненье, как снег белы,  
Встречая восход среди розовой мглы,  
Сои парят, золотясь в высоте.

В каком опьяненье, дрожа до конца,  
На свою постель в кисейную тень  
Невеста-горлинка ждет самца.

В каком опьяненье бражник раскрыл  
Над озером, где сиренева мгла,  
Паруса своих млечно-белых крыл.

В каком опьяненье к макам полей  
И к белым цветам стремится пчела,  
Чтобы сосать сосцы медоносных фей.  
В каком опьяненье синеют моря,  
И реки текут, и бурлят ручьи,  
Голубеет глубь озер, усмирясь.

В каком опьяненье хотят уронить  
Тяжелые тучи, сгрудясь вдали,  
Молоко дождей, чудесную нить  
В золотой урожай голодной земли.  
В каком опьяненье пьют этот хмель,  
От зноя изныв, в сухоте земли,  
И каждый росток, и каждая щель.

В каком опьяненье душу томит  
С деревьев в цвету летучий настой  
То базиликов диких, то мят, —  
Как ладанный дым, аромат густой.

В каком опьяненье от торжества —  
Все краски, цвета, все формы вокруг,  
Элементы все и все существа,  
Отражая в себе, как радуга дуг,  
Неведомый свет и блеск божества.

1907

## **ИЗ ДРУГИХ СТИХОТВОРЕНИЙ**

### **310. ПЕТРОС ДУРЯН**

Из темных глубин, из-под мраморных плит,  
Забыв и покинув земную тщету,  
Присущую духам познав высоту,  
С бесстрастностью вечности гений глядит.

Он умер, а песня любви всё звучит  
И в душах живущих рождает мечту.

И лиру, и песен его красоту  
Нетленная память навек сохранит.

Он, кроме тревог, не унес ничего,  
И в памяти будет он вечно живым,  
Как зелень листвы над могилой его.

Как ветер в ветвях, восхищенье шумит  
Над ним незабвенным, и мы сохраним  
Навек его образ. Так сердце велит.

*1903*

### 311. УТРО

Когда б я этим утром стал —  
Лучами солнца заблистал,  
Мглу разогнал во всех углах.

Когда бы утром стать я мог —  
Улыбок свечи бы зажег  
У всех несчастных на столах.

Ах, белокурым утром стать,  
В одежде розовой предстать,  
Нектар даруя тишине.  
И было б счастьем для меня  
Хоть лучик моего огня  
Лампадам темных душ отдать.

Ах, этим утром стать бы мне!

*1907*

### 312. ПИСЬМЕЦО

Ночь, слаще меда с молоком, через окно  
Струится в комнату, и жимолость, мечтая  
Увидеть комнату, ползет по стенам, но  
Нё дотянуться ей, заглядывает с края,  
Привстав на цыпочки, душистый аромат  
Струя, в тенистый угол тот, где, сняв халат,  
Мечтает девушка, прижав к груди бумагу, —  
Бог знает, где ее отсутствующий взгляд  
Блуждает; вот она, сказав себе: прилягу, —

Ложится. Жарко ей. Тогда она, рукой  
Горячей скомканное сбросив покрывало,  
Встает и в зеркале является нагой —  
Змеятся волосы, рука к груди прижала  
Письмо; пшеничный сноп так бел и золотист, —  
Глядится в зеркало, его довольна лестью,  
Стоит, к груди прижав бумажный белый лист,  
Письмо заучено и дышит сладкой вестью.

Скользит прядь шелковая по ее груди,  
Сосок трепещущий волною обтекая;  
Ах, письмецо в руке заветное, почти  
Что пламенеющее, — тьма вокруг густая,  
Но так услужлива полночная луна,  
Что луч серебряный, пронизывая штору,  
В руке у девушки, стоящей у окна,  
Легко высвечивает текст, открытый взору.

(1907)

### 313. ДАЙ МНЕ, ГОСПОДЬ

*(«Отче наш» современного человека)*

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,  
словно цветы, соберу среди ярких полей  
радость во взорах женщин, детей и мужчин.

Дай мне, господь, к радости ясной прильнуть,  
в бликах улыбок ощутить ее добрую суть, —  
как разноцветные спички, блики горят.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей, —  
как колокольцы, она прозвенит от дверей  
и, как венок, увенчает каждую дверь.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей, —  
тусклые окна домов во мраке ночей  
я разукрашу созвездиями ее.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,  
но водопадом звонких и праздничных дней  
не заглушу я плачи и скорби земли.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей, —  
в хладной обители души омраченной моей  
да не сокроется песни торжественный звук.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,  
хлеб на столе, — приглашу я в застолье друзей,  
и осенит скромную трапезу крест.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей, —  
посохом радости гряну, примерясь верней,  
в камень души моей — хлынет блаженства вода.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей, —  
радость, как есть, я раскину над гладью морей  
иль, как сохой, борозду проложу по земле.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей, —  
вылью ее на поля из кувшина дождей  
или, как солнце, всем окоемам отдам.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,  
я превращу ее в плот, — в океане страстей  
буду я плыть, обретая в пути идеал.

Дай мне господь, почувствовать радость людей, —  
каменщиков, землепашцев и косарей  
в душу приму я свою, как братьев своих.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,  
долю, недолю, мглу и сиянье лучей —  
всё, что в душе человеческой можно найти.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,  
что родились среди чаш, среди горных камней,  
или в крестьянском жилие, или в дали дорог.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей.  
(1908)

### 314. ПЕСНЬ ЛЮБВИ

Подснежник солнечный, по снегу ты идешь,  
Церковный колокол отсчитывает шаг.  
Сверкает радуга вокруг, и звон в ушах,  
И тихой святости залогом — в сердце дрожь.

Подснежник солнечный, ты шепчешь, как весна,  
Внимаю благостно молитвенным словам,  
Шлешь полный мирры ветерок моим устам,  
А в церкви пение: «Восстаньте ото сна!»

Подснежник солнечный, по снегу ты идешь,  
По снегу сердца моего, о дева, ты.  
Бросая искры, будто яркие цветы,  
Мне книгу песен создаешь, где ты поешь.

1908

### 315. ПЕСНЬ ЛЮБВИ

Когда я мимо прохожу —  
Краснею на свою беду,  
Весельем радостным дрожу,  
Как речка в розовом саду.

На сердца робком ручейке  
Твой поцелуй запечатлен.  
И вот в твоей душе-реке  
Теряется бесследно он.

Ты направляешь, как река,  
По руслу смерти тот ручей, —  
То бьется он о берега,  
То горько стонет у камней.

1908

Матеос Зарифян родился 4 января 1894 года в пригороде Константинополя Кетик Паша, в обеспеченной семье. Учился в американском пансионате Константинополя, где овладел английским и французским языками. В 1913 году окончил известную семинарию Константинополя Перперян, получив диплом искусствоведа. В городе Адана Зарифян занимается педагогической деятельностью — преподает английский язык и физическое воспитание. По причине болезни возвращается в 1914 году в Константинополь. В начале первой мировой войны Зарифяна призывают в армию — он служит в военном училище. За уклонение от службы в действующей армии его лишают воинского чина и приговаривают к каторжным работам, затем он попадает в военный госпиталь, где работает санитаром. В 1918 году Зарифян служит в английской армии переводчиком, принимает участие в оказании помощи жертвам войны.

После войны Зарифян возвращается в Константинополь, где преподает в семинарии Перперян (1919—1922). В связи с усилившейся болезнью (туберкулез) его перевозят на остров Принкипо Мраморного моря, где он и умирает 9 апреля 1924 года.

Зарифян издал при жизни два сборника стихов. В 1921 году вышли в свет «Песни печали и покоя», через год — «Песни жизни и смерти». Писал и стихотворения в прозе.

Основные издания на армянском языке: Песни печали и покоя, Константинополь, 1921; Песни жизни и смерти, Константинополь, 1922; Полн. собр. соч., Бейрут, 1956; на русском языке сочинения Зарифяна не издавались.

**316. НОВАЯ ЛАЧУГА**

Как светозарна, как она светла, лачуга эта,  
и как чиста — точь-в-точь душа девичья,  
и горемычна — как моя душа,  
и как привольно заживут под этой кровлей  
мои печали!

Когда ж больное небо свои стихи зарядит —  
за каплей капля,  
дождинка за дождинкой, —  
я с легкостью уткнувь лицом в ладони  
и с легкостью расплачусь. . .

Когда мы плачем у себя под мирной кровлей,  
из наших глаз текут отнюдь не слезы,  
а розы темные души,  
вот отчего нам и дано,  
когда больное небо свои стихи зарядит,  
улыбаться,  
да, улыбаться боли,  
пронизывающей эту жизнь.

И до чего же зелены луга!  
И до чего же упоенно щебечут птахи!  
И странно ли, что с тех вершин языческих  
ежевечерне, космы растрепав,  
слетает ветерок  
петь в том соседнем, том колдовском лесу?

Когда ж больное небо свои стихи зарядит,  
как я упьюсь, как я упьюсь  
в моей печальной, в моей лачуге мирной  
гашишем темных красок,  
о, как я размечтаюсь,  
в беспамятстве прикрыв глаза, —  
когда больное небо свои стихи зарядит. . .

**317. ПОЦЕЛУИ**

Я сызнова пришел к себе,  
в свой нищий дом, через порог которого  
один переступаю что ни вечер,

один — да разве что еще печаль.  
Вот комнатушка жалкая моя,  
тоскою полная, как брошенная вещь,  
вот колченогий стол, вот пыль,  
а над столом  
потрепанный и обветшалый  
Толстой — задумчив, бос,  
а чуть подальше — зеркало,  
и для меня в каморке  
нет ничего дороже, чем оно.

И еженощно с колеблемой свечой в руке  
я застываю перед ним, вперяя взгляд  
в улыбку губ и непроглядность глаз,  
а после молча установлю свечу  
и в полумраке потянусь губами  
к губам, что в зеркале,  
холодным и надменным, —  
и чудится, целую собственную душу.

Я этот поцелуй  
ни на какой иной не променяю.

### 318. СОН ПРОПОЙЦЫ

Мне снилось нынче ясного ясней —  
я под утесом, у подножья склона  
рассказываю жарко, исступленно  
о том, как мне жилось в разлуке с ней:

«На сон грядущий я читал псалмы,  
и всё же чаще — не взыщи, сестрица, —  
от горестей своих устав, забыться  
я поспешал в кабак с приходом тьмы.

Ты не видала глаз моих в чаду,  
когда я пьян и в них пылает пламя,  
когда поизмываться над мечтами  
и над любовью я в поля бреду.

Тебе не доводилось быть со мной,  
когда я пьян, когда я как в тумане,  
бессвязно непотребности горланя,  
бреду к постели, посланной луной.





Моей души ты не знавала, нет,  
когда я пьян, — она в шипах и ранах.  
Молю тебя: «Я ненавижу пьяных!» —  
не торопись промолвить мне в ответ.

Люби пропойцу, как ни тяжело,  
люби его, сестра, за то, что, миром  
покинутый, столь безнадежно сир он,  
за огонь в груди и чистое чело. . .»

Так говорил я. Речь была длинна  
и сбивчива. Открыл глаза и понял,  
что я лежу средь поля, а над полем  
плывет в зените полная луна.

### 319. АХ, КАК РАНО

Ветер болен. От его лобзанья  
листья на деревьях пожелтели.  
Рано, ах, как рано пожелтели!  
— Пламя не избегнет угасанья.

Горе немо. От его лобзанья  
грезы и надежды пожелтели.  
Рано, ах, как рано пожелтели!  
— Сердце не избегнет угасанья.

### 320. НАСМЕШКА

Боль всё злее, и некуда деться,  
а глаза расцветают светло, —  
май приходит в застывшее сердце,  
озаряется солнцем чело.

Я упьюсь этим пиршеством мая,  
чтобы всласть посмеяться над Той,  
кто, великую боль унимая,  
нас укроет могильной плитой.

### 321. СМЕХ

Точно ночь непроглядна, тоска так и душит меня,  
больше не вмоготу мне на этом дышать берегу;  
одиночество мало-помалу становится гробом,  
больше не вмоготу...

Ледяные и жесткие пальцы старухи Хандры  
сколько дней уже тощую шею мою оплетают;  
так и чудится,  
будто безмолвье каморки моей  
точно призрак  
попирает свинцовой пятою мне грудь.  
Больше не вмоготу...

Кто он, злой этот дух,  
приводящий меня в содроганье?  
На плечах у него развеивается пурпурный плащ,  
а в руке — зелья глупости желтый стакан.  
Кто он, злой этот дух?

Губы пересыхают,  
больше не вмоготу...

До чего же багровый сегодня закат —  
цвета крови закат, цвета смеха.  
Ах, как славно, как славно!  
Смех душой моей завладевает:  
изволь, я — могу,  
Я — могу!  
Дай-ка выпью  
твой желтый стакан!

Да накинь мне на плечи свой пурпурный плащ...

### 322. СОСТРАДАНИЕ

Мне говорит девчонка, что она  
в меня давно и страстно влюблена.  
Девчонка влюблена в меня, как странно...

Едва ли доводилось ей хоть раз  
глядеться в ночь моих угасших глаз.  
Девчонка даст мне счастье без обмана...

Не привелось, я полагаю, ей  
увидеть донный мрак души моей.  
Девчонка влюблена. Нет, не видала. . .

Когда б она слыхала, что пропасть  
обречена во мраке этой страсть,  
ужели б со слезами совладала?

Вот я и говорю: «Ступай усни.  
Мир остужает души искони» —  
и, словно старший брат, треплю ей челку.

Иду к себе и плачу втихомолку.

### 323. НО ВЕДЬ Я ГОВОРИЛ

На лугу этим вечером ранним  
я сказал ей о том, что любовь —  
роза, тронутая увяданьем,  
и душевным своим состраданьем  
к жизни я не верну ее вновь.

На лугу этим вечером ранним  
я сказал ей о том, что любовь —  
лебедь раненый с пухом багряным  
и своим жизнетворным стараньем  
силы я не придам ему вновь.

На лугу этим вечером ранним  
я сказал ей о том, что любовь —  
луч, померкший на небе туманном,  
и ни страстной мечтой, ни обманом  
я уже не зажгу его вновь.

Ночь пришла, и долина заснула.  
Было всё и навек решено.  
И она вдруг лицо отвернула  
и, слезами давясь, попрекнула:  
«Я больна, а тебе всё равно».

Но ведь я говорил, как умею,  
ранним вечером, там, на лугу:

«Если холод нагрянет, лютея,  
то, с душою угасшей моею,  
отогреть я тебя не смогу».

#### 324. ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Еще переливы  
свирели тоскливы  
и слышны вдали...

Еще не взошли  
над миром остыло  
ночные светила...

Пустынно, темно,  
и знаю одно:  
душе не согреться...

А сирое сердце  
поверить кому,  
увы, не пойму...

Еще переливы  
свирели тоскливы  
и слышны вдали...

#### 325. НА ХОЛМЕ

Любимая, приди!

Ненастно нынче ночью,  
и тишины не жди.  
Пусть грозы впереди,  
увидеть бы воочью,  
какие бездны молча  
лежат в твоей груди.  
Любимая, приди!  
Ненастно нынче ночью.

Вселенной посреди  
мы — грусти средоточье.

Ненастно нынче ночью,  
а что же впереди?  
В моей душе, гляди,  
смерть рыщет нынче ночью.  
Мы — грусти средоточье  
вселенной посреди.

Любимая, приди!

### 326. ЛЮБОВЬ

Темная даль без конца и без краю.  
Это — любовь? Я не знаю, не знаю!  
Ах, но оттуда,  
издалека  
песня взмывает  
под облака...  
Реки как бездны и дымка сквозная.  
Это — любовь? Я не знаю, не знаю...

### 327. ЗАКАТ

Вновь угасают краски, ясно  
и чисто на небе пылая.  
О, если б точно так угасла  
и ты, моя душа больная!

Нет в этом зареве ни смуты,  
ни страха — лишь покой и сила.  
О, дай мне бог хоть две минуты  
прожить так гордо и красиво.

И пусть приходит смерть, как скорый  
благословенный звездный вечер.  
Прекрасна смерть, приход которой  
рождением звезды отмечен.

### 328. РЕШЕНИЕ

Не дать себе посетовать, вздохнуть,  
ступив на безысходный этот путь,

и, что бы ни случилось пережить,  
глаза от слез навеки осушить,

не звать другого — пусть не хватит сил, —  
дабы он этот пламень загасил,

недвижно, молча, идолу под стать,  
взгляд ночью к побережью устремлять,

куда из сердца моего, лучась,  
упало столько звезд в недобрый час

и где, е е в измене не виня,  
моя душа покинула меня. . .

А после — улыбаться и брести  
вперед по безысходному пути.

## ИЗ КНИГИ «ПЕСНИ ЖИЗНИ И СМЕРТИ»

### 329. В МИНУТУ ТОСКИ

Вдали всё слышней и слышней  
печальная песня девичья,  
созвучная боли моей.

. . . А день или ночь — без различья.

Доколе проплачет, доколь  
недужная песня девичья?  
Тот стар, этот молод, но боль  
не ищет меж ними различья.

Всё плачет кому-то вослед  
предсмертная песня девичья.  
Люблю я тебя или нет?  
Увы, я не вижу различья.

### 330. ЮНОЙ ПРЕЛЕСТНОЙ ДЕВУШКЕ

Девушка прелестная и юная,  
чьи мечты чисты,  
твой веночек из роз достоин, думаю,  
разве что звезды.

Не тянись для поделушки счастливо  
и глаза не прячь —  
свет очей моих тоскою застило,  
я давно незряч.

Что я принесу тебе? Отчаянье  
горького пути.  
Ты любовь свою необычайную  
к звездам обрати.

Девушка прелестная и юная,  
в суете не сгинь.  
Твой веночек из роз достоин, думаю,  
разве что богинь.

### 331. ЗАБЛУЖДЕНИЕ

«Пойдем, — звала, — бродить по тем полянам,  
на мрачный холм к цветам благоуханным  
и обомрем, пьянея в полутьме,  
среди цветов на мрачном том холме».

«Нет, — я сказал, и спазмы сердце сжали. —  
Ты не боишься мрачной этой дали?  
Я слышал песню Смерти, смертный зов  
на мрачном том холме среди цветов».

Пошла, не вняв, бродить по тем полянам,  
на мрачный холм к цветам благоуханным,  
и плач ее еще звучит во тьме  
среди цветов на мрачном том холме.

### 332. СНЕЖНАЯ НОЧЬ

Моя душа — ночь зимняя, и слепо  
оттуда всё еще глядятся в небо  
до утренней зари  
больные фонари.

Но замедляет снег тропу надежды,  
и стынет всё, что душу грело прежде.  
И черный пилигрим  
грядет, неотвратим.

### 333. МОЯ ДУША

Моя душа — серебряный ручей,  
он землю плачем и журчаньем полнит,  
и молится в безмолвии ночей,  
и ничего не ждет, и зла не помнит.

Нет на моем пути пустынном ив —  
вихрь погубил их тупо и незряче, —  
лишь ворон каркнет, взгляд в меня вперив,  
но я теку себе, журча и плача.

Я знаю, что настанет день, и вот  
о н а придет из леса, одинока,  
чтобы, склонясь у этих чистых вод,  
счесть жемчуга мои — а их так много...

### 334. ЕЛИ

Я по лесу брожу и брожу в забытьи.  
Сколько елей вокруг! Как поют эти ели!  
Я не грежу? Откуда же слезы мои?  
Но вершины до неба близки в самом деле...  
Как поют эти ели...

Сколько елей! И как эти ели темны!  
Неужели им, словно и мне, неприютно!

вдруг появится Та из лесной глубины,  
что приходит лишь раз? Но дорога безлюдна.  
О, как ели темны...

Как молитвенно ели глядят в облака!  
Как простерты их руки свидетельством боли!  
Гляну в душу себе: как судьба жестока —  
там руины, там горлицы гибнут в юдоли.  
Ночь кромешна. И сердце снедает тоска.

Как молитвенно ели глядят в облака...

### 335. ЛЮБОВЬ И ДУША

О любовь моя, ты —  
океан неоглядный,  
где душа днем и ночью  
ловит жемчуг глубин.

О душа моя, ты —  
небосвод неоглядный,  
где любовь днем и ночью  
сеет пригоршни звезд.

### 336. ОСЕННЯЯ НОЧЬ

Молча по бездорожью  
под луною бреду.  
Розы старые с дрожью  
ждут и чуют беду.

Лунный свет отовсюду  
проникает в глаза.  
Отчего мне так худо,  
что не плакать нельзя?

Молча по бездорожью  
под луною бреду,  
и мечты мои с дрожью  
ждут и чуют беду.

### 337. ОПАСЕНИЕ

Взгляни, луна себе поныне  
возлюбленного не нашла  
и мается в своей пустыне  
небесной в чаянье тепла.

Взгляни, и ветер не находит  
подруги, мучимый тоской,  
и одиноко колобродит  
по-над землю день-деньской.

Они, горюя и старея,  
во все глаза глядят на нас.  
Бежим, любимая, скорее  
от этих завидущих глаз.

### 338. ВЕТКА МИМОЗЫ

1

Нежную ветку мимозы вчерашнею ночью  
крадучись, молча  
мне положила она на подушку и прочь  
канула в ночь.

2

Ночью мне снилось: я в зарослях горной мимозы  
плакал и слезы  
неодолимым предчувствием будущих бед  
застили свет.

С неба звезда на меня, неприметная глазу,  
пала, и сразу  
запоыхали мимозы одна за одной  
передо мной.

Звезды запели, и вот донеслась с небосвода  
звездная ода,  
и змеегибкий огонь перед взором моим  
был голубым.

И, опьяненный его необузданной властью,  
с негой и страстью  
обнял мимозу я, обнял, и льнули ко мне  
ветви в огне.

3

Обнял ее — засмеялась знакомо до дрожи.  
Господи боже!  
Это любимая в жарких сполохах огня  
подле меня!

Это она, от любви и желанья хмельная, —  
я ль не узнаю?! —  
вдруг засмеялась, и звезды светились во рту  
сквозь черноту

странно и призрачно, как из нездешнего мира,  
и, словно лира,  
юное тело ее трепетало тепло,  
звало, влекло.

Но отчего-то, едва лишь его я, пьянея,  
обнял сильнее,  
пепел багровый нежданно-негаданно лег  
около ног.

4

Нынче любимая явится в домике этом  
с новым букетом.  
Ах, не проступят ли вдруг у нее на руках  
пепел и прах?

## ИЗ ДРУГИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

### 339. ПОПОЙКА

Эй, наливай полней! Упьюсь  
вином сладчайшим любострастья.  
Святыни этой жизни, власть я  
над вами нынче насмеюсь.

Эй, наливай полней! Упьюсь  
вином волшебным любострастья.  
Болит душа — с такой напастью,  
боюсь, с дороги в рай собьюсь.

Эй, наливай полней! Упьюсь  
вином рубиным любострастья.  
Пусть рвут меня в аду на части,  
постыли мне хандра и грусть.

Эй, наливай полней! Упьюсь  
вином дурманным любострастья.  
Позорного паденья власть я  
изведать издавна стремлюсь.

Эй, наливай полней! Упьюсь  
вином горчайшим любострастья.  
Бессмысленны и жизнь и счастье,  
и я иному предаюсь.

Эй, наливай полней! Упьюсь...  
Я Смерти жду, и я дождусь.

#### 340. УМИРАЮЩИЕ ДЕВУШКИ

*Изабелле*

Я верю, когда угасает девичья душа,  
тоскуют ночные светила  
и плачут, и всё им постыло,  
и позже, покуда мы грезим во сне не дыша,  
струятся по небу алмазы их чистых сердец,  
сплетаясь в один поминальный, прощальный венец,  
и медленно меркнут во тьме, трепеща и дрожа,  
когда угасает навеки девичья душа.

Поэтому утром, когда я по саду иду  
и вижу росую умытые розы в саду,  
в тоске и смятенье на юную глядя зарю:  
«Опять угасает девичья душа», — говорю,  
и сердце щемит, и в смятении, с тихой тоской  
молюсь в этом росном саду за ее упокой.

### 341. ГОРЫ МОЕЙ МЕЧТЫ

Душу свою распахнув, нынче я к вам иду,  
горы моей мечты, новой моей мечты,  
душу свою открыв всему прекрасному в мире,  
горы моей мечты, нынче я к вам иду.

О, посмотрите, сколько сокровищ с собой несу я:  
в глазах у меня покой глубокий звездного неба,  
грусть у меня на лице —  
печать молчаливых невзгод,  
гордый холодный лоб изборозило морщинами  
вождеденное таинство смерти,  
губы мои раздвинуты усмешкою неприметной,  
способной в минуту горечи стать вселенской иронией, —  
вот как я к вам иду.

Бледный, с резкими скулами —  
печатью невзгод молчаливых,  
с руинами прежней мечты  
в душе, непроглядной, как ночь,  
но с глубоким покоем звездного неба в глазах —  
вот как я к вам иду,  
горы моей мечты, новой моей мечты,  
душу свою распахнув.

Какое в ней наслажденье,  
в этой моей дороге!  
Взбираясь по этим кручам, дышу я легко и вольно  
и, чудится, растворяюсь и таю в лучах заката,  
равно и светлых, и темных.  
Я весь — воплощенный дух,  
я весь — мелодия лада,  
стремящаяся от земли  
всё выше и выше, к звездам. . .  
О, как сейчас далеки, как чужды мне и как низки  
земля и трепеты мира!  
Внизу неумолчный гвалт, сюда же не долетает  
ни звука, ни шепотка —  
настолько я высоко.  
И всё же насколько выше  
розовый снег вершины твоей, высота мечты,  
новой моей мечты! . .

### 342. УСТАЛОСТЬ

Опять тоска  
и чудится, что жизнь проходит втуне,  
а как сладка  
была в вечерних грезах накануне!

Какой покой!  
Спят те, к кому тянусь душою ныне.  
Как лук, дугой  
связала их между собой гордыня.

Я улыбнусь:  
никто моих иллюзий не приветил.  
И снова грусть —  
во тьме гнет деревá осенний ветер.

Мечты, мечты —  
они мне вместо друга и подруги.  
Из темноты  
стремятся мотыльки на свет лачуги,

### 343. ШОПЕН

Вдалеке играют Шопена,  
и пихты подле моего дома  
обнимаются,  
как безрассудные,  
как утратившие надежду влюбленные.

Вздыбленное волнами море  
напоминает  
исполинское кладбище,  
а неисчислимы его валы —  
несчетное множество белых могил.

О, как они устрашающи  
в закатных огнях,

эти надвигающиеся на́ берег  
могилы!

Вдалеке играют Шопена.

Сколько у тебя сокровищ, Господи,  
даже для того,  
кто — в лице ни кровинки —  
стоит на пороге смерти!  
Но жизнь!..

Вдалеке играют Шопена.

Пахну́ло ладаном.  
Это мама.  
И то сказать —  
таким вечером  
надобно подумать  
и об усопших...

Вдалеке играют Шопена.

Бедная старая мама!  
Вечерами, когда море штормит  
и волны иступленно набегают на́ берег,  
вечерами, когда пихты похожи  
на молящих о любви юнцов,  
она ищет,  
возжигая ладан,  
душу почившего сына.

Ему было двадцать,  
гордому и красивому,  
как утес, —  
поутру, когда розы распускаются,  
он увял...

Вдалеке играют Шопена.

У окна, вдоль кромки прибоя,  
проходит девушка с мечтою в глазах —  
о, жизнь! —  
схожая в закатных лучах  
с цветущим миндалем;

она глядит на меня, и ей грустно.  
Отчего?

Ушла...  
Пихты перешептываются,  
как нежные любовники...  
Она и впрямь —  
точно цветущий миндаль.

Вдалеке играют Шопена.

*1924*

## **ПРИМЕЧАНИЯ**



Сборник «Армянские поэты нового времени» знакомит читателя с творчеством выдающихся представителей западной ветви армянской поэзии XIX и начала XX в. Имена четырех из этих поэтов — Г. Алишана, М. Пешикташляна, П. Дуряна, Сипил — стали известны русскому читателю по первой антологии армянской поэзии «Армянская муза» (под редакцией Ю. Веселовского и Г. Халатянца, М., 1907) в переводах Ю. Веселовского, К. Бальмонта, Л. Уманца и др.

Гораздо шире творчество вошедших в настоящее издание поэтов было представлено в составленной и отредактированной В. Брюсовым антологии «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней...» (М., 1916). Здесь помещены стихотворения Г. Алишана, М. Пешикташляна, П. Дуряна, Сипил, В. Текеяна, М. Мецаренца, Сяманто, Д. Варужана, а также ряда других поэтов (Л. Шанта, А. Чобаняна, В. Малезиана), не включенных в настоящий сборник. Из «Армянской музыки» в «Поэзию Армении...» вошло только стихотворение П. Дуряна «Моя скорбь» в переводе К. Бальмонта, остальные же переводы (в том числе и стихотворений, уже опубликованных в 1907 г.) были вновь сделаны специально для этой антологии самим В. Брюсовым, К. Бальмонтом, С. Шервинским, К. Липскеровым, С. Головачевским, Ю. Балтрушайтисом и др.

Следующее издание, в которое вошли произведения западноармянских поэтов, — «Антология армянской поэзии с древнейших времен до наших дней» (под редакцией С. Арутюняна и В. Кирпотина, М., 1940) — было составлено на основе вышеназванных сборников: сюда включены отдельные переводы из «Армянской музыки» и отдельные переводы из антологии Брюсова. «Антология армянской поэзии...» отличалась от обоих предшествующих изданий составом: здесь отсутствовали произведения Сипил и В. Текеяна, но были помещены стихотворения Рубена Севака. Пополнена она была и новыми переводами западноармянских поэтов, осуществленными С. Шервинским, Вс. Рождественским, П. Антокольским, А. Гатовым, М. Зенкевичем и др.

Долгое время представление русского читателя о западноармянских поэтах основывалось на указанных изданиях. Иногда два-три новых перевода появлялись в авторских сборниках русских поэтов-переводчиков (см.: С. Шервинский, Из армянской поэзии, Ереван, 1966; Н. Тихонов, Дни открытий, Ереван, 1970; Т. Спендиарова, Избранные переводы, Ереван, 1971).

В деле ознакомления русского читателя с жемчужинами западноармянской поэзии заметную роль сыграла книга переводов Аллы Тер-Акопян («Из западноармянской поэзии», Ереван, 1979), куда вошли произведения П. Дуряна, М. Мецаренца, Д. Варужана, Сиаманто, Р. Севака, В. Текеяна. В основном это были переводы произведений, неизвестных до этого читателю.

Несколько новых переводов из западноармянской поэзии было опубликовано в составленной Л. Мкртчяном антологии «Поэты Армении» («Библиотека поэта», Малая серия, Л., 1979). Это выполненные О. Шестинским переводы стихотворений Д. Варужана и М. Мецаренца. Здесь же был помещен малоизвестный до того времени перевод стихотворения Д. Варужана «Первый грех», принадлежащий А. Ахматовой.

Настоящий сборник впервые знакомит всесоюзного читателя с западноармянской поэзией в таком объеме. Во вступительной статье академика АН Армянской ССР Э. М. Джрбашяна освещены исторические предпосылки возникновения этой поэзии, основные этапы и особенности ее развития. В сборнике представлены 11 поэтов. Некоторые из них (Р. Ворберян, М. Зарифян) до этого на русский язык не переводились, а остальные поэты были известны всего лишь по нескольким переводам. Учитывая это обстоятельство, а также то, что ни один из вошедших в сборник поэтов не имеет на русском языке отдельной книги стихов, творчество большинства из них представлено в настоящем издании по возможности полно и широко, в его тематическом и жанровом многообразии.

В сборнике использованы опубликованные в вышеуказанных изданиях переводы, однако подавляющее большинство переводов печатается впервые. Некоторые уже имеющиеся переводы заменены. Новые переводы осуществлялись с оригинала и по подстрочнику. Переводчики стремились по возможности воссоздать характерные особенности подлинников, и в целом их работа оказалась плодотворна: переводы дают представление о поэтической индивидуальности, о своеобразии творческого мира армянских поэтов.

Тексты П. Дуряна и М. Мецаренца готовились по академическим изданиям. Тексты других поэтов, вследствие отсутствия академических изданий, были подготовлены на основе их собраний сочинений, изданных в СССР и за рубежом, а также с использованием прижизненных сборников. В настоящий сборник вошли отдельные стихотворения, отсутствующие в массовых армянских изданиях. Кроме того, уточнены тексты: восстановлены эпиграфы, посвящения, отдельные пропущенные слова и строки.

Произведения поэтов сгруппированы по циклам и «книгам» в том порядке, в каком они были систематизированы самими авторами. Произведения, оставшиеся вне «книг» и циклов, помещены в разделах «Из других стихотворений». По возможности проведена датировка, уточнен ряд фактов, связанных с биографией и творчеством поэтов.

В примечаниях приводится характеристика отдельных поэтических сборников или циклов в тех случаях, когда это необходимо. Поясняются малоизвестные исторические лица и события, географические названия, армянские слова, оставленные без перевода, реалии армянского быта, а также использованные в произведениях сюжеты из библейской истории, из армянской и античной мифологии.

## СТИХОТВОРЕНИЯ

### ГЕВОНД АЛИШАН

1—6. Цикл «Песни Наапета» входит в один из пяти томов Сочинений Алишана — том «Об отечестве» (1-е изд. — 1858, 2-е — 1867); подробнее см. вступ. статью, с. 12. *Наапет* (Патриарх) — псевдоним Алишана.

1. Масис — армянское название горы Арарат. Одна ее вершина называется *Большой Масис*, другая — *Малый Масис*. *Торгом* — по преданию, родоначальник армян. *Стогны* — улицы, площади в городе. *Базилика* — особый античный и средневековый тип постройки, архитектурный объем, разделенный внутри двумя продольными рядами колонн. «*Аллилуйя!*» — в церковном богослужении возглас, выражающий хвалу.

2. *Раздан* — река в Армении, левый приток Аракса. *Бабкен* — псевдоним Алишана. *Хантук* — вымышленное женское имя, образованное, вероятно, от слова «ханд» (любовь, ласка), означает: «любимая».

3. На *Аварайрском поле* близ села Аварайр 26 мая 451 г. произошла битва восставших против сасанидского Ирана армянских войск с иранской армией. Несмотря на численное превосходство, иранским войскам не удалось одержать победу. Эта битва предreshила исход освободительной борьбы армянского народа. Аварайрское сражение описал его современник и очевидец армянский историк Егише (410 или 415—475 или 480) в своем труде «О Вардане и войне армянской». *Аварайрский соловей* — это, по Алишану, сам Егише. *Вардан* — выдающийся полководец Вардан Мамиконян, стоявший во главе армянских войск в Аварайрском сражении и погибший в этой же битве. *Тымут* (Тхмут) — река, в долине которой находится Аварайр. *Маку* — город-крепость в древней Армении близ Аварайрского поля (в настоящее время территория Ирана).

4. *На меня ступил прародитель Ной*. По Библии, бог решил наказать людей за их грехи всемирным потопом. Однако патриарху Ною, как благочестивому человеку, он повелел построить ковчег и спастись. Ноев ковчег остановился на горах Араратских (Бытие, гл. 6, ст. 9). Таким образом, Ной стал родоначальником нового человечества. По «Истории Армении» (кн. I, гл. 12) армянского историка Мовсеса Хоренаци (410 или 415 — начало 490-х), один из потомков патриарха Ноя, *Амасия*, впервые увидя незнакомую ему «Южную гору», назвал ее своим именем — *Масис*. *Ара* (арм. миф.) — царь, известный как *Ара Прекрасный*. По Хоренаци, именем царя названы Араратская долина и гора Арарат (там же, кн. I, гл. 15). *Гайк* (Айк, арм. миф.) — согласно преданию, владыка страны Арарат, родоначальник армянского народа. *Пленников ко мне приводил Тигран*. Согласно древнейшему эпическому сказанию, которое приводит Мовсес Хоренаци в «Истории Армении» (кн. I, гл. 26—29), армянский царь Тигран наказал за коварство царя маров (мидийцев) Аджакхака, убив его копьем. *Артавазд*. По древнейшему эпическому сказанию об армянском царе Артавазде I, его, проклятого отцом, духи (каджи) «повлекли на свободный Масис», заключили в пещеру, приковав железными цепями. Артавазд должен был освободиться и завладеть всем миром. *Великий Трдат*. Речь идет о царе исторической Великой Армении Трдате III (287—330), при котором в 301 г. Арме-

ния приняла христианство. По «Истории Армении» армянского историка Агатангелоса, Трдат, следуя указанию бога, разрушил языческий храм в Вагаршапате (ныне *Эчмиадзин*, резиденция армянских католикосов) и на его месте в 301—303 гг. построил кафедральный собор. *Серафим* — в иудейской и христианской мифологии ангел одного из высших чинов. *Арагац* — вторая по высоте гора Армении. «Смерть, — сказал мудрец, — богу не нужна». Имеются в виду библейские строки: «Бог не сотворил смерть и не радуется гибели живущих, ибо Он создал все для Бытия. . .» (Книга премудростей Соломона, гл. II, ст. 13). *Горестный Мовсес, страждущий Нерсес*. Имеются в виду армянские поэт и общественный деятель Нерсес Шнорали (1102—1172) и историк Мовсес Хоренаци (см. примеч. 1—6).

5. Стих. восходит к труду историка Ованеса Драсханакертци (845 или 850—925). Армянский царь (914—929) *Ашот II*, за храбрость и стойкость прозванный *Железным*, в силу ряда внешних и внутренних обстоятельств, был вынужден укрыться на острове озера Севан, где подвергся нападению войска арабского полководца *Бешира*. Со своим небольшим войском Ашот нанес сокрушительный удар Беширу в Севанском морском сражении. После этой победы Ашот Железный восстановил границы царства Багратидов. *Кем на армян выведен вражеский строй?* Намек на некоторых армянских князей, которые восстали против Ашота Железного. *Шам* — Сирия. *Солнце гегамское, встань*. Гегамские горы находятся на западе от озера Севан. В древности бассейны этого озера называли Гегамской землей или страной, а озеро — Гегамским. *Истинно ты царь всех армянских царей!* Царь царей — почетный титул, который был дарован Ашоту Железному Багдадским халифатом в 922 г.

6. *Эдем* (библ. миф.) — рай.

## МКРТИЧ ПЕШИКТАШЛЯН

7. *Эллада* — Греция.

9. Это и два следующих стихотворения являются откликами на героическое восстание зейтунских армян (Зейтун — область в горной Киликии, входила в состав Алеппского вилайета Турции) летом 1862 г. против турецкого ига.

10. См. предыдущее примеч. *Масис* — см. примеч. 1—6.

11. См. примеч. 9.

13. *Алемдаг* — живописное место в азиатской части Константинополя (Стамбула) Скютари (ныне — Ускудар).

16. *Сильфиды* — по средневековым поверьям, духи воздуха, которые доброжелательно относились к человеку.

18. *Великан* (Уша-Теге) — зеленая гора на азиатском берегу пролива Босфор в Константинополе (Стамбуле). *Юная дева*. Речь идет об ученице М. Пешикташляна Србуи Ваанян, впоследствии известной писательнице Србуи Тьюсаб (1841—1901). Поэт был безнадежно влюблен в нее. Поводом к написанию стихотворения послужила прогулка у горы Великан с семьей Ваанянов.

19. *Алеждаг* — см. примеч. 13.

20. *Ван* — озеро в Западной Армении (ныне территория Турции). *Айоц Дзор* — область в исторической Великой Армении, в долине одноименной реки (ныне Хошаб). *Артак* — вымышленный герой. *Торгож* — см. примеч. 1—6.

25. *Грануш* — вымышленная героиня.

26. В заключительных строках стих. — обращение к близкому другу Пешикташяна, видному общественному и литературному деятелю Григору Отяну (1834—1887).

## ПЕТРОС ДУРЯН

29. Название стих. — цитата из Евангелия от Иоанна (XIII, 34), заповедь Христа ученикам. *Голгофа* — холм близ Иерусалима, лобное место, где был распят Иисус Христос; символ страданий и мук. *Иуда* — один из двенадцати апостолов, предавший Христа за тридцать сребреников. *Хоругвь* — церковное знамя. *Ватикан* — резиденция главы католической церкви — папы. *Гефсимания* — селение близ Иерусалима. В *Гефсиманском саду* Иисус Христос был предан Иудой Искариотом.

34. *Баглар-Баши* — место для прогулок в пригороде Константинополя (ныне — Бейлербейи, район Стамбула).

37. *Кто-то молвил: «Бледен, хил». А другой — «Умрет!» — решил.* Стих. имеет биографическую основу. По свидетельству современницы, актриса армянского театра в Константинополе Тереза Чухаджян, увидев Дуряна, сказала: «Он такой бледный, что скоро умрет». Эти слова были случайно услышаны поэтом (воспоминания актрисы Азнив Грачья; опубликованы в журнале «Анаит» (Париж), 1909, № 1—2, с. 20).

38. *«Пчелы сердец» — так называл Ламартин Дев...* Произведение Ламартина (см. примеч. 40), из которого взяты данные слова, не установлено.

40. *И этот мир — насмешка божества!* Эта строка, выделенная автором, написана под влиянием стих. французского поэта А. Ламартина (1791—1869) «Последнее слово, или Печален я до самой смерти» («*Novissima verba, ou Non triste-jusqu'à la mort*») в книге «Гармонии». В этом стих. говорится о жизни: «Ты — насмешка высшего существа».

41. Написано через день после создания стих. «Ропоты» (№ 40).

42. *Но я обожаю П...* Исследователи творчества Дуряна считают, что П. — начальная буква имени актрисы Пистос-Араксия, в которую поэт был влюблен (В. Терзибашян, Петрос Дурян, Ереван, 1959, на арм. яз.). *Под тенью черных бровей, Начертанных в день восьмой.* Поэтическое преувеличение, образ, свойственный восточной поэзии (по библейской легенде, бог создал мир за семь дней).

43. *Небес авзонских лазурь*. Авзония — поэтическое наименование Италии. *Арташес I* — армянский царь (189—161 до н. э.), выдающийся государственный деятель и полководец.

49. В подлиннике стих. озаглавлено: «На память О. Чанфесцяну. Воспоминания». Ованес Чанфесчян — родственник и друг поэта (умер в 1920-х годах). *Мота*, или *Мота Пурну* — протянувшаяся по берегу моря главная улица в Фалкедоне, пригороде Константинополя (Кадкёи, район Стамбула).

50. *Лутфян Вардан* (1851—1871) — поэт, драматург, переводчик, самый близкий друг Дуряна; умер от туберкулеза в студенческие годы. *Чамлычай* — гора в Скютари (см. примеч. 13). *Босфор* — пролив, соединяющий Черное и Мраморное моря. *Стамбул* расположен на обоих его берегах.

53. Последнее стихотворение поэта, которое он не закончил и на рукописи сделал запись: «Прервал из-за болезни». *Босфор* — см. примеч. 50. *Гименей* (греч. и римск. миф.) — бог брака.

## СПИЛ

### ИЗ КНИГИ «ОТЪЛЕСКИ»

54. *Афина* (греч. миф.) — богиня мудрости, знаний, покровительница искусств и ремесел.

57. *Иов* — библейский праведник, образец веры и терпения. *Давид* — израильский царь (конец II в. — ок. 950 до н. э.); ему приписывается составление 150 псалмов.

### ИЗ ДРУГИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

68. *Месроп Маштоц* (ок. 362—440) — армянский просветитель, в 405 г. вместе с католикосом (главой армяно-григорианской церкви) *Сааком Партевом* создал армянский алфавит. См. также примеч. 171.

72. «*Зачем оставил меня?!*» — цитата из Евангелия от Матфея (XXVII, 46).

## РУБЕН ВОРБЕРЯН

### ИЗ КНИГИ «ОАЗИС»

74. *Тонир* — печь, вырытая в земле; в ней выпекают лаваш — пресный хлеб.

76. *Эдем* — см. примеч. 1—6. *Гефсимания*, *Голгофа* — см. примеч. 29.

78. *Арутюн* — по-армянски означает: «воскресение». *Таврские горы* — горная система Армянского нагорья на юге Турции. *Голгофа* — см. примеч. 29.

## ВААН ТЕКЕЯН

### ИЗ КНИГИ «ЧУДЕСНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ»

81. *Босфор* — см. примеч. 50. *Паша* — титул высших гражданских и военных сановников в Османской империи.

85. *Золотой Рог* — бухта у входа в пролив Босфор (см. примеч. 50).

100. *Эллада* — см. примеч. 7. *Сократ* (479 или 469—399 до н. э.) — древнегреческий философ. *Акрополь* — возвышенная и укрепленная часть Афин, где находились храмы богов и другие выдающиеся сооружения и памятники.

### ИЗ КНИГИ «ОТ ПОЛУНОЧИ ДО ЗАРИ»

102. Царица Ассирии *Семирамида* влюбилась, как рассказывают армянские предания, в армянского царя *Ара Прекрасного* (см. примеч. 1—6) и хотела овладеть им силой оружия. В сражении *Ара* погиб, царица пыталась воскресить его с помощью *аралезов* — мифических существ в облики собак, которые, зализывая раны погибшим в бою, оживляли их. В своей столице Вавилоне Семирамида построила висячие сады, которые древний мир считал одним из семи «чудес света».

### ИЗ КНИГИ «ЛЮБОВЬ»

105—107. Цикл наваян, по-видимому, 26-й сонатой Бетховена (названия трех частей сонаты совпадают с названиями частей текеяновского цикла).

### ИЗ КНИГИ «АРМЯНСКИЕ МОТИВЫ»

117. В основе стихотворения лежит древнее армянское предание о видном государственном и религиозном деятеле Григории *Просветителе* (около 239—325 или 326): «Когда Григорий Просветитель молился на вершине горы Арагац, по ночам ему светила лампада — она свисала с неба без веревки. Говорят, и сейчас есть эта лампада, только видна она удостоившимся этого» (цит. по кн.: А. Т. Ганалаян, Армянские предания, Ереван, 1979, с. 242).

118. *Звартноц* — архитектурный комплекс недалеко от Еревана, включает в себя храм Св. Георгия, дворцовые помещения и другие сооружения. Построен в 641—661 гг., разрушен в результате землетрясения между 930—1000 гг.

124—126. *Феникс* — священная птица древних египтян, в старости сжигающая себя и возрождающаяся из пепла; символ вечного возрождения.

## АТОМ ЯРДЖАНЫН (СИАМАНТО)

### ИЗ КНИГИ «СЫНЫ ОТЕЧЕСТВА»

145. *Айкашен* — древнеармянский город. *Армавир* — первая столица Армении (IV—II вв. до н. э.) в Араратской долине, на левом берегу реки Аракс. *Тигранакерт* — древнеармянский город на юго-

вападе от озера Ван, основанный в 77 г. до н. э., одна из столиц Армянского царства. *Арташат* — столица древней Армении со II в. до н. э. вплоть до V в. н. э.

146. *Масис* — см. примеч. 1—6. *Таврос* (Тавр, Таврские горы) — см. примеч. 78.

148. *Тонир* — см. примеч. 74. *Ердык* — дымовое отверстие на потолке сельских домов, служило и окном.

#### ИЗ КНИГИ «ФАКЕЛЫ АГОНИИ И НАДЕЖДЫ»

154. *Арарат* (Масис), *Эдем* — см. примеч. 1—6.

156. *Евфрат* — река, протекающая по Армянскому нагорью, Сирии и Ираку. На правом берегу Евфрата находится город Аки — родина Сиаманто. *Тут* — тутовое дерево, шелковица.

158. *Адамант* — бриллиант, алмаз.

165. *Арарат* (Масис) — см. примеч. 1—6. *Арагац* — см. примеч. 1—6. *Евфрат* — см. примеч. 156.

170. *Арарат* (Масис) — см. примеч. 1—6. *Евфрат* — см. примеч. 156. *Святая ветвь Оливкового древа*. Издревле ветвь оливы символизирует мир, изобилие, счастье.

171. Поэма посвящена великому ученому, просветителю, создателю армянского алфавита Месропу Маштоцу (см. также примеч. 68). Написана в дни юбилейных торжеств, происходивших осенью 1913 г. в честь 1500-летия создания армянской письменности, под непосредственным впечатлением от посещения могилы Маштоца. При создании поэмы автор использовал труд историка Корюна (ок. 380—450) «Житие Маштоца», который, изложив биографию своего учителя, представил его как «святого»: «Святой десницей своей он, как отец, породил новое и чудесное дитя — письмена армянского языка» (Корюн, Житие Маштоца, Ереван, 1962, с. 91—92). *Панегирик* — ораторская речь хвалебного содержания. *Ошакан* — село на склоне горы Арагац (см. примеч. 1—6), в 30 км от Еревана. В часовне Ошакана погребен прах Месропа Маштоца. *Капище* — языческий храм. *Великой Книге заповедей Яхве*. Речь идет о верховном боге иудейской религии Яхве (Иегове) и книге Талмуд. *Лишь через полтора тысячелетья*. Месроп Маштоц создал армянский алфавит в 405 г. *Тарон* — район в Западной Армении. Маштоц родился в селе Ацекац Таронского района. *Гайк* — см. примеч. 1—6. *Херувим* — в иудейской и христианской мифологии ангел одного из высших чинов. *Айказянов племя*, т. е. армянский народ (от имени Айк (Гайк), см. примеч. 1—6). *Эллин* — житель Эллады, см. примеч. 7. *Акумит* — так в Древней Греции называли не знающих сна, вечно бодрствующих жрецов. По Корюну, император Римской империи Аркадий наградил этим почетным званием Месропа Маштоца (см.: Корюн, указ. соч., с. 103). *Две Армении* — Восточная и Западная. *Осанна* — молитвенный возглас; восторженное молитвословие. *Вагаршапат* (ныне Эчмиадзин) — древний город в Армении близ Еревана, резиденция армянских католикосов (католикос — глава армяно-григорианской церкви). *Саак Партев* —

крупный ученый, философ и музыкант, был католикосом Армении, при его участии был осуществлен полный перевод Библии с греческого на армянский язык (умер в 439 г.). *Врашшапух* — царь (389—414) исторической Великой Армении, оказал большое содействие Месропу Маштоцу и Сааку Партеву в деле создания армянского алфавита.

## ДАНИЭЛ ВАРУЖАН

### ИЗ КНИГИ «СОДРОГАНИЯ»

172. *Ван* — город близ озера Ван (см. примеч. 20). *Стамбул* (Константинополь) — столица Турции с 1453 по 1923 г.

### ИЗ КНИГИ «СЕРДЦЕ НАЦИИ»

Открывающее книгу «Сердце нации» стих. «Ода» (№ 174) — своеобразный эпиграф к ней. Далее следует стих. «Немезида» (№ 175), названное автором «прологом». В книге три раздела: «На алтаре», «На арене» и «Богатырские сказания». В первый раздел вошли стихотворения, рисующие трагическое положение армян, находившихся под турецким игом (№№ 176—180); остальные стихотворения относятся ко второму разделу, где собраны произведения, призывающие к освободительной борьбе. Из поэм, составляющих третий раздел книги, в настоящее издание включены «Пастух» (№ 187) и «Арменуи» (№ 188).

174. Стих. навеяно народной эпической песней, посвященной рождению Ваагна (см. примеч. 176). Песня была записана армянским историком V в. Мовсесом Хоренаци и приведена в его «Истории Армении»;

В муках рождения находились Небо и Земля;  
В муках рождения лежало и пурпуровое Море;  
Море разрешилось красненьким Тростником;  
Из горлышка Тростника выходил дым;  
Из горлышка Тростника выходило пламя;  
Из пламени выбегал юноша.  
У него были огонь-волосы,  
Борода была из пламени,  
А очи — словно два солнышка.

(Перевод Н. Эмина)

*Феникс* — см. примеч. 124—126.

175. *Немезида* (греч. миф.) — богиня возмездия. *Исида* — верховная богиня Древнего Египта, покровительница плодородия, материнства, почитавшаяся также в греко-римском мире. *Медуза Горгона* (греч. миф.) — чудовище женского пола. *Гера* (греч. миф.) — царица богов, сестра и жена Зевса, богиня плодородия, покровительница брака; ей посвящена птица павлин. *Аттика* — область Древней Греции; здесь были построены знаменитые храмы древности. *Стико* (греч. миф.) — река, окружающая подземное царство.

176. *Сказки о Ваагне и об Артавазде*. Имеются в виду народные эпические песни и предания, записанные Мовсесом Хоренаци (см.

также примеч. 174) в «Истории Армении» (кн. 1, гл. 31, кн. 2, гл. 68), *Ваагн* — древнеармянский языческий бог солнца, грома, силы и храбрости. *Артавазд* — см. примеч. 1—6. *Тонир* — см. примеч. 74.

177. *Евфрат* — см. примеч. 156. *Гайк* — см. примеч. 1—6. *Арам* — легендарный патриарх армян, по имени которого историки соседних народов называли страну Айастан Арменией. *Анания Ширакаци* — армянский философ, математик, космограф и географ середины VII в.

181. Стих. обращено к школьному товарищу и близкому другу *Варужана* в период пребывания поэта в Венеции Деренику Чизмечяну (1886—1962). *Алис* — историческое название реки Кызыл-Ирмак в Турции. *Встретишь селенье* и т. д. Поэт имеет в виду свою родную деревню Бргник, которая находится на берегу реки Алис близ города Сивас.

182. *Данте Алигьери* (1265—1321) — великий итальянский поэт, один из самых любимых Варужаном. *Дуряновы строфы*. *Дуран Петрос* — см. о нем биографическую справку, с. 116. *Астхик* (арм. миф.) — богиня любви и красоты, представление, о которой (рождение из пены морской у берегов Кипра и др.) сложилось под влиянием древнегреческого мифа об Афродите. *Фемида* (греч. миф.) — богиня права, законного порядка и предсказаний. *Вахх* (Дионис, греч., римск. миф.) — бог растительности, покровитель виноградарства и виноделия. *Эрот* (греч. миф.) — бог любви. *Гайк* — см. примеч. 1—6.

184. *Трдат* — см. примеч. 1—6. *Ерванд* (конц III — нач. II в. до н. э.) — последний армянский царь династии Ервандидов, построивший новую столицу Армении Ервандашат. *Ервас* — брат армянского царя Ерванда (68—88), верховный жрец культового города Багарана. *Масис* — см. примеч. 1—6. *Аршакиды* — династия армянских царей (вторая половина I в. до н. э. — 428). *Евфрат* — см. примеч. 156. *Ани* — столица Армении в X—XI вв. *Багратуни* — династия армянских царей (885—1045).

185. *Ваагн* — см. примеч. 176. *Тарон* — см. примеч. 171. *Ацеац* — ясеневый лес в *Литишате* (область Тарон), где находился храм Ваагна. *Тигран II Великий* (95—56 до н. э.) — царь Армении, присоединил к своему царству новые владения. Согласно армянским мифам, Ваагн похитил у ассирийского бога Бэла солому, но по дороге рассыпал, так появился белый пояс — *Млечный Путь*.

186. *Экбатанских дев*. *Экбатана* — один из богатейших древнеперсидских городов. *Медуза Горгона* — см. примеч. 175. *Астхик* — см. примеч. 182. *Ваагн* — см. примеч. 176. *Гефест* (греч. миф.) — бог огня и кузнечного ремесла. *Фемида* — см. примеч. 182. *Орихалк* — легендарный драгоценный металл древних греков. *Анаит* (арм. миф.) — богиня плодородия, деторождения. *Арамазд* (арм. миф.) — верховный бог, царь и отец богов, бог неба и земли.

187. *Постолы* — обувь из сырой кожи либо шкуры с шерстью. *Лаваш* — см. примеч. 74. *«Отче наш»* — по Евангелию, молитва, принятая из уст Иисуса Христа, знание которой считалось обязательным для каждого христианина. *Кошара* — загон для овец. *Кызылбаш* — турецкий солдат.

188. В основе поэмы лежит свидетельство армянского историка Закария Канакерци (Саркавага, 1627—1699). Закария сообщает, что шах Аббас во время своего нашествия «по своей похотливой привычке повелел, чтобы всех молодых женщин и девушек собрали в одном месте. . . Накрыли стол (и стали) есть, пить и танцевать. А сам он, поднявшись, подносил им в золотом кубке вино. . . И была среди собравшихся одна красивая девушка, которая не ела, не пила, не говорила и не поднимала глаз. . . Подошел к ней шах и, взяв за подбородок, сказал: «Девушка, почему не поднимаешь ты глаз». Тогда посмотрела девушка наверх, открыла уста свои и сказала: «О падишах, и ты посмотри наверх». Дважды сказала она эти слова. Шах запомнил слова девушки. И когда кончилось веселие его, . . . призвал к себе девушку, . . . поцеловал ее и говорит: «О дочь моя! Что означало то слово, что сказала ты мне в лицо?» Говорит девушка: «О шах, отец мой! Я твоя раба. Вот уже два года, как помолвлена я с одним юношей, и до сего дня, когда разорвалось покрывало лица моего, не видела я совсем лица мужчины, не говорила и из дому не выходила. Лучше бы мне провалиться сквозь землю, чем увидеть лицо мужчины!» Говорит шах: «Многие желали бы видеть лицо государя, но не могут. А ты видишь и еще рассуждаешь». Говорит девушка: «Ежели стыдно видеть лицо мужчины простолюдина, то насколько более стыдно увидеть лицо великого государя?» И тогда шах нарядил девушку и велел сыграть свадьбу. И пожаловал он ей царским указом тот город, чтобы оставался он на вечные времена на ее роду. И так оно и есть» (Закарий Канакерци, Хроника, М., 1969, с. 58—59). *Аббас I* — персидский шах (1587—1629), проводил завоевательную политику в отношении соседних стран. В 1603 г. совершил нашествие на Армению, в 1604 г. насильственно переселил население Восточной Армении в Иран. *Араз* (Аракс) — река, берущая начало в Армянском нагорье. *Тахмаз I* (1524—1576) — персидский шах. *Тевриз* (Тавриз) — город на северо-западе Ирана, в 1603 г. завоеван шахом Аббасом I. *Падишах* — титул монарха в Древнем Иране. *Хна* — растительная краска. *Гурия* — по мусульманскому верованию, небесная красавица, которая в потустороннем мире служит правверному. *Дамаск* — древний сирийский город, ныне столица Сирийской Арабской республики. *Нирвана* — в буддийской религии высшее состояние, конечная цель духовных стремлений человека. *Коран* — главная священная книга мусульман. *Фирдуси* (Фирдоуси, ок. 940—1020 или 1030) — персидско-таджикский поэт. *Исфахан* — город в центральной части Ирана, известен архитектурными памятниками, среди которых — знаменитая Соборная мечеть. *Меджнун* — герой популярной на Востоке арабской легенды о разлученных и страдающих любовниках.

#### ИЗ КНИГИ «ЯЗЫЧЕСКИЕ ПЕСНИ»

Книга «Языческие песни» состоит из двух разделов: «Языческие песни» и «Цветы Голгофы». Стих. № 189—199 и поэма «Наложница» (№ 200) — из первого раздела, остальные — из второго.

189. *Олимп* — священная гора древних греков в Северной Фессалии, считалась местопребыванием богов.

190. *Ванатур* (арм. миф.) — бог садоводства, гостеприимства, угощения. Эпиграф из исторического сочинения V в., автором кото-

рого традиционно считается Агатангелос (см.: История Армении, Тифлис, 1909, § 836, на др.-арм. яз.). Необходимо отметить, что в контексте памятника смысл приведенных в эпитафие слов меняется, однако даже и в широком контексте этот пассаж удовлетворительному истолкованию не поддается.

191. *Клеопатра* (69—30 до н. э.) — царица Египта, известная красотой и умом. *Тарсон* — древний город в Армянской Киликии, средневековом государстве на Юго-Западе Малой Азии. *Семирамида* — см. примеч. 102. *Антий Марк* (ок. 83—30 до н. э.) — римский политический деятель и полководец. Клеопатра пленила его своей красотой и достигла неограниченной власти над ним. Увлеченный царицей, Марк Антоний забыл свой долг, бросил на произвол судьбы войско и последовал за Клеопатрой в Египет.

192. *Ашуг* — на Востоке народный поэт, певец, музыкант.

193. Заглавие восходит к Евангелию от Луки (I, 28, 42), с этими словами обращаются к деве Марии, которой предстоит стать матерью Христа.

195. *Негова* (Яхве) — см. примеч. 171.

196. *Анаит* — см. примеч. 186. Капище Анаит находилось в поселке Ериза, в области Екеханц Высокой Армении. *Ваагн* — см. примеч. 176. *Вруйр* — сын армянского царя Арташеса II (88—129), поэт. *И стынет статуя в музее*. Голова статуи Анаит хранится в Британском музее (Лондон). *Вакханки* — в Древней Греции жрицы культа Вакха (см. примеч. 182). *Керсонес* (Херсонес) — историческая область на юго-западе Крымского полуострова.

197. *Сатурналии* — в Древнем Риме особые празднества в честь Сатурна — бога посевов, с именем которого связано представление о «Золотом веке». Во время сатурналий приостанавливались все общественные дела, повсюду царило необузданное веселье, рабы считались свободными и им прислуживали господа. *Лупанарий* — публичный дом. *Патриции* — привилегированный класс римского общества. *Эрос* (Эрот) — см. примеч. 182.

198. *Гусан* — армянский народный певец.

199. *Аполлон* (греч. миф.) — бог солнца и света, охраняющий людей, их стада, урожай, защитник путников и мореходов, покровитель искусств; развешает на колеснице, запряженной четверкой коней (квадрига). *Гера* — см. примеч. 175. *Уран* (греч. миф.) — древнейшее верховное божество, олицетворение неба. *Гермес* (греч. миф.) — бог скотоводства, покровитель пастухов, вестник богов, быстро передвигающийся в крылатых сандалиях. *Анаит* — см. примеч. 186. *Пан* (греч. миф.) — бог лесов и рош, сын Гермеса. *Фавн* (греч. миф.) — бог лесов и полей. *Нимфы* (греч. миф.) — божества, олицетворяющие силы и явления природы. *Наяды* (греч. миф.) — нимфы вод; связывались с пением, поэзией. *Нарцисс* (греч. миф.) — прекрасный юноша, который, увидев в реке свое отражение, влюбился в него и умер от любовной тоски. *Посейдон* (греч. миф.) — бог морей, ему посвящен дельфин. *Сирены* (греч. миф.) — хищные полу-

птицы-полуженщины, которые волшебным пением увлекали мореходов и делали их своей добычей. Сирены обитали в проливе между Италией и Сицилией. *Астхик* — см. примеч. 182. *Пенаты* (римск. миф.) — боги-хранители семьи и домашнего очага. *Эрос* (Эрот) — см. примеч. 182.

200. Сюжет поэмы взят из «Истории Армении» армянского историка V в. Мовсеса Хоренаци. Историк сообщает: «Трдат из рода Багратуни... был муж неустрашимый, сильный, но невзрачный и мал ростом; царь Тиран женил его на своей дочери Еранеак. Она возненавидела своего мужа Трдата, дулась на него, роптала непрерывно, сетуя на свою судьбу, что ей, красавице царского происхождения, пришлось жить с человеком безобразным и происхождения низкого. Разгневанный на это, Трдат прибил ее однажды жестоко, обрезал русые ее волосы, выщипал у нее кудри, приказал стащить и выбросить ее из комнаты; сам же, отложившись (от царя), отправился в неприступные страны Маров. Но, по прибытии в землю Сюникскую, получил известие о смерти Тирана и остановился там.

Раз Бакур родоначальник Сюникский пригласил его на вечерний стол. Трдат, разгоряченный вином, увидел женщину чрезвычайно красивую по имени Назеник, которая пела руками. Она пригласилась ему, и он говорит Бакуру: «Уступи мне эту наемницу», — тот отвечает: «Она моя наложница». Тогда Трдат, схватив эту женщину, привлек ее на свое седалище и, распаленный страстью, безумствовал, как необузданный юноша. Бакур, обуянный ревностью, вскочил, чтобы вырвать ее из его рук, но Трдат встал, схватил вазу с цветами, как оружие, и разогнал даже гостей, возлежащих на подушках... Таким образом, пришед к себе домой, он тотчас садится на коня вместе с наложницей и отправляется в Спер» («История Армении» Моисея Хоренского, перевод Н. Эмина, М., 1893, с. 110—111). События, описанные в поэме, относятся к 152 г. *Бакур* — владетель *Сюника* — провинции в исторической Великой Армении. *Тырдат* (Трдат) — князь из рода *Багратуни*, в 149 г. стал зятем царя Дирана (*Тирана*, 131—152). *Нахапет* (наапет) — родоначальник, патриарх. *Вакх* — см. примеч. 182. *Джорты* — вассалы. *Бдешхи* — военные наместники, управлявшие пограничными провинциями Армении. *Сенухи* — землевладельцы благородного происхождения. *Балийский*. *Балу* — историческая область Армении. *Аспет* — начальник конницы в Армении. *Ванатур* — см. примеч. 190. *Астхик* — см. примеч. 182. *Потир* — чаша. *Масис* — см. примеч. 1—6. *Аршака в пропасти трон*. Речь идет об армянской царской династии Аршакидов (вторая половина I в. до н. э. — 428). *Гусан* — см. примеч. 198. *Пандион* — музыкальный народный трехструнный инструмент. *Назеник* — по-армянски означает: «величественно выступающая». *Гремок* — бубен, погремушка. *Бамбиры* — то же, что и пандион. *Аполлон* — см. примеч. 199. *Кифара* — музыкальный инструмент древних греков, род лиры. *Астхик*, *Покинув Кипр*. См. примеч. 182. *Дионис* — см. примеч. 182. *Ваагн* — см. примеч. 176. *Ишхан* — князь. *Менада* — в Древней Греции жрица культа Диониса (Вакха). *Ристанье* — конское состязание. *Вишар* (арм. миф.) — дракон. *Ширак* — область в Айраратской провинции исторической Великой Армении. *Арей* (Арес, греч. миф.) — бог войны. *Стрекало* — колющий предмет. *Тул* — колчан. *Тан* — прохладительный напиток из кислого молока. *Дицануйш* — лесная шамфа. *Арамазд* — см. примеч. 186.

201. *Ригведа* («Книга гимнов») — первый литературный памятник индийской литературы, собрание религиозных гимнов. *Хлестало лавою из ребер Иисуса*. По евангельской легенде, римский воин пронзил ребра Иисусу Христу, еще не снятому с креста, и «тотчас истекла кровь и вода» (Иоанн, XXV, 34). *Агни* — бог огня в религии древних индийцев, противник духов тьмы.

205. *Навой* — вал в ткацком станке, на который навивают основу.

206. *Геенна* — в мифологии позднего иудаизма, христианства, ислама одно из обозначений ада. *Золотой Телец* — выражение из Библии, где рассказывается о статуе из золота, которой поклонялись как богу (Исход, 32). Употребляется в значении: золото, богатство, власть золота, денег. *Сфинкс* — в Древнем Египте статуя, изображающая фантастическое животное с львиным туловищем и головой человека; ставились вдоль дорог к храмам и пирамидам. *Ильдиз* — резиденция турецких султанов в Константинополе. *Ватикан* — см. примеч. 29.

208. *Наяды* — см. примеч. 199. *Астхик* — см. примеч. 182.

209. *Ованес Палян* — благотворитель, оказавший Варужану материальную помощь для издания сборника «Языческие песни». Жил в Ростове-на-Дону, писал стихи, переводил западноевропейских и русских поэтов. *Дионис* — см. примеч. 182. *Мессалина* (I в. н. э.) — жена римского императора Клавдия, была известна своим распутством, властолюбием и жестокостью. Имя Мессалины сделалось нарицательным. *Помпея* — город в Южной Италии, у подножия вулкана Везувий; разрушен в результате извержения вулкана в августе 79 г., все его жители погибли.

#### КНИГА «ПЕСНЬ ХЛЕБА»

210. *Чапиги* — поручни плуга.

214. *Чапиги* — см. примеч. 210. *Стрекало* — см. примеч. 200.

224. *Хна* — см. примеч. 188.

226. *Ятрышник* — трава.

228. *Хна* — см. примеч. 188. *Пан* — см. примеч. 199.

229. *Наяды* — см. примеч. 199.

236. *Сирены* — см. примеч. 199.

#### ИЗ ДРУГИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

240. *Огненный дождь из свинца льется с иранских небес*. Намек на события антифеодальной и антиимпериалистической революции 1905—1911 гг. в Иране. *Исфахан* — см. примеч. 188. В январе 1909 г. власть в городе захватили сторонники конституции. *Дом Сасанидов* — иранская шахская династия. *Энджомен* — орган городского или областного самоуправления в Иране; первый энджомен возник

в Тебризе во время революции 1905—1911 гг. *Шахский ломается меч*. Речь идет о низложении шаха Мохаммеда-Али в июле 1909 г. *Сатрап* — шахский наместник в провинции. *Звездглазый боец*. Речь идет о видном деятеле Иранской революции, командующем вооруженными силами Временного иранского правительства Ефреме хан Давтяне (1868—1911). *Дариев древний престол...* Дарии — в Древней Персии цари из династии Ахеменидов. *Израэл Ори* (1658—1711) — один из организаторов освободительного движения армянского народа против иранского и турецкого ига, сторонник русской ориентации. *Пробудился монгол*. Речь идет о национально-освободительном движении в Монголии под влиянием русской революции 1905—1907 гг. *Закипает Стамбул яростным заревом толп*. Речь идет о младотурецкой буржуазной революции 1908 г. *Гог и Магог*. По Библии, Гог — легендарный свирепый царь. Магог — его царство (Иезекииль, 38—39, Апокалипсис, 20, 7). Эти имена употребляются, когда речь идет о чем-нибудь страшном, разрушительном. *Трубный архангельский глас*. Имеется в виду христианская легенда о конце света и Страшном суде, о которых возвестит людям труба архангела. *И по России идет гулкий грохочущий зов*. Речь идет о революции 1905—1907 гг. *Гуардия Франсиско Ферер* (1859—1909) — испанский республиканец, во время восстания в Барселоне был арестован и расстрелян. Его казнь вызвала мощный протест во многих странах. *За Пиренейской стеной выплеснул лаву вулкан*. Подразумевается революционное выступление трудящихся Испании в 1909 г., а также португальская буржуазная революция 1910 г., в результате которой была свергнута монархия и установлена республика. *На Гваделупе пожар!* Гваделупа — остров в Вест-Индии, в начале XX в. на Гваделупе вспыхнули революционные бои. *Андалусия* — область на юге Испании. *Сократ* — см. примеч. 100. *Папа напрасно трясет ржавым Петровым ключом*. Апостол Петр, державший ключи от рая, считается основателем и покровителем католической церкви, глава которой, папа римский, является наместником апостола Петра на земле. *Содом*. В библейском мифе повествуется о городах Содоме и Гоморре в Древней Палестине, которые за грехи их жителей были разрушены огненным дождем и землетрясением (Бытие, XIX, 24—25). Выражение употребляется для обозначения разврата, крайнего беспорядка. *Савонарола* Джироламо (1452—1498) — флорентийский религиозно-политический деятель, выступал против тирании Медичи, власти пап, за восстановление республики, проповедовал аскетические идеалы. *Бруно* Джордано (1548—1600) — итальянский мыслитель, борец против схоластики и католической церкви, погиб на костре инквизиции. *Буллы* — грамоты, изготавливаемые по приказанию папы и рассылаемые от его имени. *Кальвин* Жан (1509—1564) — деятель эпохи Реформации, основатель протестантского вероучения, проповедовал религиозную нетерпимость. *Абдул-Гамид II* (1842—1918) — турецкий султан, низложен в 1909 г.

241. *Навасард* — по армянскому дохристианскому календарю первый месяц года, соответствует августу современного летосчисления. Новогодние празднества также назывались Навасард и отмчались 1-го числа того же месяца (11 августа по нынешнему календарю). *Гайк* — см. примеч. 1—6. *Анаит* — см. примеч. 186.

242. *Астхик* — см. примеч. 182.

244. «Ад». Имеется в виду «Божественная комедия» Данте (см. примеч. 182), одна из частей этого произведения называется «Ад». Франческа да Римини — итальянская женщина, трагическую историю которой рассказывает Данте в «Божественной комедии» (Ад, V).

## РУБЕН СЕВАК

247—251. 3. *Трубадуры* — средневековые провансальские (Южная Франция) певцы-поэты. *Ной* — см. примеч. 1—6. *Огненная Земля* — архипелаг в южной оконечности Южной Америки. *Пилигрим* — путник, странник, паломник. *Рамик* — крестьянин-бедняк. *Гохтанские певцы* — исполнители языческих песен в древней армянской области Гохти (историческая Великая Армения, на левом берегу реки Аракс).

### ИЗ СБОРНИКА «КРАСНАЯ КНИГА»

252. Поэма написана под непосредственным впечатлением от резни 1—4 и 12—14 апреля 1909 г., организованной турецкими властями в Аданском и Алеппском вилайетах Турции, когда было убито 30 тысяч армян. *Чтоб в семи городах за семь дней* и т. д. У многих народов числу 7 приписывались некоторые свойства, придающие ему особую важность (семь дней творения и т. п.). *Аркадия* — область в центральной части Греции, население которой в древности пользовалось репутацией гостеприимного и благочестивого народа. В литературе Аркадию изображали страной, где царит патриархальная простота нравов.

253. *Лукреций* (I в. до н. э.) — римский поэт и философ. *Эпикур* (342 или 341—271 или 270 до н. э.) — древнегреческий философ. *Вольтер* (1694—1778) — передовой французский мыслитель, историк, писатель. *Гораций* (65—8 до н. э.) — римский поэт. *Зенон* (ок. 336—264 до н. э.) — древнегреческий философ. *Колонны Карнака* — комплекс храмов, главное святилище египетских фараонов в период Нового царства (XVI—XI вв. до н. э.). *Огнепоклонники* — сторонники древнеперсидской религии. *Пламя сивиллы*. Сивиллы — легендарные прорицательницы древности. Их предсказания были собраны в особые книги, которые, по преданию, хранились в каменном ящике в храме Юпитера в Риме, где в 83 г. до н. э. погибли во время пожара. *Рождество* — христианский праздник в честь рождения Иисуса Христа, празднуется 25 декабря ст. ст. *Назаретяне* — жители Назарета, небольшого города в Палестине, где, по преданию, родился Иисус Христос. *Мария* — имя богородицы. По христианской легенде о непорочном зачатии, она была женой плотника по имени Иосиф. *Наполеон I* (1769—1821) — французский император и полководец. *Спартанский... закон* — древнегреческое государство Спарта (VIII—IV вв. до н. э.) отличалось суровой системой законов, допускавших физическое уничтожение ослабленных и больших младенцев. *Эдем* — см. примеч. 1—6. *Нирвана* — см. примеч. 188. *Босфор* — см. примеч. 50. *Соломон* — израильский царь (965—928 до н. э.). Библейское предание наделяет его необычайной мудростью. *Клеопатра* — см. примеч. 191. *Семирамида* — см. примеч. 102. *Антоний Марк* — см. примеч. 191. *Парфенон* — знаменитое архитектурное сооружение древности, храм богини Афины в Афинах. *О страшною аде Данте-старика* — см. при-

меч, 244. *Мильтон Джон* (1608—1674) — английский мыслитель и поэт, автор поэмы «Потерянный рай», в которой Сатана выступает как мятежник. *Еще подумал я о грозном Дне*. Имеется в виду день Страшного суда, когда, по христианским религиозным представлениям, восстанут мертвые и бог будет судить всех людей по их делам.

254—256. 2. Стих. является откликом на трагические события 1909 г. (см. примеч. 252). *Леман* — французское название Женевского озера. *Рона* — река в Швейцарии и Франции. *Евфрат* — см. примеч. 156. *Ван* — см. примеч. 20.

## МИСАК МЕЦАРЕНЦ

### ИЗ КНИГИ «РАДУГА»

269. *С бамбирной песней схожих*. Бамбир — см. примеч. 200.

282. Автор строк, взятых в качестве эпиграфа к данному стих., исследователями творчества Мецаренца не установлен. Предполагается, что поэт читал эти строки в одном из периодических изданий на французском языке.

291. *Пери* — в народных поверьях Востока добрый дух в образе красивой девушки, появляется лишь ночью.

292. *Уд* — музыкальный струнный инструмент. *Нимфа* — см. примеч. 199.

293. *Рехан, тимьян* — душистые травы.

### ИЗ КНИГИ «НОВЫЕ ПЕСНИ»

295. *Стоит Богоматерь под их влажно дышащей сенью*. Речь идет о храме Богоматери в родном селе поэта.

296. Эпиграф из гл. 60-й «Книги скорби» армянского поэта Григора Нарекаци (951—1003).

299. *Хна* — см. примеч. 188.

303. *Арташес Арутюнян* (1873—1915) — известный поэт и критик.

307. *Ваграм Татул* (1887—1943) — поэт, одноклассник Мецаренца по школе в Константинополе, его близкий друг.

### ИЗ ДРУГИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

310. *Петрос Дурян* — см. о нем биографическую справку, с. 116.

313. «*Отче наш*» — см. примеч. 187.

## МАТЕОС ЗАРИФЯН

### ИЗ КНИГИ «ПЕСНИ ПЕЧАЛИ И ПОКОЯ»

317. Л. Н. Толстой (1828—1910) был одним из самых любимых писателей Зарифяна.

### ИЗ КНИГИ «ПЕСНИ ЖИЗНИ И СМЕРТИ»

Книга «Песни жизни и смерти» состоит из нескольких разделов. Стих. 329—332 вошли в раздел «Темная дорога», стих. 334 — в раздел «Над землей», стих. 335—337 — в раздел «Маленькие песни». Вне разделов в названной книге помещено несколько стихотворений, одно из которых — № 338.

### ИЗ ДРУГИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

343. Одно из последних стих. Зарифяна имеет автобиографическую основу. Фредерик Шопен (1810—1849) был одним из самых любимых Зарифяном композиторов, к образу Шопена поэт обращался в ранние годы своего творчества. *Это мама.* Мать поэта, Рипсима, находилась рядом с больным сыном на острове Принкипо. *Душу почившего сына.* Единственный брат поэта Ваагн умер в возрасте двадцати лет. Свою первую книгу «Песни печали и покоя» Зарифян посвятил памяти брата.

## **К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ**

1. *Стр. 71.* Гевонд Алишан.
2. *Стр. 89.* Мкртич Пешикташлян.
3. *Стр. 119.* Петрос Дурян.
4. *Стр. 149.* Сипил.
5. *Стр. 171.* Рубен Ворберян.
6. *Стр. 183.* Ваан Текеян.
7. *Стр. 225.* Сиаманто.
8. *Стр. 277.* Даниэл Варужан.
9. *Стр. 415.* Рубен Севак.
10. *Стр. 467.* Мисак Мецаренц.
11. *Стр. 511.* Матеос Зарифян.

## СОДЕРЖАНИЕ <sup>1</sup>

Поэзия скорби и борьбы. *Вступительная статья Э. Джрбашяна* 7

### СТИХОТВОРЕНИЯ

#### ГЕВОНД АЛИШАН

|  |    |
|--|----|
| Биографическая справка . . . . .   | 67 |
| 1—6. Из цикла «Песни Наапета»  |    |
| * 1. Страна армян. (Отрывки). Перевод А. Щербакова . . .                     | 69 |
| 2. Раздан. Перевод С. Шервинского . . . . .                                  | 74 |
| 3. Из поэмы «Аварайрский соловей». Перевод Ю. Веселовского . . . . .         | 75 |
| * 4. Вершины Масиса. Перевод А. Щербакова . . . . .                          | 76 |
| * 5. Ашот Железный на озере Севан. Перевод А. Щербакова . . . . .            | 80 |
| * 6. Луна над армянскими могилами. (Отрывок). Перевод А. Щербакова . . . . . | 85 |

#### МКРТИЧ ПЕШИКТАШЛЯН

|   |    |
|---|----|
| Биографическая справка . . . . .                            | 86 |
| * 7. Песня отчизны. Перевод А. Налбандяна . . . . .         | 87 |
| ** 8. Мы — братья. (Песня). Перевод А. Налбандяна . . . . . | 87 |
| ** 9. Армянский храбрец. Перевод А. Налбандяна . . . . .    | 88 |
| ** 10. Смерть храбреца. Перевод А. Налбандяна . . . . .     | 91 |

---

<sup>1</sup> Знаком \* помечены стихотворения, переведенные на русский язык впервые; знаком \*\* — переведенные заново специально для данного сборника.

|        |  |     |
|--------|--|-----|
| * 11.  | Похороны храбреца. <i>Перевод А. Налбандяна</i>                            | 92  |
| ** 12. | Весна. <i>Перевод А. Налбандяна</i>  | 93  |
|        | 13. К зефиру Алемдага. <i>Перевод В. Брюсова</i>                           | 94  |
| * 14.  | Слезы девы. ( <i>Песня</i> ). <i>Перевод А. Налбандяна</i>                 | 95  |
| * 15.  | Возвращение. <i>Перевод А. Налбандяна</i>                                  | 96  |
| ** 16. | Легите, мои песни. <i>Перевод А. Налбандяна</i>                            | 98  |
| * 17.  | Марш. <i>Перевод А. Налбандяна</i>   | 99  |
| * 18.  | Прогулка у горы Великан. ( <i>Песня</i> ). <i>Перевод А. Налбандяна</i>    | 99  |
| * 19.  | Песня («Уйду бродить по склонам Алемдага...») <i>Перевод А. Налбандяна</i> | 102 |
| ** 20. | Старец из Вана. ( <i>Песня</i> ). <i>Перевод А. Налбандяна</i>             | 103 |
| * 21.  | Вам счастья не знать. <i>Перевод А. Налбандяна</i>                         | 104 |
| * 22.  | Песня («Вино в пирушке разудалой!...»). <i>Перевод А. Налбандяна</i>       | 105 |
| * 23.  | Лиры девы. <i>Перевод А. Налбандяна</i>                                    | 106 |
| * 24.  | Песня («Вспомни, дева, меня...»). <i>Перевод А. Налбандяна</i>             | 108 |
| * 25.  | Последний вздох. <i>Перевод А. Налбандяна</i>                              | 109 |
| * 26.  | Предсмертная песня. <i>Перевод А. Налбандяна</i>                           | 113 |

#### ПЕТРОС ДУРЯН

|                        |   |     |
|------------------------|---|-----|
| Биографическая справка | 116   |     |
| * 27.                  | «Еще весенняя пора...». <i>Перевод А. Щербакова</i>                         | 117 |
| * 28.                  | Если бы. <i>Перевод А. Щербакова</i>  | 117 |
| * 29.                  | Возлюбите друг друга. <i>Перевод А. Щербакова</i>                           | 118 |
| * 30.                  | К смерти стремлюсь. <i>Перевод А. Щербакова</i>                             | 121 |
| * 31.                  | Прощай. <i>Перевод А. Щербакова</i>   | 122 |
| * 32.                  | Покинутая девушка. <i>Перевод А. Щербакова</i>                              | 123 |
|                        | 33. Она. <i>Перевод К. Бальмонта</i>  | 124 |
| * 34.                  | Шепот. <i>Перевод А. Щербакова</i>  | 125 |
| * 35.                  | Любовь. <i>Перевод А. Щербакова</i>   | 126 |
| * 36.                  | Отказ. <i>Перевод А. Щербакова</i>  | 127 |
|                        | 37. Озеро. <i>Перевод А. Тер-Акопян</i>                                     | 129 |
| * 38.                  | Турчанка. <i>Перевод А. Щербакова</i>                                       | 130 |
| * 39.                  | С нею. <i>Перевод А. Щербакова</i>  | 131 |
|                        | 40. Ропоты. <i>Перевод В. Брюсова</i>                                       | 132 |
| * 41.                  | Раскаяние. ( <i>Через день</i> ). <i>Перевод А. Щербакова</i>               | 134 |
| * 42.                  | Боготворю ее. <i>Перевод А. Щербакова</i>                                   | 134 |
| * 43.                  | Девичьи перси-бутоны. <i>Перевод А. Щербакова</i>                           | 136 |
| * 44.                  | Черным-черное. <i>Перевод А. Щербакова</i>                                  | 136 |
| * 45.                  | Маю. <i>Перевод А. Щербакова</i>  | 138 |
| * 46.                  | Фиалка. <i>Перевод А. Щербакова</i>   | 138 |
|                        | 47. Мой покой. <i>Перевод А. Тер-Акопян</i>                                 | 139 |
|                        | 48. Истинное страданье. <i>Перевод В. Брюсова</i>                           | 139 |
|                        | 49. «Близ океана голубого...». <i>Перевод В. Брюсова</i>                    | 140 |
| * 50.                  | Стон на могиле горячо любимого Вардана Лутфяна. <i>Перевод А. Щербакова</i> | 141 |
|                        | 51. Моя смерть. <i>Перевод В. Брюсова</i>                                   | 142 |
| * 52.                  | Мне говорят. <i>Перевод А. Щербакова</i>                                    | 143 |
| * 53.                  | «В сумерках мгла пласт за пластом поползла...». <i>Перевод А. Щербакова</i> | 144 |

|                                  |     |
|----------------------------------|-----|
| Биографическая справка . . . . . | 146 |
|----------------------------------|-----|

**Из книги «Отблески»**

|  |     |
|--|-----|
| * 54. Луна. Перевод Н. Поляковой . . . . .               | 147 |
| * 55. Плющ. (Воспоминание детства). Перевод Н. Поляковой | 148 |
| 56. Туча. Перевод В. Брюсова . . . . .                   | 151 |
| 57. В монастыре. Перевод В. Брюсова . . . . .            | 151 |
| * 58. Бедная сумасшедшая. Перевод Н. Поляковой . . . . . | 152 |
| * 59. Укачивания. Перевод Н. Поляковой . . . . .         | 153 |
| * 60. Кружева. Перевод Н. Поляковой . . . . .            | 154 |
| * 61. Перед уходом. Перевод Н. Поляковой . . . . .       | 156 |
| 62. Ладан. Перевод К. Бальмонта . . . . .                | 157 |
| * 63. Почему? Перевод Н. Поляковой . . . . .             | 158 |

**Из других стихотворений**

Переводы Н. Поляковой

|                                 |     |
|---------------------------------|-----|
| * 64. Вопрос . . . . .          | 159 |
| * 65. Слезы . . . . .           | 160 |
| * 66. Зачем... Зачем? . . . . . | 160 |
| * 67. Говорить! . . . . .       | 161 |
| * 68. Родному языку . . . . .   | 162 |
| * 69. Не говорите! . . . . .    | 163 |
| * 70. Милая мечта . . . . .     | 164 |
| * 71. Сонет . . . . .           | 165 |
| * 72. Слово к богу . . . . .    | 166 |
| * 73. Забыть . . . . .          | 166 |

**РУБЕН ВОРБЕРЯН**

|                                  |     |
|----------------------------------|-----|
| Биографическая справка . . . . . | 168 |
|----------------------------------|-----|

**Из книги «Оазис»**

Переводы Н. Поляковой

|                                     |     |
|-------------------------------------|-----|
| * 74. Дорога моей деревни . . . . . | 169 |
| * 75. Мой домик . . . . .           | 170 |
| * 76. Адамово проклятие . . . . .   | 174 |
| * 77. Розовый куст . . . . .        | 176 |
| * 78. Иди! . . . . .                | 178 |

**ВААН ТЕКЕЯН**

|                                  |     |
|----------------------------------|-----|
| Биографическая справка . . . . . | 180 |
|----------------------------------|-----|

**Из книги «Заботы»**

|   |     |
|---|-----|
| 79. Падучие звезды. (Сонет). Перевод Ю. Балтрушайтиса | 181 |
| 80. Караван. Перевод Н. Тихонова . . . . .            | 181 |

### **Из книги «Чудесное воскресение»**

|  |     |
|--|-----|
| * 81. Лодка. Перевод С. Ботвинника . . . . .                   | 182 |
| * 82. Вновь память о тебе. Перевод Е. Солоновича . . . . .     | 185 |
| * 83. Дождь во дворе. Перевод Е. Солоновича . . . . .          | 185 |
| * 84. Возраст. Перевод Е. Солоновича . . . . .                 | 186 |
| 85. Ханум. Перевод Н. Тихонова . . . . .                       | 186 |
| 86. Декабрь. Перевод А. Тер-Акопян . . . . .                   | 187 |
| * 87. Я пел. Перевод Е. Солоновича . . . . .                   | 187 |
| * 88. Красавицы. Перевод С. Ботвинника . . . . .               | 188 |
| * 89. Твое имя. Перевод Е. Солоновича . . . . .                | 188 |
| 90. Улыбчивые очи. Перевод А. Тер-Акопян . . . . .             | 189 |
| * 91. Усталому путнику. Перевод Е. Солоновича . . . . .        | 189 |
| * 92. Обман. Перевод Е. Солоновича . . . . .                   | 190 |
| * 93. Не знаешь до сих пор. Перевод Е. Солоновича . . . . .    | 190 |
| * 94. И снова ты, любовь!.. Перевод Е. Солоновича . . . . .    | 191 |
| 95. Возвращение. Перевод А. Тер-Акопян . . . . .               | 191 |
| * 96. Горе. Перевод Е. Солоновича . . . . .                    | 192 |
| 97. Башня. Перевод А. Тер-Акопян . . . . .                     | 192 |
| 98. Тридцатилетие. Перевод А. Тер-Акопян . . . . .             | 193 |
| * 99. Равнодушная лира. Перевод Е. Солоновича . . . . .        | 194 |
| 100. Мне кажется, я жил давно. Перевод А. Тер-Акопян . . . . . | 195 |

### **Из книги «От полуночи до зари»**

|  |     |
|--|-----|
| * 101. Любил я... Перевод С. Ботвинника . . . . .      | 195 |
| * 102. Мечтой овладел. Перевод С. Ботвинника . . . . . | 196 |

### **Из книги «Любовь»**

|  |     |
|--|-----|
| * 103. Читателю. Перевод Е. Солоновича . . . . .         | 197 |
| * 104. Три зова. Перевод Е. Солоновича . . . . .         | 197 |
| * 105—107. Над сонатой Бетховена. Переводы Е. Солоновича |     |
| 1. Прощание . . . . .                                    | 198 |
| 2. Разлука . . . . .                                     | 199 |
| 3. Возвращение . . . . .                                 | 199 |
| * 108. Дальнее детство. Перевод Е. Солоновича . . . . .  | 200 |
| * 109. Этой ночью. Перевод Е. Солоновича . . . . .       | 200 |
| 110. Баланс. Перевод Н. Тихонова . . . . .               | 201 |
| * 111. В прошлую ночь. Перевод Е. Солоновича . . . . .   | 201 |
| 112. Египтянка. Перевод А. Тер-Акопян . . . . .          | 202 |
| * 113. Пятидесятилетье. Перевод Е. Солоновича . . . . .  | 202 |
| 114. Мачты. Перевод А. Тер-Акопян . . . . .              | 203 |

### **Из книги «Армянские моживы»**

Переводы Г. Кубатьяна

|  |     |
|--|-----|
| ** 115. Армении . . . . .                | 203 |
| ** 116. Песнь армянскому языку . . . . . | 204 |
| ** 117. Лампада Просветителя . . . . .   | 205 |
| * 118. В храме Звартноц . . . . .        | 205 |

|   |     |
|---|-----|
| * 119. Я не видел тебя . . . . .                            | 206 |
| * 120. Там нечто страшное. . . . .                          | 206 |
| * 121. Мы позабудем . . . . .                               | 207 |
| * 122. Дыхание Воскресенья . . . . .                        | 208 |
| * 123. Святое возмущенье . . . . .                          | 208 |
| * 124—126. Армении, которая есть                            |     |
| 1. «Прости, я враждовал до некоторых пор. . .»              | 211 |
| 2. «Вдали земля и на земле народ. . .»                      | 211 |
| 3. «Теперь там сын — его пора настала. . .»                 | 212 |
| * 127. Гордость («Если мы хотим иных судеб. . .») . . . . . | 212 |
| * 128. Язык, которым я писал . . . . .                      | 213 |

**Из книги «Песенник»**

|   |     |
|---|-----|
| 129. «Зима и злая стынь кругом. . .». Перевод А. Тер-Акопян | 213 |
|---|-----|

**Из других стихотворений**

|  |     |
|--|-----|
| * 130. Я верю в ту. . . Перевод Е. Солоновича . . . . .                                  | 214 |
| * 131. В беспросветной печали. Перевод Е. Солоновича . . . . .                           | 214 |
| * 132. Гордость («Ты, гордость, первой всегда. . .»). Перевод<br>С. Ботвинника . . . . . | 215 |
| 133. Память. Перевод А. Тер-Акопян . . . . .   | 215 |
| * 134. Зов любви. Перевод С. Ботвинника . . . . .  | 216 |
| * 135. Мечтал я долго. Перевод С. Ботвинника . . . . .                                   | 216 |
| * 136. Еще одна мечта. Перевод С. Ботвинника . . . . .                                   | 217 |
| * 137. Ужасная тайна есть. Перевод С. Ботвинника . . . . .                               | 217 |
| * 138. Надежды, большие надежды. Перевод С. Ботвинника . . . . .                         | 218 |
| * 139. Мое сердце. Перевод С. Ботвинника . . . . .                                       | 218 |
| * 140. Жить или мечтать? Перевод С. Ботвинника . . . . .                                 | 219 |
| * 141. Опять один. . . Перевод С. Ботвинника . . . . .                                   | 220 |
| * 142. Из тех. . . Перевод С. Ботвинника . . . . .                                       | 220 |
| * 143. Армения — России. Перевод Е. Солоновича . . . . .                                 | 221 |
| * 144. Поэт. Перевод Е. Солоновича . . . . .   | 221 |

**АТОМ ЯРДЖАНЯН (СИАМАНТО)**

|                                  |     |
|----------------------------------|-----|
| Биографическая справка . . . . . | 223 |
|----------------------------------|-----|

**Из книги «Сыны отечества»**

|  |     |
|--|-----|
| * 145. Голос Земли. Перевод А. Щербакова . . . . .             | 224 |
| * 146. Кавказ. Перевод А. Щербакова . . . . .                  | 229 |
| * 147. Обреченным на сиротство. Перевод А. Щербакова . . . . . | 231 |
| 148. Из глубин тюрем. Перевод А. Тер-Акопян . . . . .          | 234 |

**Из книги «Факелы агонии и надежды»**

|  |     |
|--|-----|
| * 149. Видение смерти. Перевод С. Ботвинника . . . . . | 237 |
| * 150. Вечер покоя. Перевод С. Ботвинника . . . . .    | 238 |
| * 151. Молитва. Перевод С. Ботвинника . . . . .        | 239 |
| * 152. Моя душа. Перевод С. Ботвинника . . . . .       | 239 |
| * 153. Ночь погрома. Перевод С. Ботвинника . . . . .   | 240 |
| * 154. Милосердие. Перевод С. Ботвинника . . . . .     | 241 |

|  |     |
|--|-----|
| * 155. Похороны. <i>Перевод С. Ботвинника</i> . . . . .                          | 242 |
| 156. Горсть пепла — родной дом. <i>Перевод С. Шервинского</i> . . . . .          | 243 |
| * 157. Вижу лишь кровь. . . <i>Перевод С. Ботвинника</i> . . . . .               | 244 |
| 158. Мои слезы. <i>Перевод С. Шервинского</i> . . . . .                          | 245 |
| 159. Родной источник. <i>Перевод С. Шервинского</i> . . . . .                    | 246 |
| * 160. Влажны еще доньне струны лиры. . . <i>Перевод С. Ботвинника</i> . . . . . | 247 |
| 161. Жажда. <i>Перевод А. Тер-Акопян</i> . . . . .                               | 248 |
| 162. Я с песней умереть хочу. <i>Перевод А. Тер-Акопян</i> . . . . .             | 249 |
| * 163. Идее. <i>Перевод С. Ботвинника</i> . . . . .                              | 250 |
| * 164. Во имя надежды. <i>Перевод С. Ботвинника</i> . . . . .                    | 251 |
| * 165. Песня рыцаря. <i>Перевод С. Ботвинника</i> . . . . .                      | 253 |
| 166—170. Из цикла «Зов родины»   |     |
| 1. Чайнная невестки. <i>Перевод А. Тер-Акопян</i> . . . . .                      | 259 |
| * 2. Сон матери. <i>Перевод С. Ботвинника</i> . . . . .                          | 261 |
| * 3. Любовь. <i>Перевод А. Щербакова</i> . . . . .                               | 262 |
| * 4. Мать — сыну. <i>Перевод С. Ботвинника</i> . . . . .                         | 263 |
| * 5. Мольба армянских полей. <i>Перевод А. Щербакова</i> . . . . .               | 264 |
| * 171. Святой Месроп. ( <i>Поэма</i> ). <i>Перевод С. Ботвинника</i> . . . . .   | 266 |

#### ДАНИЭЛ ВАРУЖАН

|                                  |     |
|----------------------------------|-----|
| Биографическая справка . . . . . | 274 |
|----------------------------------|-----|

#### *Из книги «Содрогания»*

|  |     |
|--|-----|
| * 172. Больной. <i>Перевод Е. Солоновича</i> . . . . .         | 275 |
| * 173. Рыбкам бассейна. <i>Перевод Е. Солоновича</i> . . . . . | 276 |

#### *Из книги «Сердце нации»*

|  |     |
|--|-----|
| 174. Ода. <i>Перевод О. Шестинского</i> . . . . .                        | 280 |
| * 175. Немезида. <i>Перевод А. Щербакова</i> . . . . .                   | 281 |
| * 176. Потухший очаг. <i>Перевод А. Щербакова</i> . . . . .              | 290 |
| * 177. Краснозем. <i>Перевод А. Щербакова</i> . . . . .                  | 294 |
| ** 178. Слова тоски. <i>Перевод А. Щербакова</i> . . . . .               | 295 |
| * 179. Старый журавль. <i>Перевод А. Щербакова</i> . . . . .             | 296 |
| * 180. Прачка. <i>Перевод А. Щербакова</i> . . . . .                     | 298 |
| * 181. Наказ. <i>Перевод А. Кушнера</i> . . . . .                        | 299 |
| * 182. В бой. <i>Перевод А. Щербакова</i> . . . . .                      | 300 |
| 183. Колыбель армян. <i>Перевод В. Брюсова</i> . . . . .                 | 302 |
| * 184. Родные горы. <i>Перевод А. Щербакова</i> . . . . .                | 303 |
| * 185. Ваагн. <i>Перевод Е. Солоновича</i> . . . . .                     | 305 |
| * 186. Победитель. <i>Перевод А. Щербакова</i> . . . . .                 | 308 |
| * 187. Пастух. ( <i>Поэма</i> ). <i>Перевод А. Щербакова</i> . . . . .   | 310 |
| * 188. Арменуи. ( <i>Поэма</i> ). <i>Перевод А. Тер-Акопян</i> . . . . . | 316 |

#### *Из книги «Языческие песни»*

|   |     |
|---|-----|
| 189. Изваянию красоты. <i>Перевод А. Тер-Акопян</i> . . . . . | 330 |
| * 190. Ванатур. <i>Перевод Е. Солоновича</i> . . . . .        | 330 |
| * 191. Клеопатра. <i>Перевод А. Кушнера</i> . . . . .         | 333 |
| 192. О, Талита. . . <i>Перевод А. Тер-Акопян</i> . . . . .    | 335 |

|        |   |     |
|--------|---|-----|
| * 193. | «Благословенна ты между женами...», Перевод Е. Солоновича | 336 |
| * 194. | Старая любовь. Перевод А. Тер-Акопян                      | 337 |
| 195.   | Первый грех. Перевод А. Ахматовой                         | 338 |
| * 196. | Анаит. Перевод А. Тер-Акопян                              | 340 |
| * 197. | Сатурналии. Перевод Е. Солоновича                         | 342 |
| 198.   | После нишества. Перевод А. Тер-Акопян                     | 344 |
| * 199. | Почившим богам. Перевод А. Тер-Акопян                     | 345 |
| 200.   | Наложница. (Поэма). Перевод С. Шервинского                | 347 |
| 201.   | Свет. Перевод А. Тер-Акопян                               | 361 |
| 202.   | Мерцающая лампада. Перевод О. Шестинского                 | 363 |
| * 203. | Работница. Перевод С. Ботвинника                          | 364 |
| * 204. | Умиравший рабочий. Перевод С. Ботвинника                  | 365 |
| * 205. | Машины. Перевод С. Ботвинника                             | 366 |
| 206.   | Перерыв. Перевод С. Шервинского                           | 369 |
| 207.   | Первое мая. Перевод О. Шестинского                        | 371 |
| * 208. | Чудотворный Родник. Перевод А. Кушнера                    | 37  |
| * 209. | Вот книга... Перевод А. Тер-Акопян                        | 37  |

### Книга «Песнь хлеба»

|        |   |     |
|--------|---|-----|
| * 210. | К Музе. Перевод А. Кушнера  | 378 |
| * 211. | Зов полей. Перевод А. Кушнера   | 379 |
| * 212. | Пахарн. Перевод А. Кушнера  | 379 |
| * 213. | Волы. Перевод А. Кушнера  | 380 |
| * 214. | Пахота. Перевод А. Кушнера  | 380 |
| * 215. | Сев. Перевод Е. Солоновича  | 381 |
| * 216. | Борона. Перевод А. Кушнера  | 382 |
| * 217. | Первые всходы. Перевод А. Кушнера                                     | 383 |
| * 218. | Весенний дождь. Перевод А. Кушнера                                    | 384 |
| * 219. | Море колосьев. Перевод Е. Солоновича                                  | 384 |
| * 220. | Маки. Перевод А. Кушнера  | 385 |
| * 221. | Полевой сторож. Перевод А. Кушнера                                    | 386 |
| * 222. | Спелая нива. Перевод А. Кушнера                                       | 387 |
| * 223. | Жатва. Перевод А. Кушнера   | 388 |
| * 224. | Сбор урожая. Перевод А. Кушнера                                       | 389 |
| * 225. | Возы. Перевод А. Кушнера  | 390 |
| 226.   | На пастбище. Перевод Т. Спендиаровой                                  | 391 |
| * 227. | Крест из колосьев. Перевод А. Кушнера                                 | 392 |
| * 228. | Тока. Перевод А. Кушнера  | 393 |
| * 229. | Ночь на токах. Перевод А. Кушнера                                     | 395 |
| * 230. | Песнь молотьбы. Перевод А. Кушнера                                    | 396 |
| * 231. | Полдень. Перевод Е. Солоновича  | 397 |
| * 232. | Водопой. Перевод Е. Солоновича  | 398 |
| * 233. | Веянье. Перевод А. Кушнера  | 399 |
| * 234. | Благословение («Горсть пшеницы в твои ладони...»). Перевод А. Кушнера | 400 |
| * 235. | Возвращение («Этим вечером к вам мы идем...»). Перевод А. Кушнера     | 402 |
| * 236. | Амбары. Перевод А. Кушнера  | 403 |
| * 237. | Риги. Перевод А. Кушнера  | 403 |
| * 238. | Мельница. Перевод Е. Солоновича                                       | 404 |
| * 239. | Благословение («С востока к нам...»). Перевод А. Кушнера              | 405 |

### Из других стихотворений

- \* 240. О, новый век! *Перевод А. Шербакова* . . . . . 406  
241. Навасард. *Перевод А. Тер-Акопян* . . . . . 409  
242. Астхик. *Перевод А. Тер-Акопян* . . . . . 410  
243. После купания. *Перевод А. Тер-Акопян* . . . . . 410  
\* 244. Зеленая веточка. *Перевод Е. Солоновича* . . . . . 411  
\* 245. Возвращение («Жилище на покинутой земле. . .»). *Перевод Е. Солоновича* . . . . . 411  
\* 246. Тополя. *Перевод Е. Солоновича* . . . . . 412

### РУБЕН СЕВАК

Биографическая справка . . . . . 413

247—251. Из цикла «Хаос»

- \* 1. Красное знамя. *Перевод О. Шестинского* . . . . . 414  
2. Было за полночь. *Перевод А. Тер-Акопян* . . . . . 418  
3. Трубадуры. *Перевод А. Готова* . . . . . 418  
\* 4. Подметальщик. *Перевод О. Шестинского* . . . . . 422  
5. Идти. *Перевод Г. Кубатьяна* . . . . . 425

### Из сборника «Красная книга»

252. Резня и безумный (*Сценический монолог*). *Перевод А. Тер-Акопян* . . . . . 426

\* 253. Песнь о человеке. (*Поэма*). *Перевод О. Шестинского* 436

254—256. Из цикла «Последние из армян»

1. Колокола. *Перевод П. Антокольского* . . . . . 451  
\* 2. О, моя родина. . . *Перевод Г. Кубатьяна* . . . . . 452  
\* 3. Армения. *Перевод Г. Кубатьяна* . . . . . 455

257—266. Из цикла «Книга любви». *Переводы Г. Кубатьяна*

- \* 1. Моя душа . . . . . 455  
\* 2. Печальный Дух (*Любовная песня*) . . . . . 456  
\* 3. Как ты благословен, ручей! . . . . . 457  
\* 4. Эдельвейсы . . . . . 458  
\* 5. Старинный мотив . . . . . 459  
\* 6. Всадник . . . . . 460  
\* 7. Приди! . . . . . 460  
\* 8. Отчего? . . . . . 461  
\* 9. Песня о Любви и Смерти . . . . . 462  
\* 10. Свирель . . . . . 463

### МИСАК МЕЦАРЕНЦ

Биографическая справка . . . . . 465

### Из книги «Радуга»

267. Ясная зимняя ночь. *Перевод А. Тер-Акопян* . . . . . 466  
268. Песнь любви («Ночь сладострастна, ночь моя сладка. . .»).  
*Перевод А. Тер-Акопян* . . . . . 469

|            |  |     |
|------------|--|-----|
| * 269.     | Искры. Перевод Н. Поляковой                      | 469 |
| 270.       | Трепет. Перевод А. Тер-Акопян                    | 470 |
| * 271.     | Ночная мелодия. Перевод С. Ботвинника            | 470 |
| * 272.     | Минуты мечтаний. Перевод С. Ботвинника           | 471 |
| 273.       | Под сенью акаций. Перевод А. Тер-Акопян          | 472 |
| 274.       | На рассвете. Перевод В. Брюсова                  | 473 |
| * 275.     | Мечтание у реки. Перевод С. Ботвинника           | 473 |
| * 276.     | Усталый вечер. Перевод Н. Поляковой              | 474 |
| * 277.     | Мечтательная безмятежность. Перевод Н. Поляковой | 474 |
| * 278.     | Песнь возвращения. Перевод Н. Поляковой          | 475 |
| * 279.     | Тревоги. Перевод Н. Поляковой                    | 475 |
| * 280.     | Приступы зноя. Перевод С. Ботвинника             | 476 |
| 281.       | Сонатина. Перевод А. Тер-Акопян                  | 477 |
| 282.       | Мгновения. Перевод А. Тер-Акопян                 | 478 |
| * 283.     | Песня рассвета. Перевод А. Кушнера               | 478 |
| 284.       | Сумерки. Перевод А. Тер-Акопян                   | 479 |
| 285.       | Лодки. Перевод А. Тер-Акопян                     | 48  |
| 286.       | Пчелы. Перевод А. Тер-Акопян                     | 48  |
| 287.       | Солнцу. Перевод О. Шестинского                   | 482 |
| * 288—290. | Под сенью ив. Переводы С. Ботвинника             |     |
| 1.         | «Я ваши слезы, ветви ив, так люблю...»           | 483 |
| 2.         | «Вы, ивы, слезы проливайте свои...»              | 484 |
| 3.         | «Щедите, ивы, день и ночь капли слез...»         | 484 |
| * 291.     | Ночь ясна. Перевод Н. Поляковой                  | 485 |
| * 292.     | Вечерние голоса. Перевод Н. Поляковой            | 486 |
| * 293.     | На утреннем солнце. Перевод Н. Поляковой         | 487 |

### Из книги «Новые песни»

|         |   |     |
|---------|---|-----|
| * 294.  | От родника. Перевод Н. Поляковой                    | 488 |
| * 295.  | Полив. Перевод А. Кушнера                           | 489 |
| * 296.  | Богоматерь. Перевод Н. Поляковой                    | 490 |
| * 297.  | Снежное ликование. Перевод Н. Поляковой             | 491 |
| * 298.  | Безмянный цветок. Перевод Н. Поляковой              | 492 |
| ** 299. | Рассветное. Перевод А. Кушнера                      | 492 |
| * 300.  | Вечер. Перевод Н. Поляковой                         | 493 |
| * 301.  | Ветер («Мне быть бы ветром вдалеке от берегов...»). |     |
|         | Перевод С. Ботвинника                               | 494 |
| * 302.  | Хижина. Перевод Н. Поляковой                        | 494 |
| * 303.  | Желанье. Перевод С. Ботвинника                      | 495 |
| * 304.  | Ветер («В мое окошко мимо проходивший...»). Перевод |     |
|         | С. Ботвинника                                       | 497 |
| * 305.  | Листья говорили. Перевод Н. Поляковой               | 498 |
| * 306.  | Вечернее желание. Перевод Н. Поляковой              | 499 |
| * 307.  | Мой вечер. Перевод Н. Поляковой                     | 499 |
| * 308.  | Луне-сестричке. Перевод А. Кушнера                  | 500 |
| 309.    | В каком опьяненье... Перевод М. Зенкевича           | 502 |

### Из других стихотворений

|        |                                    |     |
|--------|------------------------------------|-----|
| * 310. | Петрос Дурян. Перевод Н. Поляковой | 503 |
| * 311. | Утро. Перевод Н. Поляковой         | 504 |
| * 312. | Письмецо. Перевод А. Кушнера       | 504 |

313. Дай мне, господь. (*«Отче наш» современного человека*).  
Перевод О. Шестинского . . . . . 505
- \* 314. Песнь любви (*«Подснежник солнечный, по снегу ты идешь...»*). Перевод Н. Поляковой . . . . . 506
- \* 315. Песнь любви (*«Когда я мимо прохожу...»*). Перевод Н. Поляковой . . . . . 507

**МАТЕОС ЗАРИФЯН**

- Биографическая справка . . . . . 508

*Переводы Г. Кубатьяна*

*Из книги «Песни печали и покоя»*

- \* 316. Новая лачуга . . . . . 509
- \* 317. Поцелуй . . . . . 509
318. Сон пропойцы . . . . . 510
319. Ах, как рано . . . . . 513
- \* 320. Насмешка . . . . . 513
321. Смех . . . . . 514
- \* 322. Сострадание . . . . . 514
- \* 323. Но ведь я говорил . . . . . 515
- \* 324. Осенний вечер . . . . . 516
- \* 325. На холме . . . . . 516
- \* 326. Любовь . . . . . 517
- \* 327. Закат . . . . . 517
- \* 328. Решение . . . . . 518

*Из книги «Песни жизни и смерти»*

- \* 329. В минуту тоски . . . . . 518
- \* 330. Юной прелестной девушке . . . . . 519
- \* 331. Заблуждение . . . . . 519
- \* 332. Снежная ночь . . . . . 520
- \* 333. Моя душа . . . . . 520
- \* 334. Ели . . . . . 520
- \* 335. Любовь и душа . . . . . 521
- \* 336. Осенняя ночь . . . . . 521
- \* 337. Опасение . . . . . 522
- \* 338. Ветка мимозы . . . . . 522

*Из других стихотворений*

- \* 339. Попойка . . . . . 523
- \* 340. Умирующие девушки . . . . . 524
- \* 341. Горы моей мечты . . . . . 525
- \* 342. Усталость . . . . . 526
- \* 343. Шопен . . . . . 526

- Примечания . . . . . 529

- К иллюстрациям . . . . . 549

## АРМЯНСКИЕ ПОЭТЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1983, 560 стр. План выпуска 1983 г. № 401

Редактор *Л. С. Гейро*  
Худож. редактор *А. С. Орлов*  
Техн. редакторы *В. Г. Комм* и *С. Л. Шереметьева*  
Корректор *Е. Я. Лапинь*

ИБ № 3488

Сдано в набор 14.07.83. Подписано к печати 16.11.83. М 35179. Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>.  
Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 29,40.  
Уч.-изд. л. 28,06. Тираж 25 000 экз. Заказ № 1434. Цена 2 р. 50 к. Издательство  
«Советский писатель». Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Невский  
пр., 28. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5  
Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам изда-  
тельств, полиграфии и книжной торговли, 190000, Ленинград, центр,  
Красная ул., 1/3

